

Сильвия Лайм

Мертвая академия.
Печать крови

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Мне всегда говорили, что некромантия у меня в крови. Вот только я не знала, что стоит воспринимать это буквально.

Сегодня мне повезло, и я стала студенткой самой престижной академии империи. Но вместе с удачей в мою жизнь вошли и неприятности. Древнее проклятие, смерти студентов и темная богиня, которая почему-то жаждет именно моей крови. Но худшее из всего этого — высший некромант, ректор академии, который знает обо мне гораздо больше, чем говорит. Мне бы бежать от него, да сердцу не прикажешь.

- [Сильвия Лайм](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Сильвия Лайм
МЕРТВАЯ АКАДЕМИЯ. ПЕЧАТЬ КРОВИ

Глава 1

ЗДРАВСТВУЙ, СМЕРТЬ!

До чего же мне было страшно! Честное слово, я думала, что провалюсь сквозь землю еще на пороге этой огромной черной крепости. Но вот, ступенька за ступенькой, прошла на третий этаж главной башни и теперь стою перед мрачным кабинетом.

За дверью что-то гроыхает. Пахнет серой и тленом.

Я даже огляделась по сторонам, поморщившись. Уж очень было похоже на то, что где-то в углу забился и сдох от острой диареи какой-нибудь енот. Причем сдох уже давно.

Постучалась.

Черная дверь со скрипом открылась, но за ней никого не оказалось.

— Проходите! — услышала я из глубины задымленного помещения приятный мужской голос.

Низкий тембр, легкая хрипотца, уверенное мурлыканье на последних слогах.

Мурашки пробежали по спине.

Я уже успела представить красивого молодого мужчину около тридцати лет. Какого-нибудь бывшего военного, комиссованного после ранения в грудную клетку. Он мужественен и очарователен...

Но внутри комнаты оказалось так много дыма, что разглядеть красавца не удалось. Едкий запах проникал в легкие, заставляя кашлять. Глаза слезились.

Неужели это и есть кабинет ректора? Может, я что-то перепутала?

В надежде, что так и есть, заглянула за дверь и снова перечитала табличку: «Дэйн Люциан Кастро-Бриен. Ректор императорской академии некромантии и демонологии».

Нет, выходит, что не перепутала.

— Простите, может, мне потом заглянуть? — спросила я, вновь проходя внутрь и надрывно кашляя.

Вообще-то приходить потом в мои планы не входило. В столице империи я впервые, и идти мне тут совсем некуда. Но запах дохлого енота способен изгнать даже самого отца Тьмы, не к завтраку будь помянут.

— Нет-нет, проходите! — снова раздался приятный голос из глубины дыма. — Что там у вас?

От мягкого тембра потеплело в груди, и я невольно заулыбалась, неловко поправляя свое серенькое платье, на миг забывая даже о запахе.

И тут мое сердце едва не остановилось. Зубы сами собой застучали, кровь в жилах наверняка остыла. Как пить дать.

Из клубов хмари на меня медленно плыла сама Смерть. Причем я-то думала, что Смерть — женщина, а тут...

Бледный лик, длинные растрепанные волосы. Седые, как луна над кладбищем, и горящие призрачным светом глаза.

Он повернулся ко мне левой стороной лица, и я едва не умерла на месте, понимая, что передо мной, похоже, оживший труп. Вся кожа была серой, как гранит могильной плиты.

Я закричала. Сердце забилося с бешеной скоростью.

В стенах императорской академии живой труп! Причем явно высшей категории!

Но добрая герцогиня Ларан не зря рекомендовала меня к поступлению в это элитное место. Уж я-то кое-что умею. Потом еще спасибо мне скажете, что ректорский кабинет от нежити избавила...

В общем, в тот момент во мне говорил не только страх, но еще и чрезмерная самоуверенность, как стало ясно чуть позже.

Я привычно сложила руки в стандартный символ. Правая ладонь над распахнутой левой, пальцы выпрямлены. Из уст полились заученные слова древнего языка:

«Eghrit la riffa un sighny varrius nahishar!»

Представления не имею, что значит эта фраза, но в книге некроманта, который как-то был проездом в нашем селе, коротко значилось: «По-эшгенрейски — для изгнания».

С тех пор не единожды меня эта формула выручала. Раза два или три!

Короче, на последнем слове я смело сложила правую ладонь в кулак, активируя заклятие.

На бледном лице нежити появилось недоуменное выражение. А затем этот ужас повернулся ко мне второй половиной лица, совсем выходя из дыма, и мне совсем поплохело.

Высокий статный мужчина в модном приталенном плаще с широким ремнем резко хлопнул в ладоши. Окно на другом конце кабинета с громким треском распахнулось, и вся елотская хмарь, подхваченная вихрем, мгновенно улетучилась.

А передо мной остался стоять он.

— Я настоятельно попросил бы вас больше так не делать, — холодно произнес мужчина, поправляя идеально белые манжеты на рукавах. —

Если вы, конечно, собираетесь здесь учиться.

Хватило доли секунды, чтобы понять: передо мной — ректор императорской академии некромантии и демонологии. В простонародье — Мертвой академии.

О, святая добродетель, где были мои мозги, когда я решила, что он — зомби?!

— Вы ведь за этим пришли, верно? — продолжил мужчина, видя, что я не собираюсь отвечать.

А что тут скажешь? «Простите, вы так похожи на мертвеца»? Или, может: «Не обращайтесь внимания, я выпила за завтраком»?

Я нервно кусала губы, сминая тщательно отглаженный подол старого шерстяного платица.

Внезапно ректор сильнее сжал челюсти и отвернулся. А я, кажется, покраснела.

Да, не заладился первый день в академии...

Ну что я за курица такая? Вот если приглядеться, мужчина не то что не был похож на мертвяка, он был красив! Высокий, широкоплечий. Возраст на первый взгляд определить невозможно: где-то между тридцатью и сорока. Волосы теперь аккуратно легли на плечи, после чего ректор ловким движением убрал их в низкий хвост. Да, они почему-то полностью седые, но при солнечном свете и без серого дыма вокруг кажутся просто лунно-белыми. И нет в них этой привычной старческой синева, напротив, они даже слегка отливают закаленной сталью.

«С чего я решила, что передо мной зомби?» — думала я, восхищенно разглядывая мужчину.

— Я жду от вас какого-нибудь ответа, девушка, — между тем раздался его мягкий голос с ледяной ноткой.

А затем он вновь повернулся так, что стало видно лишь левую половину лица. И вот тогда я поняла, почему мне пришло в голову сравнить его с нежитью.

Часть кожи и впрямь была серой, будто каменной. Впрочем, сейчас это вовсе не пугало, просто вызывало некоторые вопросы... и стайку колючих мурашек на пояснице.

Ректор вновь посмотрел на меня, опустил глаза куда-то вниз и глубоко вздохнул, вдруг устало потеряв переносицу.

— А еще я был бы вам весьма благодарен, если бы вы перестали мять свое платье. Я уже почти вижу, где должны были бы кончаться ваши отсутствующие чулки.

Вот тут у меня, кажется, покраснели пятки.

Я резко отпустила подол и убрала влажные ладони за спину. Платье было безбожно изжевано, но гораздо меньше, чем мое доброе имя.

— Простите, — наконец смогла выговорить я, чувствуя, как в груди становится обжигающе жарко и горячая волна падает куда-то вниз.

Было стыдно, но еще что-то непонятное сдавило грудную клетку, мешая дышать нормально, заставляя кусать губы под вновь поднявшимся жестким взглядом серых глаз.

Пока остатки самообладания не покинули меня, я быстро достала из корсета сложенное трубочкой послание и положила на стол.

Хватит с меня слов. Надо было с самого начала прийти и просто положить бумагу. Молча. Ну и что, что в ректорском кабинете был труп и им же и пахло? Какое мне до этого дело?

Надо становиться умнее. Все-таки академия-то некромантская! Может, у них вообще тут так заведено?

Жар немного отступил. Но пока я доставала спрятанное между грудей послание, мужчина вновь отвернулся и недовольно выдохнул.

О, свет и тьма, опять что-то не так... У меня уже даже пятки красные, все, казалось бы, смущаться дальше некуда. Но внутри вновь будто что-то перевернулось, встав комом в горле.

Дэйн Люциан подобрал бумажку, бросил на меня странный взгляд и быстро проглядел текст.

— Лариана Ирис... — задумчиво произнес он мое имя, словно оно значило что-то важное. Или, не приведи светлая сила, пытался запомнить его?

Чуть дольше, чем все остальное, ректор изучал подпись и печать внизу. Потом спокойно отложил послание, неформально присев на край стола. Сложил руки на груди и внимательно посмотрел на меня. Молча.

Серые глаза прожигали насквозь, будто рассматривали изнутри каждый сантиметр души. Казалось, их владельцу были известны все тайны сумеречного мира, и теперь он видит что-то, что никогда не понять мне самой.

Я уже не знала, куда себя деть. Подол мять нельзя, рот тоже лучше не открывать, чтоб еще сильнее не опозориться.

От глубокого взгляда стало нестерпимо горячо. А ректор продолжал молчаливо смотреть, словно наслаждаясь моим почти осязаемым смущением. На миг мне даже показалось, что в выражении его глаз промелькнуло что-то насмешливое.

Пауза начала затягиваться, когда он вдруг сказал:

— Вас рекомендовала ее светлость герцогиня Ларан как подающую

надежды некромантку. И хоть вы не дворянской крови, стены нашей академии примут вас.

Я уже готова была обрадоваться и молить доброе Провидение, чтобы послало старой леди, обеспечившей мое будущее, долгие и счастливые годы жизни. Но чуть погодя он добавил, не глядя больше в свиток и демонстрируя, что запомнил мое имя:

— Будьте внимательней в следующий раз, магиана Ирис. Вторую попытку изгнать меня в сумеречный мир ректорское терпение может не выдержать.

Последняя фраза прозвучала как удар плетки по голой попе. По моей голой попе!

Я испуганно кивнула и как можно быстрее покинула мрачный кабинет, который теперь вовсе ничем не пах. Щеки горели, но на лице почему-то была улыбка. И как бы ни были холодны слова ректора Люциана, все равно в глубине его странно притягательных глаз мне чудился смех.

Глава 2

ЧАЙ, КОФЕ, ЛОЖКУ ЦИАНИДА?

Спускаясь по ступенькам академии, я все еще не верила своей удаче. Попасть в элитнейшее учебное заведение государства! В самое сердце Туманной империи! Здесь учатся темным искусствам только отпрыски богатых и влиятельных семей. И вот мне повезло оказаться среди них. А все благодаря этой святой женщине, герцогине Итарии Ларан Торре-Вальдо.

Еще буквально неделю назад я и помыслить не могла, что смогу выбраться из того болота, в котором проходила вся моя жизнь.

И болото это называлось Козьи Шишечки. Крохотная деревня в половине суток пути от столицы.

Я жила в семье местного травника. Уважаемого человека, знахаря и сельского колдуна по имени Киприан Ирис. Его семья не была мне родной. Я — подкидыш. Так что приемные родители и пять неродных сестер — все, что подарила мне судьба в качестве родственников.

Кто-то сказал бы, что мне грех жаловаться. У травника, в силу профессии, всегда было достаточно средств, чтобы прокормить себя, жену, пятерых детишек и несчастного найденыша.

Но на самом деле все получалось не совсем так. В семье я была чем-то вроде пятой лапы у пса. Жена Киприана вечно ходила недовольная от того, что в семье растет «лишний рот». Мне всегда приходилось упорно и старательно отрабатывать хлеб. Я пахала в поле, доила коров и чистила свинарник. Работа не самая легкая, но жаловаться было некому и некогда. Да я и не представляла другой жизни.

Сам Киприан был довольно добр, но ровно до того момента, как в семнадцатый день рождения проявился мой магический дар. Оказывается, Киприан с самого начала рассчитывал сделать из меня свою помощницу. Подмастерье. Ведь среди пяти его отпрысков так и не родился ни один колдун. А Киприан мечтал занять вторые руки в сельской лечебнице и получать еще больше денег.

Он считался неплохим магом. Конечно, без академического образования, без медицинской корочки. Но это не мешало ему, например, пару раз поведив рукой над чирием или какой-нибудь противной бородавкой, изничтожить и то и другое под корень.

В нашем селе Киприана за это любили и очень уважали. Несмотря на то что ни одну серьезную болезнь он так и не вылечил.

В общем, когда пришло время пробовать меня в деле, Киприан оказался сильно разочарован. У его приемной дочки не получалось не то что свести бородавку, даже удалить хилый прыщик. Годы мечтаний и надежд — коту под хвост. Мой магический дар работал совершенно в другую сторону.

Довольно скучный у меня получился день рождения. Помнится, Киприан пять часов кряду усиленно бился над вдалбливанием в мою голову лекарской науки, старательно перечисляя все то, что может выскочить у человека исключительно на пятке или заднице. Для меня же это оказалось не просто скучным, но и бесполезным.

Пока безудержным потоком лились все его псевдоакадемические речи, я успела подчинить себе разум соседской кошки и в шутку натравить ее на «родительницу». То-то было крику! Особенно когда оказалось, что киса уже неделю как сдохла и никакого разума у нее нет.

Словом, после этого приемная семья стала относиться ко мне еще хуже. Киприан больше не глядел в мою сторону, а его жена с возросшим удовольствием тренировала на мне голосовые связки.

Я же окончательно поняла, что в доме лекаря мне не место.

Но куда пойти нищей крестьянке, которая, кроме как доить коров да чистить свинарники, ничего не умеет? Конечно, некуда.

За тяжелой работой время летит быстро, и, хвала Провидению, однажды мне все же исполнилось восемнадцать. Возраст, когда молодым магам можно поступать в академию. К сожалению, мой день рождения приходится на конец месяца Огня. А значит, начало учебного года я уже пропустила.

Пришлось прождать еще почти год. Но уж когда наступил заветный день поступления, в Козьих Шишечках и след мой простыл! Вряд ли кто-то там станет грустить из-за этого. А уж я — точно не буду.

И вот, надев свое лучшее и единственное платье из овечьей шерсти, которое сама связала и к которому лично пришивала найденные в сундуке на чердаке старые шелковые цветочки, я отправилась в столицу империи — Ихордаррин. Город старинных замков, шикарных поместий и богатых колдунов.

Как быстро у меня стучало сердце! Как все мое существо радовалось появившейся наконец возможности стать свободной! В тот момент казалось, что меня сможет понять только выпущенная на волю птица, долгое время просидевшая в клетке.

В то счастливое утро девятнадцатого дня рождения я забралась в телегу с капустой, которую наш сосед вез продавать в соседнее село. Добродушный дедушка высадил меня недалеко от города, докуда мне предстояло дойти пешком. Ну, пять-десять километров для меня никогда не были проблемой. А когда вперед ведет мечта, за спиной вырастают крылья.

Впереди — Ихоррдарин! Впереди — академия магии!

В столице нашей империи главенство отдано темным наукам. Таким, как некромантия и демонология. Считается, что самый сильный маг может быть только некромантом. Не знаю, откуда это пошло. Но даже императорская семья учит своих отпрысков только сумеречным материям.

Я же хоть и проявила перед приемной матерью определенную склонность к некромантии, могла претендовать лишь на учебу совсем в другом месте — простеньком заведении под названием «Хищная академия магии жизни», или ХАМ. Здесь учили таким наукам, как подчинение зверья и диких тварей. Почти то же самое, что некромантия. Только приручать придется живых. А это нынче было совсем не модно. Поэтому ХАМ часто расшифровывали просто: «Худшая академия магии».

Туда-то я и собиралась поступать. Ведь для меня никакого значения не имел престиж вуза. Заведение предлагало собственное общежитие. А большего скромной крестьянке из деревни Козьи Шишечки и не требовалось.

Я весело поправила шелковые цветочки на воротнике своего парадного платья и уже собралась продолжить путь, как посреди дороги замерла карета. Красивая, с белыми вензелями на фоне благородного дерева.

Я застыла на месте, не приближаясь к таинственным господам, что решили ни с того ни с сего остановиться. Ведь вокруг не было ни придорожной таверны, ни даже скромного постоялого двора. До ближайшего села налево три версты пути! До города — еще дальше и в другую сторону.

В общем, я благоразумно решила переждать. Мало ли лихих людей в каретах разъезжают? А я тут одна, да еще и в таком красивом платье!

Вдруг шторы внутри дернулись, и раздался высокий женский вскрик.

Я усмехнулась. Видимо, моя первоначальная теория оказалась ошибочна. Постоялый двор этим уважаемым людям ни к чему. Ведь все срамные дела можно сделать прямо в карете.

Я осуждающе покачала головой, представляя, как какой-нибудь разодетый франт задирает юбки молоденькой баронессе. Да так, что только ленточки от чулок торчат.

Вот, а потом говорят, что это в деревне — гнездо разврата!

В следующее мгновение дверца кареты открылась, наружу выскочила красивая барышня примерно моего возраста с восхитительными золотисторжаными локонами.

Вопреки моим фантазиям, она что-то гневно бросила тому, кто остался внутри экипажа, затем освободила единственную запряженную лошадь, прыгнула в седло и ловко умчалась прочь.

Может, все не так плохо? Молоденькая баронесса оказалась высоких нравов?

Тем временем из-за шторок вновь раздался очень писклявый крик. Видимо, предугадывать события не мой конек. Похоже, внутри осталась еще одна девушка, а вовсе не похотливый франт. И сейчас с этой девушкой явно происходило что-то неладное!

Вокруг кареты внезапно задрожал воздух. От земли вверх стали подниматься горячие пары.

Я ринулась на помощь бедняжке, и, как оказалось, очень вовремя. Стекла экипажа треснули, и наружу из окна высунулся коричневый свиной хвост. Вместе с двумя нескромными половинками филейной части.

Это был огромный бес! Просто чудовищно огромный! Он совершенно не помещался внутри небольшого пространства. А ведь там была еще и девушка!

Пока чудище не раздавило бедняжку, надо было что-то делать. Моих познаний в темной магии было совершенно недостаточно для того, чтобы бороться с демонами. Но я скромно понадеялась, что того самого заклятия «для изгнания» мне хватит.

Тогда-то я и испробовала его силу в первый раз.

«Eghrit la riffa un sighny varrius nahishar!» — бросила я, едва выговаривая слова древнего языка, который был мне совершенно незнаком.

Но, к счастью, земля под каретой мигом треснула и разошлась, принимая в себя отродье сумеречного мира. И через мгновение все вернулось на свои места.

— Милая леди, с вами все в порядке? — поспешила я к девушке, открывая темную дверцу.

К моему изумлению, навстречу мне вылез очень злой и недовольный... парень.

— Какая я тебе леди?! Глаза разуй, деревенщина! — рявкнул он, стряхивая слизь с нового камзола цвета баклажана. Крупная нечисть, что так удачно изгналась моим заклятием, оставила на одежде этого грубияна весьма недвусмысленные следы.

Я прыснула со смеху, представляя, как огромная тварь слюнявит незадачливого дворянчика.

— Тебе смешно?! — округлил глаза парень, не веря своим ушам.

— Еще как, — ответила, уже в голос засмеявшись. Самоуверенность и заносчивость этого типа меня нисколько не пугали. И уж тем более не оскорбляли.

— Грязная крестьянская девка, — фыркнул он, отворачиваясь и продолжая безуспешно очищать свой костюм.

«Ну, крестьянская, — подумала я, в некотором недоумении оглядывая свое платье, — но почему грязная-то?»

Пожав плечами, ответила:

— В отличие от вас я очень даже чистая.

Парень недобро посмотрел на меня, продолжая свое занятие. А я пришла к однозначному выводу, что он явно плохо соображает.

— Может, вам помощь нужна? Все-таки встреча с демоном не каждый день происходит. Вы, наверно, испугались... — Я попробовала в очередной раз быть вежливой, но безрезультатно.

Парень снова недовольно фыркнул.

— Я, между прочим, магиан-демонолог. И помощь картофельного клубня мне совершенно ни к чему.

«При чем здесь картошка?» — не поняла я, опять решив, что у парня от стресса в голове помутилось. Но напрашиваться в помощники при этом точно не собиралась. Хочет и дальше в одиночестве очищаться от демонической слизи — на здоровье.

— Задницу еще не забудьте отряхнуть, — безразлично бросила напоследок. — А вообще в таком виде я бы на люди не показывалась, — снова прыснула со смеху и отвернулась, намереваясь продолжить свой путь.

Боковым зрением заметила, ошарашенный взгляд незнакомца, который тут же недоуменно спросил:

— Ты совсем, что ли, бесстрашная?

Пришлось остановиться и некоторое время помолчать, решая, стоит ли беречь самолюбие этого выскочки. В итоге пришла к выводу, что все же не стоит.

— У нас в деревне карликовые индюшки опаснее, чем демонолог, который не смог справиться с демоном, — ответила я, прямо глядя в пустоватые глаза этого дворянчика.

Он некоторое время глупо глядел на меня в ответ, потом слегка оскорбленно выпрямился, набрасывая на себя маску благородства.

Признаться, когда он перестал нелепо отряхивать свой безнадежно испорченный камзол, во всей фигуре проскользнула легкая тень дворянской горделивости.

— Хорошо бы наказать тебя за дерзость, но ты... помогла мне справиться с этой напастью, — ответил он важно, не обращая внимания на то, как я старательно сдерживаю смех. — Никто не может сказать, что Лараны не знают цену благодарности. Вот моя карточка.

Он протянул мне вынутый из кармана узкий прямоугольничек бумаги с гербом и вензелями. На нем было выдавлено имя его рода — Ларан Торре-Вальдо.

— Меня зовут Ивейн, — продолжал он, слегка задрав нос. — Я — единственный сын герцогини Итари Ларан Торре-Вальдо. Так что в нашем имении ты можешь рассчитывать... на награду.

Теперь настала моя очередь гордо фыркнуть. Не нужны мне подачки от такого индюка!

Но на всякий случай картонку я все же взяла...

С того самого момента моя жизнь круто перевернулась всего за какие-то сутки. Герцогиня Ларан оказалась добрейшей женщиной, которая как узнала о спасении собственного сына, готова была расцеловать меня в обе щеки. Я смущенно краснела и приняла ее высокородную признательность: личное письмо к лучшему и самому известному ректору во всем государстве.

— Милая, благодаря мне ты будешь учиться в сердце столицы! — щебетала женщина. — В Центральной императорской академии некромантии и демонологии!

Я слегка прищурилась, прокручивая в голове новую аббревиатуру. Получалось, что учебное заведение сокращенно именуется... ЦИАНИД?

— Маман, я говорил тебе, что слово «центральная» нынче не используется, — скривился Ивейн, стоявший тут же рядом.

— Прости, сынок. Я все время забываю! — ахнула та, поправляя свои сидящие локоны. — Так быстро летит время! Когда-то и я была выпускницей этого вуза.

— Маман, не думаю, что девушке это интересно, — холодно процедил Ивейн.

— Ах, ты никогда не умел говорить спасибо, — всплеснула руками она. — И вообще, если бы не эта милая особа, неизвестно, чем бы еще тебе грозила поездка с треклятой Нимаэль Моранен. Вот же нахалка! Я спасаю ее отца от долговой тюрьмы, а она вытворяет такое с моим единственным сыном! Вызвать демона прямо в карете!

Герцогиня, будто ослабев, упала в широкое кресло из такой дорогой ткани, что мне стало несколько стыдно за свое шерстяное платье. А ведь я им так гордилась!

Она обмахивалась широким веером из перьев, а ее мерзкий сыночек гневно поглядывал на меня из-под густых бровей.

А я все думала, это что же за девушка такая, которая на благородство щедрой госпожи ответила плевком в спину?

Покачала головой, совершенно не понимая людей. И уже через какой-нибудь час стояла у дурно пахнущего кабинета знаменитого ректора ЦИАНИДа.

«Провидение ко мне невероятно благосклонно, — думала я тогда. — Уже во второй раз».

Ведь в академию меня, несмотря ни на что, приняли.

И только чуть позже, уже в стенах студенческого общежития, когда я умудрилась попасть еще в парочку передряг, в голову начали приходить совсем другие мысли: «Может, все-таки это не Провидение, а рок? Злой рок?»

Глава 3

ОСТОРОЖНО: ЗЛОЙ ХОМЯК!

Но пока я была полностью удовлетворена собственной удачливостью. Ведь, во-первых, в императорской академии тоже было общежитие, несмотря на то что каждый богатенький магиан этого заведения наверняка имел достаточно средств, чтобы снять себе комнату или целый дом недалеко от альма-матер.

А во-вторых, я узнала от милостивой герцогини Ларан, что обучение в главном вузе государства стоило просто баснословно дорого! И все расходы на мое содержание эта святая женщина взяла на себя!

И как же тут не радоваться?

Окрыленная собственными успехами, не обращая внимания на досадные неудачи, я подходила к небольшому, но невероятно красивому зданию. Трехэтажное, оно было украшено лепниной и фигурками разных, довольно страшных существ. Широкая лестница из черного мрамора заканчивалась толстыми мрачными колоннами, украшающими вход.

Мне лично показалось, что именно вот так должна быть оформлена дверь, за которой живет отец Тьмы и все его сумеречные твари. Но чего тут удивляться? Ведь передо мной общежитие некромантов и демонологов.

Не сказать чтобы я была особенно пуглива. Или боялась до дрожи в коленях мертвецов и демонов, как слащавые розовые барышни. У нас в Козьих Шишечках тот, кто хоть один раз свинью прирезал, от нечисти уже не бежит. Чего стоит только одна поросычья туша на двести килограммов, что еще несколько секунд после отрубания головы способна скакать по свинарнику, разбрызгивая кровищу. Пока не угаснет мышечный рефлекс.

В общем, кузнец молота не боится. А я прекрасно понимаю, что оказаться здесь мне крайне повезло.

С такими мыслями я смело дернула дверь общежития, готовая ко всему. Но то, что произошло чуть позже, все-таки поразило меня до глубины души.

Огромный пустой зал с дорогими диванами был совершенно пуст. Сначала ничего особенного не бросилось в глаза, и я прошла дальше. Громадная люстра под потолком, собранная из костей самых разных форм и размеров, освещала помещение сумрачным светом двадцати свечей. Плитка из черного мрамора складывалась на полу в диковинный рисунок.

На нем были изображены кроваво-красные нити и огненные всполохи. Все вместе напоминало то ли ковер из пламени и человеческих сосудов, то ли какой-то цветок сумеречного мира.

Разглядывая эту красоту, я даже присела ненадолго на корточки.

Двери позади меня открылись, и мимо проскочила целующаяся парочка магиан. На вид — года на два старше меня. Они были невероятно богато одеты. Или раздеты. Не знаю. Но с пышногрудой брюнетки высокий растрепанный парень уже давно снял алый пиджачок и на ходу расшнуровывал корсет.

— Детка, я так тебя хочу, что у меня кровь закипает, — прошептал он, жадно прикусывая девушку за шею.

Она что-то ахнула в ответ и страстно поцеловала кавалера.

Я покраснела, но оторваться от зрелища не смогла. У нас в деревне за такое можно по щекам схлопотать. Или славно провести время в амбаре с сеном...

В любом случае я никогда не считала себя излишне скромной, но вот такие прилюдные сцены страсти мне все же наблюдать не приходилось.

У меня самой ухажеров отродясь не было. Пока всю работу по хозяйству да в поле выполнишь, уже не до обжиманий.

Девушка тем временем запустила руку в светлую, чуть волнистую мужскую шевелюру. У парня в ухе блеснула камнями золотая серьга.

Вообще я почему-то думала, что некроманты и демонологи должны быть поголовно мрачными, бледными и малопривлекательными. Но этот тип развеял мои фантазии. На нем идеально сидела шелковая рубашка фиалкового цвета, модный фасон подчеркивал широкую грудь и мощные плечи. Легкий загар вообще, на мой взгляд, больше приличествовал друиду, чем магиану сумеречных наук.

Проходя мимо, молодой человек неожиданно повернулся и посмотрел прямо на меня, в то время как красотка страстно прикусила его за губу. В зеленоватых мужских глазах зажегся озорной огонек. Заметив мое непрощенное любопытство, парень тут же подмигнул мне, одновременно отвечая на женский поцелуй.

Кажется, мое серое платье сейчас стало замечательно подходить к цвету лица. Пунцово-красному.

Я резко отвернулась, не зная, куда себя деть от стыда. Но, к счастью, парочка больше не обращала на меня никакого внимания, быстро прошмыгнув на лестницу.

А я прошла еще немного вперед, надеясь, что мои позорные приключения на этом и закончатся. Но, увы, этому не суждено было

сбыться.

В самом дальнем конце зала был расположен стол из красного лакированного дерева. Позади него в шкафчике из черного хрусталя висели странные блестящие побрякушки, напоминающие ювелирные украшения. Я даже была готова поспорить, что все они сделаны из чистейшего белого золота!

Но вот за самым столом никого не оказалось.

В это время двери в общежитие опять открылись. На этот раз не было целующихся парочек. Только две ослепительно красивые девушки в коротких платьях. Шелка, кружева, серебряная вышивка. Из-под нижней кромки юбки бесстыдно выглядывали чулки.

Обе магианы окинули меня презрительными взглядами.

— Это что за моль? — спросила та, что была ближе ко мне. Снежная блондинка с идеальными волнистыми локонами, скрепленными на затылке алмазной заколкой.

— Наверно, новая уборщица, — лениво бросила вторая и отвернулась.

— А нынче все новые уборщицы надевают на себя свои половые тряпки? — ядовито бросила блондинка, словно не замечая моего присутствия.

Вторая звонко засмеялась, еще раз лениво посмотрев на мое платье.

Сказать, что я почувствовала себя неловко, — ничего не сказать.

Потом они обе проплыли мимо.

Теперь я уже была не так горда своим внешним видом, как еще пару часов назад. Опустила голову вниз: схема, по которой было связано это платье, стала казаться немодной, петли — кривыми, а голубые цветочки на груди — пошлыми.

Нервно постучала по лакированному столу. И где, интересно, комендант общежития? Может, я что-то перепутала? Но, кажется, выделить мне комнату по приказу ректора должны были именно здесь.

Взгляд упал на табличку, что стояла в углу стола: «Осторожно, злой хомяк!»

Что это? Шутка?

Пожала плечами, в очередной раз осознав, что ничего не понимаю в жизни высшего общества.

Снова постучала по столу. В этот момент откуда ни возмись на блестящую поверхность прыгнула маленькая тень, что есть мочи метнулась ко мне и больно куснула за палец.

Я вскрикнула, отбрасывая от себя пушистый комок, который при ближайшем рассмотрении оказался очень грозным и боевым... хомяком.

Животное тут же убежало, скрывшись под столом.

Я снова посмотрела на табличку с предупреждением. А потом кинулась вслед за грызуном.

С другой стороны стола оказалось нагромождение бумаг, погрызенных маленькими зубами, рваные документы и хомяковые экскременты. Вот уж точно: такой хаос меньше всего ожидаешь встретить в стенах самого богатого вуза страны.

Я поискала глазами маленького беспредельщика. Он сидел поверх одной из куч мусора и деловито грыз что-то, держа в передних лапках. Такого забавного создания я давно не встречала.

— Эй, малыш, иди сюда, — позвала тихо, подбираясь поближе. — Я дам тебе вкусной морковки... Потом.

Уже тогда я решила: поймаю — будет мой. В доме Киприана мне никогда не разрешали заводить домашних животных. Не знаю почему. Может, из природной вредности.

Помню, была у меня как-то своя любимица среди куриц. Я звала ее Клушей. Она казалась умнее всех прочих своих «товарок», умела прыгать через палочку, всегда прибегала на мой зов.

Так моя приемная мать как узнала об этом, тут же заставила меня своими руками отрубить ей голову. Мол, эта курица уже слишком старая. Несется плохо, яиц мало.

В тот же вечер вся семья радостно ела суп из моей Клуши. Все, кроме меня. Я же еще долго ревела в сарае, не показываясь никому на глаза.

Говорят, невзгоды закаляют дух. Так я к этому и стала относиться. С тех пор меня мало чем можно расстроить. И мало чем можно запугать.

Хомяк в это время совершенно отказывался вылезать, и я решила применить силу, вовсе не боясь снова быть искусанной. Встала на колени, отодвинула раскиданные бумаги и поползла вперед.

В этот миг воздух вокруг завибрировал. Густой туман начал медленно окружать несчастное создание, а мои голые коленки, стоящие на мраморном полу, стало подозрительно покалывать.

Я опустила глаза и увидела, что, оказывается, под кипой бумаг была начертана самая настоящая пентаграмма! И мои ноги только что стерли один из ее лучей...

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: какое-то заклинание сейчас потеряет свою силу.

Я резко отшатнулась от густого тумана, который все сильнее приобретал черный цвет, и прямо на пятой точке стала отползать назад. Сердце бешено стучало.

И недаром. Из клубов ночного мрака на меня посмотрели злые, светящиеся сумеречной зеленью глаза. А потом дым и вовсе исчез, явив взору белое и страшное привидение.

О, светлые силы, неужели я нарушила защитное заклятие? И теперь мною как пить дать отобедает этот призрак!

А я еще и дня здесь поучиться не успела...

Нечистый дух навис надо мной, являя взору всего себя в деталях.

Это оказалась еще совсем не старая женщина, одетая в лохмотья бывшего некогда платья очень древнего фасона. У него был наглухо закрыт ворот, пышные рукава заканчивались кружевными манжетами, а на груди вместо выреза сияла довольно красивая вышивка. Вот только сейчас все это имело мрачный и замшелый вид.

Лицо призрака казалось бледным, а на левой щеке красовался след от глубокой раны. Словно кто-то рассек ей лицо кинжалом.

Липкие мурашки пробежали по спине. Повеяло могильным холодом.

Дух склонился надо мной, приближаясь. И когда я уже готова была попрощаться с жизнью, мертвый женский рот раскрылся.

— Документы на заселение, — раздался низкий страшный голос.

— Что, простите? — не поняла я сначала, находясь в абсолютном ступоре.

Неужели тех, у кого нет документов, этот призрак ест?

— Документы, магиана, ваши документы, — нервно потребовала женщина, отстраняясь и внезапно становясь вовсе не страшной.

Она отлетела немного назад и устало схватилась за лоб. Потерла виски, как будто они у нее страшно ноют. Потом потянулась, словно кот после спячки.

Я все еще сидела на полу и хлопала глазами.

— Магиана, вы заселяться будете? — снова спросила она и сделала вид, что опирается длинными пальцами о стол. Вот только кончики ногтей проходили сквозь столешницу и предательски торчали с другой стороны.

— Я?.. Б-буду, — невнятно пробурчала в ответ, медленно приходя в себя и поднимаясь на ноги. — А вы... комендант?

— Ну не хомяк же! — возмущенно всплеснула руками она, хватая табличку с дурацким предупреждением и разрывая ее на мелкие кусочки. — Кстати, где эта пушистая тварь? Придушу ее собственными руками.

Она наклонилась в поисках несчастного создания.

Хомяк притаился в углу под столом и, кажется, растерял половину своего боевого настроения.

— О, сумеречные земли! — ахнуло привидение, увидев, какой бардак творился на полу. — Кто бы уже нашел управу на этого наглеца!

На этот раз ее голос звучал действительно расстроено.

— Если вы не возражаете, зверек поживет со мной, — проговорила я уверенно, наклоняясь к животному, пока странная полупрозрачная комендантша и вправду не прибила малявку.

— Да при чем тут зверек? — пожаловалась дама. — Я о Леонаре Альвисе! Проклятом императорском сынке, который три дня назад поймал меня в эту пентаграмму, вселив в тело вонючего хомяка!

Ах, вот оно что произошло...

Я наконец смогла отловить пушистый комочек, ласково пряча в ладонях испуганное создание. На этот раз он не проявил и капли прежней агрессии.

— Так это вы в нем сидели? — удивилась я, поглаживая животное, но испытывая при этом странное ощущение. Словно легкий холодок скользил по пальцам...

— В нем, в нем, — кивнул призрак, скривив женские губы в презрительной гримасе. — Ты извини, что хомяк тебя укусил. Любое существо очень болезненно воспринимает подселение чужой души. А это блохастое недоразумение еще и сопротивляться пыталось. Буянило и заставляло меня грызть все подряд!

Женщина посмотрела на грудку испорченных бумаг и опять схватилась за голову.

— Я же это и за неделю не исправлю! Хорошо хоть грызун свое получил. И прекрати его гладить, он через пару дней все равно сдохнет!

— С чего вы взяли? — удивилась я, прижав малыша крепче и уже, кажется, полностью привыкнув, что разговариваю с высшей нежитью.

— С того, что мое «соседство» его почти убило, — ухмыльнулась комендантша. — Такая магия не проходит даром для живых существ.

Я еще раз погладила малыша, и впрямь сильно ощущая внутри трясущегося тельца присутствие чего-то мрачного. Но все же пока он был жив, и я не собиралась бросать бедолагу.

— Ладно, вот мои документы, — положила я листок с печатью ректора на стол.

Привидение бросило мимолетный взгляд сначала на гербовую бумагу, потом — на меня. На этот раз его глаза, давно ставшие спокойно-бледными, цепко пробежались по каждому сантиметру моего тела, словно давно неживая комендантша задумала что-то недоброе.

— Из крестьян? — спокойно уточнила она, и уголки ее губ едва

заметно приподнялись.

— Да, — ответила я уверенно и недовольно поджала губы.

Очередное напоминание об этом меня порядком взбесило.

— Гордая, — будто с удовольствием протянула она. — Что ж, у меня есть для вас комната, магиана Ирис.

Призрак протянул руку к шкафчику из черного хрусталя и достал оттуда одну из золотых побрякушек, оставив пустой гвоздик.

Где-то на краю сознания я отметила, что многие другие украшения висели по две штуки, но не успела сообразить, что это значит.

— Протяните руку, магиана, — мягко проговорила комендантша, на этот раз не переставая улыбаться.

Ощущение какого-то подвоха все усиливалось.

Я вытянула правую ладонь вперед, в левой держа жмущегося ко мне грызуна.

Привидение коснулось моего среднего пальца, обдав ледяным холодом и магией, которая, как ни странно, не вызывала во мне никакого протеста или отторжения. Хотя вокруг наших кистей тут же закрутился довольно пугающий мрак.

Через мгновение она отдернула ладонь, а на моем пальце осталось сверкать красивое золотое кольцо, похожее то ли на коготь, то ли на клык какого-то существа.

Я восторженно ахнула. Да на такое сокровище у нас в Козьих Шишечках можно целое хозяйство купить! С выводком кур, амбаром и свинарником!

— Это ваш ключ, магиана, — объяснило привидение с перманентной улыбкой. — Ваша комната на первом этаже под номером тринадцать. А мое имя — Аделия Ром. Я отныне — ваш комендант. Правила общежития расписаны в Своде. Вы найдете его у себя в столе. Приятного времяпрепровождения.

На этом наш диалог подошел к концу. Аделия, сложив руки в замок, проследила за тем, как я поднимаюсь по ступенькам и скрываюсь в ближайшем коридоре первого этажа, который, как оказалось, располагался выше огромного зала, который так поразил мое воображение.

А мне ужасно хотелось, чтобы день наконец закончился. Кажется, все эти сюрпризы исчерпали мой моральный и физический резерв окончательно.

Только вот у судьбы на меня сегодня были совсем другие планы...

Глава 4

ПРИНЦА-СОСЕДА ВСТРЕЧАТЬ БЕЗ КОРСЕТА

Комната номер тринадцать встретила меня шикарной лакированной дверью с золотой отделкой. В самом центре красовалась блестящая дорогим металлом морда какой-то твари. То ли собаки, то ли крысы... То ли дракона.

Я выдохнула. Замочной скважины нигде не было. Да и нормального ключа — тоже.

Я опустила взгляд на дорогое кольцо. Это вроде магический открыватель. Только как его приспособить?

Повертела руку в разные стороны, рассматривая великолепное изделие. Попробовала стянуть, но ничего не вышло. Кольцо сидело как влитое, обернувшись вокруг пальца и свесив острый конец будто змея. Змея или... чей-то язык.

Я вновь перевела взгляд на довольно непривлекательную морду посреди лакированного дерева и обнаружила, что языка-то у нее не было.

Обрадованная своей догадкой, сунула украшение в пасть зверю и даже почти захлопала в ладоши, чуть не выронив несчастного хомяка, когда тяжелая дверь начала открываться. Это было настоящее чудо!

Хотя что это я?

Гордо выпрямилась, воровато оглядевшись по сторонам: не стал ли кто свидетелем моего наивного детского восторга? Это ведь не чудо, а обыкновенная магия! Надо держать себя в руках, а то засмеют еще. Кто ж виноват, что я за всю жизнь видела только коров, овец да тощих куриц в загоне? Где уж тут к волшебству привыкнуть? Да и в Козьих Шишечках не было ни одного приличного колдуна, кроме Киприана.

Тьфу, нет. Приличного не было вообще ни одного.

Итак, я прошла внутрь, все сильнее и сильнее удивляясь.

Убранство помещения напоминало скорее хоромы герцогини Ларан, у которой мне недавно посчастливилось побывать, чем общежитие магиан.

В центре комнаты стояла кровать с балдахинном. Всего одна кровать! Стены были отделаны чем-то мягким вроде ткани с мелким ворсом темно-сиреневого цвета. Мебели здесь было чуть ли не больше, чем в доме моих приемных родителей. Стол, комод на резных ножках, огромное трюмо с

ящичками, громоздкий трехстворчатый шкаф и несколько стульев.

Я сразу поняла, что в этот шкаф вешать мне будет совершенно нечего. Зачем в комнате для одного человека аж четыре стула — тоже загадка. Зеркало с маленьким столиком меня просто заворожило. Я так и представила, как сижу напротив него и, словно светская дама, припудриваю щеки да крашу губы пастой с кармином. Только вот у меня ни денег на такие излишества нет, ни умения...

Я подошла к трюмо и взглянула на свое отражение. В обрамлении расписной посеребренной рамки на меня смотрела худая, невероятно худая девушка. Бледноватое лицо с легким румянцем, черные волосы, в неровном свете отливающие алым. Да уж, в некромантки я впишусь очень хорошо.

Большие холодно-синие глаза смотрели с легкой тоской. Они будто спрашивали: «А впишусь ли на самом деле?»

Поправила свое любимое серое платье, в котором сегодня вдруг стало невероятно тесно. Душно.

Я — простая крестьянка, которой посчастливилось попасть в лучшую академию империи. Но смогу ли я здесь удержаться? Смогу ли выжить, когда вокруг будут лишь надменные лица дворянской знати, глядящие на меня, как на кусок мусора?

Прислуга. Вот за кого меня приняли всего минут двадцать назад. Уборщица, надевшая половую тряпку вместо платья. И я даже не видела в этом оскорбления. Ведь простолюдинка вряд ли может рассчитывать на что-то большее.

Встряхнула головой, распушив волосы и откинув их по обеим сторонам лица. Стало немного легче.

Ничего, справлюсь. Если уж мне удалось выжить рядом с плюющей ядом приемной матерью и ее мужем, чей мир вертелся только вокруг бородавок, то уж академия с вздорными аристократическими детишками не станет чем-то из ряда вон.

Я улыбнулась. Оптимизм — это то, что отличает нас от мертвых. Оптимизм и бьющееся сердце в груди, способное ощущать боль, чувствовать радость и сгорать от любви.

В этот самый момент мои лирические размышления вдруг прервались чьим-то звонким смехом. Я нахмурилась, тут же оглянувшись по сторонам.

В комнате больше никого не было.

«Эй, погоди, малыш!..» — раздалось откуда-то приглушенно. И снова женский смех.

Я повертела головой, нервно поглаживая маленького хомяка, который так и сидел у меня на ладонях. Комната хоть была довольно большой, но

без труда просматривалась со всех сторон. Можно было поспорить, что, кроме меня и мохнатого чуда, здесь никого нет.

«Ах!.. Да!.. Еще немного...» — выдыхали страстным голосом, и я даже слегка покраснела.

— Прости, друг, тебе придется немного подождать, — бросила я животному, которому так и не успела придумать имя.

А затем выдвинула ящик под трюмо и сунула туда малыша. Потом осторожно задвинула обратно. Доступ воздуха там есть, а темнота... Пусть думает, что ночь.

Потом, чувствуя себя невероятно глупо, прокралась на цыпочках к огромному шкафу и осторожно открыла дверцу.

Нет, там тоже — пустота. Мне даже стало чуточку легче, хотя от мысли, что где-то рядом завелось еще одно, на этот раз крайне любвеобильное привидение, было ужасно не по себе.

«Еще, пожалуйста, быстрее!» — приглушенно пищало мое привидение.

И больше ничего не оставалось, как идти на неприличные звуки. Все-таки это моя комната или нет?

Шум раздавался откуда-то со стороны входа.

«Да, так хорошо!..»

Хриплый женский стон пробрал до самого позвоночника. Меня слегка бросило в жар. Теперь уже, крадись по коридору, я была не так уверена, что это призрак. Голос звучал вполне реально. И создавалось впечатление, что я делаю что-то предосудительное, подкрадываясь к...

Прямо на входе в комнату, оказывается, в небольшой нише была скрыта еще одна дверь. И как я не заметила ее раньше? Ума не приложу.

Сейчас она оказалась открыта наполовину, и моим глазам предстала картина двух целующихся магиан. Это был тот самый симпатичный парень, который подмигнул мне в холле общежития, и его девушка. Причем девушка была почти раздета.

Я стремительно покраснела, чувствуя страшную неловкость.

Парень сидел на кровати полубоком, опираясь спиной о резную стойку балдахина. А «дама» обхватила его бедрами, откинувшись назад в крепких объятиях. Кудрявые женские волосы растрепались по его коленям, девичья шея была эротично изогнута. А полные мужские губы обхватывали алую вишенку небольшой обнаженной груди.

Я прикусила губу, понимая, что не должна быть здесь. Но стоило сделать шаг назад, как моя спина врезалась в приоткрытую дверь, и та предательски скрипнула.

Я испуганно замерла, надеясь, что меня не заметили. И медленно повернула голову к целующейся паре. В тот же момент парень оторвался от своего занятия, из-под густых бровей взглянув на меня прямо в упор.

В полумраке комнаты дерзко сверкнули его зеленые глаза. Он почти прочертил на мне обжигающую полосу, таким тяжелым и цепким оказался взгляд.

Я шумно сглотнула, неосознанно отметив, как блестят влажные мужские губы.

Как медленно изгибаются в улыбке...

Сердце упало куда-то в желудок. Тут же я подскочила, метнувшись в свою комнату, будто за мной гналось страшное чудовище. Самое страшное чудовище сумеречного мира.

Быстро закрыла дверь и села на кровать, застеленную шикарным покрывалом.

«Дорогой, что это было?» — раздался приглушенный голос теперь уже вовсе не призрака.

«Милая, тебе показалось. Но я внезапно вспомнил, что у меня дела на сегодняшний вечер...»

«Правда? Но как же? Ты не говорил...»

«Не расстраивайся, детка. Не забывай, что сегодня — девятое число Огня. А значит, уже ночью мы встретимся на балу Примирения. И я еще успею приласкать твою сладкую кис...»

В этот момент я резко зажмурилась, одновременно что есть силы затыкая уши. Но, боюсь, и так уже услышала слишком много.

Через пару мгновений в щели между косяком и дверью мелькнул знакомый алый пиджачок. А я все продолжала зажимать уши. Хотя глаза все же предусмотрительно открывала.

И не зря. Почти сразу в мою комнату с шумом вошел тот самый парень.

Немного выющиеся русые волосы, сверкающие зеленью глаза, блестящая холодной изысканностью серьга в ухе.

Его полные, на вид такие мягкие губы приоткрылись, обнажая белоснежные зубы и беззвучно шевелясь.

Я, естественно, ничего не поняла, продолжая замороженно глядеть на него, так и не убрав руки от ушей.

Он усмехнулся. И в тот же миг пересек разделяющее нас пространство, резко закрыв собой все вокруг. Схватил меня за запястья, отдернув кисти от головы.

— Я спросил, какого труп ты подглядывала, куколка? — прозвучал

его голос, в котором, на мой взгляд, было слишком много властности и привычки приказывать.

«Я не... подглядывала», — хотела произнести я. Но не смогла. Потому что, по всему выходит, что это неправда.

Краска залила лицо с удвоенной силой. И парень самодовольно ухмыльнулся. От его присутствия почему-то становилось не по себе. Словно одним своим видом он умудрялся подчинять все вокруг. И вот сейчас пытался подчинить и меня.

— Не стоит прикидываться ветошью, киска, — развязно произнес он. А от этого его «киска» меня бросило в дрожь. Он же только что назвал так совсем неприличное место... — Ты же понимаешь, что я тебя видел.

Жар прилил к щекам, а в груди бешено застучало сердце.

— Хорошо, прости, — сказала я, нервно облизывая губы и пытаюсь найти слова. — Это случа...

— Ладно, скажи лучше, тебе понравилось? — перебил он мои сбивчивые извинения и вдруг наклонился слишком близко, опираясь одной рукой о стойку балдахина, а другую поставив на кровать. Прямо рядом с моим бедром.

В какие-то несколько секунд я оказалась словно в ловушке.

В висках отчаянно застучало. Так громко, так жарко... И кажется, я совершенно не поняла, что он спросил. Зато почувствовала тонкий, едва уловимый аромат духов, смешанный с жаром мужского тела.

Я еще ни разу не встречала мужчин, которые пользовались парфюмом. У нас в селе таких не было.

А еще через мгновение я поняла, что его рубашка распахнута, а струящийся шелк касается моих обнаженных ног.

Некогда любимое платье, уже успевшее за сегодняшний день многократно вызвать мое разочарование, сейчас показалось отвратительно коротким. И как я могла вообще его надеть?! Почему, почему оно совсем не прикрывает колени?!

От легкого прикосновения чужой ткани и горячего дыхания на своей щеке мне стало жарко. Душно.

Я приоткрыла рот, чтобы вдохнуть поглубже, и тут же уловила метнувшийся к моим губам взгляд.

— Так что, куколка, тебе понравилось? — повторил он шепотом, медленно склоняясь к моему уху, будто случайно коснувшись щекой моей кожи.

Мурашки пробежали по спине. А в следующий миг я ловко изогнулась и, стараясь не касаться разгоряченного парня, от которого так и веяло

желанием, прошмыгнула прямо у него под рукой.

— Тебе бы остыть немного, — бросила я, отбежав на приличное расстояние. — Или позвать обратно свою подружку. А то мне кажется, от гормонов твои мозги слегка затуманились.

Парень развернулся, удивленно приподнял бровь. А у меня появилось чувство, будто я сказала что-то не так.

— Да-да, я не шучу, — прибавила тут же, натягивая юбку пониже. — И было бы неплохо, если б ты уже свалил куда-нибудь из моей комнаты. Я, конечно, рада гостям. Но твое присутствие, оно, знаешь, напрягает слегка.

Я пыталась говорить твердо. Но странный ореол самоуверенности и властности, что окружал этого типа, продолжал смущать и заставлял меня краснеть. Будто это я нахожусь не в своей комнате, пристаю к нему и вообще веду себя непотребным образом.

Никогда еще не испытывала подобной ерунды.

Взгляд зеленых глаз потемнел.

— Куколка, это мои комнаты. Причем обе, — твердо бросил он, снова медленно приближаясь.

У меня душа ушла в пятки. Мы ведь здесь с ним совсем одни. И, несмотря на то что парень был очень красив, я совершенно не собиралась делать... все те вещи, что и та девушка!

— Не обе. Эта — моя, — ответила как можно тверже. И в доказательство подняла вверх правую кисть, на которой сверкало дорогое кольцо-язык.

Снова его взгляд опасно сверкнул из-под бровей.

— Комендант уже... в порядке? — прозвучал тогда неожиданный вопрос, который показался скорее риторическим.

Но я все же кивнула в ответ.

— В полном. Если можно так сказать о привидении, — буркнула и попятилась назад синхронно с его хищно приближающейся фигурой.

Парень усмехнулся.

— Да, каждая шутка рано или поздно заканчивается, — проговорил он задумчиво и вновь переключил все внимание на меня. — Значит, Аделия подселила ко мне девчонку, — продолжал он, будто смакуя слова. — Первокурсницу... — И закончил, будто припечатывая: — Из низкородных.

Никогда я не стыдилась своего деревенского происхождения. Но сейчас рядом с этим красивым парнем, пахнущим дорогими духами, в комнате, где покрывало на кровати стоило дороже всей моей одежды, я вдруг почувствовала себя... ничтожной. Чужой. Будто алая клякса на черно-белой шахматной доске. Словно грязное пятно крови на шелковом

платке.

— Если тебе не нравится такое соседство, можешь проваливать. Я не держу. — Вышло несколько злее, чем хотелось бы. И обиды в голосе было даже больше, чем я думала.

А парень молчал, высокомерно оглядывая меня с головы до ног. Все же задерживая взгляд на ногах, талии и груди, что мне совсем не понравилось.

— Брось, куколка, — вполне по-настоящему улыбнулся он через миг. — Я даже рад.

И снова сделал шаг. Между нами оставалось крохотное расстояние, а затем он резко вскинул руки, уперев их по обеим сторонам от моего лица.

Снова я была точно в ловушке.

— Ты очень красивая. — Его голос внезапно стал бархатным, тягучим.

Лицо оказалось на опасно близком расстоянии, и вдруг он потерял об меня носом.

Осторожно, нежно.

Я никогда не испытывала ничего подобного. Никто из мужчин не был со мной настолько близок. Наверно, поэтому в первое мгновение я не оттолкнула его, почувствовав лишь, что мне снова стало слишком жарко. От его слов, запаха, от обнаженных груди и живота с кубиками пресса, виднеющимися из-под распахнутой рубашки.

— И нам может быть очень славно с тобой вместе, куколка... — продолжал звучать у меня в ушах тихий настойчивый шепот.

— А лицо тебе вареньем не намазать и печеньками не обложить? — фыркнула я, пытаюсь оттолкнуть наглеца.

Уперлась руками в обнаженную грудь и вздрогнула, ощутив вдруг, какая она горячая. Слишком горячая для меня.

— Что ты сказала? Вареньем? — усмехнулся он, видимо впервые услышав что-то подобное. — Не возражаешь, если я попробую на вкус твой язычок? Очень хочу узнать, такой же ли он сладкий, как и слова.

И полные губы уже почти прижались к моим.

— Прекрати прижиматься! — бросила я и недолго думая обхватила его за шею, хорошенько приложив коленом между ног. — Я тебе не уличная девка...

Раздался приглушенный вскрик. А еще какое-то непонятное, но явно крайне неприличное ругательство. Зато самоуверенный нахал тут же отпустил меня. Еще бы, согнувшись пополам, ему явно было очень сложно продолжать свои поползновения.

Я усмехнулась, отходя подальше. И только потом мелькнула мысль, что, по всей видимости, сейчас поссорилась со своим соседом. Вряд ли это

было самое лучшее решение, но мне вовсе не улыбалось падать в объятия первого попавшегося...

— Ты понимаешь, что только что ударила наследника Туманной империи? — немного приглушенно спросил он, стараясь разогнуться и снова принять нормальную позу.

А у меня от этих слов сердце ухнуло куда-то вниз. Маленькие осколки мозаики мгновенно сошлись воедино. Слова комендантши об императорском сыне и его злой шутке... Чуть насмешливый взгляд призрака... Кольцо-ключ, чья пара уже отсутствовала...

Я и в самом деле только что ударила наследника престола!

И словно в подтверждение моих догадок парень усмехнулся. Судя по всему, мой взгляд сейчас был красноречивее слов.

К этому моменту принц уже полностью выпрямился, что несколько прибавило ему уважения в моих глазах. Все же удар был сильный. Крестьянские мальчишки от такого еще минут десять, охая, валялись бы на полу. А этот стоит... Голова гордо поднята, зубы плотно стиснуты. Только легкая бледность напоминает о том, что ему до сих пор больно.

— Мне все равно, будь ты хоть сам отец Тьмы, — фыркнула я, приходя в себя от потрясения. — Лапать будешь своих подружек. Я в их число входить не собираюсь.

Зеленые глаза вспыхнули от удивления. А под конец в них мелькнуло что-то совсем уж неожиданное. То ли ярость... то ли уважение?

— Либо ты и впрямь не знаешь, кто я, либо очень здорово играешь, — медленно произнес он. — Мое имя — Леонар Альвис Кастро-Келеронд. Я — единственный наследник правителя Туманной империи. В данный момент — магиан третьего курса факультета некромантии.

Он посмотрел на меня прямым и тяжелым взглядом, словно пытался пригвоздить к полу своим титулом. Нет уж, не на ту наварлся. По мне — что принц, что граф, что герцог. Одна и та же морковка.

Не поведя и бровью, я сделала шуточный реверанс. Шуточный, потому что мое платье было слишком коротким для придворных изысков. Да и реверансы мы делать необучены.

— А мое имя — Лариана Ирис. — Я жеманно склонила голову и присела, растянув юбку и тряхнув черным водопадом волос. От этого подол еще выше задрался, и взгляд Леонара снова скользнул к моим ногам. Вот же бабник! После такого удержаться от передразнивания было уже невозможно. — Я — единственная наследница унылого шерстяного платья, пары шелковых цветочков на воротнике и полудохлого хомяка!

С этими словами я склонилась еще ниже. А когда выпрямилась,

поняла, что на лице сияет такая наглая улыбка, что все нелепости прошедшего дня снова показались мне полнейшей ерундой.

И в этот момент я уже ожидала всего, чего угодно: гордости, высокомерия, ярости, злости. Всего того, что с детства крестьяне приучаются терпеть от «благородных» дворян. Но Леонар неожиданно усмехнулся. Бросил на меня странный взгляд и молча пошел в свою комнату, уже на пороге бросив:

— Похоже, я ошибся и в качестве соседа мне прислали парня в юбке.

Эту фразу вполне можно было бы счесть оскорблением, если бы губы наследника престола едва заметно не дрогнули в улыбке, и под конец он тихо произнес:

— Хоть в этот раз повезло.

Соседняя дверь хлопнула, а я поняла, что улыбаюсь.

Глава 5

НА НОВОМ МЕСТЕ РЕКТОР СНИСЬ НЕВЕСТЕ!

Пока я читала громоздкий Свод правил общежития, потихоньку привыкала к новому месту жительства и отчаянно искала место, где хомяку жилось бы удобнее, чем в ящике, незаметно подкралась ночь. За большим окном, створки которого достигали самого пола, потемнело, на небе возшла луна. Почти полный круг, яркий, завораживающий. Как глаза ректора Дэйна...

Внезапно в голове вспыхнуло воспоминание о сегодняшнем утре. Собственная оплошность, неловкость и идеальный холодный мужской профиль. Отстраненный, словно не из этого мира, но от этого еще более загадочный и притягательный. До боли в крепко сжатых ладонях, до искусанных губ. Что со мной происходит, было неясно даже мне самой.

Стыд до сих пор жег. Несмотря на то что, скорее всего, с Дэйном Люцианом мы вряд ли увидимся в ближайшее время, вряд ли встретимся в стенах вуза. Большинство учащихся вообще видят ректора только в день получения дипломов. Управление академией занимает много времени, ректоры редко что-то преподают. А значит, я могу смело забыть о существовании этого странного мужчины.

Однако почему-то мне совсем не хотелось о нем забывать.

Я снова посмотрела на огромную луну в черном небе. Но перед мысленным взором сверкали лишь серо-стальные глаза. Холодные и недостижимые, как двери сумеречного мира.

Встряхнув головой, я постаралась отвлечься. Вспомнила про своего нового пушистого друга и тут же поспешила открыть ящик. Наверняка бедняге там не слишком-то комфортно.

Лакированное дерево дорогого трюмо скрипнуло, являя моим глазам коричнево-белый комочек. Зверек тут же радостно подбежал к образовавшейся щели, покорно залезая мне на руки. А я впервые смогла его внимательно рассмотреть.

Шерсть животного была слегка длинноватой. Красивого шоколадного цвета с легкими вкраплениями молока. На маленькой мордочке ярко горели умные красные глаза. Это выглядело довольно зловеще, но не тогда, когда зверек пытался облизать мне пальцы или переползал с левой ладошки на

правую, щекоча их.

Я улыбнулась.

— Ну и как мне тебя назвать, дружок? — ласково спросила я, почесывая его за мелким ушком.

Хомяк вполне по-человечески разомлел и замер, прикрыв глаза.

В этот момент я почувствовала что-то странное. Словно слышу его мысли. Как будто чувствую его маленькое тело, как свое.

А хомяк едва заметно урчал. Не вслух, где-то у меня в голове, в висках.

Это было так дико и неестественно. Но самое необычное заключалось в другом. Я вновь ощутила тот самый холод, что и в первый раз, когда взяла животное на руки. Это был пронизывающий, страшный холод. До мороза на коже, до вставших дыбом волосков на руках. До могильного тумана в сердце. И с каждой секундой я чувствовала, что эта сумеречная тьма в зверьке лишь усиливается.

— Что же с тобой происходит? — прошептала я, слегка повертев малыша, пытаюсь оглядеть его с ног до головы.

И достигла в этом деле некоторых успехов. Оказалось, что молочно-белые проплешины на его шерсти — это вовсе не натуральный цвет. Они скорее напоминали что-то неестественное. Какую-то мертвую седину. Не старческую, а призрачно-белую, с легким блеском стали. Эти пятна концентрировались лишь на одной половине тела. На той, от которой исходил этот самый кладбищенский холод.

Хомяк поднял на меня свои глаза кровавого цвета, ставшие внезапно ужасно грустными. Словно малыш понимал то же, что и я. Он умирал. Причем умирал не естественной смертью. А как-то дико и ненормально. Будто что-то темное отъедало от него жизнь по кусочкам.

Я тяжело вздохнула. Видимо, призрачная комендантша была права. Бедный грызун долго не протянет. Она сказала, что магия «подселения» не проходит даром для живых существ. Что бы еще это могло значить? Надо разузнать на досуге. Может, удастся помочь малышу.

Я положила зверька обратно в ящик. Пусть пока снова посидит в темноте. По крайней мере, не убежит никуда. Надо бы имя ему придумать. Хотя тогда будет гораздо тяжелее смотреть, как он медленно угасает.

Я снова вздохнула, закрыв глаза и обещая себе найти способ сохранить жизнь малявке. И уже когда задвигала ящик, вдруг словно увидела сгусток черноты вокруг хомяка. Даже не увидела, а почувствовала. Эта чернота плотно въелась в крохотные вены, проникла в кровь и кости. И даже куда-то еще глубже. Именно она губила животное. Что-то страшное, темное и магическое. Не принадлежащее нашему миру. Чуждое живым существам.

Только вот почему-то меня это вовсе не пугало...

— Сиди смирно, — шепотом проговорила я, ощущая в глубине трюмо шевеление зверька и черной отравы. И клубок тьмы едва ощутимо дрогнул. Словно осознав, что я обращалась именно к нему, а не к несчастному грызуну.

Потом я села обратно на кровать, подтянула колени к груди и задумалась. Серебристая луна бросала свои сумеречные лучи на расписное покрывало, которое я так и не осмеливалась снять, на резные стойки балдахина и мое невзрачное платье, резко выбивающееся из общей гармонии.

День был долгим и довольно тяжелым, а потому я сама не заметила, как погрузилась в глубокий сон.

И вдруг где-то на границе между реальностью и собственными ночными фантазиями мне послышался шорох. Скованный дремотой разум отказывался пробуждаться.

Еле слышно скрипнула дверь, с трудом заставив меня приподнять будто засыпанные песком веки.

Под магическим светом люстры вышел мужчина, скрытый плащом. Его лицо было спрятано под глубоким капюшоном, и только бледные аристократические руки слегка виднелись из-под широких рукавов.

Он, словно в некотором удивлении, поднял голову, взглянув на светильник. Под темной тканью капюшона мелькнули губы...

Такие знакомые, бледно-алые, не улыбающиеся. Красиво очерченный рот, жесткий подбородок, четкий уголок челюсти у самой шеи...

В следующий миг он просто щелкнул пальцами, и окружающий мир утонул во мраке. Такая приятная и обволакивающая темнота вновь постаралась утянуть меня в блаженное забытие, но я не поддавалась. Происходящее в моей комнате начало слишком сильно беспокоить, как только в разум ворвалась отчаянная мысль: это не сон.

Мужчину почти не было видно. Теперь лишь лунный свет бросал на широкоплечую фигуру призрачные блики. Это придавало незваному гостю еще больше таинственности. А мне внушало все больше опасений.

Я отчаянно прикидывалась спящей, хотя это и так было не столь уж далеко от правды. Только из-под опущенных ресниц следила с отчаянно бьющимся сердцем, как мужчина делает несколько тихих шагов к шкафу. Открывает его, затем молчаливо закрывает.

Может, это вор? Но почему его фигура кажется мне такой знакомой?

Потом он прошел к креслу, столу, трюмо. Обошел по кругу всю комнату, будто что-то искал, и наконец остановился прямо у кровати.

У меня сердце практически остановилось. Высокая темная фигура источала власть и силу. Мне не нужно было заглядывать под капюшон, чтобы чувствовать странную энергию, окружающую его как незримая вуаль.

Кровь забурила в венах. Последний сон сдуло, как зонтики перезревшего одуванчика. Пульс застучал в горле.

Мужчина осторожно сел на краешек кровати, не отрывая от меня взгляда из-под плаща. Матрас прогнулся под его весом, а моей ноги случайно коснулись полы его одежды.

Дрожь пробежала по всему телу. Может, нужно закричать? Позвать на помощь? Ведь Леонар в соседней комнате. Он наверняка услышит. И хоть наши отношения особенно не сложились, не может же принц проигнорировать открытый призыв о помощи?

Нет, Леонар не придет, — поняла я, вспоминая, что сегодня вечером он собирался идти на какой-то там бал.

Но было еще кое-что, заставившее меня молчать.

Любопытство. Похоже, убивать или насиловать меня никто не собирался. Красть у нищей крестьянки тоже было нечего. Но зачем-то ведь пришел этот человек?

Человек, чьи губы кажутся такими знакомыми...

В этот момент он откинул капюшон, и я едва сдержала возглас изумления, смешанного со странным страхом, поселившимся где-то внизу живота, начиная с сегодняшнего утра.

Рядом со мной на кровати сидел ректор императорской академии. Дэйн Люциан.

Его узкое, немного жесткое лицо стало еще бледнее от лунного света. Серые, как камень, глаза сейчас казались чуть ярче, чем днем. Словно и в них отражались призрачные отблески ночного светила.

И смотрели эти глаза прямо на меня. Прожигая изнутри, будто читая что-то прямо в моей душе, одновременно вызывая волну мурашек на спине.

Я тяжело задышала, боясь, что он слышит, как громко стучит мое сердце.

Но, кажется, Дэйн не слышал. Он вдруг поднял руку и провел ладонью надо мной.

Едва уловимый поток воздуха от этого движения коснулся моего лица, вызвав новую волну мурашек.

— И что мне теперь с тобой делать, Лариана Ирис? — едва слышно раздался его мрачный и очень встревоженный голос.

Затем он положил руку на кровать, неожиданно коснувшись моей лодыжки.

Дрожь пронзила тело от одного этого случайного движения. И еще жарче стало в тот момент, когда я поняла, что ректор Люциан не менее ошарашен, чем я.

Он замер на миг, не отдергивая ладонь и глядя широко раскрытыми глазами на место соприкосновения наших тел.

Его мрачные серые радужки внезапно потемнели. Затем он глубоко вздохнул и вдруг осторожно коснулся пальцами моей ноги. Едва заметно скользнул ладонью вверх, вызывая во всем теле невероятные будоражающие ощущения.

Мои губы сами приоткрылись в надежде захватить чуть больше воздуха. В один миг мне стало душно. В висках бешено застучало, когда я почувствовала, что его ладонь поднялась к самому бедру, приподнимая юбку.

Жар стал почти невыносимым. И странно сладким... Ничего подобного я никогда не испытывала от прикосновений других мужчин. Но сейчас моим телом словно овладела какая-то магия.

Ректор тяжело дышал.

— Проклятые демоны, что со мной творится? — прошептал он, завороченно проведя большим пальцем по моей коже под кромкой платья.

И в какой-то момент вдруг резко отдернул руку и встал с постели, тихо направившись к выходу. Уже по пути надевая капюшон, он бросил едва слышно:

— Похоже, Дэйн, Тьма окончательно свела тебя с ума...

Глава 6

НЕ ВСЯКАЯ МОРКОВКА ХОРОША В КАЧЕСТВЕ НЕЖИТИ

Как ни странно, утром уже невозможно было поверить, что все это среди ночи мне не привиделось. Я проснулась в той же неудобной позе, что и заснула. Хотя когда господин ректор покинул мою комнату, я еще долго ворочалась, изнуряя себя вопросами.

«Что это было?»

«Мне это все почудилось?»

«Может, это не ректор, а очередной призрак? Или просто плод воображения моей больной фантазии?»

Но ощущение чуть прохладной руки на бедре было слишком ярким, чтобы оказаться лишь бредом воспаленного мозга. Сердце продолжало биться отчаянно быстро, словно пытаюсь вырваться из тесной грудной клетки. Вырваться и улететь куда-то, где ему вовсе не место.

Впрочем, утром все посторонние мысли довольно быстро выветрились из головы, потому что сегодня мне предстоял первый день в императорской академии! А это вам не хомяков по ночам воровать.

На самом деле учебный год начался еще вчера. Так что настоящий «первый день» я уже пропустила, пока добиралась с рекомендательным письмом из особняка герцогини Ларан до ректора Дэйна Люциана. Но мне от этого легче не становилось.

Вставать я привыкла очень рано. Коров в деревне нужно доить с самого рассвета. Так что выработанная с годами привычка пошла во благо: у меня было еще немного времени, чтобы подготовиться к учебному дню.

Я приоткрыла ящик, в котором жил мой новый пушистый друг. Малыш явно обрадовался моему появлению, дружелюбно заскакивая на руки. Опасный холодок уже привычно скользнул по коже, напоминая, что хомяк не так прост, как кажется. Но меня это уже не удивляло.

Нужно было поскорее найти ему что-нибудь поесть. Вроде бы в академии предусматривалась какая-то столовая. Признаться, для меня это было настоящим подарком. Иначе без денег я вряд ли смогла бы долго протянуть в стенах этого заведения.

Пообещав малышу скорый завтрак, запихнула его обратно в трюмо и посмотрела на себя в зеркало. Черные волосы были слегка всклокочены,

платье помялось от сна. А я почувствовала, что мне отчаянно не хватает феи, которая превратила бы мои лохмотья в шикарный наряд, а хомяка — в благородного жеребца. Но, к сожалению, на одних фантазиях далеко не уедешь.

Я тихонько прокралась за порог комнаты, прислушиваясь к тому, что творилось за стеной. Кажется, принц Леонар вчера вернулся очень поздно. Через щель между дверью и косяком я увидела, что в самом конце комнаты он спокойно спит.

На миг почувствовав, что делаю что-то запретное, я покраснела. Но потом тут же постаралась себя успокоить: мне просто не хотелось встречаться с вздорным самоуверенным дворянчиком. И пусть он даже первый дворянин империи. После своего отца, конечно. Это ничего не меняет.

Успокоившись тем, что не столкнусь с ним в общей туалетной комнате, я прошла чуть налево, открыла дверь с изображением довольно мрачной русалки-утопленницы и уверенно заперла ее изнутри на засов.

Хвала светлым силам, здесь было два умывальника. И под каждым стоял черно-красный комод с предметами личной гигиены. Я даже нашла расческу! Новую, упакованную в бумажный конверт.

Да уж, моим приемным родителям подобное и не снилось. Я улыбнулась, представив, как бы вытянулись их лица, узнай они, что их «беспольный найденыш» теперь живет в таких королевских условиях.

Впрочем, мне и самой до конца не верилось.

Я быстро привела себя в порядок, насколько это было возможно. Умылась, приняла душ в душевой кабине, которая (не может быть!) здесь была в единственном экземпляре. Заплела волосы в тугую косу от самой макушки. Потом пощипала щеки, чтобы не были такими бледными. Покусала губы. Бледность не ушла, но уже не так бросалась в глаза.

Комендантша-призрак была на своем месте. Молчаливо и хмуро витала над широким столом. Она же и рассказала мне, как найти столовую магиан.

Оказалось, это совсем недалеко. Небольшое, довольно светлое по сравнению с остальными здание, напоминающее маленький храм. Его стены обвивали лозы дикого винограда и плюща, а двери сверкали позолотой.

Сначала я даже не поверила, что это и есть столовая некромантов и демонологов. Уж больно здесь было... хорошо. Но, вероятно, даже магиане сумеречных наук не желают портить себе аппетит видом полумертвых тварей и оскаленных демонов.

Внутри никого не оказалось. В смысле ни одного учащегося, кроме меня. Повара, напротив, уже вовсю трудились. Я без труда нашла и кухню по дивному мясному аромату.

Прошмыгнув сразу же за первую попавшуюся дверь, я наткнулась на крупную женщину с круглым, но довольно приятным лицом. На ней был белый халат и веселый чепчик, чуть сдвинутый набок.

— Ты что тут забыла, синичка?

Я на миг опешила, приготовившись к прохладному приветствию, и неожиданно увидела на лице женщины улыбку.

— Ну что замерла, как улитку несвежую проглотила? — снова улыбнулась она. — Кушать захотелось с утра пораньше? Вон какая бледная. А у нас только обед для магиан предусмотрен! Ты, наверно, новенькая, первокурсница еще? Правил не знаешь?

— Не знаю, уважаемая, — кивнула я, тяжело выдохнув. — Но мне не нужно есть, мне бы только пару кусочков хлеба и миску с водой...

На этот раз женщина выпрямилась, уперев руки в бока, и, приподняв бровь, серьезно взглянула на меня.

— Ты, часом, кота али пса с собой в общагу не протащила? Это правилами запрещено, синичка...

Кажется, я еще сильнее побледнела.

— Нет-нет, никакого пса. И кота тоже нет...

Но повариха внезапно опять улыбнулась, вдруг обняв меня за плечи.

— Пойдем со мной, — тихо сказала она, оглядываясь назад. — Пока никто не видит, дам тебе все что нужно. Ну и пусть запрещено, я же вижу, что ты не из этих, не из благородных. А то, бывает, придет с утра какая лысуха, головой своей напмаженной тряхнет, мол, подавай мне сюда ростбиф с кровью или паштет куриный. Так мне сразу и ясно, что кот или пес у нее в комнате образовался. Я таких сразу ректору сдаю. Не нравятся мне благородные. Высокомерия в них, что в моем павлине. А если вглубь-то присмотреться, никакой не павлин оказывается. А индюк али курица всего-навсего.

Я слушала женщину и невольно улыбалась в ответ.

— Тебя как звать-то, синичка? — спросила она, аккуратно складывая в мешок бутылочку с водой, миску, буханку хлеба, два яблока, сыр, паштет в коробочке и батон сухой колбасы. — Меня можешь звать Мадленой. Я — старшая повариха здесь.

— А я — Лариана. Первый курс.

— Понятно, синичка, — кивнула она. — Держи свой паек. Кого хоть удержишь, признавайся?

Я стыдливо взяла мешок, понимая, что съем оттуда половину еще до начала занятий.

— Хомяка, — тихо ответила я. А потом, подняв взгляд на добрую женщину, добавила: — Спасибо.

В общем, этим утром мы с хомяком были сыты и довольны. Признаться, я немного скучала по диким яблокам, которые в изобилии росли в Козьих Шишечках чуть ли не на каждом шагу. Мне частенько приходилось утолять ими голод, если приемная мать вздумывала лишить меня обеда. Я и на зиму сушила их целыми мешками. Впрочем, стоило согласиться, что колбаса в императорской академии тоже весьма неплоха.

Когда пришло время первого занятия, это даже оказалось не так страшно. Щеки у меня едва заметно порозовели, а на полный желудок бояться как-то совершенно не хотелось.

Куратор академии, вялая и нелюбопытная женщина, быстро объяснила мне, что курс делится на два потока: некроманты и демонологи. Мою фамилию она нашла в списке некромантов первого года. Выдала расписание и рассказала, что в день бывает занятие всего по одному предмету. Магия — очень сложная материя, и для изучения одной темы нужно несколько долгих часов.

На сегодня в расписании значился вполне безобидный предмет «основы управления». Ничего опасного или мрачного он не предвещал, и я уже собиралась спросить, в каком кабинете проходят лекции, как внизу под названием увидела приписку «тренировочный полигон номер один».

— Простите, а «основы управления» проходят на полигоне? — уточнила я у сонной женщины.

— Естественно! — бросила она, широко зевнув. — А по-вашему, трупы должны в аудитории лежать?

По ее лицу было видно, что она крайне недовольна моим любопытством. А потому дальше спрашивать я не стала.

К тому же одного слова «трупы» мне хватило, чтобы слегка напрячься.

До полигона номер один я добиралась довольно медленно. Время еще было, и толпы магиан, снующих в разные стороны, позволяли немного отвлечься.

А здесь было на что посмотреть! Шикарные платья учащихся, шитые золотыми нитями, мужские костюмы, сочетающие в себе серебро и черный бархат. Шелка, замша, тончайший шифон и кашемир. Невероятные, лаконичные и ослепительно красивые фасоны. Казалось, что эти наследники дворянских родов пытаются перещеголять друг друга, будто на каком-то императорском балу. Хотя я и знать не знаю, что там на этих балах

происходит.

Девушки смотрели на меня с презрительными выражениями на красивых, ухоженных лицах, а парни просто не замечали. Раньше я как-то мало обращала внимание на мнение высокородных. Мне всегда была видна разница между нами. Но теперь почему-то каждый взгляд отдавался болезненным уколом в груди.

Полигон был уже совсем недалеко, и, хвала светлым силам, большинство магиан успели разойтись по своим учебным местам. Впереди виднелись лишь некроманты первого курса.

Я шла по узкой каменистой дорожке к широкому полю, на котором росла мелкая изумрудная трава. Полигон оказался невероятно большим и совершенно пустым. Я еще подумала: «Столько места пропадает! Можно было засеять эти несколько гектаров пшеницей и кормить потом всю зиму целую деревню...»

Вдруг повернула голову и увидела невероятное: Ивейн, сын моей благодетельницы герцогини Ларан крадется к стоящему спиной императорскому наследнику! В одной руке у него был зажат кинжал, удивительным образом сочащийся чернотой, а другой он как-то странно водил вокруг себя, будто очерчивая призрачный круг.

И что самое странное: казалось, кроме меня, никто его больше не видит!

А Леонар спокойно стоял, развернувшись к стайке улыбающихся девушек, и совершенно не подозревал о вероломном нападении!

У меня сердце ухнуло куда-то очень глубоко. А что, если это покушение на жизнь наследного принца?

Руки внезапно похолодели. И никто, совершенно никто ничего не замечал!

Конечно, я не смогла спокойно смотреть, как совершается убийство. Быстро преодолела несколько шагов, разделяющих меня и герцогского сына, и с криком:

— Осторожно, Леонар! — прыгнула вперед, намереваясь вырвать кинжал у убийцы.

А дальше все произошло слишком быстро. Я упала на ничего не подозревающего Ивейна, успев заметить, как его глаза удивленно расширились. Черный кинжал улетел в траву. Одновременно с этим Леонар обернулся, и на лице его тут же загорелась улыбка предвкушения.

— А, Ивейн! Что так поздно? Спалось плохо?

В ту же секунду он наклонился и достал из невысоких замшевых сапог два блестящих сталью и камнями длинных стилета. И бросился на

меня...

То есть, конечно, на лежащего подо мной Ивейна Ларана. Но кровь в жилах все же заледенела.

Ивейн резко оттолкнул меня, ругаясь на чем свет стоит, отчего я нелепо откатилась в сторону. Вскочил на ноги, хватая выпавший кинжал, и встретил удар.

Теперь в одной его руке был короткий черный клинок, а другая засветилась красноватым светом. Леонар же держал оружие в обеих руках и улыбался.

— Ив, разве ты не знаешь, что звать прихвостней в честной драке — низко и неблагородно? — усмехнулся принц, непонятно зачем ловко отпрыгивая в сторону.

И тут же на месте, где он стоял, земля всколыхнулась, являя трех мелких рогатых тварей. Они шипели и рычали, дергали хвостами и пытались достать Леонара, пока Ивейн обходил его по кругу, стараясь нанести удар.

В это время небольшая кучка магиан уже выстроились рядом, беззаботно наблюдая за боем и улюлюкая в поддержку кого-то из парней.

А я поняла, что явно что-то упустила.

Стилеты принца и черное оружие Ивейна схлестнулись, и начался настоящий поединок. Звенела сталь, сыпались черные искры. Парни улыбались, двигаясь, будто в странном танце. А потом Леонар резко развернулся, замахнувшись левой рукой, и по диагонали сверху полоснул зазевавшегося соперника по щеке.

На высокой скуле Ивейна выступила кровь. Он схватился рукой за неглубокий порез и снова выругался.

Толпа зрителей захлопала в ладоши, Леонар поднял оба клинка в победном жесте и начал с ленивой улыбкой принимать поздравления первокурсниц, которые тут же поспешили его окружить.

— Не расстраивайся, — бросил принц через плечо недовольному Ивейну. — Однажды тебе наверняка повезет. Только не со мной.

И удовлетворенно засмеялся.

— Это мы еще посмотрим, — фыркнул тот, но внезапно тоже улыбнулся. Подошел к принцу и похлопал его по плечу. — Отличный бой, друг.

— Еще бы, — фыркнул Леонар, обнимая его в ответ как товарища, а не соперника.

— Тебе не надо на занятие? — спросил в свою очередь Ивейн, совершенно расслабившись и больше не обращая внимания на текущую по

щеке кровь.

— Нет, я сегодня... задержусь.

— Как знаешь, а я пошел. У меня сейчас низшие уровни по расписанию. А профессор Реонаш наказывает за опоздание очень... неприятным способом.

Ивейн махнул рукой и быстро зашагал прочь.

А я только-только поняла, что все еще сижу на земле, на своей пятой точке.

— Лариана, тебе помощь не нужна? — тут же повернулся ко мне принц, улыбаясь как можно более галантно.

Конечно, он не преминул бросить взгляд на мои оголенные бедра и бесстыдно торчащие вверх коленки.

Но, надо отдать ему должное, сделал вид, что ничего не произошло. Подошел ко мне со стороны головы, а не задранной юбки и деликатно подал руку.

Слегка опешив, я захлопала глазами, слыша за спиной недовольное женское перешептывание. Конечно, ведь здесь остались лишь одни первокурсницы, которые и друг с другом-то еще познакомиться толком не успели. А тут я... и принц. Да и этот мой вид. Платье после того, как я провела в нем ночь, сегодня смотрелось вряд ли лучше, чем вчера.

Впрочем, помощь я все же приняла. Встала и быстро отряхнулась, возвращая себе остатки гордости, если это еще было возможно.

— Значит... — начала я медленно, — этот бой был не настоящим?

Вопрос повис в воздухе. Мне казалось, что Леонар засмеется, как те девчонки, что сейчас слышали мое недоумение. Но он, напротив, серьезно покачал головой, даже не повернув головы к любопытным магианам, которые так отчаянно старались привлечь его внимание.

— Нет, это лишь фарс, — прозвучал спокойный ответ. — Ивейн — мой друг. Он на год старше и учится на демонолога. Когда-то мы всерьез враждовали, ведь между нашими факультетами идет сильное соперничество. И в стенах ЦИАНИДа приняты шуточные дуэли до первой крови. Соперники могут нападать друг на друга как угодно. Из-за угла, засады, с помощью магии или оружия. Хороший воин должен уметь чувствовать опасность. Нас этому учат с первого курса.

Слушая рассказ, я только молча вздыхала, понимая, что опять повела себя глупо. И почему я не последовала собственному совету: сидеть смирно и не обращать ни на что внимания?

— А ты решила, что демонолог четвертого курса решил убить наследника империи? — с едва заметной улыбкой спросил Леонар.

Я внутренне сжалась, понимая, что насмешка вполне уместна. Ведь наследник престола должен быть прекрасно защищен! Даже в стенах академии может найтись враг, а значит, император уж наверняка приложил все усилия, чтобы уберечь единственного сына.

Но, подняв голову и посмотрев в глаза принцу, я поняла, что он вовсе не намерен издеваться. Его взгляд был приятного тепло-зеленого цвета, обволакивающий непривычной добротой.

Я только и смогла кивнуть в ответ. И добавила через мгновение, отвернувшись:

— У него в руке был кинжал. И он крался, как дикий кот. Я еще подумала: «Почему его никто не остановит?» А выходит, все просто знали, что это лишь игра...

Принц на миг прищурился.

— Вообще-то его никто не видел, Лариана, — ответил он тихо, когда к нашей кучке первокурсников во главе с принцем уже подходил невысокий и до безобразия худой профессор.

Я успела лишь бросить на Леонара удивленный взгляд, как преподаватель громко произнес:

— Мое имя — Ориан Варрух. Я ваш мастер по основам управления. Сегодня первая лекция, она же практика. Вы можете сидеть прямо на траве, пока я рассказываю. Однако во время тренировки сидеть строго запрещено. Разговоры также запрещены. Все вопросы в конце лекции. Ясно?

Магиане сбивчиво закивали, нестройно бубня что-то в ответ.

Преподаватель резко отвернулся в сторону, сцепил руки за спиной и начал выхаживать взад-вперед, собираясь с мыслями.

Вся его фигура в черном облегающем костюме выдавала легкую нервозность. Мрачность одеяния вступала в жуткий контраст с бледным цветом лица и худобой.

— Ориан только кажется таким страшным, — вдруг тихо сказал мне Леонар, склонившись к самому уху. — А так он мужик неплохой...

Честно говоря, я не склонна судить людей по внешности, но мастер Варрух и впрямь внушал некоторое беспокойство.

А еще мне было совершенно неясно, что делает на первом занятии первокурсников принц, который вроде как значится на третьем. Но Леонар невозмутимо стоял у меня за спиной, словно ему здесь самое место.

От этого все сильнее росло неловкое чувство в груди. Словно кто-то настойчиво щекочет перышком между лопатками.

— Основы управления для вашего года обучения предполагают, — начал профессор, — что, во-первых, вы научитесь видеть тонкие нити

сумеречной магии. А во-вторых, благодаря проснувшемуся дару сможете с закрытыми глазами ощущать вокруг себя мертвые человеческие и животные останки...

Тут я впервые вздрогнула, представив, что смогу чувствовать трупы и их местонахождение.

— Как вам наверняка известно, — продолжал мастер, — магия доступна не всем людям. Она передается по наследству, и механизм ее распространения до конца не изучен. Но главное, что вам нужно знать: человеческая магия способна принимать любую форму. Она может быть лечебной, сумеречной, животной и стихийной. Но, однажды выбрав стезю, маг уже не сможет поменять специальность.

Все магиане слушали внимательно, как и полагается первокурсникам. Лекция обещала быть интересной.

— Это значит, — звучал низкий резковатый голос профессора, — что, начав изучение некромантии, вы никогда не сможете стать кем-то еще! Примерно в течение года-двух ваш организм окончательно приспособится видеть лишь темные материи. Именно в этом и заключается суть нашего предмета.

Теперь я вздрогнула второй раз. Нет, не то чтобы мне хотелось однажды научиться сводить бородавки, как Киприан. Но знать, что я этого уже никогда не смогу сделать, было немного страшновато. Ведь, выходит, вся жизнь будет потрачена на работу с нежитью и трупами.

— Еще не передумала становиться некромантом? — снова раздался тихий шепот у меня над ухом.

Светлые силы, принц! А я только успела забыть о его присутствии!

— Не передумала, — твердо ответила я. И поняла, что это правда.

Что-то влекло меня в черноте этой магии. Что-то, что казалось таким понятным и притягательным. Будто... родным.

Я повернула голову, чтобы посмотреть на реакцию наследника. Оказалось, что он снова едва заметно улыбался.

И что его так веселило?

Следующие минут тридцать профессор рассказывал об устройстве сумеречной материи, о черных нитях тьмы, о том, как поток темной магии покидает подземные врата, наполняя землю. И о том, что именно с этим потоком предстоит работать некроманту.

— От того, насколько сильна в вас чувствительность к тьме, будет зависеть уровень вашего мастерства, — бубнил мастер Варрух. — Многие некроманты годами тренируют свою чувствительность, но все же так и не становятся высшими. Теми, чья мощь настолько велика, что сумеречная

материя течет по их венам, будто кровь. Высшие некроманты способны разом поднимать многовековые кладбища и управлять одновременно всеми восставшими. Тогда как обычному выпускнику нашего вуза будет под силу управлять разве что двумя, максимум тремя умертвиями.

— А я могу управлять десятью, — гордо бросил позади меня Леонар.

— Десятью?! — чуть громче, чем следовало, спросила я, развернувшись.

К сожалению, профессор меня услышал. Он стиснул зубы, явно выказывая недовольство. Но толпа первокурсников уже устремила взгляды на наследника, восторженно перешептываясь.

Видимо, поэтому мастер решил пояснить:

— Да, Леонар Альвис, магиан третьего курса, является... исключением. — Казалось, слова даются профессору нелегко. — К своему двадцатилетию Леонар способен управлять уже десятком низших зомби.

При слове «низших» принц слегка скривился, но поправлять не стал. Судя по всему, так оно и было.

— Именно поэтому он входит в команду императорской академии и каждый год участвует в играх Превосходства.

Девочки с факультета дружно ахнули, а парни хмуро переглянулись. Леонар сиял, как начищенная монета, с демонстративной ленцой пожевывая травинку.

А меня интересовал другой вопрос.

— Скажите, мастер Варрух, а высшие некроманты в нашей академии есть?

Почему-то в этот момент мое сердце застучало быстрее. Словно я уже знала ответ. И хотела его услышать.

— Да, — хмуро бросил он. — Один. Наш ректор — господин Дэйн Люциан Кастро-Бриен.

И резко отвернулся, будто боясь, что кто-то вновь задаст вопрос не в конце лекции, а в середине.

А я вздрогнула в третий раз. Но теперь колючие обжигающие мурашки пробежали по спине, скрываясь где-то на поясице. Я вспомнила узкую, немного прохладную мужскую ладонь с длинными аристократическими пальцами. Легкое, будто ласкающее движение по своему бедру...

И стремительно покраснела, опустив взгляд. Не хватало еще, чтобы кто-то увидел, как меня вгоняет в краску лишь одно упоминание нашего ректора.

— Итак, — через некоторое время после безостановочного рассказа произнес профессор, — скоро у нас перерыв. А пока я предлагаю вам

впервые попробовать то, что и называется «управление». Вам нужно попытаться почувствовать трупы на этом поле.

Магиане испуганно зашептались.

— Бояться не стоит, — остановил он всколыхнувшееся беспокойство. — По-настоящему ощутить и взять под контроль чей-то труп вы сможете лишь на втором курсе. А многие вообще — лишь к его концу. Сейчас ваш внутренний канал силы, который мы называем «анарель», просто должен привыкнуть к ощущению близкого нахождения смерти.

Тут уже вздрогнула не я, а большинство девчонок потока. Более того, те, кто сидел на траве, резко повскакивали, осознав, что вышеуказанные «трупы» могут находиться прямо под ними.

А я лишь пожала плечами, тихо проговорив:

— Когда-то я уже подняла мертвую кошку. Вроде в этом не было ничего сложного...

И к уху тут же наклонился Леонар, который во время лекции не желал отодвигаться от меня хотя бы на метр.

— Ларианочка, врать нехорошо, — раздался его чуть насмешливый голос.

— А хорошо выпендриваться перед первокурсниками своими «выдающимися способностями»? — фыркнула я через плечо. — К тому же я не вру.

Но принц усмехнулся и ответил:

— Хвастовство и ложь — разные вещи, куколка. И если первое — обычное дело в высшем обществе, то второе унижает достоинство любого дворянина.

— А я не дворянка, — зашипела я сквозь зубы, стараясь больше ничего не выкрикнуть. Бросила взгляд назад, поймав иронию в зеленых глазах. — И еще. Я. Не. Вру.

Леонар вызывающе приподнял бровь. Его рот дерзко изогнулся, и на нижней губе я заметила легкий кровоподтек. Или укус, которого еще вчера не было.

«Похоже, принц неплохо провел эту ночь, — с усмешкой подумала я, но злость это не охладило. — Очередной куколке ужасно повезло!»

— Тогда, может, продемонстрируешь? Я даже облегчу тебе задачу. Вон там, — Леонар указал чуть влево, туда, где росло единственное в поле раскидистое дерево, — недавно сдохла малюсенькая мышь. Подними ее. И всего делов.

Я неуверенно переступила с ноги на ногу.

— Ну вообще-то я сама не знаю, как это получилось в прошлый раз...

Леонар усмехнулся, обжигая мое ухо теплым дыханием.

— Вот мы и узнали, кто прав...

От обиды слегка закипела кровь.

— Хорошо, я попробую, — хмуро ответила я голосом, обещавшим Леонару как минимум кровавую расправу. — А почему же только мышку? Покрупнее никого на поле нет?

— Отчего же. Просто я решил облегчить тебе задачу. Чем меньше и глупее создание, тем проще им управлять.

— Ладно. — Я сжала кулаки, мечтая натравить грызуна на наглого ухмыляющегося наследника престола, одновременно очень надеясь, что это не будет расценено как покушение. — Раз ты такой великодушный, может, расскажешь мне вкратце, что я должна почувствовать? Все равно ведь у меня ничего не выйдет, правда?

Леонар весело ухмыльнулся, кивнув. И вдруг обнял за плечи, заставив повернуть голову в сторону дерева.

Даже сквозь платье я почувствовала, насколько горячие у него ладони. Сильно, обжигающе. От них становилось немного не по себе. Совсем не то, что руки ректора Люциана. Легкие, обволакивающие приятной прохладой, рождающие совсем иной жар где-то внизу...

Проклятье, опять он в моей голове.

— Закрой глаза, — раздался шепот принца, и я на время постаралась забыть обо всем. — Ты должна знать, что все вокруг тебя наполнено Тьмой. Весь мир пронизан потоками сумеречной магии. Обычно они текут вяло и безынициативно, как черные реки. И не влияют ни на что, пока какому-нибудь некроманту не вздумается подчинить их. Увидь их. Почувствуй. Будь тем самым некромантом, который заставит Тьму ожить...

Голос принца звучал монотонно и тихо. И стоило признать, из него выходил отличный наставник. А потому, когда за закрытыми веками я едва заметно почувствовала знакомую могильную прохладу вокруг, это даже не вызвало привычного удивления.

— И что дальше? — вяло спросила я, тут же ощутив, как Леонар улыбнулся за моей спиной. Он ни на секунду не мог представить, что сумеречные материи я прекрасно ощущаю. И уже давно.

— А затем прикажи потокам Тьмы стать нитями, что проникнут в тела мертвых. Эти нити укажут тебе места захоронений.

Я последовала его совету.

Сначала ничего не происходило. Но затем все сильнее и сильнее призрачный холодный мрак начинал пахнуть тленом. Словно везде вокруг меня были сплошные могилы, захоронения, трупы.

И с замиранием сердца я поняла, что так оно и есть.

— Чувствую, — прошептала едва слышно. Ошарашенно. Затравленно.

Все поле впереди и по бокам на несколько километров было усеяно мертвецами. Многие были столь стары, что от них остались лишь кости. Но многие выглядели так, словно умерли только вчера. Очень многие...

— Почему они такие свежие? — зачарованно спросила я, не размыкая глаз.

— Кто тебе рассказал? — немного хмуро спросил принц, отпуская мои плечи. А потом все же ответил: — Только свежий труп легко поднять. Только свежим трупом можно без труда управлять. Пока у него целы мышцы и сухожилия. Как только плоть начинает гнить, отваливаясь от костей, зомби становится бесполезен. Лишь высшие некроманты могут с помощью сумеречной материи связать кости и поднять такую нежить. Поэтому здесь регулярно хоронят трупы преступников, предварительно наложив на них заклинание иссушения или стазиса.

Я ничем не показала, что меня это напугало. Свежие тела. Еще недавно настоящих живых людей...

— Ну что, куколка, поднимаешь хомяка или замахнешься сразу на зомби? — вернул себе веселое настроение Леонар.

— Что надо делать? — вместо комментариев по этому поводу сосредоточенно спросила я, все сильнее концентрируясь на черных потоках, превратившихся в нити. По меньшей мере в сотне мест нити становились похожи на антрацитовые стрелы, уходя под землю. Туда, где лежали люди.

Принц хмыкнул:

— Никак не сдаешься? Что ж, так даже веселее. Протяни руки вперед и распахни ладони. Разведи пальцы пошире, так, словно нити Тьмы — это продолжение твоих костей и сейчас они выходят из твоего тела.

Я протянула руки.

— Что вы делаете, магиана, как вас там? — раздался хмурый голос профессора. — Магиан Альвис, прекратите дурачиться!

Но меня это уже не могло отвлечь. Я чувствовала, как нити силы проникли в меня и теперь вытекают обратно, протягиваясь к мертвецам на поле.

— Потяни за нити, Лари. И подними уже несчастного хомяка, если только ты — не маленькая лгунишка, — тихо прошептал Леонар с ехидной улыбкой.

— Альвис! Хватит дурачиться с магианами! Вы срываете мне лекцию! — рявкнул профессор.

И, судя по всему, он был прав. Все присутствующие уже активно шептались. Сквозь прикрытые веки я видела, как в нашу сторону поворачиваются любопытные головы.

— А я что? — улыбнулся принц. — Я ничего. Магиана Ирис просто делает зарядку, вот и...

На этом его речь оборвалась, потому что за спиной профессора раздался рев. Оглушительный, страшный.

Я не открывала глаз, но чувствовала, как задрожали руки. Мне сразу стало ясно, что даже три трупа за раз поднять не удастся. Это как одновременно тянуть три телеги, груженные камнями. И потому я выбрала одно захоронение, то, которое показалось мне наиболее... внушительным.

Крупное, глубокое, сухое, как выжженная пустыня. Твердое, как камень. И вокруг него было невероятно много черных нитей. Ничего не стоило потянуть за этот сумеречный букет и вытащить «морковку».

Кто же знал, что не всякая морковка хороша в качестве нежити?

— Магиан Альвис, за какой Тьмой вы творите?! — заорал профессор. — Прекратить немедленно!

Страшный рев все усиливался. Я открыла глаза, с силой сжав кулак, в котором пучком застыло черное колдовство.

— Боюсь, что я тут ни при чем, мастер Варрух, — ошарашенно ответил Леонар. — Вы же знаете, что я с трудом поднимаю высшую нежить...

На лице профессора появилась смесь удивления и непонимания. Он перевел взгляд на меня и нахмурился.

А мне в этот момент казалось, что я вот-вот сделаю что-то удивительное. Это как впервые переплыть огромную реку, на которую прежде смотрел лишь издалека. Ощущение, что у меня действительно получается, что темная магия покорилась моему желанию, опьяняло.

Не обращая внимания на напряженные взгляды, я все же заставила то, что много лет покоилось в земле, восстать из мертвых. Честно говоря, мне и самой ужасно хотелось узнать, что там.

Но когда земная твердь взорвалась огромными грязными комьями, а на поверхности появилось нечто страшное, уродливое и очень костлявое, все девчонки на потоке одновременно завизжали. Я же только и успела проговорить:

— О, светлые силы...

— Это не светлые силы, магиана Ирис! Это драугр! И хоть я невероятно удивлен и все еще не понимаю, как вам это удалось, но, если вы немедленно не разорвете связь, клянусь всеми сумеречными богами, я вас

исключу!!!

В конце предложения профессор перешел на визг, резко разворачиваясь к мертвой твари, чьи глаза уже загорелись ядовито-алым.

Драугр действительно вызывал некоторые... опасения. Крупная тварь не меньше двух метров роста расправила плечи и уже через миг, оглядев толпу первокурсников страшным взглядом кровавых глаз, приняла угрожающую позу.

— Магиана Ирис, он готов броситься на нас, — уже довольно прохладным голосом заметил преподаватель. — Если вы сейчас же не разорвете связь, мне придется уничтожить редкий экземпляр. И вы за это очень серьезно поплатитесь...

Но я не знала, как разрушить связь!

Серые реберные кости нежити опасно поблескивали из-под черной плоти. Когти на крупных ладонях были загнуты. Еще мне показалось, что лицо, странно напоминающее уродливую ухмыляющуюся маску, смотрело на меня не менее удивленно, чем профессор. А вот остальных присутствующих тварь оглядывала с голодным интересом.

В следующий миг драугр открыл пасть, снова исторгнув душераздирающий крик.

— Просто отпустить нити магии, как с низшей нечистью, не получится, — быстро сказал Леонар. — Их нужно разорвать. Передай их мне, я попробую сам...

— Альвис, отойдите от магианы! — рявкнул профессор. — Вы со своей-то высшей нежитью с трудом управляетесь, а с чужой и подавно! Натравите его на всех нас!

И в то же мгновение драугр резко дернулся вперед и помчал прямо к нам.

Теперь визжали не только девчонки. Весь поток ринулся врассыпную, а мастер Варрух стремительно подобрался и, сильно побледнев, расположил пальцы в каком-то символе. Громко зазвучал его скрипучий голос, читающий древнее заклятие. Воздух вокруг нас слегка полыхнул огнем. Однако профессор так и не закончил ритуал, который, судя по всему, должен был сжечь нежить. А драугр был уже слишком близко...

В этот момент грянул гром. Или, может быть, мне это показалось. Но звук был оглушительным. А сразу после него над полем разнеслась ошеломляющая тишина. Ватная, густая, будто все мы в один миг оглохли.

А я лишь успела заметить, что все сотни черных нитей магии, что тянулись прежде по всему полю, вмиг разорвались и развеялись, будто их и не было. И сами сумеречные потоки на время вообще пропали из виду.

Драугр тут же упал на землю, как тряпичная кукла, которую бросил кукловод.

Я тяжело дышала. Нити, что выходили из кончиков моих пальцев, исчезли. И мне показалось, что в миг их обрыва внутри меня что-то лопнуло. Я глотала ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и ничего не могла понять.

До того момента, пока не появился он.

— Господин Люциан, — с поклоном произнес профессор Варрух, чьи руки заметно подрагивали, — как хорошо, что вы были рядом!

К прежним ощущениям добавился нервный трепет. Как мороз по коже. Как внезапно вылитый на голову ушат ледяной воды.

Я продолжала смотреть широко раскрытыми глазами на преподавателя основ управления и боялась повернуть голову назад. Потому что теперь кожей чувствовала: он уже за моей спиной.

Ректор императорской академии. Высший некромант. Дэйн Люциан.

Имя, произнесенное мысленно, казалось, прокатилось по позвоночнику штормовой волной, заставив едва заметно задрожать.

— Магиана Ирис... — раздался тихий пронизывающий голос.

И мне все же пришлось повернуться.

Льдисто-серые, как сумеречное небо, глаза прожгли насквозь. Именно такие, как в моем воспоминании. Именно те, что глядели на меня из-под капюшона всего-навсего прошлой ночью...

Мысленно я уже готовилась к выговору. И не просто к выговору, а возможно, и к исключению из академии. Но ректор молчал, продолжая вглядываться в меня своим тяжелым, проникающим насквозь взглядом. От этой гнетущей тишины нервы натянулись, как тонкая, звенящая струна. Струна, готовая вот-вот лопнуть и острым концом рассечь кожу.

— Да, господин Люциан? — решила я нарушить это ужасное молчание, которое уже казалось хуже любого наказания.

— Господин ректор, магиана Ирис без разрешения и необходимых навыков подняла высшую нежить. Драугра! — затараторил позади профессор. — Я предупреждал ее, чтобы отпустила привязку, но она ослушалась. Драугр чуть не вышел из-под контроля!

Во время всей этой тирады ректор смотрел только на меня.

«Проклятье! Почему он не отворачивается?» — нервно кусала губы я, тоже не в силах оторвать взгляд. Словно пасмурный взгляд этого мужчины меня заколдовал.

«Почему он не слушает профессора?»

Но оказалось, что все же слушает.

— Господин Варрух, — прозвучал ледяной голос высшего некроманта, — насколько мне известно, вы поставлены мастером основ управления. А это означает не только обучение студентов, но и их защиту. И то, что вы сами не смогли взять под контроль чужую нечисть, создает вам плохую репутацию.

Каждое слово — словно новая пощечина преподавателю, который теперь стремительно краснел.

— Но... это высшая... — пробубнил профессор, однако был грубо оборван.

— Тем хуже для вас, — жестко бросил Люциан.

Подул сильный ветер, будто даже сама погода портилась от ледяного голоса ректора. Серебристые, как снег в лунную ночь, волосы Дэйна Люциана взметнулись вверх вместе с мрачным плащом.

От этого зрелища мурашки пробежали по спине. И я вдруг поняла, что ректор императорской академии кажется мне настолько же пугающим, насколько и... красивым. От этой мысли в груди что-то тоскливо заныло.

— Будьте осторожны в следующий раз, магиана Ирис, — прозвучал вновь голос Люциана. И теперь почему-то он не казался мне таким холодным. — Однажды меня может не оказаться рядом.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь, вновь взметнув полы плаща.

А я еще долго стояла в немом молчании, глядя вслед главе нашей академии. Высшему некроманту. Очень странному и пугающе притягательному мужчине, от навязчивых мыслей о котором, клянусь Светом и Тьмой, мне теперь точно не избавиться!

Глава 7

ХУЖЕ ПЬЯНКИ ЗАТЯЖНОЙ — С НЕКРОМАНТОМ ПОД ЛУНОЙ!

Конец занятия ознаменовался полным игнорированием моей персоны как со стороны оскорбленного профессора, так и однокурсников. Девушки презрительно фыркали, оглядывая меня с ног до головы, не в силах поверить, что «какой-то замарашке удалось поднять нечисть на первом же занятии». Парни просто высокомерно обходили стороной. Впрочем, от мужской половины пафосом и желчью веяло не так сильно. Некоторые из парней посматривали в мою сторону не просто с любопытством, но даже с интересом. Я думаю, определенную роль в этом все же сыграло мое соседство с «самим наследником империи».

Леонар, в свою очередь, был не менее удивлен случившимся, чем я. Но перед самым обедом к нашему потоку подбежала какая-то невысокая обворожительная блондинка, затянутая в тугий корсет, и перехватила его внимание. Она тут же взяла за руку принца, чуть ли не при всех прижимаясь к нему грудью.

— Ах, принц, я так беспокоилась после вчерашнего! Вы так быстро ушли с бала Примирения!

Лицо наследника мгновенно потемнело, а челюсти сжались. Но блондинка, кажется, этого вовсе не заметила.

— Детка, ничего не произошло. Я просто устал. А о нашем вечере не стоит говорить так громко...

Последние слова он почти прошипел. И тут-то девушка заметила, что своими словами только злит принца. Она стремительно покраснела, прикусив пухлую розовую губу, и натянуто рассмеялась, оглядываясь по сторонам.

— Да что вы слушаете меня! Я — такая глупышка по утрам! Ой, ваше высочество, как вам погода нынче над империей? Кажется, небо восхитительно лазурно!

Леонар закатил глаза, даже не пытаясь скрыть раздражение.

Это выглядело невероятно смешно. Я тихо усмехнулась в ладошку, представив, что подобные заискивания принцу приходится выслушивать каждый день.

Хотя, возможно, среди дворян это обычное дело. Может, и мне нужно

научиться общаться вот так же, чтобы не выделяться?

Ведь я пока еще не чувствовала себя не то что равной остальным, даже немного к ним приближенной. Да и не могла чувствовать. Происшествие на первом занятии словно еще сильнее увеличило пропасть между мной и высокородными. А потому в столовую вместе со всеми решила сегодня не идти. Благо у меня в комнате еще остался приличный кусок колбасы, так что голодать мне точно не придется.

Остальная часть занятия прошла совсем скучно. Леонар больше не появлялся. Да и что ему делать среди младшего курса? А я сидела чуть в стороне от остальных магиан под единственным раскидистым деревом на всем поле. Профессор Варрух старался держаться поближе ко мне, периодически злобно поглядывая, будто я в любой момент могу вызвать еще какую-нибудь страшную тварь.

А мне хватило и одного раза. Перед лицом все еще стояли пронзительные глаза ректора, прожигающие насквозь, вызывающие волнение и сильную дрожь.

Я боялась, что он исключит меня из академии, как и обещал профессор Варрух. И мне придется либо ехать обратно в Козьи Шишечки, либо срочно искать работу в Ихордаррине. Первое — смерти подобно, второе — практически невозможно для ничего не умеющей крестьянки. Меня могли взять разве что мыть полы в каком-нибудь трактире.

Но, честно говоря, стоя под взглядом серых глаз ректора, гораздо больше я боялась совсем не исключения. А того, какая мощь чувствовалась рядом с этим мужчиной. От него веяло силой, властью... смертью. И это будто околдовывало, не позволяя оторваться от него, сковывая живот холодными кольцами страха и напряжением. Заставляя раз за разом думать только о его глазах, узком жестковатом лице, губах, которые будто бы никогда не улыбаются.

Уже давно наступил вечер. Я снова была в своей комнате. Лежала на кровати, бездумно глядя в потолок. Пора уже было ложиться спать. И желательно перед этим наконец постирать платье и принять душ. А не то второй такой же ночи, как вчера, мой наряд не выдержит.

Я уже намеревалась встать и прошмыгнуть в душевую, как вдруг раздался стук. Затем дверь моей комнаты уверенно открылась, и на пороге появился Леонар. Его взгляд был уверенным, спина гордо выпрямлена, а на губах играла легкая улыбка.

— Добрый вечер, любезная Лариана. Я хотел бы начать сначала наше знакомство, — раздался его плавный медовый голос. — У тебя могло сложиться превратное впечатление обо мне... из-за вчерашнего.

Казалось, слова давались ему не так-то просто. Но он все же договорил:

— Да и сегодня я, кажется, тебя слегка подставил. Надеюсь, ты не откажешь мне в такой малости, как попытка все исправить?

Мой взгляд невольно остановился на новом, спортивного вида костюме, в который принц успел переодеться. Брюки, свободно облегающие бедра. Дорогая мягкая обувь. Замшевая куртка, напоминающая охотничью, расстегнута до середины обнаженной груди и распахнута. Взгляду предстали мышцы его грудной клетки и набор дорогих цепочек с амулетами, поблескивающих на загорелой коже.

У меня в голове мелькнула мысль, что, вероятно, Леонар слишком привык к женскому вниманию. И сейчас, наверно, мои глаза должны загореться восторгом, а сама я облизнуть губы от вспыхнувшего желания.

Мне же совершенно не хотелось потакать мужскому самолюбию, пусть это даже самолюбие наследника престола. Я не придворная дама, не какая-нибудь маркиза, мечтающая стать герцогиней. И все эти дворцовые ухищрения мне нисколько не интересны.

Хотя стоило признать, Леонар выглядел очень хорошо.

Я вяло пожала плечами и перевела взгляд на пустую сиреневую стену, словно мне вовсе не интересен ни он, ни его предложение.

— Разве можно отказать сыну самого императора? — пресно и безэмоционально ответила я. — Мне дорога моя голова. Да и, честно говоря, ничего плохого сегодня ты не сделал. Разве что вчера.

После этих слов Леонар скривился, медленно проходя внутрь комнаты и захлопывая за собой дверь.

Помещение вдруг стало казаться ужасно тесным. Леонар каким-то образом умудрялся привлекать к себе все внимание, не прилагая для этого никаких усилий. Словно даже магический свет, что янтарными лучами лился с витражной люстры, концентрировался только вокруг него.

Блеснула в ухе золотая сережка, сверкнули зеленые глаза. Принц вальяжно опустил в свободное кресло, не подходя ко мне слишком близко.

— Куколка, вчера я... несколько поторопился. Да и сегодня, признаюсь, мне хотелось тебя подразнить. Но ты этого не заслужила. Правда. — Его взгляд неожиданно стал прямым и твердым. Казалось, он и впрямь раскаивается.

Но с чего бы принцу крови расшаркиваться перед крестьянкой? Я для него — лишь пыль под ногами. Одна из тысяч подданных, из серой толпы, которая нужна только, чтобы платить налоги в казну и кидать цветы под

колеса императорской кареты.

В этот момент я не то что не верила Леонару, я даже начала злиться. Мне вдруг показалось, что он снова преследует какую-то цель, тщательно скрываемую ложными извинениями. Иначе как еще объяснить его поведение?

— Я хотел бы, чтобы между нами не оставалось этого... недопонимания, — проговорил он медленно, и зеленые глаза сверкнули вместе с изумрудами в золотой сережке.

А у меня перед глазами вспыхнул вчерашний день и отвратительные приставания принца, когда он решил, что деревенская простушка без проблем ляжет в постель к высокородному.

— А, вот как это называется... — усмехнулась я, покачав головой. — В следующий раз занимайтесь, пожалуйста, своим «недопониманием» с другими девушками. Или в одиночестве.

И кто меня опять за язык тянул? Разве так разговаривают с благородными? Впрочем, я понятия не имею, как с ними разговаривать. А воспоминания, случайно всколыхнувшиеся странными извинениями принца, меня изрядно... задели.

— И вообще, дверь в эту комнату закрывается? — риторически бросила я и вскочила с кровати, внезапно почувствовав страшную злость. Метнулась к выходу искать замочную скважину или хотя бы морду еще одной металлической химеры. Хоть что-нибудь, что могло бы оградить меня от визитов принца.

Наверняка он считал, что раз я из низкородных, то и вести себя со мной можно как угодно. Можно зажать в углу, можно залезть языком в ухо! А можно попробовать выставить меня полной идиоткой и лгуньей перед всем потоком. Он ведь именно это хотел сделать, когда начал учить зарвавшуюся первокурсницу продвинутым основам управления?

Но когда я, словно вихрь, пролетала мимо принца, он внезапно встал и схватил меня за руку, резко остановив. Я замерла на месте, часто и немного испуганно дыша.

Наши взгляды схлестнулись. Опять слишком близко, слишком глубоко...

На миг он застыл, казалось, пытаясь что-то сказать. Полные красивые губы на секунду сжались, превратившись в линию. А затем он произнес:

— Прости. Я не хотел тебя обидеть.

Это прозвучало странно. словно колокол ударил в тишине комнаты. Звук мужского голоса впивался в сиреневые стены, тонул в мягкости балдахина. словно принц... не привык извиняться.

Но, как ни странно, я вновь почувствовала, что его слова искренни. И на этот раз мне слишком сильно хотелось поверить.

— Хорошо, ваше императорство... величество... Простите, я не знаю, как нужно обращаться к наследникам престола, — немного смущенно улыбнулась я.

Леонар опять скривился, мгновенно отпустив мою руку.

— В стенах академии мы равны. Можешь звать меня на «ты» и по имени, как прежде. И никак иначе.

— Отлично! — чистосердечно обрадовалась я. — А то от всех этих титулов голову сломать можно. Вот уж у кого язык без костей, так это у высокородных... — А потом я вдруг поняла, какую окоlesiцу опять несу. — Упс, прости.

К счастью, принц только снисходительно усмехнулся.

— Ты абсолютно права. И это тебе еще повезло. Ты ни разу не была на придворных балах. Когда начинается представление гостей и называются все титулы и звания, со скуки можно умереть. А гость вынужден стоять в дверях, пока речь не закончится. Хорошо, что императорской семье это не касается. Наши титулы принято произносить укороченно. А то церемониймейстер до вечера бы не заткнулся.

Я засмеялась, представив, как принц засыпает, стоя под градом титулов. Леонар издал тихий смешок, и в помещении мгновенно стало легче дышать. Словно все напряжение разом исчезло.

Когда смех стих, он несколько секунд пристально смотрел мне в глаза, отчего мурашки вновь пробежали по спине, а затем неожиданно сказал:

— Ты не хочешь прогуляться?

Я перевела многозначительный взгляд на окно, за которым черная ночь уже давно вступила в свои права. И лишь холодный диск луны, который вновь напомнил мне чужие глаза, сиял на небе.

— Сейчас? — переспросила я, отгоняя воспоминания.

— Именно, — кивнул с улыбкой Леонар. — Ты ведь впервые на территории Мертвой академии. — А здесь есть на что посмотреть. Я мог бы стать твоим экскурсоводом.

Он посмотрел на меня прямо и спокойно, и мне понравилось, что в глазах больше не блестело ни одного сального намека.

— Ну, в принципе почему бы и нет? — без энтузиазма ответила я.

На самом деле мою усталость уже можно было резать ножом и намазывать на бутерброд. Такая она была густая и насыщенная после всего этого длинного дня. Но любопытство подмывало согласиться. Тем более когда еще я решусь прогуляться по территории Мертвой академии ночью?

Да меня же удар хватит при первом подозрительном шорохе.

— Вот и славно! — воскликнул принц. — Я подожду, пока ты переоденешься... — начал говорить он, одновременно оглядываясь по сторонам в поисках неразобранного чемодана.

А затем вдруг замер и посмотрел на мое покрасневшее лицо. У меня ведь не было с собой больше ничего. В Козьих Шишечках осталась старая одежда сестер, которую мне разрешалось донашивать и которую я не взяла в город. Да и не хотела брать. В том старом мире не было ничего моего. Даже это единственное платье, которое я связала незадолго до отъезда, было из старых ниток приемной матери. Она как-то выбросила свитер, который ей сильно надоел. А я подобрала, распустила и спрятала получившийся клубок...

— Это... вся твоя одежда? — удивленно приподнял бровь Леонар.

Я сжала зубы. Мог бы тактично промолчать.

— Да. И мне не хотелось бы это обсуждать, Леонар, — прохладно бросила я, сцепив руки на груди.

Он пожал плечами, словно его это мало касается, и спокойно прошел к трюмо, на ходу бросив:

— В платье даже удобнее. Только там сейчас жутко много комаров: у нас недалеко от общежития — большое озеро. А вот тут должен быть берег от мошка... это что за ерунда?! — ахнул он, отшатнувшись от раскрытого ящика.

А оттуда, положив лапы на деревянную крышку, резко высунулся хомяк. Довольно потрепанного вида, да еще и с торчащим с одной стороны клыком, которого совсем недавно не было видно.

Я усмехнулась, иронично поинтересовавшись:

— Боишься хомячков?

Принц посмотрел на меня с легким превосходством. И вместо ответа сам спросил:

— Что у тебя в ящике делает Люся?

Леонар поднял зверька за шкурку, а тот нервно засеменил лапками, явно намереваясь тяпнуть за палец наглеца.

Я поспешила малышу на выручку, тут же забирая его у Леонара.

— Эй, поласковее с моим другом, — бросила я, приглаживая вставшую дыбом шерсть и запуская животное обратно в ящик. — Так, значит, его зовут Люся? Это девочка?

Леонар издал презрительный звук, явно не испытывая ни капли нежности к грызуну.

— Нет, это мальчик. Кстати, ты поосторожнее с ним, он страшно

кусается.

А я отметила про себя, что тоже кусалась бы, если бы кто-то грубо хватал меня за шкуру.

— Мальчик? — переспросила удивленно. — А кому же тогда вздумалось назвать его женским именем?

На этот раз принц усмехнулся, сложив руки на груди.

— Люся — это сокращение. Догадаешься, от какого?

Зеленые глаза иронично сверкнули, не отрываясь от меня. А я нахмурилась, пытаюсь понять, как тут вообще можно догадаться.

Люсьен, Люсиль... крутилось в голове.

— Ну же, Лари, разве так много есть мужских имен, похожих на Люсю? — весело спросил он, вдруг схватив меня за руку и потащив к выходу.

Я округлила глаза и уже открыла рот, чтобы возмутиться, как Леонар добавил:

— Пойдем гулять, по пути будешь называть мне свои варианты.

И дверь в наши общие комнаты захлопнулась, снова явив мне распахнутую пасть химеры на лакированном дереве.

— А нас выпустят из общежития так поздно? — спохватилась я, когда принц уже протащил меня по всему коридору и впереди мелькнуло скривившееся лицо Аделии Ром, коменданта-призрака. — В Своде было написано, что...

— Конечно, выпустят, — самодовольно перебил Леонар, бросив высокомерный взгляд на высшую нежить. — С дисциплиной здесь так себе, я скажу.

Проходя мимо Аделии, он нарочно повысил голос, вызывая еще большее негодование у духа.

Бледные глазницы привидения сверкнули сумеречной зеленью.

У меня по спине пробежали мурашки. Это ж надо настолько не бояться существа, чья природа уже бесконечно далека от человеческой! Ведь призраки — это разумная нечисть. Говорят, в них нет добра, любви и сострадания. Только злоба и одним им известные темные помыслы.

Но Леонар бесстрашно проскользнул мимо, не выпуская мое запястье из своей руки. Мне ничего не оставалось, как следовать за ним.

Аделия и впрямь ничего не сказала. Лишь продолжала сверлить нас мертвым тяжелым взглядом.

Ночь встретила приятной прохладой и свежестью. Месяц Огня всегда был теплым. Мое любимое время года, когда сильная жара уже потихоньку спадает, но до промозглых дождей еще далеко.

— Так что там насчет Люси? — со спокойной улыбкой поинтересовался Леонар, неторопливо идя рядом и тем самым задавая направление.

Я вздохнула.

— Хомяк Люся... — произнесла задумчиво. — Это уменьшительное от Лозен?

— Нет, — покачал головой весьма довольный принц.

— Люсьен?

Снова нет.

— Лузиан? Люсиан?.. — продолжала гадать я. И тут меня как громом поразило. — Стоп. Люциан?!

Я повернула к Леонару широко распахнутые глаза, наблюдая, как он весело захохотал.

— В точку, куколка! Дэйн Люциан. Я назвал хомяка в честь нашего глубокоуважаемого ректора. Правда, отличная шутка?

Я вдруг покраснела, когда в голову пришла мысль: всего пару минут назад я гладила Люциана...

— Дурацкая шутка, — ответила я, прикусывая губу изнутри и все еще краснея. Хорошо, что ночью цвет лица не разглядеть. — С этих пор больше не зови его Люсей.

— Но почему, куколка? — удивился Леонар, выводя нас на узкую вытоптанную дорожку, по обеим сторонам которой рос дикий папоротник.

— И меня куколкой не зови, — бросила я, продолжая свою отповедь: — Теперь это мой хомяк. И я запрещаю укорачивать его имя. Люциан... значит, Люциан.

Имя, которое на самом деле было фамилией, словно прокатилось по языку, скрываясь в горле, а затем в груди горячим комком. Я шумно сглотнула странное ощущение, стараясь не думать об этом.

— Ладно, как скажешь, ку... в смысле, как скажешь, Лариана. — Леонар отвесил мне шуточный поклон, тут же схватив мою руку и неожиданно поцеловав. Словно придворной даме.

От этого жеста к щекам еще сильнее прилила кровь. Никто и никогда не целовал мне руку. А я в этот знаменательный момент думала лишь о том, как давно ее мыла.

Через секунду, отдернув ладонь, поспешила кивнуть и отвернулась.

— Эй, ты что, покраснела? — удивился он, не дав мне вырваться окончательно и уйти вперед.

— С чего ты взял? — досадливо бросила я.

— У тебя такая блед... светлая кожа, что румянец виден даже в

темноте, — усмехнулся он.

Да уж, свежим цветом лица я никогда не отличалась.

— Ну, хоть в некромантки хорошо впишусь, — проговорила я немного расстроено.

— Брось, бледность в нашей империи — признак аристократизма, — подмигнул Леонар. И мне неожиданно стало легче. Вообще, стоило представить, что пастушка-доярка гуляет под луной с сыном императора, и хотелось смеяться до колик в животе. Но это было так. Может, и правда в императорской академии на какое-то время все становятся равны?

— Пойдем, я хочу кое-что тебе показать.

Он потянул меня за руку, выводя к небольшой развилке на дороге.

— Вон там, в километре отсюда, наша академия. А здесь начинаются полигоны для испытаний и тренировок. Смотри, у нас есть выбор. Либо пойти к Лавовой каверне, где демонологи пятого курса отрабатывают свои дипломные проекты, либо к башне Воронов.

Я взглянула сначала вперед. Там вдали виднелись шпили черного замка. Небольшое, но очень внушительное здание, где мне предстояло учиться. И где я всего-навсего позавчера познакомилась...

Светлая сила, почему я все время об этом вспоминаю?

Дальше повернула голову налево. Там должна быть каверна демологов. Ничего не бросалось в глаза. Лишь пустое поле с темной зияющей дырой посередине.

— А там только пятикурсники тренируются? — удивилась я. Поле-то было громадное.

— Да, — подтвердил принц. — Их заклятия слишком сильны. И вокруг каверны остаются остаточные материи. Где-то бурлит лава, где-то земля переполнена магией, где-то прямо в песке может попасться мелкий бес. Младшекурсников туда не пускают.

У меня слова застряли в горле, стоило представить, на что я там могу случайно наступить...

— Нет, давай лучше в башню, — с улыбкой протянула я, чтобы не показывать истинных причин этого решения.

— Отличный выбор! — бросил принц, увлекая меня направо. — Башня Воронов — это все, что осталось от некогда огромного замка. Говорят, в нем жила какая-то проклятая колдунья. И во время одного из ее черных ритуалов весь дворцовый комплекс ушел под землю, похоронив с собой и хозяйку.

Мы уже шли по выбранной дорожке, и таинственная вершина одинокой башни становилась все ближе. А я с каждым словом Леонара все

меньше и меньше была уверена в собственном выборе.

— Сюда приходить запрещено, — добавил он, усиливая мои опасения. — Но мы с друзьями иногда гуляем поблизости, потому что именно возле этого места невероятно усиливается поток некромантии.

— Так если запрещено, может, и не стоит ходить? Не просто же так это сделано? А вдруг там опасно?

Но, конечно, на мои попытки отвертеться от прогулки принц отвечал только самоуверенными смешками. Мол, не бойся, детка, рядом с тобой храбрый рыцарь!

И уже через пару минут мы перелезали через высоченный кованый забор с острыми пиками. Леонар собирался мне помочь, подтолкнуть снизу, например. Но едва заметно приподнятые уголки губ быстро раскрыли мне его замысел.

Я одернула юбку пониже и ответила, что, если он не перелезет первый, вообще откажусь от прогулки.

Леонар ловко перемахнул через ограду, давая понять, что делает это далеко не в первый раз. А мне пришлось лезть следом. Уговор есть уговор!

Только вот я как-то не подумала, что с какой бы стороны от забора он ни стоял, моя юбка все равно окажется гораздо выше уровня его глаз.

И вот, когда я уже оказалась на самом верху, стараясь не повредиться об острые наконечники, снизу донесся довольный голос:

— Классные чулки, Лари!

— Что?! — воскликнула я, стремительно краснея.

И, забыв все на свете, отпустила руки, стараясь натянуть платье пониже.

На какое-то бесконечно короткое мгновение земля закружилась, меняясь местами с черным небом, обращаясь в одно большое пятно тьмы. А в следующую секунду меня уже держал на руках смеющийся принц.

Внезапно его лицо и такие светлые в ночи глаза оказались невероятно близко.

— Куколка, честное слово, ты — неуклюжая, как новорожденный котенок. — Его голос внезапно стал странно низким. — Если бы не я...

— Если бы не ты, я бы вообще не упала! — воскликнула я, спрыгивая на землю и освобождаясь от неуместных объятий. Потом стремительно пошла к башне, оставляя самоуверенного Леонара позади.

— Ну не обижайся, Лариана, это же была шутка!

Принц снова разговаривал как обычно. С легкой иронией и смехом в голосе.

Но, честно говоря, я не обижалась. Мне было слишком ясно, что он

привык к доступным женщинам. Привык к всеобщему вниманию. Может, он вообще не умеет общаться иначе, кроме как постоянно флиртуя со всеми подряд?

— Поторопись, — бросила я через плечо, — а то сопливая первокурсница доберется до запретной башни раньше тебя!

— Ну уж это вряд ли, — усмехнулся он, догоняя.

А таинственное строение, от которого и впрямь будто огромными челюстями отгрызли соседние стены, уже возвышалось впереди. Когда-то оно явно было очень высоким, но теперь целыми остались лишь несколько этажей. Однако это не мешало башне и сейчас упираться в небо, как острый черный клык.

На некоторое время мы остановились, замирая у самых стен. Камень внизу был покрыт зеленоватым мхом, но больше ничего, похожего на растительность, не жило вокруг строения. На несколько метров вокруг основания башни не колыхалась даже обычная трава.

Я затаила дыхание. На первый взгляд казалось, будто это были лишь старые, немного зловещие останки замка. Когда-то в нем жили люди, а теперь это лишь просто умирающий камень. Покрытый паутиной трещин и сколами.

Но стоило присмотреться поближе, как становилось ясно: все гораздо хуже.

Чувствуя странное тяжелое ощущение внутри, я медленно прикоснулась к стене, ожидая почувствовать холод под подушечками пальцев.

Но черный камень не был холодным. Он был... никаким. Как моя собственная ладонь. И это неожиданно испугало.

— Осторожно, — немного нахмурившись, бросил принц, убирая мою руку. — Башня проклята. Неизвестно, как она может отреагировать на тебя.

— Наследник империи боится рассыпающегося камня? — приподняв бровь, спросила я.

Хотелось слегка подколоть Леонара, стряхнуть с него «позолоту» дерзости и нахальства. Но на самом деле я будто собственной кровью чувствовала, что он прав. Здесь пахло магией. Она проникала в ноздри, оседала в легких, вызывала легкую дрожь в кончиках пальцев. Растворялась на языке привкусом пепла и тлена.

— Однажды какой-то пятикурсник умер возле этой башни. А ведь он просто гулял здесь. Как и мы. Никому доподлинно не известно, что стало причиной смерти, — серьезно ответил принц. И лицо его приобрело совсем другое выражение. Более благородное. Более взрослое. На миг я даже

подумала о том, что весь пафос и бесстыдство наследника престола — лишь внешняя личина, за которой прячется взрослый, рассудительный мужчина.

— Тогда зачем же мы сюда пришли? — удивилась я.

Впрочем, несмотря на то что ощущения странной темной магии вокруг с каждой секундой лишь усиливались, я уже не испытывала страха.

А еще через секунду пришла к удивительному и совершенно невероятному заключению: мне здесь вполне комфортно! Я даже почувствовала зуд в ладонях. Так хотелось сложить их в какой-нибудь символ и произнести древнее заклятие. Почувствовать себя великим некромантом, способным поднять орды нежити или мановением руки создать мертвые армии...

Жаль только, что, кроме одного-единственного заклинания изгнания, мне было ничего не известно об этой сумеречной науке.

— После того случая множество магиан уже побывали здесь, несмотря на запреты. И больше смертей не было. Так что в принципе здесь условно безопасно, если не лезть кикиморе в пасть, — продолжал Леонар.

— Ты имеешь в виду, не лезть в башню? — переспросила я, автоматически осматривая строение вокруг.

Как оказалось, снизу не было ни одной двери. А самое ближайшее окно располагалось на расстоянии трех метров от земли.

Принц фыркнул.

— А ты не такая трусиха, да, Лариана Ирис? — усмехнулся он. — В башню проникновение не просто запрещено. Оно грозит отчислением.

Теперь уже он сложил руки на груди, вальяжно облокотившись о старую каменную кладку. Совершенно не боясь какого-то там проклятия.

Я улыбнулась. Стоило ему озвучить эту мысль, как я поняла: мне действительно до дрожи в коленях хочется проникнуть внутрь. Посмотреть, что осталось от древнего убранства комнат. Прикоснуться к стенам, которые видели черную магию высшего порядка и впитали ее в себя.

— То есть наследник Туманной империи боится отчисления? — подначивала я, уже прикидывая, на какие выступы нужно наступить, чтобы забраться в окно.

— Ты ступаешь на опасную тропу, куколка, — улыбнулся Леонар, внезапно подходя ближе и слегка наклоняясь к моему лицу.

Сумеречный свет луны осветил его красивое аристократическое лицо и сверкающие охотничьим азартом глаза.

Я снова покраснела, почувствовав неловкость от такой близости. Но

гордость не позволила отступить.

Не отрывая взгляда от его зеленых глаз, я дерзким шепотом ответила, почти касаясь губ напротив:

— Я чувствую твой страх, Леонар Альвис.

Он дернулся, словно я засунула ему за шиворот змею. Вероятно, это прозвучало для него почти оскорблением.

А я в ту же секунду отвернулась, подходя к основанию башни под самым окном.

Позади меня принц фыркнул.

— Мы пытались залезть туда с друзьями. На окно наложен блок. Точнее, даже не блок. Там концентрация Сумеречных потоков столь велика, что отбрасывает любого, подошедшего слишком близко. Можно получить онемение конечностей или даже отравление Тьмой.

Но меня как будто не интересовал его ответ. Где-то в груди клокотало, что я должна проникнуть внутрь. Потому что я это могу.

Нащупав несколько хороших выступов, я бросила взгляд на принца, который снова сложил руки на груди и, стиснув зубы, смотрел на меня.

— Не делай этого, — раздался его строгий голос.

— Или помоги, или не мешай, — запальчиво бросила в ответ.

Если бы Леонар немного подстраховал меня снизу, было бы гораздо проще. И теперь меня даже не столь волновало, увидит он снова мои чулки или нет. Желание прикоснуться к запретному влекло, как бабочку на свет.

— Ты понимаешь, что это не просто бесполезно, но и опасно? — еще раз спросил Леонар, все же подходя ближе.

И, не услышав от меня ничего, кроме невразумительного мычания, вздохнул, осторожно взял ладонями за талию и начал поднимать вверх.

Наследный принц, к моему удивлению, оказался очень силен. Уже через пару секунд я стояла у него на плечах, ощупывая старую раму, давно лишенную стекла.

Изнутри башня смотрела на меня черной пустой глазницей комнаты. А я не могла ничего разглядеть, пока не попаду внутрь. Но сам воздух вокруг рамы и впрямь был опасно плотный. Он клубился едва заметным могильным туманом, совершенно не пропуская внутрь.

— Ну что, теперь ты веришь? — прохладно спросил принц. — В башню проникнуть невозможно.

Я закрыла глаза, тяжело дыша. Снова это ощущение, будто убийственная, страшная магия проникает внутрь меня... и не причиняет ни малейшего вреда.

Протянула руку к плотному туману. Кончики пальцев защекало

мягкое призрачное полотно.

Ну почему, почему я не знаю ни одного заклятия?! Сейчас отсутствие знаний ужасно расстраивало. Ведь я почти чувствовала, что передо мной темная материя и что она... почти живая.

— Лари, может, уже будем спускаться? — поинтересовался Леонар. — Хотя, признаться, вид отсюда открывается очень даже неплохой.

Я постаралась не обращать внимания на то, что он там видит, когда мои ноги стоят у него на плечах. Все мое внимание занимало окно.

Я снова протянула руку и дотронулась до «завесы». Она мягко толкнулась мне в руку, обдав легкой прохладой и застарелым запахом смерти.

А потом я вдруг тихо прошептала:

— Приветствую тебя. — И, не найдя лучшего имени, добавила: — Тьма...

Леонар снизу поднял голову и удивленно бросил:

— Куколка, разговаривать со старыми развалинами — плохой знак. — Похоже, он слышал все мои слова.

Ну и пусть. Мне не стыдно. Ведь уже через миг я ощутила, что «завеса» в окне исчезла!

— Хотя я не против, — с усмешкой продолжал принц, не замечая, что происходит нечто странное. — На твои милые трусики в красных сердечках я готов смотреть хоть всю ночь.

И тут его голос оборвался, потому что я подняла сначала одну ногу, затем вторую, поставив их на оконную раму. А после и вовсе с треском провалилась в черноту проклятой башни Воронов.

Глава 8

ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ, МАЛЫШКА, ВЫЛЕЧУ ТВОЮ ЛОДЫЖКУ!

Пахло сыростью и плесенью. Легкая прохлада ласкала кожу, мурашки покалывали поясницу.

Я встала с пола, отряхивая безнадежно испачканное платье от пыли и земли, нанесенной из разбитого окна. Похоже, после этой прогулки мне придется полночи стирать одежду, а завтра идти на лекцию в мокрой.

Но все эти неудобства меркли по сравнению с тем фактом, что я находилась внутри проклятой башни! Древней, опасной и полной могучих сумеречных материй!

Все тело не покидало ощущение легкого покалывания. Напряжение, смешанное с предвкушением чего-то удивительного, вызывало непрекращающийся зуд любопытства.

Я смогла проникнуть сюда! Смогла сама!

— Куколка, ты жива?! — испуганно крикнул снизу Леонар.

— Жива! — ответила я тут же, замечая, что с губ не сходит улыбка.

— Хвала сумеречным богам, я думал, тебя Тьма засосала и уже где-нибудь пережевывает.

Я тихо усмехнулась, молчаливо размышляя, пошутил он или нет.

В любом случае мне было не страшно. Оглянувшись по сторонам, я пыталась впитать в себя древнее убранство комнаты, почувствовать усиленные темные потоки, с которыми работают некроманты. И казалось, у меня это получается.

Разбитое окно вело в небольшое помещение, напоминающее гостиную. Все вокруг было черным и мрачным, словно я попала в склеп. Стены, с которых облупилась прогнившая краска, ковер, истлевший до состояния скользкой пыли, кресло, разорванное и покрытое странной плесенью.

Я осторожно шагнула вперед, присматриваясь внимательнее.

— Ничего не трогай, я сейчас поднимусь к тебе! — прозвучал голос принца, а следом за ним раздался шум осыпающейся каменной крошки.

Но мне было не до него.

Я медленно вдыхала воздух, который казался тягучим, словно мед. Отравленный мед какой-нибудь змеиной акации. Но влажный запах

плесени, смешанный с сильным ароматом могильных камней и тлена, совсем не вызывал неприятных ощущений. Этот букет означал темную магию. Здесь пахло некромантией. И я буквально купалась во всем этом мареве.

Я прошла чуть глубже в комнату, обходя развалившееся кресло, стараясь не сильно ступать по ковру. Где-то справа лежали части деревянного стола. Они будто были изъедены черной ржавчиной или источены каким-то страшным огненным червем. От этого предмета мебели мало что сохранилось.

А еще впереди и слева обнаружилась оскаленная пасть камина. Со всех сторон он был заключен в металлическую раму с клыкастыми мордами драконов. Вероятно, по задумке мастера, огромные существа словно бы исторгали пламя прямо на поленья. Но сейчас рама облупилась, металл выглядел кривым и оплавленным.

Подошла ближе, чувствуя, что прямо здесь воздух становился плотнее. Еще шаг, и я напряженно замерла, вглядываясь в черный провал.

Прохладные потоки магии заскользили по мне, мягко касаясь мельчайших волосков на руках. Словно по коже ползли невидимые крошечные червячки. Они одновременно легко щекотали и вызывали чувство нервного дискомфорта.

По спине пробежали мурашки. Дышать стало тяжелее. Будто сам воздух не хотел проникать в легкие.

— Что происходит? — тихо прошептала я в пустоту, не рассчитывая, что кто-то мне ответит. Прошептала просто для того, чтобы самой себе придать смелости.

Со стороны окна донесся голос Леонара:

— Лариан, тут очень сложные выступления... Тьма задери эти старые камни!

Послышались шум падающей кладки, осыпающейся кирпичной крошки и ругань принца.

— Но я уже почти забрался!

Даже не повернув головы к окну, я продолжала осматриваться. Бесспорно, меня влекло в комнате именно это место. Возле камина.

Медленно закрыла глаза, будто залитые смолой, а затем открыла вновь. Вокруг меня плясали, перетекая друг в друга, десятки темных потоков. Магия здесь была повсюду. Черные струи смешивались, практически сливаясь в единое полотно. Казалось, я плавала в озере сумеречной материи. И гуще всего тьма была прямо здесь. Подо мной...

Я опустила взгляд вниз и с удивлением заметила, что на старом

деревянном полу что-то начертано. Сквозь пыль, прах и нанесенную ветром землю рисунка было почти не видно. Но мои шаги всколыхнули вековую грязь, открыв глазам какие-то символы.

Наклонившись над изображением, я стала рукой очищать поверхность. Запачкаться было уже не страшно.

Символов оказалось довольно много, но я бы не сказала, что они выглядели сложными. Расположенные точно по кругу древние закорючки вызвали у меня почти детский восторг. Вот она — настоящая черная магия! Высшая некромантия! И я первая вижу их спустя столько веков!

Пролезающий в окно Леонар успел застать сцену, как я беспечно хлопаю в ладошки, сидя на корточках и двигаясь вокруг своей оси. Символов оказалось ровно семнадцать, и все они окружали меня плотным кольцом, так что приходилось смешно вертеться, чтобы рассмотреть каждый.

И на этот раз мне было не стыдно, что кто-то застал меня по-детски радующейся находке. Ведь она и впрямь была удивительной!

— Лари, что ты... — начал Леонар, на миг застыв в проеме.

— Смотри, что я нашла! — воскликнула я, поворачиваясь лицом к камину.

Там, ближе всего к оплывшим драконьим мордам располагался самый крупный знак. Я коснулась его пальцами, подушечками ощущая легкую вибрацию.

— Подумать только! — ахнула я. — Он будто живой!

Провела указательным по контуру символа, чувствуя, как колыхнется в ответ Тьма. Это было так удивительно: ощущать, что магия тебя понимает...

— Леонар, эти знаки как будто говорят со мной, — зачарованно произнесла я.

— Лариана, отойди неме... — почти прорычал принц одновременно с тем, как я шепотом проговорила:

— Вы слышите? Я хочу знать, зачем вы нужны...

И в следующий миг мир перевернулся.

Знаки вокруг вмиг зажглись калено-белым призрачным огнем, словно сжигая пыль и грязь вокруг. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног и исчезает, увлекая меня в бесконечное падение.

Крик застыл в горле, и только где-то на задворках реальности я слышала голос Леонара. Кажется, он тоже что-то кричал.

Уже через мгновение я очутилась на холодном каменном полу идеальной чистоты. Ватная тишина опустилась черным пологом. Грязная,

поеденная магией древняя комната превратилась в огромный зал с высоченными потолками. И я сидела в самом его центре.

— Ау... — тихо сказала я, ошарашенно оглядываясь по сторонам.

Глухое эхо прокатилось по помещению, отскакивая от стен и возвращаясь вновь ко мне.

Страх прополз по позвоночнику холодной змеей, сворачиваясь в клубок где-то в кишках.

Я с силой зажмурилась, подтягивая колени к груди и надеясь, что, когда вновь распахну глаза, все встанет на свои места.

И вот дернуло меня любопытство разговаривать с древними некромантскими символами? Не хватило мне драугра на сегодняшней лекции.

Но когда глаза вновь открылись, ничего вокруг не изменилось. Под далеким потолком сверкала странным белесо-синим светом люстра. Причем это был не огонь и не магические фонари. А словно светился сам ледяной хрусталь, из которого и были изготовлены мрачные софиты.

Пора было брать себя в руки. Я с усилием выдохнула, отпустила колени и поднялась на ноги. Страх все еще заставлял вздрагивать, но в целом разум победил инстинкт: я двинулась вперед.

Мои тихие шаги разносились вокруг, создавая гнетущее эхо, но я старалась не обращать внимания. С темных гобеленов на меня смотрели девушки. Точнее — одна девушка. Сначала совсем еще ребенок, она будто перескакивала с одного на другой, постепенно взрослея. Белые, как первый снег, волосы кудрями спадали на узкое лицо. Из-под длинной челки виднелись черные глаза. Неестественно большие, слишком насыщенного цвета для человека.

Так, по крайней мере, мне показалось. Я ускорила шаг, надеясь побыстрее покинуть этот зал, где странная леди будто бы следила за каждым моим движением. Потянула за кованую ручку огромной двери, и та со скрипом открылась, выводя меня в еще более темный и пугающий коридор.

Немного нервно я оглянулась по сторонам в поисках хоть какого-то источника света. Но его не было. Вокруг расстилалась почти крошечная тьма.

Передо мной встал выбор: либо оставаться сидеть посреди пустого зала, либо попытаться найти выход из этого странного места. И выбор пал на второй вариант, несмотря на то что в коридор мне идти совершенно не хотелось.

Через мгновение я шагнула во мрак, моля всевозможные светлые силы

вывести меня отсюда.

Как только я ступила в коридор, дверь позади с шумом захлопнулась.

Липкая холодная волна прокатилась по спине. Волосы на затылке зашевелились.

Я сделала еще пару шагов. Ноги тонули в ковре с мягким, пушистым ворсом. На этот раз я двигалась почти бесшумно. Только вот здесь шумел кто-то другой.

Раздался крик. Далекий, вымученный, приглушенный. За ним еще один.

Я бросилась бежать, почти не разбирая дороги, рискуя врезаться в темноте в колонну или стену. Но сердце стучало так быстро, что казалось, за мной гонится сама смерть. Ладони похолодели, кровь отлила от лица.

Как и предполагалось, через несколько метров я обо что-то запнулась, распахнула руки и полетела вперед. Ни дать ни взять — подстреленная куропатка.

И кажется, я при этом подвернула лодыжку и разбила лицо.

— Ну что за «везение»! — прохныкала я, выпрямляя руки в локтях и облизывая распухающую губу.

— Магиана Ирис?! — раздался откуда-то сверху очень знакомый и грозный голос. Пронизывающий насквозь, вызывающий дрожь в коленях гораздо более сильную, чем прежний страх.

Я медленно подняла голову вверх, все еще стоя на четвереньках. Сначала моему взгляду предстали мужские полусапоги с металлическими пряжками сбоку, затем брюки, плотно обхватывающие мощные сильные ноги.

Я громко сглотнула, продолжая поднимать глаза.

Ремень из бугристой кожи, черная рубашка нараспашку, обнаженная грудь, внушительные кубики пресса, широкие плечи, по которым раскинулись водопадом калено-белые волосы, отдающие сталью...

— Ректор Люциан? — промямила я, глядя в глубокие сумрачные глаза, пылающие сейчас такими яркими эмоциями. Удивление, гнев, холодность. И что-то еще. Да, абсолютно точно что-то еще, делающее серый грозный взгляд странно... теплым.

— Господин Люциан, — поправил он меня тут же, сжимая кулаки. — Как вы сюда попали, магиана Ирис?! — продолжил он меня отчитывать.

А мне стало ужасно грустно.

— Провалилась через башню Воронов, — тихо проговорила я.

— А как вы оказались там? — звенел ледяной голос ректора.

— Гуляла... — Я очень боялась, что соврать мне все равно не удастся.

— С кем? — еще громче спросил он, заставляя меня сжаться в маленький комочек.

Ужасно хотелось прикусить язык, обмануть. Не подставлять принца. Но затягивающееся молчание играло не мне на руку.

— Имейте в виду, магиана, — хлестал низкий тембр ректора, — что я все равно узнаю правду. А вам будет хуже.

— С Леонаром Альвисом, — почти шепотом ответила я.

А затем опустила голову и подавила судорожный вздох. Ведь вопреки моим попыткам взять себя в руки, я все же испытала сильный страх. Меня до сих пор слегка трясло от того, что я попала в это темное место, полное криков боли, ватной тишины и внимательных глаз беловолосой женщины. Если бы я знала, что все так кончится, разве стала бы лезть в эту проклятую башню Воронов?

А теперь слышу лишь злые и холодные слова, которые пусть и заслуженны, но так болезненно остры.

Хотя даже себе я не могла признаться, что, несмотря на обиду, невероятно рада появлению ректора.

— Похоже, юнцу корона принца окончательно мозги передавила, — с едва сдерживаемой яростью проговорил ректор. — На этот раз ему это с рук не сойдет.

— Не надо... — вяло проговорила я, встретившись со стальной серостью взгляда. Тут же съежилась под этими пронизывающими глазами и уныло посмотрела вниз.

— Не стоит, магиана Ирис... — грозно процедил Люциан сквозь зубы. Я промолчала, едва ощутимо вздрогнув.

— Магиана... — повторил хмуро Люциан и неожиданно оборвал себя на полуслове. Глубоко вздохнул и вдруг... сел на корточки рядом.

Я все еще смотрела в темную вязь ковра, на котором не могла различить ничего внятного.

Сейчас... Сейчас я соберусь с силами и...

— Лариана, — тихо и совсем другим голосом произнес Люциан.

А когда я не подняла головы, он вдруг мягко коснулся моего подбородка, заставляя посмотреть на себя.

Я почувствовала тонкий аромат дождя и ветра. Свежий, немного терпкий запах с нотками ледяного ментола, мгновенно пьянящий, как вино из дикого винограда. Горячий, как лава, обжигающий саму кровь.

Серые глаза сверкнули серебром и потемнели. Я замерла, чувствуя лишь мягкую ладонь на своей коже и прохладу, которую она дарит. А еще ослепительную, ошеломляющую близость этого мужчины. Его лицо,

красиво очерченное идеально прямым водопадом волос. Светлая, почти сияющая во мраке кожа, к которой хотелось прикоснуться. Мягкая, чуть напряженная линия рта...

Такого близкого, такого волнующего...

Сердце тяжело отбивало удары, будто отмеряло секунды. Все медленнее и громче с каждым мгновением, пока мы замерли друг напротив друга. И я услышала, как вдруг Люциан задержал дыхание.

Осторожно опустил взгляд с моих глаз чуть ниже и остановился на разбитой губе. Он был словно зачарован. Ошеломлен.

Как и я.

А потом вдруг провел большим пальцем по подбородку и вверх, едва коснувшись маленькой раны.

Стало так горячо, что впору задохнуться. Это едва заметное движение вызвало в крови шторм.

О, светлые силы, это же ректор... Ректор императорской академии! Так какого демона происходит?

Сантиметр, между нами остался лишь один сантиметр. От этой мысли глубокая пронизывающая дрожь прокатилась по позвоночнику.

С тихим стоном я выдохнула, чувствуя, что схожу с ума. На какое-то короткое мгновение серые глаза Люциана расширились, став напряженно-испуганными. Словно он боялся, что сделал мне больно.

«Проклятье, мне не больно! Мне до безумия горячо... до головокружения, до крика...»

И, сама не понимая, что делаю, я подалась вперед, коснувшись его губ.

Хватило одного короткого движения, и расстояние между нами исчезло.

Пульс звучал в ушах колоколом.

Люциан замер, затаив дыхание, а у меня из головы исчезли все мысли. Только жажда. Неестественная жажда находиться сейчас здесь, рядом с ним. Касаться его и сходить с ума.

А еще страх, что он вот-вот оттолкнет. Резко выпрямится и скажет:

«Магиана Ирис, что вы себе позволяете? Вы сошли с ума?»

А я действительно сошла с ума.

Но он молчал, вдруг тихо вздохнув, напрягшись всем телом, как струна, готовая в любой момент порваться.

Я опустила веки, понимая, что в черноте моих зрачков написано слишком много: «Не уходите... Не сейчас...»

Одновременно я все же ожидала, что вот-вот это произойдет. И лучше тогда не видеть взгляда холодных мрачных глаз.

Но время текло, как ручей, и ничего не происходило. От ощущения чужого прохладного дыхания на моей щеке все вокруг закружилось. Губы, что оставались неподвижны, но и не отталкивали, вызывали слабость во всем теле. Хорошо, что я и так не стояла на ногах.

Тихий вздох, похожий на крик, вырвался из моей груди, которая вот-вот готова была разорваться от бешено стучащего сердца.

Люциан вздрогнул, не двинувшись с места. Только хрипло и тяжело дыша. Его рука на моем подбородке испуганно замерла. А большой палец так и застыл в уголке рта, который я наконец позволила себе едва заметно распахнуть, обхватив его верхнюю губу.

Закрыв глаза, не соображая, не думая... Мне просто хотелось этого доноющей боли в груди.

Снова тяжелый выдох, коснувшийся моей щеки мягкой перечной прохладой.

И вдруг едва уловимое движение. Призрачное, осторожное, как крылья бабочки. Его рот приоткрылся, и, затаив дыхание, я почувствовала, как горячий язык скользнул по моей нижней губе. Обвел ее ласкающим движением и застыл на ранке.

Я не смогла сдержать стон. Тихий и оглушающий одновременно. В груди словно взвилось сумеречное пламя демонологов, будто разом лопнули все струны на гитаре сердца. Казалось, кровь закипела, а давно дремлющий вулкан взорвался потоком огня.

Так захотелось оказаться еще ближе! Коснуться его всем телом, прижаться к обнаженной груди под распахнутой рубашкой, зарыться руками в белые волосы, отливающих сталью.

Я дернулась вперед, протянув руку, но в следующий миг почувствовала холод. Распахнула глаза и поняла, что он отстранился и смотрит на меня своим серым взглядом, полным абсолютного мрака. Как я ни пыталась, не смогла прочесть там ни одной мысли.

Его ладонь уверенно сжимала мое запястье, не позволяя сделать ни одного движения. Но через секунду и она исчезла.

Ректор поднялся на ноги и невозмутимо протянул мне руку.

— Вставайте, магиана Ирис, — прозвучал бесцветный голос. — Нам нужно уходить отсюда. Это место... плохо влияет на рассудок.

Я не знала, что сказать. Все слова замерли в горле обжигающим комком. А сердце все продолжало ошеломленно биться. Только теперь оно болезненно-остро ударялось о ребра, напоминая, что все закончилось. А может, и вообще никогда не происходило.

Я воспользовалась предложенной помощью, чтобы встать, но так

ничего и не ответила. На губах все еще горел сладкий, пьянящий вкус его поцелуя, и ничего, совершенно ничего не приходило в голову.

Мы тихо шли по коридору, я старалась скрыть легкую хромоту в поврежденной лодыжке. И теперь даже странные крики, которые иногда раздавались неведомо откуда, больше не пугали.

Ректор шел чуть впереди, но ни на секунду не позволяя мне сильно оторваться от него. А я чувствовала, как щеки нестерпимо пылают.

— Вы знаете, куда попали, магиана Ирис? — спросил он, не поворачивая головы. И его голос снова звучал холодно и отрешенно, как будто ничего не произошло. Словно я не слышала его тяжелого дыхания несколько минут назад, не чувствовала осторожных прикосновений к своему лицу и губам, не ощущала горячий язык.

— Нет, — так же бесцветно ответила я.

Ректор бросил на меня косой взгляд, в котором промелькнуло любопытство, но тут же отвернулся.

— Это сумеречный мир, магиана. И хоть мы сейчас лишь на первом уровне, это не сильно меняет дело. Юным девам тут точно не место, если они, конечно, не хотят быть сожранными заживо. И вам еще придется потрудиться, чтобы объяснить мне, как вы собирались отсюда выбираться.

— Я и попадать-то сюда не собиралась, — буркнула в ответ, морщась от боли в ноге. Но я дала себе честное слово будущей некромантки, что не стану жаловаться.

— В высшей степени гениальное оправдание. Вот что значит яблочко от яблоньки... — фыркнул Люциан, посмотрев на меня странным, пронизывающим льдом взглядом.

— Что вы имеете в виду? — напряглась я, даже на миг остановившись.

Но ректор и не подумал удовлетворить мое любопытство, молчаливо вышагивая впереди.

— Не отставайте, магиана. Когда я говорил о перспективе быть сожранной заживо, я не шутил, — бросил он, оторвавшись от меня, замершей на месте, на несколько метров.

Я вздрогнула, тут же зашагала следом. Вновь поравнявшись с ректором, я успела заметить в уголках его губ тень ухмылки. Впрочем, через долю секунды она исчезла, и я уже не могла поверить, что это красивое каменное лицо способно на эмоции.

Коридор никак не кончался. Через какое-то время его направление изменилось, но он так и продолжал казаться бесконечным.

— Что это за замок? — спросила я, чтобы нарушить повисшее молчание, гнетущее не хуже странных криков, иногда разносящихся вокруг.

Я не была уверена, что Люциан ответит. Я вообще не понимала, о чем он думает и что чувствует. Но он все же сказал:

— Этот дворец — часть замкового комплекса, к которому принадлежит и башня Воронов на территории нашей академии. Когда-то всем этим владела молодая девушка по имени Эделина Штормарен.

— Та самая, что на гобеленах? — перебила я и тут же прикусила губу.

Но ректор не разозлился вопреки моим ожиданиям. Он спокойно кивнул и продолжил:

— Да. Та самая. Она была красива и очень умна. Полагаю, вы уже слышали, что случилось со всем ее замком. Есть предположения, как это произошло?

Люциан выжидающе посмотрел на меня. А я почему-то покраснела.

— Ну, видимо, она была сильным некромантом и совершила какой-то темный ритуал, который повлек за собой обрушение комплекса в сумеречный мир... — начала гадать я, почти забыв о боли в ноге.

Ректор некоторое время молчал.

— Увы, магиана Ирис. Это не совсем так. В свое восемнадцатилетие Эделина узнала о себе кое-что интересное.

Я затаила дыхание, чувствуя, что это и впрямь будет что-то из ряда вон. Но даже в самых смелых фантазиях я не могла вообразить того, что услышала от Люциана.

— Эделина Штормарен, сирота с рождения, таинственным образом унаследовавшая огромный замок на севере империи, оказалась... дочерью отца Тьмы.

— Что? Вы шутите? — ахнула я, не веря своим ушам.

— Отнюдь, — едва заметно улыбнулся Люциан, и лицо его будто начало оживать. Эта старая история, больше похожая на легенду, будто слегка рассеяла мрачную серость его глаз. — Девушка оказалась темной богиней, воплощенной в человеческом теле. И на самом деле она носила совсем другое имя.

— Какое же? — с придыханием спросила я.

Ректор странно взглянул на меня, будто наслаждаясь моим любопытством. А оно и впрямь было велико.

— Тиамант.

Я вздрогнула вновь. Это имя было прекрасно известно мне. Сумеречное чудовище, которым пугали в нашей деревне детишек с малолетства. Страшная богиня, пожирающая человеческую плоть, магию, душу...

А Люциан тем временем продолжал:

— В свое время человеческое тело Тиамант было уничтожено, а она сама отправилась в сумеречный мир вместе со своим замком. И только башня Воронов по какой-то нелепой случайности осталась на земле как напоминание о былых ужасах, творимых богиней.

В этот момент мы подошли к высоким дверям, окруженным призрачными символами. Многие из них напоминали те, что я уже видела перед самым провалом в этот мир. Люциан приложил ладонь к черному камню, и знаки вспыхнули.

Двери со скрипом открылись, а впереди моему взгляду явилась мрачная пустота и длинный веревочный мост, раскачивающийся над бездной.

Оказалось, что мы стоим почти на вершине огромной башни, и далеко внизу плещется то ли темно-синее море, то ли черная живая пустота. Высоко же в небе, напоминающем просто марево сплошной темной магии, витали какие-то белесые существа. Периодически они кричали, словно кто-то мучил или пугал их. А может, это они пытались кого-то напугать.

Я тихо ахнула и шагнула назад. Снова запнулась обо что-то, что на поверку оказалось углом старого ковра. И упала, зашипев, когда боль в ноге приобрела новую силу. Схватила за лодыжку и зажмурилась.

— Что с вами, магиана? — воскликнул, нахмурившись, Люциан и тут же опустил рядом.

А я больше старалась не смотреть на него. Вовсе не ощущать его близости.

Не услышав вразумительного ответа, Люциан опустил взгляд к моей ноге и тут же взял меня за запястья, открывая доступ к лодыжке.

Я подняла на него вопросительный взгляд, снова рассчитывая наткнуться на мрачные стальные глаза. Но передо мной было просто хмурое и очень озабоченное лицо. Потрясающе красивое в своей аристократической бледности. В холодности, которая иногда так неожиданно исчезала, словно ее никогда и не было.

Он с усилием развел мои руки и дотронулся ладонью до поврежденного места.

Я прикусила губу, сдержав вздох. Волна мурашек прокатилась по телу от этого прикосновения. Такого осторожного, почти ласкающего.

Мягкие ладони чуть охладили кожу, и жар, возникающий от едва ощутимых касаний, входил в резкий контраст с этой прохладой.

Он целиком обхватил пальцами лодыжку, и я замерла, вглядываясь в его хмурое лицо.

— Почему вы не сказали, что повредили ногу? — мрачно спросил он,

посмотрев на меня.

— А вам есть до этого дело? — раздался мой голос, который со стороны показался обиженным и жалким.

Но Люциан вдруг глубоко вздохнул и покачал головой. А затем резко встал, дернул меня за запястья вверх и вдруг... поднял на руки.

— Что вы делаете? — заикаясь, спросила я, чувствуя, как близко вдруг стала его обнаженная рельефная грудь, гладкая кожа, которая одновременно казалась прохладной, но под ней будто текла обжигающе горячая кровь.

— Несу вас обратно в академию, магиана Ирис, — ответил спокойно он, словно не делал ничего необычного. Его взгляд был устремлен четко вперед, будто он и вовсе старался на меня не смотреть.

Мне отчего-то стало обидно.

— Отпустите, я сама могу, — дернулась я, пытаюсь спрыгнуть.

Но руки Люциана, казалось, неожиданно превратились в камень, прижимая меня еще сильнее. Он держал так крепко, что дыхание перехватывало. И я уже не была уверена, что против. Сердце снова пыталось выпрыгнуть из груди, а щеки покраснели. До боли хотелось коснуться щекой его груди, услышать тихое биение внутри...

— Мне бы не хотелось, чтобы из-за моей невнимательности одна из магиан императорской академии улетела в голодную бездну уровней.

А через секунду мы уже ступили на первую перекладину деревянного моста. Я взглянула в пропасть, чернеющую под ногами ректора, и у меня вмиг пропало всякое желание сопротивляться.

Хотя «одна из» неожиданно больно укололо. А ведь он не сказал ничего особенного. Только озвучил то, что и было на самом деле.

Скрипучее дерево под ногами Люциана слегка покачивалось, а я чувствовала, как стынет кровь в жилах. Стоило бросить мимолетный взгляд в чернеющую пустоту внизу, как хотелось прижаться к ректору еще сильнее и молить его никогда больше меня не отпускать. Здесь было очень высоко. Очень. И в случае падения я не была уверена, что смерть — это худшее, что меня ждет.

В какой-то момент я сама не заметила, как зажмурилась, схватилась за полы мягкой мужской рубашки и уткнулась лицом в широкую грудь. Страх почти целиком перекрыл мне кислород.

Руки Люциана едва ощутимо дрогнули, а затем он прижал меня еще ближе. А может, мне это лишь показалось, просто в какой-то момент стало гораздо теплее. Спокойнее.

Когда я почувствовала, что ректор остановился, прошел, наверное, уже целый год. Я распахнула глаза, все еще лихорадочно сжимая его рубашку, и

обнаружила, что мы стоим в небольшой мрачноватой комнате, которая когда-то явно была уютной. Но сейчас мрак и тьма сочились в ней отовсюду, размывая светлые тона убранства странно уловимым могильным холодом.

Совершенно ничего не говоря и вовсе никак не комментируя мое вопиющее нарушение уставных отношений между ректором и магианой, Люциан осторожно поставил меня на ноги возле большой кровати с белым воздушным балдахинем, который в окружающем пространстве казался почти призрачным.

Серые глаза мужчины горели странным огнем. Словно он что-то хотел сказать, но не решался. Или не мог себе позволить. От этого по сумрачным радужкам разливалось что-то остро-тягучее, на грани боли.

Я замерла, не понимая, чего он хочет. Почему мы остановились и больше никуда не идем? Почему застыли рядом с этим огромным ложем, рассчитанным явно на супружескую пару?

Наши взгляды схлестнулись, и снова в воздухе что-то заискрило.

— Ложись, — тихо приказал он, и я вздрогнула всем телом, широко раскрыв глаза. Потом взглянула на кровать, куда указывала его рука, а затем — на него самого.

Мне показалось, что это шутка. Но Люциан выглядел донельзя серьезным. И лицо — напряженная каменная маска.

— На кровать? — пропищала я, чувствуя, что краснею.

На мягких губах, чей привкус вдруг вспомнился невероятно остро, мелькнула тень улыбки.

Стоило мне представить, как я ложусь в кровать с ректором, у меня заалели даже уши.

— Да, магиана Ирис, — ответил он. И улыбка стала чуть шире.

А я поняла, что впервые вижу главу императорской академии, высшего некроманта действительно улыбающимся.

Он смотрел на мое краснеющее лицо и явно наслаждался смущением, расцветающим на нем пышным цветом.

И через мгновение добавил, не без удовольствия наблюдая, как я в нерешительности переминаюсь с ноги на ногу:

— Кровать — портал домой.

Я громко выдохнула, почувствовав себя полной идиоткой. И тут же подчинилась, неохотно укладываясь на древнее покрывало.

Люциан осторожно лег рядом, и мы оба направили взгляд в потолок. Он вдруг глубоко вздохнул, словно невероятно устал.

Наши локти соприкоснулись, и я неожиданно поняла, что, несмотря ни

на что, все же лежу с Дэйном Люцианом в одной постели. Это было так дико и одновременно так волнующе.

Ректор поднял левую руку вверх, а правую, что лежала ближе ко мне, оставил на кровати. Рядом со мной.

Длинные светлые пальцы разошлись в разные стороны, и словно по их велению на потолке зажглись символы. Те самые символы!

Медленно, очень медленно огни начали раскручиваться по спирали. Сердце застучало быстрее, ощутив поток черной магии. А еще я поняла, что через каких-то несколько мгновений наша странная ночь с ректором Люцианом закончится.

Как будто услышав не только мои мысли, но и почувствовав горечь, которая проскользнула в них вопреки моей воле, Люциан вдруг подвинул руку, которая была ко мне так близко, и неожиданно переплел наши пальцы.

Прикосновение обожгло знакомой прохладой и такой ошеломляющей мягкостью. Нежностью...

Я закрыла глаза, чувствуя, как ректор сжимает мою ладонь, и от этого под кожей груди словно раскалялись мои собственные ребра, мешая дышать. Причиняя почти физическую боль.

А в следующий миг все исчезло. И мир вокруг превратился в один черный водоворот.

Глава 9

ЛЮБУЮ ТЬМУ МОЖНО ПРИРУЧИТЬ, КРОМЕ ТОЙ, ЧТО ВНУТРИ...

Он смотрел в зеркало и не мог поверить. Не узнавал самого себя. Холодная, почти ледяная вода стекала по светлой коже, рисовала влажные дорожки на его впалых щеках, огибала рельеф крепкого, тренированного тела. Но сам он ничего не чувствовал. Ни холода, ни касаний водяных струй.

Из отражения на него глядели чужие серые глаза, с каждым днем все более и более теряющие цвет. Лицо с каждым разом становилось все мрачнее, напоминая мертвую маску тех, кем он должен был управлять как некромант.

Сейчас это лицо словно насмехалось над ним, мол, смотри, Дэйн, смотри, в кого ты превращаешься! Скоро твое место займу я.

И самое страшное: ректор императорской академии, высший некромант не знал, кем будет это «я».

Он опустил голову, опираясь обеими руками о мраморную раковину, и безучастно смотрел, как вода, закручиваясь в воронку, утекает в узкое позолоченное отверстие слива. Влажные волосы, все больше отдающие сумеречной белизной, упали по обеим сторонам лица, словно отгораживая его от внешнего мира. Но это ничего не меняло. Ничто не могло отгородить его от собственных мыслей.

Через пару мгновений Дэйн выпрямился, упрямо посмотрев в зеркало, и мельком повернулся к отражению левой половиной лица. Поднял руку, увитую тугими венами, и убрал волосы назад.

Светлая кожа на щеке, шее и виске все больше становилась серой, будто каменной.

Он резко убрал ладонь, мокрые пряди упали на глаза, скрывая то, что высший некромант больше не желал видеть.

Близость смерти.

Смерть всегда была рядом с ним, сколько он себя помнил. И в пору юности, когда молодой, подающий надежды волшебник не боялся экспериментировать с самыми страшными темными материями. И в годы, когда у него уже было почетное, но ничего не значащее для самого Дэйна звание высшего некроманта. И почти двадцать лет назад, когда Тьме все же

удалось достать его...

Высшие некроманты живут долго. Управляющие черной магией способны оттянуть смерть. Когда-то Дэйн даже гордился, что в этой области преград больше нет. Темная материя подчинялась ему так же легко, как верный пес слушается доброго хозяина.

Но в какой-то момент все это потеряло смысл.

Теперь ректор императорской академии и сам не хотел вспоминать, сколько ему лет. Все потеряло смысл, ведь в любой момент привычное существование могло оборваться.

Но не только свое тело он чувствовал незащищенным. Слабым. Сегодня ночью маг, эмоции которого уже давно ушли на второй план, видел сон, подобных которому не являлось ему слишком много лун.

Он видел Лариану Ирис. Манящую, вздрагивающую в его объятиях. Он видел ее губы, тянущиеся к нему. Тело, выгибающееся в его руках, плавящееся от каждого прикосновения, тающее, зовущее.

Дэйн закрыл глаза, на какое-то время вновь погружаясь в невероятно яркие образы.

Лариана...

Ее глаза, темно-фиалковые на бледном узком лице, обрамленном пышными черными волнами. Там, в сумеречном мире ее глаза смотрели на него так, будто он — весь мир. Будто, кроме него, ей никто не был нужен.

Никто и никогда не смотрел так на Дэйна. А может, он не замечал.

Но это фиалковое безумие обожгло его, точно огонь, заставляя сгорать снова и снова, замирать и вдыхать легкий сладковатый аромат карамели и диких яблок. Почему она так пахла? Почему этот густой нежный флер, окутывающий согревающим теплом, хотелось вдыхать не переставая? Пить, забыться в нем, утонуть, дойдя до самого дна...

Дэйн не мог понять, что с ним творилось. Как он мог позволить себе поцеловать магиану из собственной академии? Как мог позволить себе чувствовать ее губы и не отстраняться? А наоборот, глубже и глубже падать в это безумие, заставляющее все больше хотеть...

Ее взгляд, ее худенькие ладони, ее рот...

Дэйн закрыл глаза, стараясь выкинуть девушку из головы. Но, как бывало уже не раз, яркие образы, единожды появившиеся в голове, не желали уходить.

Лариана Ирис.

Это имя загоралось в голове тревожным маячком, заставляя нервничать.

Магиана императорской академии. Его академии! Простая

первокурсница. Почти ребенок по сравнению с ним.

И все эти мысли были неправильными. Глупыми, грязными, сумасшедшими. Но почему тогда они были ему так нужны? Почему она вдруг стала ему так нужна?

Перед глазами вновь мелькнул ее рот. Горячий, влажный, желанный. Он хотел ее рот. Хотел ее саму. Всю, от густых волос цвета спящей Тьмы до кончиков пальцев на руках, которым он не позволил до себя дотронуться. Так хотел, но не позволил. От подвернутой лодыжки, которую жаждал покрыть поцелуями, до разбитой губы, которую ласкал бы до умопомрачения, пока вместо боли она не ощутила бы удовольствие. До стонов. До криков.

Он сходил с ума.

Но была и другая сторона проблемы. Сторона, которая почти пугала высшего некроманта: вопреки всему Лариана Ирис никогда не была простой первокурсницей. И он, Дэйн, знал это с самого начала. Девочка, за которой он следил с рождения. Издали. Оставаясь всегда в тени. Ему не нужно было находиться поблизости, чтобы знать, что ребенок растет в обычной деревенской семье. Что у нее есть все необходимое для жизни, а сама она... такая же, как и все.

Это было самое главное.

Как вышло, что в один прекрасный день Лариана оказалась на пороге его кабинета? Как вышло, что это уже был не маленький ребенок, а девушка с ярко-алыми пухлыми губами, огромными глазами и фигурой, далекой от детской?

Как вышло, что, придя в первую ночь к ней в комнату, он, высший некромант, ректор академии, мужчина, который повидал на своем веку множество женщин, вдруг повел себя как мальчишка? Не смог просто взять и отвернуться, уйти, узнав то, что хотел.

А что он, собственно, хотел? Проверять на предмет темной магии ее шкафы, мебель, комнату. Искал следы того, что много лет назад ошибся... А нашел лишь пустые углы, полные ночных теней. У бедняжки не было даже чемодана с вещами.

Так почему он не ушел сразу? Какого демона он сел к ней на кровать и стал наблюдать, как лунный свет освещает ее кожу в цвет жемчуга? За какой тьмой ему понадобилось касаться ее длинных худых ног, которые приковывали взгляд, почти обжигая?

Дэйн вновь ощутил жар. Такой редкий для него, привыкшего к холоду. Но сейчас в груди словно горел огонь, облизывая ребра раскаленными языками. Пламя расползлось повсюду, проникая в голову, мысли, кровь.

Заставляя думать о том, о чем думать не следовало.

Он закрыл глаза, издав глухой стон. Маленькая девчонка никак не хотела покидать его головы. Мысленным взором он видел, как Лариана прикусывает свои пухлые губы, как смотрит на него заворуженно, не отрываясь. И Дэйну хотелось броситься к ней, прижать к себе, раскрывая ее рот своим языком. Не позволять больше маленьким зубкам терзать то, что так хотел терзать он сам.

Он ворвался бы в этот рот, влажный, раскрытый для него. И пил бы ее неумелые поцелуи, как напиток сумеречных богов. Он бы проник ладонями в черный водопад ее волос и неистово сжал, не позволяя отстраниться ни на миг, ни на миллиметр. Ласкал бы нежную кожу, заставив запрокинуть голову. Губами ловил тяжелое дыхание, переходящее в стон.

Отец Тьмы, как она стонала...

Дэйн поднял руку, коснувшись пальцами переносицы, с силой стиснув челюсти, пытаясь выкинуть это из головы. Но все упорно оставалось внутри.

Ее тихий стон, когда он едва коснулся пальцем ее губы...

Он думал, что сделал ей больно. Но уже через секунду в ее фиалковых глазах сверкнул такой голод, что он, Дэйн, чуть не утонул в нем, забывая обо всем. Позволяя маленькой первокурснице обжечь его поцелуем. Отравить. Заколдовать...

Стало слишком горячо. Захотелось избавиться от этого ненормального жара. От напряжения, скручивающего мышцы живота в голодной спирали.

Но это было невозможно. Невозможно, Тьма ее заberi! Потому что Лариана Ирис — всего лишь маленькая первокурсница, магиана проклятого ЦИАНИДа. А он — ее ректор...

Резко открыв глаза, Дэйн со всей силы ударил кулаком в стену. Его челюсти были крепко сжаты, а в серых глазах мелькнула ярость. Гнев на самого себя.

Дорогая каменная плитка ванной комнаты дала трещину. Кривые линии расползались в стороны, как лапки паука.

Дэйн не почувствовал боли. Сначала это показалось нормальным, привычным. И вроде даже позволило немного успокоиться. Но через мгновение он медленно поднял руку и посмотрел на кулак, по которому катились скупые капли алой крови.

Правый кулак.

Зрачок в серых глазах стремительно расширился, превращая взгляд некроманта в озера тьмы.

Это было ненормально. Неправильно. Плохо.

Он поднял левую руку и расположил ее рядом, сравнивая. Белый, с легким мраморным оттенком цвет кистей почти не отличался. А это могло означать только одно...

Уже через каких-то десять минут Люциан был полностью одет. Волосы скрывали щеки, а строгий дорогой костюм, приличествующий ректору императорской академии, — душу и мысли. Мысли, которые должности ректора вовсе не соответствуют.

— Даллар, ты здесь? — спросил он, напряженно вглядываясь в зеркало, на серебряной раме которого было полно запекшейся крови. И свежая багряная полоска алела сбоку.

На миг отражение мужчины подернулось черным туманом. Кровь активировала заклятие, и через секунду на другой стороне овального контура появилось сморщившееся светлое лицо.

— Дэйн, ты же знаешь, как я не люблю эти твои некромантские штучки... Что случилось? — резко прервал сам себя ректор совсем другой академии.

Хемиан Даллар — старый друг, помощник и почти брат. И по совместительству — руководитель Хищной академии магии жизни, в простонародье — Худшей или Живой академии в противовес Мертвой академии, которая считалась лучшей.

Даллар был друидом. Очень сильным и опытным. Одним из лучших мастеров в своем деле. Он чтит жизнь и презирал смерть. Считал недостойным уважения все, что связано с темными материями и некромантией, включая императорскую академию.

Но все же друзей ближе, чем два таких разных человека, было сложно сыскать. И несомненно, этому имела своя причина, скрытая не одним прожитым десятилетием.

Хемиан был высоким мужчиной с блестящими черными волосами, строго зачесанными назад. Под густыми бровями сверкали цепкие глаза цвета ночного мрака. Сам образ хмурого ректора, на лице которого уже проступали морщины, плохо ассоциировался с друидами. И Дэйн любил говаривать, что из его старого товарища вышел бы отличный некромант.

В ответ на это Хемиан Даллар, как правило, морщился, прося друга не мучить его благородные седины. Хотя у ректора ХАМа не было даже и намека на седину.

К своим сорока с лишним годам он выглядел поджаро, даже почти молодо. Но, конечно, не так хорошо, как сам Дэйн, за спиной которого хоть и было несколько больше прожитых лет. Внешне он смотрелся чуть старше выпускников академии.

— Что случилось? — настойчиво повторил друид, напряженно вглядываясь черными кристаллами глаз в лицо напротив. — Ты сегодня бледен еще больше, чем обычно, — попробовал усмехнуться он, видя, что друг тяжело дышит и не торопится отвечать на вопрос.

— Хемиян, процесс ускорился. Мне снова нужна твоя помощь, — глухо бросил Люциан, глубоко вздохнув.

Он выпрямился, плотно сжал челюсти. И теперь на лице высшего некроманта снова не было ни капли волнения.

Друид нахмурился.

— Ускорился? Почему это произошло? — попытался уточнить он, но Дэйн в ответ лишь едва заметно пожал плечами, словно его это не касалось.

Хотя на самом деле только эта мысль и витала сейчас в его голове, болезненно ввинчиваясь в мозг вопросами без ответов.

— Хорошо, жди... — бросил Хемиян, и зеркало снова пошло густой черной рябью.

Уже через каких-то пару минут в кабинете стояли и смотрели друг на друга два ректора.

Друид использовал один из амулетов, способных открыть кратковременный портал. Дорогая игрушка, доступная только очень богатым и влиятельным высокородным, на которую у Хемияна никогда в жизни не хватило бы денег. Но которую ему много лет назад подарил его лучший друг — высший некромант.

— Покажи мне, — ровным голосом попросил друид. Попросил или потребовал — сложно сказать.

Дэйн поморщился. Но он понимал, что это необходимо. Без помощи сил жизни у него не было шансов. А товарищ имел право знать, за что отдает свою кровь.

Ректор ЦИАНИДа закрыл глаза и сжал губы. А затем выставил перед собой правый кулак с разбитыми костяшками. Кровь больше не шла, но раны почему-то не закрывались.

— Я не чувствую боли, Хемиян. Ни левой рукой, ни правой.

Голос прозвучал глухо и немного зло.

— Давно ты заметил? — приподнял бровь друид, бросив мимолетный взгляд на руку друга, исчезающую в кармане приталенного пиджака.

— Сегодня.

— А как давно?

— Не знаю, тьма тебя забирай! — оборвал Дэйн, упал в кресло и указал товарищу на такое же напротив. — Садись, я попрошу принести нам чего-нибудь.

— Нет времени, — покачал головой друид. — Я подготовлю все что нужно. Приступим прямо сейчас.

— Как пожелаешь, — устало ответил некромант и отвернулся.

Даллар еле слышно хмыкнул. Это показное безразличие не могло обмануть его. Ректор Живой академии знал, что на самом деле за холодной маской отрешенности скрывается живое страдающее сердце. Но Дэйн Люциан был из тех людей, которые не умели показывать свою слабость, уязвимость. Хотя, по мнению друида, это не делало его сильнее.

Хемиан пошуршал в соседней комнате, где была устроена небольшая лаборатория, и уже хотел было позвать некроманта туда. Но бросил быстрый взгляд на друга, встретившись с серым льдом его глаз, и решил провести обряд прямо в кабинете.

— На этот раз тебе придется больнее, Дэйн, — спокойно предупредил друид, расставляя на столе несколько разноцветных камней вокруг глубокой металлической чаши.

Некромант безразлично тряхнул головой. Белый водопад волос упал на спину, целиком открывая прямое уверенное лицо. Спокойное, как сама смерть.

— Главное, чтобы ты не чувствовал боли, — спокойно ответил он, закатывая рукав и обнажая предплечье, увитое венами. — А обо мне не беспокойся. Это мое проклятие, а не твое.

Даллар глубоко вздохнул, нахмурившись. Ему многое хотелось бы сказать сейчас о глупости Дэйна, о том, что он сам во всем виноват. Но ни слова не сорвалось с крепко сжатых губ.

В следующую секунду в воздухе блеснуло тонкое лезвие, похожее на кривой волнистый язык. Друид знал, что это оружие причиняет дополнительную боль, но, к сожалению, заменить ритуальный клинок ничем не мог.

Затем на стол опустилась пузатая колбочка с плещущейся внутри зеленой жидкостью.

Дэйн взглянул на бутылек с отвращением, но не отвернулся.

Хемиан открыл тугую пробку, аккуратно полоснул кинжалом по своей ладони и, даже не поморщившись, сжал ее в кулак над емкостью с зельем.

Крупные багряные капли набрякли в складках ладони и сорвались вниз.

Ректор Мертвой академии проследил за ними тусклым замороженным взглядом, наблюдая, как жидкость в колбе меняет цвет на ядовито-алый. В этот момент друид начал читать заклинание:

— Engr'yl annery hil ausver'dhiren valde. Sierde dasu nirven, sierde dasu

kol'hen, sierde dasu trien. Jardo treblu li'rven yt nikhe vazer'.^[1]

Древние слова редкого заклęcia, связывающего силы жизни и смерти, звучали тихо и напевно. Они погружали в легкий транс, но высший некромант знал, что это лишь отголоски той силы, что скоро принесет ему чудовищную боль.

Но он не боялся. Боль все еще заставляла его чувствовать себя живым. И Дэйн ее почти ждал.

Заканчивая свое заклинание, Хемиян резко схватил друга за руку, дернул, расположив ее над чашей, и активировал слово-ключ:

— Shain'eru-ily-Dert!^[2]

Тут же полоснул клинком по венам некроманта, и густая темная кровь полилась в чашу.

Дэйн не моргнул и глазом.

Он смотрел, как багровые струи его жизни и смерти окрашивают металл в отвратительный цвет, блестящий и влажный. Холод усилился. Тьма, что жила в нем уже много лет, зашевелилась где-то в груди, расправляя крылья, мерзко двигаясь, как огромная антрацитовая змея, расправляющая кольца.

Беловолосый некромант глубоко вздохнул. Много, очень много крови на этот раз утекло в чашу, а Хемиян все не останавливал ритуал. В темно-алую жижу уже можно было посмотреть, увидев свое отражение.

Сердце в груди стучало все медленнее. Сумеречные потоки начали становиться ярче. Неожиданно, совершенно не прикладывая никаких усилий, Дэйн увидел нити Тьмы, что струились повсюду, огибая кресла, камин, стол, за которым сидели они с друидом. И он мог поклясться, что магия вокруг него впервые в жизни становится почти материальной.

— Даллар, — тихо проговорил он, не отрывая глаз от темной стихии, — ты не представляешь...

— Молчи, Дэйн! — рявкнул друид. — Я почти закончил. Тем более я все равно не слышу, что ты там бубнишь.

И тогда ректор Мертвой академии вдруг понял, насколько близок оказался от смерти. Он сам едва различал собственный голос. С обескровленных губ срывался шепот.

И в следующий миг Даллар резко схватил бутылку с зельем и плеснул его на рану некроманта.

Глухой стон, больше напоминающий рычание, проник сквозь плотно сжатые губы некроманта. Он откинул голову назад на спинку кресла, ощущая, как разъедающее плоть пламя заструилось по венам вместо крови.

А еще он наконец-то чувствовал себя всего. Целиком. Руки, ноги, грудь, ту часть лица, которая уже много лет не ощущала прикосновений. Теперь повсюду была боль.

Но Дэйн был рад. Потому что это означало, что он жив.

Через пару минут он вновь пришел в себя. Слабость все еще оставалась сильна, но жесткая воля возвращала разум на место.

Он взглянул твердым прямым взглядом на друга и хрипло проговорил:
— Спасибо.

А через мгновение тихо кашлянул, натягивая рукав на предплечье, где рана уже приобрела вид черно-алого засохшего пятна.

— Надеюсь, в этот раз я долго тебя не побеспокою, — бросил он спокойно и ровно.

А затем встал с кресла, слегка покачнувшись.

— Сядь обратно, — устало ответил друид. — Ты потерял много крови. Прекрати вести себя, как будто ничего не произошло.

Но Дэйн даже головы не повернул. Он подошел к окну и раздвинул пошире шторы, впуская в кабинет больше света. Он хотел видеть солнце.

Ему нравилось наблюдать рассвет. Единственная маленькая слабость, которую он себе позволял, четко осознавая ее причину: страх. Страх, что однажды он уже не сможет видеть эти золотые искры света. Янтарный диск не отразится в его серых глазах. И ощущение тепла на коже останется лишь в воспоминаниях.

И хоть сейчас было уже далеко не утро, он распахнул створки окна, впустив свежий воздух в помещение, позволяя солнечным лучам осветить бледную кожу.

— Со мной все в порядке, Даллар, — бесцветно бросил ректор Мертвой академии.

И сейчас, когда он находился к другу спиной, казалось, что и впрямь ничего не произошло. Высокий некромант стоял ровно, расправив широкие плечи и гордо задрал подбородок. Вся его фигура источала уверенность и силу, несмотря на то что друид знал: его товарищ едва держится на ногах.

— Ты неисправим, Дэйн, — покачал головой ректор Живой академии.

— В моих венах течет некромантия, — проговорил тот, медленно поворачиваясь. — Я гораздо сильнее обычных смертных, уж ты-то должен знать.

— Сумеречная магия сохраняет твоё тело, — поморщился друид, — но она же тебя и убивает. Я много раз тебе об этом говорил.

— Убивает меня проклятие, а не магия, — покачал головой Дэйн, возвращаясь в кресло рядом с другом и продолжая спор, который они уже

так много раз вели. — А некромантия сделала нашу империю сильнейшей среди соседей.

— Она же нас и погубит, помяни мое слово, — сокрушенно ответил Хемиян и вдруг встрепенулся: — Кстати, я слышал, у тебя первокурсница вчера подняла драугра? Очередное проклятое дарование?

Раздался тихий и довольно презрительный смешок друида.

— Выставишь ее на играх Превосходства? — продолжал он.

Дэйн мгновенно нахмурился. Фиалковые глаза Ларианы Ирис вновь вспыхнули перед мысленным взором, возвращая к насущным проблемам.

— Как ты узнал про нее? — мрачно спросил ректор Мертвой академии.

Даллар усмехнулся:

— Скрываешь своих маленьких гениев? Успокойся, у одного из моих преподавателей сын поступил к тебе на первый курс. Вот и разболтал мальчишка. Так что насчет игр? Я думаю, в этом году у нас есть все шансы победить.

Серые глаза высшего некроманта вызывающе сверкнули, а губы едва заметно изогнулись. Он снова был самим собой.

— Я не имею права выставить первокурсницу, если с твоей стороны не будет такого же игрока.

Друид улыбнулся:

— У меня есть чем тебя удивить, Дэйн. И я готов предоставить пару твоей девчонке.

Ректору Мертвой академии эта идея не слишком нравилась. Но он был уверен в победе собственной команды. Уже много лет у ЦИАНИДа не существовало конкурентов. Некроманты и демонологи по праву считались сильнейшими магами империи.

А значит, Дариане на играх ничто не будет угрожать.

И все же на сердце вдруг стало беспокойно.

Люциан встряхнул светлой головой, вспоминая, что вообще не имеет права думать о юной магиане в таком ключе. Она ничем не отличается от других. Следовательно, и его ничто не должно останавливать.

— Хорошо, — быстро бросил Дэйн. Но где-то глубоко-глубоко в подсознании мелькнула мысль, согревающая почти демоническим теплом: «Став игроком академии, Лариана Ирис будет к тебе еще ближе».

Хемиян удовлетворенно улыбнулся.

— А как зовут твое дарование? — спросил друид.

— Боюсь, ты не поверишь... — снова немного помрачнел Дэйн.

— Ну уж, не томи, — усмехнулся друид.

Некромант выдержал легкую паузу, приготовившись к удивлению на лице товарища, а затем протянул, неосознанно наслаждаясь мелодичными слогами имени:

— Лариана Ирис.

Друид на миг нахмурился, будто вспоминая. А затем сдвинутые брови взлетели вверх, выражая крайнее изумление.

— Не может быть! — воскликнул он, но Дэйн в ответ лишь кивнул, поморщившись.

Через мгновение, успокоившись, ректор Живой академии добавил:

— Что ж, это удивительное совпадение, что она здесь, у тебя. Что решила стать некромантом. Впрочем, жаль, конечно.

— А ты уверен, что это совпадение? А не рок? — вдруг, резко подавшись вперед, спросил ректор ЦИАНИДа.

Напряженная тишина повисла между мужчинами, когда черные и серые глаза встретились, мрачно вглядываясь друг в друга.

Друид первым отвел глаза и улыбнулся.

— Ты вечно преувеличиваешь. Твоя Лариана — просто талантливая девочка.

Дэйн резко выдохнул и отвернулся. Словосочетание «твоя девочка» слишком сильно резануло воображение. Он потер переносицу, пытаясь хоть как-то отвлечься.

— Я чувствую, что это не так, — проговорил он через мгновение. — А ты всегда был склонен преуменьшать опасность. Впрочем, сейчас я как никогда прежде надеюсь, что ты окажешься прав. Иначе нужно было убить ее еще в младенчестве...

От этих слов у него самого перехватило горло, а кулаки непроизвольно сжались.

Фиалковые глаза. Запах карамели и диких яблок...

— Годы не сделали тебя мягче, Дэйн, — говорил друид, не замечая, что с другом творится что-то странное. — Хотя когда-то именно ты решил сохранить ей жизнь.

«Дышать, нужно просто дышать...»

Мысль о том, что когда-то он мог причинить вред этой девочке, пронзила насквозь будто каленым прутком.

Рот. Маленький, приоткрытый рот. Прерывистое дыхание, припухшая ранка на губе...

— Дэйн, что ты делаешь? Дэйн, твоя рука! — воскликнул Хемиян.

И некромант наконец опомнился, опустив взгляд. Его пальцы сжимали острый ритуальный клинок. И по бледной ладони змеились багряные

дорожки.

— Дэйн, это правая рука, — тихо сказал ректор Живой академии, напряженно вглядываясь в то, как его друг медленно разжимает кисть, а клинок со звоном падает на пол.

— Любую тьму можно приручить, — монотонно проговорил некромант, остекленевшими глазами смотря на кровь, — кроме той, что внутри...

— Дэйн, — испуганно позвал друид, но тот не ответил, продолжая смотреть только на свою алую ладонь.

— Я не чувствую боли, — через мгновение бросил тот, словно говорил о погоде или овсянке в столовой. Хотя на самом деле это означало одно: то, чего он боялся много лет, все же произошло.

— Ритуал не удался... — понял Хемиян, глядя в льдистые озера глаз товарища.

Он тоже был ошарашен. Но один из сильнейших друидов империи даже примерно не мог представить то, что чувствовал сейчас его друг. Дэйн Люциан, высший некромант, человек, которому доступны чуть ли не все грани сумеречной науки. Человек, заживо превращающийся в нежить...

Глава 10

КРУТОЙ ПРИКИД, ИЛИ ЧЕРВИ ДЛЯ ДЕМОНОЛОГА

Я не видела Леонара целую неделю. Поговаривали, что в ночь с десятого на одиннадцатое число месяца Огня кто-то встретил принца по дороге в ректорский кабинет. Потом оттуда якобы полыхнуло огнем и серой. Из щелей донесся вой умертвий, царапающих острыми когтями дорогое дерево двери. И больше Леонар Альвис, наследный принц Туманной империи в академии не появлялся.

И я вас спрашиваю, куда он мог деться?! Ведь его исчезновение приходится как раз на то самое время, когда ректор Люциан вернул меня из сумеречного мира.

Стойкое ощущение, что это я виновата в пропаже бедного принца, никак не исчезало. Ну зачем, зачем я сказала Люциану, что была не одна?

С другой стороны, не мог же он его убить, в конце концов? Или мог?

При воспоминании о ректоре меня в очередной раз бросило в дрожь. Главу нашего учебного заведения я тоже не видела целую неделю. Но каждый раз на занятиях мне казалось, что я чувствую спиной обжигающий взгляд серых глаз. Конечно, стоило просто обернуться, чтобы понять: это лишь мое больное, разыгравшееся воображение. Какое дело высшему некроманту до простой магианы? Да еще и из крестьян...

Но я не могла приказать мыслям в голове умолкнуть. Они никак не слушались, раз от раза поднимая из ила прошлого яркие, обволакивающие образы. Острые, до боли дерзкие картинки перетекали одна в другую, заставляя меня дорисовывать события, которых никогда не было.

Тихий пронизывающий голос, вызывающий дрожь в каждой клеточке тела. Мраморно-серый взгляд, от которого слова застревали в горле. Губы, которые оказались еще мягче и пьянили еще сильнее, чем я могла себе представить.

Как я решилась поцеловать его? Ректора академии? Это до сих пор не укладывалось в голове. Но даже сейчас помню: желание сделать это было слишком велико. Лихорадочная волна мыслей, полных горячей лавы и в то же время лишенных чего-либо вообще, не давала покоя. Прохладное дыхание мужчины на моей щеке делало воздух вокруг лишь еще жарче. И взгляд... Серый взгляд, темнеющий с каждым мгновением, вспыхивающий

голодом и первозданной тьмой. Тьмой, которую зажег мой поцелуй.

Я не могла не чувствовать, как Люциан напрягся всем телом... и не отстранился. Не могла не заметить его замершего дыхания, ставшего через секунду тяжелым и почти рваным. И от этого у меня подгибались ноги, а внутри словно что-то обрывалось, безостановочно падая.

Хотелось дотронуться до него, заставить обнять себя, быть ближе, глубже... Зарываясь пальцами в волосах цвета пепельно-белой стали. И я представляла, как касаюсь ладонями обнаженной груди под его расстегнутой рубашкой. Как он едва заметно вздрагивает, чувствуя мои движения. Как завороченно следит за мной мрачающим взглядом.

Но все это было лишь фантазией. Больной, ненормальной, безнадежной фантазией.

Кроме того, в голове все еще звучали холодные слова: «Это место плохо влияет на рассудок...»

Они звенели, не переставая, в моей голове. И как бы мне ни хотелось поверить, что та ночь была дикой, пьянящей, волшебной не только для меня, похоже, я ошибалась.

Я уже немного освоилась с жизнью в ЦИАНИДе, и теперь даже колкие презрительные взгляды высокородной молодежи не слишком задевали мое самолюбие. Да и, честно говоря, одноклассники явно начали ко мне привыкать. Особенно когда разница между нашими социальными положениями еще сильнее размылась в свете неожиданной новости. На следующий же день после моего приезда в академию ввели форму! Для меня это событие стало не просто сюрпризом, а настоящим праздником! Кроме того, форму не нужно было покупать, она выдавалась каждому по списку. В нее входили два платья: легкое летнее из черного шелка с кроваво-красной строчкой и более теплое из насыщенного темно-синего бархата, шитого серебром. Были еще чулки, колготки, туфли, сапоги, плащ и брючный костюм. О смене нарядов можно теперь вообще не думать!

Я практически пела от радости. Конечно, подавляющему большинству магиан это нововведение показалось кошмарным. Как же так, ведь теперь похвастаться новыми нарядами будет совершенно невозможно! Но после того как парочка недовольных схлопотала по выговору от самого ректора, все как один стали молча придерживаться правил. А я таким образом узнала, что господина Люциана боятся здесь как чуме или самой смерти. А может, и сильнее.

В следующий же вечер после того, как нам выдали одежду, я поняла, что внешний вид наряда придется немного изменить. И тут же сбегала на кухню к Мадлене, чтобы попросить у нее нитки с ножницами. Старшая

повариха снова мне поулыбалась, выдав все что нужно. А затем, узнав, что я собралась делать, даже добавила отрез дешевого прозрачного сатина и батон колбасы, чтобы работалось веселее.

С такими сокровищами да на радостях я управилась за одну ночь. Сшила хлипенький, но вполне приличный подъюбник, а длину платьев аккуратно подрезала, вернув вниз кружевную бахрому.

Теперь мой наряд отличался от других, хоть и не слишком сильно. Мягкая ткань благодаря подъюбнику слегка топорщилась, создавая небольшой симпатичный конус, выделяя бедра и талию. Подол заканчивался несколько выше, беззастенчиво демонстрируя скрытые прежде колени. А еще в самом низу появился небольшой скрытый кармашек для разного рода мелочей.

Для чего мне все это было нужно? Нет, не для того, чтобы как-то выделиться среди дворянской молодежи. Показать, что я лучше, интереснее и красивее, чем любая высокородная. Совсем не для этого. Мне хотелось думать, что я просто пытаюсь отвлечься, хочу сделать наряд удобнее. Хотя на самом деле где-то в глубине души я просто до стона в груди, до судорожно сжатых пальцев надеялась однажды привлечь единственный взгляд серых глаз...

Однотруппницы, когда меня увидели, поворчали, что на мне наряд сидит совсем не так, как на них, но быстро успокоились, не найдя причины «такой вопиющей несправедливости». Оказалось, им всем тоже очень хотелось укоротить «это монашеское безобразие».

К слову сказать, с того раза, когда я случайно подняла какого-то драугра, отношения с девушками у меня не слишком потеплели. Я старалась держаться тише ила, ниже могилы, как тут принято говорить, но иногда замечала, как некоторые магианы поглядывали на меня с опасением. Как будто я — совершеннейший несмысленный и вообще не понимаю, что делаю.

Это немного обижало. В группе у меня быстро нашлись свои недоброжелатели, и я не видела ничего удивительного в их агрессии. Но была и подруга, которая абсолютно не обращала внимания на мое происхождение, несмотря на то что сама была дочерью знатного и очень богатого маркиза. Ее звали Фирузанна Надирен.

Для сегодняшней лекции я надела легкое черное платье. И в полном боевом облачении поспешила на очередное занятие. Сегодня по плану оно должно было проходить на полигоне номер шесть. Магиане уже высыпали на улицу и медленно расходились по местам своих занятий. Оказывается, практика на свежем воздухе здесь случается гораздо чаще, чем учеба в

аудиториях. Именно поэтому сама академия не столь велика по размерам, как мне когда-то представлялось.

Согласно плану территории, нужно сначала пройти по прямой от учебного корпуса, затем повернуть направо и миновать густую аллею. В этом месте я очутилась впервые, поэтому смотрела во все глаза на крупные вековые деревья, растущие вдоль узкой тропинки. Здесь росло много цветов, но даже, несмотря на них, природа выглядела мрачно. Вполне в духе ЦИАНИДа.

Небо сильно перекрывали густые кроны, а травяной ковер кое-где был окрашен в оранжевые и красные тона крохотных декоративных цветочков. Повсюду стояли скамейки, и здесь явно можно было отлично гулять по вечерам. Если, конечно, есть с кем.

И вдруг боковым зрением я заметила, как в тени деревьев мелькнули фигуры в темно-бордовой одежде. Это были цвета другого факультета. Если форма некромантов была насыщена черными и серыми тонами, то демонологи щеголяли в костюмах оттенка свежей или запекшейся крови. Очень примечательно, на мой взгляд.

Сегодня впервые у нас с ними предполагалась совместная лекция. Предмет назывался «Принципы атакующих заклинаний». Я была немного удивлена, что у некромантов с этими любителями пентаграмм может быть что-то общее. Кстати, всего за одну прошедшую неделю я подхватила распространенный в академии недуг — презрение к другому факультету. Теперь я, как и каждый приличный «укротитель нежити», фыркала при слове «демонология» и закатывала глаза, стоило кому-то начать чертить на земле концентрические кольца.

Думаю, дело здесь в том, что подход к сумеречной науке у нас был немного разный. Если некроманты пользовались словесной и мануальной техникой колдовства, буквально чувствуя Тьму кончиками пальцев, то демонологи могли долго рисовать что-то, копошась в пыли, а затем полосовать себя ножом, добывая кровь для ритуала. Отсюда с обеих сторон рождались насмешки и пренебрежение. Хотя в целом и те и другие могли использовать все вышеуказанные принципы с разной степенью успешности.

— Эй, кроха, куда так спешишь? — раздался у меня над ухом знакомый до отвращения голос.

Я даже не успела понять, кому он принадлежал, как этот кто-то схватил меня за локоть и грубовато дернул в сторону от тропинки.

Резко повернув голову, я встретила со знакомым высокомерным взглядом.

— Ивейн, — протянула, скривившись. — Какая встреча...

— Кроха, я не слышу радости в голосе, — фыркнул он, прижимая меня спиной к широкому дереву.

Лопатки ударились о твердый ствол, слегка вышибая воздух из легких.

— Ивейн, у тебя оmlет вместо мозгов?! — возмутилась я, пытаюсь его оттолкнуть. — Мне больно.

— Ах, прости, кисонька, — неприятно ухмыльнулся он, отпустив меня. А я почувствовала легкий, едва ощутимый запах алкоголя. — Только как это ты обращаешься к герцогу? Наследнику трех провинций от Шалеон до Нуагры? Лучше улыбнись мне поласковее, и, может быть, я разрешу тебе поработать банщицей в моем поместье. Мм... Хочешь потереть мне спинку?

Из-за плеча демонолога раздался дружный хохот. И тут я впервые заметила, что Ивейн не один. В отличие от меня. И, как назло, по тропинке через аллею больше никто не шел.

— Ты пьян, что ли? — нахмурилась я, сложив руки на груди. — Что, на четвертом курсе разрешают пить перед лекциями?

С обеих сторон от парня нарисовались еще два магиана в багряных одеждах. Все они выглядели отглаженными и свежими. У всех волосы были тщательно причесаны, а манжеты на рукавах красовались дорогими запонками. Только вот лица, как одно, светились румянцем от алкоголя.

— Тоже хочешь выпить? — приподнял бровь Ивейн, развязно усмехнувшись.

— Вот уж уволь. Судя по тому, как от тебя разит, напиток вы пили не лучшего качества, — фыркнула я, разворачиваясь, чтобы уйти.

Но он снова резко схватил меня, прижимая за плечи к дереву под дружное одобрение дружков.

— Не стоит дерзить, кроха, — прошептал он, обдавая винным перегаром. — Меня это только больше заводит. Люблю норовистых кобылиц.

— Ивейн, ты не в себе! — вскрикнула я, пытаюсь оттолкнуть его.

Но он держал крепко.

— Давай поцелуй эту фурию! — подсказал кто-то сбоку.

— А я следующий! — раздалось с другой стороны.

Мне стало жарко от стыда и гнева.

В следующий миг Ивейн прижался ко мне влажными скользкими губами, вдавливая грудь в древесный ствол.

От отвращения стало дурно. Я с силой толкнулась ему в грудь, заставив отлепиться, и с размаху ударила по лицу.

— Вот строптивая кобылка! — бросил один из дружков, смеясь.

Звонкая пощечина оставила яркий алый след. Хищные глаза демонолога начали наливаться яростью.

В следующий миг он медленно приблизился, расширенными зрачками обещающая кровавую расправу.

— Эй, что тут у вас? — раздался твердый голос сзади.

И я вздохнула спокойнее. Этот голос принадлежал человеку, которого я не очень-то хотела видеть в своих защитниках. Но, по крайней мере, его владельцу я доверяла.

— Лео? — вяло бросил Ивейн, облокотившись рукой о дерево над моей головой.

Оба его дружка тут же перестали смеяться.

Наследник Туманной империи, слегка прищурившись, подошел к нам. Он переводил мрачный взгляд с меня на парней и обратно. А затем, встряхнув светлыми кудрявыми волосами, так не подходящими некроманту, ненавязчиво спросил:

— Что тут у вас происходит?

Ивейн фыркнул, не подумав даже отодвинуться от меня.

— А ты разве не видишь? Малышка попросила научить ее целоваться. Вот решаем, кто из нас самый опытный...

— Что??? — округлила глаза я, тут же забыв о всяком страхе. Хотелось поставить наглецу еще и фингал.

— Так тут и решать нечего, — твердо бросил Леонар, взяв меня за руку и дернув к себе. — Целоваться так, как наследный принц, не умеет никто в империи.

Сделав неловкий шаг, я упала в объятия некроманта, почти проклиная тот день, когда решила укоротить собственное платье.

— И куколка эта моя, — вдруг жестко добавил он.

Я только и успела увидеть, как сверкнули его зеленые глаза, напоминая блеск отравленных кинжалов.

— Я ясно выразился? — спросил он, крепко обхватив меня за талию и мягко удерживая на месте. Совсем не так, как минуту назад демонолог.

— Вполне, — хмуро ответил Ивейн, сжав челюсти.

Оба его товарища молчаливо глядели в сторону, словно их этот разговор вообще не касался.

В следующий миг Леонар уверенно развернулся и повел меня в сторону дорожки. Демонологи так и остались далеко за деревьями.

— Отличная, кстати, погода сегодня! — уже через пару минут весело бросил он, задорно подмигнув, будто ничего не произошло. — Давно хотел

узнать, как тут поживает соседка в мое отсутствие?

Свободной рукой он взял мою кисть и поднес к губам.

— Честное слово, я тоскую без твоего общества, куколка!

Я вымученно улыбнулась, освобождаясь от объятий принца. В этот момент из его безупречного сливового камзола, который, кстати, был далек от академической формы некромантов, выпала яркая женская лента.

— Спасибо тебе, конечно, за помощь, но у тебя явно и без меня куколок хватает, — ответила я с усмешкой, поднимая ленту и глядя на новый, едва заметный засос у него на шее. — Держи, ловелас, ты обронил.

На странное поведение принца я не злилась. Потому что слишком отчетливо видела разницу между гадкими приставаниями Ивейна и шутливым поведением наследника.

Леонар слегка покраснел. Едва заметно. Затем уголки его губ приподнялись, пока он забирал украшение.

— Надо же. Я все еще ношу ее с собой... — задумчиво протянул он и неожиданно с силой сжал мягкую ткань. На пару секунд задержал на ней искрящийся чем-то темным и непонятным взгляд, а потом спрятал ленту в нагрудный карман.

И уже через миг передо мной снова стоял все тот же Леонар Альвис. Веселый, дерзкий и самоуверенный.

— Кстати, я все хотел спросить, — невозмутимо начал он новый разговор. — Ты куда пропала из башни Воронов после нашей прогулки? Я искал тебя, пытался понять, что за заклятие ты читала. Но все бесполезно. И уже через час мне влетело от ректора по самые некромантские пятки. Про тебя он так ничего и не сказал. Но стоило мне заикнуться, мол, где там моя симпатичная соседка, Люциан впал в дикую ярость. Я думал, он меня на месте убьет. Только под конец мне вспомнилось, что я — все-таки принц и убивать меня он точно не станет.

Леонар широко и открыто рассмеялся. Я тоже не смогла сдержать улыбку, хотя при упоминании ректора будто холодные ладони сжали сердце, перекрывая доступ крови тонкими жестокими пальцами.

— Так куда ты пропала? — повторил вопрос Леонар, когда я вдруг задумалась.

— Провалилась, — медленно протянула в ответ. — В сумеречный мир.

— Не шути так, куколка, — резко выдохнул он, и улыбка сползла с его лица.

— А ты не называй меня куколкой, — добавила я. — К тому же это не шутка.

В этот момент мы подходили к месту занятий. И уже второй раз

получалось так, словно сам наследник империи провожает меня до лекции. Некоторые женские взгляды одноклассниц стали почти осязаемо злыми.

— Лучше скажи, куда это ты пропал на целую неделю? — Я решила не обращать внимания на тех, с кем по умолчанию не найти общего языка. — Господин... Люциан сильно наказал тебя?

Мне было стыдно. Да, все еще стыдно, что из-за меня ему влетело.

— Да брось, — отмахнулся Леонар. — Ничего особенного. Поучусь немного с друидами, понюхаю грифоньего навоза, — усмехнулся он. — Разве это наказание? Жалко только, что такую милашку, как ты, теперь придется видеть очень редко. Но ты ведь будешь меня ждать?

В этот момент я уловила веселый взгляд своей единственной подруги. Фирузанна ехидно поглядывала на меня с принцем и многозначительно шевелила бровями.

Мой тяжелый вздох был ей ответом. Но оказалось, ее намеки, как и гневные взоры одноклассниц, меня все же слегка заводили.

— Я очень рада, что ты не слишком расстроен, — в свою очередь начала я тираду, чувствуя легкое кипение в крови. — Тем более что с друидами вы явно нашли общий язык, — кивнула я на ленту в его кармане, продолжая, — так же я очень благодарна, что ты избавил меня от своего дружка-алкоголика...

И когда принц удивленно сдвинул брови, добавила:

— Ивейна!

Леонар с усмешкой кивнул в знак понимания, а я смогла закончить свою длинную речь:

— Но ты можешь мне объяснить, откуда у наследного принца империи такое внимание к обыкновенной крестьянке?

Леонар вдруг стал невероятно серьезен. В светло-зеленых глазах мелькнула совсем не юношеская тоска.

— Знаешь, Лариана, — негромко проговорил он, чтобы не слышали другие магиане, — в этой академии очень мало по-настоящему интересных людей. Мало тех, кто готов прямо высказать то, что думает. И я понимаю, Ивейн сегодня повел себя, как скотина, да и в жизни он не далек от этого определения. Но он как раз из таких. Из тех, кто не лебезит, не заискивает, не трясется от одного моего присутствия. Я знаю, что в случае необходимости он прямо выскажет мне то, что думает. Не испугается сказать, что я не прав. И если будет нужно, прикроет даже от моего отца.

Честно говоря, мне было трудно представить, что в Ивейне Ларане есть что-то хорошее. Но зато теперь мне становилось ясно, почему принц, явно обладающий более высокими моральными качествами, чем сын

герцогини, водит с ним дружбу.

— У большинства здешних магиан родители — придворная знать, — продолжал Леонар спокойно. — Приближенные к короне или те, кто стремятся таковыми стать. Каждому из них что-то нужно. И через меня многие из них надеются что-то получить. Кроме того, завоевать расположение принца — значит завоевать расположение будущего правителя. Обеспечить себе место под солнцем.

Леонар скривился:

— Я почти не вижу настоящих улыбок. Не слышу искренних слов. Ни одного, Лариана. Я устал от этого смертельно, — закончил он, глядя куда-то вдаль.

А мне стало настолько не по себе, что я чуть было не обняла принца.

— Что ж, я готова быть твоей отдушиной, второй после Ивейна, — кивнула и, немного скривившись, добавила: — Если только нам с ним не придется часто видаться, а ты будешь считать себя исключительно моим другом и не более того. Договорились?

Леонар заразительно улыбнулся, резко придвинувшись и обняв меня за плечи.

— Другом? Куколка, а ты уверена, что не пожалеешь о таком выборе?

Он ехидно приподнял брови, прожигая меня веселым взглядом зеленых глаз.

Я мягко, но настойчиво отодвинулась, а потом, взявшись за краешки подола, неумело потянула юбку в разные стороны, с усердием делая самый смешной в мире реверанс.

— Ваше высочество! Как вам погода нынче над империей? Кажется, небо восхитительно лазурно! — прогнусавила я, изображая ту самую блондинку, что не так давно приставала к принцу. И добавила: — Ах, вы так прекрасны, а ваши ботинки так чудесно начищены!

Леонар скривил губы.

— Ладно, я все понял, — ухмыльнулся он уголком рта. — Клянусь, я готов пойти на все, лишь бы больше не слышать и не видеть ничего подобного.

Я удовлетворенно улыбнулась, возвращаясь к своему нормальному виду. Тем более лекция должна была вот-вот начаться, преподаватель уже был на месте.

На этот раз нашим мастером оказался подвижный, довольно молодой мужчина, которому вряд ли исполнилось больше тридцати. Худое привлекательное лицо, яркие умные глаза. Даже в преподавательской мантии, подпоясанной широким тугим ремнем, он казался очень ловким.

Движение каждой мышцы под темной тканью было плавным, но четким и быстрым.

— Мое имя — Ксавиан Зантарен. Я буду учить вас такой важной науке, как принципы атакующих заклинаний, — начал говорить он звонко и уверенно, оглядывая весь курс, сбившийся в разрозненные кучки. — Как вы уже наверняка поняли, наши лекции не ограничатся лишь теоретическим материалом, и на каждом занятии мы будем практиковать навыки. Поэтому для нас выбран именно шестой полигон.

После этой короткой вступительной речи преподаватель повернулся спиной к нам, а к полю — лицом. Поднял руки вверх и произнес какое-то заклятие.

В тот же миг каждое дерево впереди него (а на этом полигоне их росло немало!) слегка засветилось, и мы увидели нечто необычное. Оказывается, прямо за толстыми древесными стволами, покрытыми древней почерневшей корой, прятались таинственные существа.

По мановению пальцев мастера они зашевелились, высовывая из укрытия длинные носы или острые морды.

— Это чучела, — легко объяснил Ксавиан, бросив управление куклами, которые мигом попрятались обратно. — Они сухие, набитые опилками, ватой и камнями. А еще в них нет жизни. Поэтому я легко могу натравить любое из них на каждого из вас.

Толпа магиан нервно зашепталась. А на лице преподавателя проскочила довольная улыбка, когда он продолжил:

— На каждом занятии мы будем отрабатывать простейшие атакующие заклинания, общие и для некромантов, и для демонологов. Поэтому встаньте в две линии напротив меня: слева — красные, справа — черные. Так, Леонар, Ивейн, какого дохлого упыря вам здесь надо?

Ксавиан Зантарен посмотрел прямо мне за спину, заставив весь поток устремить взгляды туда же. Я почти подпрыгнула на месте, осознав, что сзади объявился гадкий демонолог.

Оказалось, так и есть. Принц с герцогским сыном стояли в паре шагов и тихо перешептывались. Ивейн бросил на меня мрачный взгляд и безразлично отвернулся. Отвечал Леонар:

— Мастер Зантарен, у нас с моим многоуважаемым другом свободное время. Что плохого в том, чтобы повторить азы одной из главнейших наук в темной магии?

При слове «главнейших» принц округлил глаза и многозначительно воздел руку к небу. Ивейн кашлянул в кулак, чтобы скрыть смех.

— На меня ваше словоблудие не действует, магиан Альвис, — строго

ответил преподаватель. Но все же я успела уловить, как смягчились уголки его губ. Он явно не имел ничего против выскочки-принца и его дружка. А может, они вообще его веселили. Все же не так уж сильно они отличались по возрасту, молодой мастер и два магиана третьего и четвертого курсов. — Встаньте вон там в стороне и не мешайте практике.

Зантарен махнул рукой слева от себя. Я вздохнула свободнее, потому что теперь оба парня будут у меня прямо перед глазами, а не за спиной. Признаться, так гораздо комфортнее.

— Итак, принципы атаки, — проговорил преподаватель, более ни на что не отвлекаясь. — Каждый из вас вне зависимости от курса скоро научится видеть черные магические потоки. Эта сила, струящаяся прямо из сумеречного мира, способна не только давать вам контроль над нежитью, но и позволяет творить особые заклинания. Так называемую порчу. Порча — это не болезнь, не сглаз. Порча — это стандартное атакующее заклинание.

Мастер сделал паузу, оглядев всех нас. А я никак не могла сконцентрироваться, потому что краем глаза видела перешептывающихся Леонара с Ивейном в каких-то десяти метрах правее преподавателя. Они стояли, прижавшись к дереву. То и дело мне казалось, будто каждый из них бросает на меня скользкий взгляд. Словно они говорят обо мне!

Одним словом, сосредоточиться было практически невозможно.

Ксавиан еще долго что-то рассказывал о сумеречных потоках, о том, как они должны входить в тело мага, чтобы обеспечить управление. Оказывается, положение рук имеет весомое значение при прочтении атакующих заклинаний, потому что колдун должен заставить темную материю двигаться. Черная энергия обязана следовать по четко указанному контуру, повторяя положение пальцев волшебника. Именно тогда получится верное заклятие. Качественная порча.

— Одно из первых заклинаний, которое вам стоит попробовать, называется «кольчуга червей», — бодро продолжал вещать мастер Зантарен, несмотря на то что большинство магиан уже успели устать. — Это ментальная порча, и она является одной из самых простых, потому что не причиняет никакого вреда жертве.

— Мастер! — подняла руку Фирузанна, а я со стыдом вспомнила, что так и не поздоровалась как следует с подругой. — Но если заклятие не причиняет вреда, зачем же оно нужно?

— Отличный вопрос! — кивнул Зантарен, разворачиваясь к нам спиной и вновь зачаровывая чучела на поле.

В следующий момент за одним из деревьев зашевелилось что-то

крупное и пушистое. Показался клюв и огромные куриные лапы.

Уже через несколько секунд в воздух поднялась огромная, довольно облезлая птица. Она пару раз взмахнула крыльями и грузно опустилась посреди полигона, оглядывая нас вдруг вспыхнувшими красными глазницами.

— Это грифон, как вы наверняка уже догадались, — представил нам преподаватель своего «гостя».

На мой же взгляд, догадаться о таком было довольно сложно. Грифон был похож то ли на неоципанного петуха размером с человека, то ли на индейку-мутанта.

— Грифоны, как некоторые другие крупные животные, а так же люди, — Ксавиан мрачновато усмехнулся, — очень реагируют на насекомых. Используя это заклинание, в битве вы сможете выиграть несколько драгоценных секунд. Например, вот эти крылатые твари, — он указал на птицу, — обожают червей. Они их едят. А степные псы вообще могут не на шутку испугаться. Конечно, до василиска и мантикоры «кольчуга червей» даже не доберется. Но это пока и не ваше дело.

Преподаватель на время умолк, делая в воздухе какие-то пассы.

— К сожалению, возраст Красавчика уже довольно приличный, и качественно подняться в воздух он не может, — размышлял профессор. — Зато внутри его камней почти на центнер, и он вполне способен сыграть роль опасного противника.

— Красавчик? — удивленно воскликнула какая-то девушка из демонологов.

— Да, — кивнул Ксавиан, приподняв брови, — так зовут наше сегодняшнее учебное пособие.

И отвернулся, словно в этом не было совершенно ничего странного. Будто с грифона при каждом движении не осыпались остатки перьев и ожившее чучело вполне оправдывало свое имя.

Под воздействием магии «учебное пособие» внушительно переступило с ноги на ногу и не спеша потрусило вперед. Прямо к нам. При этом даже если не обращать внимания на огромные когти твари, острый клюв, щелкающий от голода, и горящие кровавым цветом глазницы, грифон все равно вызывал ужас. Казалось, он вот-вот добежит до нашего курса, а потом случайно упадет прямо на толпу и раздавит. Всем своим центнером камней.

— Итак, «кольчуга червей», — невозмутимо продолжал профессор. — Как я уже говорил, это заклятие совершенно безопасно как для колдующего, так и для его жертвы. Оно создает качественную темную

иллюзию, заставляющую объект считать, будто он атакован живыми насекомыми. От настоящей иллюзии, доступной лишь магам элементов, темная иллюзия отличается механизмом действия. Мы, маги сумеречных наук, не можем создавать качественные копии того или иного предмета. Но мы можем заставить объект думать, будто нам это под силу. Вы понимаете, о чем я?

Пока профессор Зантарен вещал что-то о технике колдовства, магиане в основном начинали все сильнее жаться друг к другу и прятаться за древесными стволами.

Не услышав ответа, он продолжал:

— Тьма способна не только подчинять тела мертвых, но и туманить разум живых.

В этот момент грифон уже был невероятно близко. Профессор сложил пальцы обеих рук в странные фигуры, объединил их между собой в подобие сферы и проговорил:

— Tah'ir der senut, unarh daustrata!^[3]

С каждым его движением и словом я чувствовала, что в окружающем мире что-то меняется. Словно воздух вокруг начал сгущаться, проникать в ноздри горячим вязким туманом.

Я кашлянула, пытаюсь привыкнуть к этим изменениям, и опасливо покосилась на одноклассников. Но никто из них, кажется, не замечал ничего подобного.

В конце заклинания Зантарен раскинул руки в стороны, и на полигон упала ватная тишина. На короткий миг будто вода попала в уши, и снова все было, как обычно.

Курс дружно ахнул.

Грифон замер посреди дороги, окруженный целой кучей ползающих по нему белых опарышей. Натуральных, подвижных и слегка блестящих, будто от влаги.

Птица жадно защелкала клювом, пытаясь поймать хоть одного червяка, но все бесполезно.

— Как видите, даже нежить, если она сохранила остатки инстинктов, способна отвлекаться на эту обманку, — рассказывал профессор, а я все пыталась понять, почему воздух вокруг начал прилипать к коже. И почему никого здесь это не волнует.

— Ты что-нибудь чувствуешь? — спросила я шепотом у Фирузанны, которая, приветственно подмигнув, совсем недавно подошла ко мне.

— Я чувствую радость и невероятное облегчение от того, что наш преподаватель не выбрал учебным пособием кого-то из нас, — усмехнулась

она. — Кажется, эта «кольчуга» довольно неприятная штука.

Я прищурилась, разглядывая подругу. Похоже, она совершенно не представляла, о чем я говорю.

— Понятно, — кивнула в ответ, случайно бросив взгляд вправо, где все еще шептались Леонар с Ивейном. На этот раз довольно громко. Демонолог даже позволил себе засмеяться. — А мне вот, наоборот, жаль. Среди нас есть очень качественные экземпляры для эксперимента.

Фирузанна проследила за тем, куда я смотрю, и усмехнулась:

— Принц был сегодня не слишком ласков? По-моему, Лари, тебе не угодить. На твоём месте мечтает оказаться чуть ли не каждая девушка на этом полигоне. Делить комнаты с самим Леонаром Альвисом!

Я скривилась:

— Вообще-то я имела в виду Ивейна. Но, отвечая на твой невысказанный вопрос, скажу: лучше бы я делила комнаты с кем-то другим.

— С кем же? — тихо усмехнулась подруга. — Кто же может быть лучше наследного принца?

Внезапно пришедший в голову ответ застыл в горле. Сумеречно-серые глаза вспыхнули в памяти, как два кристалла цвета грозового неба.

Нет, об этом лучше не думать вовсе. Я промолчала, передернув плечами.

Тяжелый ветер дунул в лицо, снова прилипая к коже, просачиваясь в легкие, мешая дышать.

Ксавиан продолжал объяснять, как воспользоваться заклинанием, а мне хотелось встать под душ, чтобы смыть с себя неприятное обволакивающее ощущение.

Я с силой зажмурила глаза, пытаясь хоть как-то скрыться от этого, а когда раскрыла, увидела сумеречные потоки. Почему мне не пришло в голову сделать это сразу? Теперь стало ясно, что я чувствую.

Черные ручейки мрака будто размылись вокруг, растворились в ветре, окрасили весь окружающий мир в легкие светло-серые тона. И этот блеклый туман тонкими струйками проникал повсюду. Его вдыхали магиане, тонкой пленкой он оседал на коже, замыливал взгляд.

Только Ксавиан Зантарен будто находился в кристальном коконе. Он улыбался, разглядывая удивленных магиан, тычущих пальцами в глупого грифона.

Я резко выдохнула, прошептав в густоту мрака: «Отойди от меня...»

Не знаю, почему каждый раз я верю, что Тьма услышит меня. Без заклинаний, правильных позиций пальцев, без слов древнего языка.

Наверно, потому, что она и вправду слышала. Я чувствовала это сердцем, собственной кровью. Словно обращалась к старой знакомой. Молчаливой, опасной, но верной... подруге.

В ту же секунду вокруг меня возник точно такой же кокон, как и вокруг профессора. Дышать мгновенно стало легче. Исчезла давящая липкость.

Но было еще кое-что. Темная иллюзия на грифоне исчезла! Больше не было белых червей! И это несмотря на то, что заклятие явно все еще работало. Бедный Красавчик щелкал клювом, хватая лишь пустой воздух, а магиане продолжали глазеть на него и обсуждать увиденное.

Сказать, что я обрадовалась собственным успехам, значит, ничего не сказать.

Опять справа раздался смех. И опять хохотал Ивейн. Я посмотрела на него крайне неприязненным взглядом и неожиданно получила такой же в ответ.

Затем демонолог лениво отвернулся и что-то шепнул Леонару. Тот улыбнулся одними уголками губ и тоже коротко скользнул по мне своими зелеными глазами.

От неприятного ощущения в груди кулаки сжались сами собой.

— Tah'ir der senut, unarh daustrata, — процедила я сквозь зубы, повторяя не такую уж длинную фразу, которую совсем недавно произнес профессор.

Ничего сложного. Никаких движений пальцами, пассов руками. Я сама не поняла, как слова сорвались с языка.

Но они сорвались.

И в ту же секунду небольшая, но внушительная кучка жирных червей поползла по Ивейну. По рукам, груди, лицу. Маленькие существа забирались под складки багряной формы, падали за шиворот...

Демонолог вскрикнул, запрыгав на месте, пытаясь стряхнуть с себя эту дрянь.

Мои губы растянулись в ухмылке. Затем я бросила довольный взгляд на профессора и поняла: он тоже смотрит на меня!

Сердце ухнуло куда-то вниз.

Толпа вокруг загомонила. Никто больше не обращал внимания на бедного грифона. Все взгляды были прикованы лишь к безбожно ругающемуся демонологу.

— Отличная память, магиана, — захлопал в ладоши Зантарен, улыбаясь.

А я не поверила своим ушам.

— Это ты? — с изумлением шепнула мне на ухо Фирузанна.

— Как ваша фамилия? — продолжал профессор.

Но ему ответили вместо меня. Какая-то девушка из некромантов:

— Опять Лариана Ирис! Ну кто бы сомневался!

Мой взгляд без интереса скользнул по фигуре в черном платье, зацепившись за бриллиантовые серьги под кудрями, за кольца на тонких пальцах и под конец остановившись на презрительно приподнятой губе.

Ну да, просто высокородная желчь... Ничего нового.

— Крутой прикид, Ивейн! — со смехом бросил какой-то парень с соседнего потока.

Краем глаза я заметила, что объект моего гнева уже пришел в себя. Он топнул ногой, сильно нахмурившись, и темная иллюзия тут же исчезла. Затем его злой взгляд конечно же обратился ко мне.

— Магиана Ирис, — повторил профессор Зантарен, подходя ближе, — как я уже сказал, превосходная память, — одобрил он, становясь рядом и изучая меня с ног до головы. — И превосходная защита от темной иллюзии. Кто вас научил?

Он сцепил руки за спиной, отчего его грудная клетка стала выглядеть шире. А светлые голубоватые глаза, казалось, физически касались меня, таким пристальным был его взгляд.

Я поежилась.

— Никто меня не учил. Простите. — Извинение прозвучало как-то само собой.

— Нет, отчего же, — ухмыльнулся профессор. — Я очень доволен. Без мануальной техники «кольчуга червей» вышла не очень действенная, но все же гораздо сильнее, чем можно было предположить. У вас получилось с первого раза, это удивительно!

Кто-то за спиной недовольно фыркнул.

— А вы не хотите наказать магиану за использование атакующих приемов на людях? — мрачно бросил Ивейн, резко дернувшись в мою сторону.

Но Леонар схватил его за руку и силой вернул на место, добавив с натянутой улыбкой:

— Мастер, Ив пошутил. Ему и самому ужасно понравилась эта шутка. Демонолог что-то зашипел, потом закатил глаза и отвернулся.

— Я — не хочу, — спокойно ответил Ксавиан, все еще не сводя с меня цепкого взгляда, — но, боюсь, это правило академии. Вам, магиана Ирис, придется наведаться в кабинет ректора. Прямо сейчас.

У меня опустились плечи, а в груди бешено застучало. Фирузанна

посмотрела на меня с жалостью, Ивейн — со злобной ухмылкой, а Леонар будто извинялся. Мол, прости, я не смог ничего сделать.

Когда под прицелом нескольких десятков глаз я с глубоким вздохом развернулась, чтобы уйти, мастер Зантарен похлопал меня по плечу и шепнул:

— Хотя по мне, так вы и не сделали ничего плохого...

Только разве это успокаивало? Я второй раз нарушила дисциплину. Причем сознательно. Могло ли это привести к исключению из академии?

Я не знала. Только была уверена, что вид извивающегося в ужасе Ивейна будет еще долго поднимать мне настроение.

Оставалось надеяться, что в кабинете ректора под взглядом холодных серых глаз мое сердце не выскочит из груди. Потому что, ко всему прочему, у меня было что сказать главе нашей академии. И пусть попробует не ответить он, высший некромант, человек, за одну неделю вывернувший мою душу наизнанку. Ректор, поцеловавший магиану-первокурсницу!

Глава 11

РЕКТОР, ТЕМНАЯ СПИРАЛЬ И СЛОВО, КОТОРОЕ «НЕ ВОРОБЕЙ»

Но все же перед тем как явиться к ректору, я свернула по тропинке к общежитию. Хотелось слегка привести себя в порядок, собраться с мыслями. Погладить, что ль, хомяка на счастье! А может, в последний раз посмотреть на собственную комнату в качестве магианы этой академии, а не отчисленной бездомной крестьянки.

В голове крутились самые разные мысли. Эмоции бушевали, сменяясь то расстройством, то радостью. Даже ладошки слегка вспотели от волнения. Мне абсолютно точно нужно было отвлечься.

Комната встретила свою хозяйку привычной тишиной. Я быстро прошла к трюмо и открыла ящик. Люциан-младший радостно выпорхнул мне на руки.

Улыбку сдержать не удалось, мелкое пушистое существо вызывало умирение почти против воли.

Хомяк в целом был доволен жизнью. Он сохранял отличный аппетит, веселость и бодрость духа. Только тело его все сильнее менялось.

Признаться, невооруженным глазом было сложно заметить за грызуном что-то странное. Но уж я-то была внимательна как никто другой. Мне все лучше и лучше удавалось видеть нити Тьмы, окружившие беднягу и вьевшиеся в него, как липкая паутина. Стоило дотронуться до маленького тельца, и перед мысленным взором возникала черная пульсация.

Но было и нечто радостное. Совсем недавно я научилась это контролировать. Возможно, называть мое скромное влияние «контролем» довольно самонадеянно. Но все же можно было с уверенностью сказать, что сгусток мрака слышит каждое мое слово. Ежедневно перед тем, как лечь спать, я совершала ритуал: требовала, чтобы он оставался неподвижен, чтобы не занимал новые участки тела животного. А потом училась «поворачивать» нити Тьмы, пустившие свои отростки на новые живые области.

Таким образом примерно половина тела Люциана-младшего была свободна от черной магии и успешно таковой оставалась. Однако той заразы, что уже жила в нем, вполне хватало, чтобы мой друг стремительно изменялся.

С каждым днем он становился все более спокойным. Все меньше чувствовал боль, например, когда случайно падал со столика или трюмо. Его глаза сильнее краснели, а оба клыка теперь торчали из пасти постоянно. Да и шерсть становилась все белее.

Впрочем, последнее обстоятельство делало моего питомца даже уникальным. Оставалось надеяться, что этими изменениями все и ограничится.

От поглаживаний грызуна на меня действительно опустилось некоторое умиротворение. Мельком я бросила на отражение быстрый взгляд и замерла. На меня испуганно смотрела болезненно-бледная девушка с белым комочком в руках. Синие беспокойные глаза влажно блестели.

Но стоило отметить, что за прошедшую неделю на щеках хотя бы появился легкий румянец. Все же в столовой высокородных детишек кормили очень хорошо. Прежде такие блага мне и не снились. Но я чувствовала, что в случае исключения из академии гораздо тяжелее будет потерять не их. Не сытость, удобства и достаток. Не мягкую постель, душевную комнату и сказочное питание. А ощущение свободы, которое появилось лишь в этих стенах. Ощущение силы, наполняющей ладони, магии, струящейся вокруг. А еще очень грустно будет потерять общение с людьми, которые всего за одну неделю сделали мой мир ярче в тысячи раз.

И первым среди них был ректор, который наверняка уже обо всем узнал и ждал меня. Новости в этом месте разлетаются быстро. Уж не знаю, как там преподаватели связываются друг с другом, но делают они это оперативно.

Я нервно покусала губы, не решаясь оставить маленького друга, который так замечательно снимал стресс. И еще меньше мне хотелось идти на экзекуцию в ректорат. В конце концов я подняла зверька на уровень глаз и проговорила:

— Сиди тихо, иначе мне сильно попадет. Договорились?

Как бы мне хотелось, чтобы хомяки обладали мозгами чуточку побольше!

Прочитав в черно-алых глазах привычную немую тишину, я улыбнулась, напоследок протянув:

— Люциа-а-ан...

Насладились звучанием имени, которое рождало в голове совсем другие образы, и невозмутимо сунула животное в кармашек платья.

Хомяк слегка оттянул подол, но пышные складки скрыли его присутствие. А маленький зверь, словно все понимая, тут же притих. Хотя

он и прежде-то активностью не отличался.

После этого, глубоко вздохнув, я направилась в главное здание ЦИАНИДа.

Стены из черного камня встретили приятной прохладой. Шли лекции, так что в коридорах царилла пустота. Звук шагов отражался от гладкой плитки, сопровождая меня на третий этаж к кабинету с табличкой: «Дэйн Люциан Кастро-Бриен. Ректор императорской академии некромантии и демонологии».

В груди что-то нервно встрепенулось, вспорхнув к горлу, как стайка бабочек.

«Дэйн...»

Даже произнесенное мысленно, это имя заставляло кровь разгораться демоническим пламенем. А что было бы, если бы я назвала ректора по имени в реальной жизни? Вслух?

Тихо, с придыханием растягивая гласную «э». Прокатывая по языку и роняя обжигающие искры букв прямо в сжатое спазмом горло. Чувствуя, как воспламеняется воздух в легких...

Он бы удивился? Если бы я позвала его так? Ему бы понравилось?

В моих фантазиях ему нравилось...

Я закрыла глаза, краснея и выбрасывая из головы ненужные образы. Обманчивые вспышки воображения, опасные для моего душевного равновесия.

Собравшись с силами, я толкнула дверь и прошла внутрь. Из кармашка платья донеслось еле слышное сопение. Похоже, грызуна укачало по дороге и он уснул. Мне это было только на руку.

— Господин Люциан? — прозвучал в напряженной тишине мой вопрос. К щекам прилила краска, ведь в мыслях я все же назвала его по имени.

Ректор, как и полагалось, сидел за столом в высоком деревянном кресле, обитом кожей с золотыми клепками. Он медленно поднял голову от каких-то бумаг и посмотрел на меня.

Белые, как лунный свет, волосы заструились по широким плечам. В серых глазах сверкнула надвигающаяся гроза. А я вмиг растеряла остатки самообладания, проваливаясь в густой серый мрак его взгляда.

— Я ждал вас немного раньше, магиана Ирис, — медленно проговорил он.

Мурашки пробежали по спине. Да, похоже, в этот раз проблем мне избежать не удастся. В случае с драугром Люциан защитил меня, и это до сих пор продолжало наивно греть сердце. Но тогда с моей стороны

произошла случайность.

Теперь же я сознательно пыталась навредить другому магиану. И похоже, ректор был недоволен.

— П-п-простите, — сбивчиво проговорила я, расстраиваясь, что нельзя прямо сейчас достать из кармана хомяка и хорошенько помять его для успокоения. — По пути к вам я зашла в общежитие.

— Зачем? — сухо поинтересовался Люциан, приподняв бровь.

Я все же схватила уголок подола, нещадно сминая в ладонях отглаженную ткань. Тяжело вздохнула.

Что ж, скрывать не было никакого смысла.

— Хотела последний раз зайти в свою комнату в качестве магианы этой академии...

Ответ повис в воздухе, рождая напряженную тишину.

Гранитно-серые глаза ни на градус не становились теплее.

— Сядьте, — коротко бросил Люциан после продолжительной паузы, во время которой я успела искушать себе все губы.

Напротив ректорского стола стоял стул для посетителей. А мне было страшно сделать даже несколько шагов вперед. А уж когда нас стала разделять всего лишь узкая лакированная столешница, у меня и вовсе сдавило горло и резко пересохло во рту.

Сейчас я и представить себе не могла, как у меня хватило смелости всего несколько дней назад поцеловать этого человека. Коснуться его губ, вдыхать его прохладный, чуть ментоловый запах, обжигающий легкие. Сгорать от его дыхания...

А может, теперь я боялась еще и потому, что мне до боли хотелось вновь повторить все это. От одного взгляда на четкую, волевою линию рта, в этот раз напряженно сжатого, ребра словно сжало тисками. Я с трудом заставила себя опустить взгляд и не смотреть на алые губы, чью мягкость я так хорошо помнила.

— С чего вы решили, что я вас исключу? — раздался голос, лишенный всякого тепла. Но от его странных низких вибраций по спине прокатилась волна мурашек.

— А разве нет?

Снова напряженное молчание.

— У меня есть к вам серьезный вопрос, магиана Ирис, — наконец проговорил Люциан. — И, боюсь, от ответа может зависеть не только ваше дальнейшее обучение в этой академии. Но и кое-что гораздо более важное.

Ото льда в его тоне хотелось сжаться в комочек, а может, даже прямо сейчас спрятаться под стол. Я приготовилась к самому худшему, но то, что

спросил ректор, в очередной раз выбило меня из колеи.

— Кто обучал вас, магиана?

Удивление было столь велико, что половина страха куда-то улетучилась.

— Что? — мгновенно переспросила я. — С чего вы взяли, что меня кто-то обучал?

Люциан нахмурился. Его аристократические пальцы, сцепленные в замок, вдруг сжались. Как и челюсти. Стальные глаза сверкнули.

— Магиана Ирис, — медленно и четко процедил он, — я не настроен шутить. Или вы сейчас же отвечаете мне, или я узнаю все сам. Но вам это вряд ли понравится.

Меня бросило в дрожь. Ректор с каждым мгновением становился все холоднее, а глаза его все больше наполнялись раскаленной добела яростью, а я не понимала причины.

Но даже сейчас половина мыслей была только об одном: какое у него красивое лицо. С тонкими чертами, темными бровями, подчеркивающими радужки цвета серого мрамора, чуть впалыми щеками и сильной, четкой линией подбородка...

— Магиана Ирис! — воскликнул Люциан.

Я подпрыгнула на стуле, понимая, что опять утонула в собственных фантазиях.

Щеки стремительно покраснели.

— Да, простите, — промямлила в ответ, кусая губы и возвращаясь с небес на землю. — Никто не обучал меня, господин Люциан.

— Вы понимаете, насколько неправдоподобно это звучит? — хмуро спросил он. — Предполагается, что я должен вам поверить? Ваши способности далеки от первого курса, магиана...

«Лариана, зовите меня по имени», — хотелось сказать мне, но я, конечно, промолчала, чувствуя себя круглой дуручкой. Ректор отчитывал меня, как провинившегося котенка, а я не могла выкинуть из головы собственные фантазии.

— ...Только полный кретин может решить, что, не зная основ управления, молоденькая девушка способна поднять древнего драугра! — тем временем грозно продолжал ректор. — Только совершенно лишенный мозгов может поверить, будто она провалилась в сумеречный мир случайно! А потом с ходу запомнила слова мертвого языка, чтобы прочесть заклинание, которое никогда прежде не слышала!

Сердце забило в груди, словно пыталось вырваться из клетки. Вырваться и спрятаться. Пульс застучал в ушах. А еще стало невероятно

обидно.

— Вы мне не верите? — едва проговорила я, проглатывая застывший в горле комок. — Но это правда. И вообще, какое это имеет значение, училась я где-то или нет? Разве в академию принимают только тех, кто совершенно незнаком с магией?

Было совершенно не понятно, что именно так разозлило Люциана. Когда я шла сюда, то была уверена: нападение на магиана академии — серьезный проступок. Но теперь становилось очевидным: ректору нет никакого дела до того, что там у нас произошло с Ивейном. Его волнует что-то совсем иное! И я должна была понять, что именно.

— То есть вы признаете, что были знакомы с магией и до академии? — мрачно протянул Люциан и, кажется, даже задержал дыхание. Костяшки пальцев, сцепленных в замок, опасно побелели.

— Ну, я и не скрывала, что однажды смогла поднять мертвую кошку... — проямлила я.

Светлые силы, неужели это имеет хоть какое-то значение?

— И вы знаете, что мне было известно одно заклинание «для изгнания». Я еще в свой первый день его... на вас... ну, вы помните.

Стало мучительно стыдно.

Ректор глубоко вздохнул и на миг прикрыл глаза.

— Да, я помню, — ответил он, словно едва сдерживаясь. — Но это не то, о чем я спрашивал.

— А о чем вы спрашивали? — На этот раз это было уже почти возмущение. — Я вам все рассказала. Что еще вы хотите услышать?

— Кто. Вас. Обучал? — тихо и очень опасно повторил Люциан.

— Да никто меня не обучал! — воскликнула я, вскочила со стула и оперлась ладонями о ректорский стол. — Сколько раз еще повторить?! Никто! Почему вы не верите?

Неожиданно расстояние между нами резко сократилось, а взгляды схлестнулись. Только через мгновение я поняла, что почти нависаю над сидящим напротив мужчиной, будто сжигая его собственным возмущением.

Люциан не сказал ни слова. Только льдистые озера глаз вдруг сильнее потемнели.

Он был так близко, что я могла наклониться вперед и коснуться его губами...

Проклятье! Почему я все время об этом думаю?

Дыхание перехватило. Мы смотрели друг на друга, и по лицу Люциана скользнула тень удивления. А потом он вдруг медленно опустил взгляд,

который я снова почти физически почувствовала. Сладкая, обжигающая дорожка, от которой подкашивались ноги. На губах, шее, ключицах, груди...

Я задышалась. Во рту резко пересохло. Пытаясь взять себя в руки, нервно облизала губы.

Радужки цвета надвигающейся бури тут же взметнулись вверх, поймав это движение, словно впитывая его и все сильнее темнея.

Падение в пропасть. Ноги стали ватными. Кончики пальцев покалывало от напряжения.

И вдруг ректор встал. Резко, с шумом отодвинув кресло и быстро обойдя стол, он оказался прямо рядом со мной.

Я выпрямилась ни жива ни мертва — прям то, что нужно для магианы академии некромантии. И медленно посмотрела на него снизу вверх.

На лице Люциана совершенно невозможно было что-либо прочесть.

— Сядьте, — коротко бросил он низким тихим голосом.

Сопротивляться не было даже в мыслях. В этом кабинете творилось что-то странное, и не только со мной.

— К сожалению, в то, что вы говорите, очень сложно поверить, магиана Ирис, — проговорил он немного иначе. Без ярости, без злости. Без лезвийной остроты. Но все же и без тепла, которого мне так не хватало.

— Объясните мне, — едва слышно попросила я, боясь поднять глаза, когда он стоял так близко, — почему это так важно?

— Я не стану ничего вам объяснять, — ответил он жестко и скрылся где-то у меня за спиной. — Достаточно того, что я — ваш ректор и вы обязаны отвечать на мои вопросы, если хотите как минимум остаться в жив... в академии.

Я больше не видела Люциана, но густой, обволакивающий взгляд чувствовала каждой клеточкой тела. А слова, которые чуть не сорвались с его языка, заставили сердце на миг перестать биться.

Что он имел в виду? Неужели все гораздо серьезнее, чем я могла предположить? И в этом кабинете я и правда оказалась вовсе не из-за Ивейна и моей глупой шутки?

Через несколько тягучих секунд из моего сжатого горла вырвалось:

— Вы... сказали, что можете узнать сами. Проверить, говорю ли я правду. Так сделайте это. И... перестаньте меня мучить...

Мне показалось, что я слышу вздох. Долгий, глубокий и тяжелый.

— Я — некромант и могу выполнить это только крайне неприятным для вас способом, магиана Ирис, — прозвучали слова, в которых отчего-то проскользнули грустные нотки.

От этого ответа, как от грозового разряда, по позвоночнику вниз спустилась волна дрожи. Пугающей и заставляющей сердце биться еще быстрее.

— Мне не страшно. Я ведь тоже теперь некромант, — проговорила словно против воли. Твердо и уверенно.

Люциан за моей спиной выдохнул, а затем послышался звук его шагов.

— И уже весьма неплохой, — ответил он.

Не успела я порадоваться неожиданной похвале, как прохладные руки мягко коснулись моего разгоряченного лица. От неожиданности дрожь пронзила тело, а затем сладкая волна удовольствия скользнула вниз по груди, скручиваясь и заставляя нервничать.

— Я постараюсь сделать это максимально безболезненно, — тихо произнес Люциан. И мне хотелось верить каждому его слову. Всему, что бы он ни сказал. Лишь бы его руки оставались так же близко...

Он расположил кисти так, что большие пальцы касались моих висков, а ладони обхватывали нижнюю часть щек и основание шеи. Подушечки пальцев иногда немного перемещались, и от этих едва заметных движений под кожей словно били маленькие молнии.

— Будет... неприятно, — послышался голос с нотками вины.

Но мне было уже все равно.

И через долю секунды комната наполнилась Тьмой.

Мгновенно она заполнила собой все помещение, вызвав легкий приступ страха. Но мужские руки все еще были на мне, и это странно успокаивало.

Затем стало хуже. Черные клубы магии сгустились до состояния жженой смолы и резко проникли в меня через глаза, нос, уши, заставляя вскрикнуть и задержать дыхание.

Казалось, я вот-вот задохнусь. Сердце похолодело и упало куда-то вниз.

— Потерпите еще немного, Лариана, — с беспокойством проговорил Люциан, словно пытался меня успокоить. И, услышав собственное имя, снова сорвавшееся с его губ, я мгновенно поверила.

Все должно быть хорошо. Все будет хорошо.

Но огромное обсидиановое озеро мрака засасывало все сильнее. Страх против воли скрутил живот, грудь, не давая вздохнуть.

А затем за судорожно сжатыми веками я увидела переливающуюся спираль. Огромную воронку, сверкающую всеми возможными красками. И только по ее краям искристые волны имели чисто черный цвет. Густой и благородный, влажно блестящий.

Я знала, что это — настоящая Тьма. Та, что внутри меня. Но она не пугала, потому что не могла навредить. Ее мягкие волны двигались по кругу, постепенно исчезая. Хотелось зачерпнуть ее, как жидкий обсидиан, и расплескать повсюду, рождая сумеречную магию.

Любуясь этим чудом, я даже забыла на время, что воздух давно не поступает в легкие.

— Дышите, Лариана, — низким обволакивающим голосом проговорил Люциан.

Я вздрогнула. Горячая волна тут же прокатилась по спине, скручиваясь где-то внизу. Черные ленты Тьмы закрутились быстрее, и внезапно искристая спираль исчезла, явив воспоминание, от которого в груди вспыхнуло пламя.

«Так близко, всего в нескольких сантиметрах от меня — глаза. Серые глаза, в которых разгорается темная жажда. От этой жажды у меня слабеют ноги и подкашиваются колени. Но есть кое-что, сводящее с ума гораздо сильнее: пьянящие и ранящие сердце губы, прижавшиеся к моим в самом обжигающем поцелуе. Запретном, неправильном, нужном...

Ректор императорской академии. Та ночь в сумеречном мире, о которой мне не забыть. Обволакивающий, свежий запах холода и мяты. Ветра и зимней ночи, в которой, кажется, может случиться любое волшебство.

Стук крови в висках. Его замершее дыхание на моей щеке. И глаза цвета дымчатого хрусталя, в которых я неудержимо тону...»

И вдруг все исчезло. Я открыла глаза, нервно моргая, пытаюсь разглядеть очертания кабинета, хватая ртом воздух. Снова чистый, без капли черной смолы.

— Вот и все, — с легкой хрипотцой проговорил ректор, медленно убирая руки с моего лица.

А мне до боли не хотелось этого. Не хотелось терять тонкое ощущение близости, которое, кажется, удерживало меня в сознании.

Сердце стучало ошеломляюще быстро. Совершенно не понимая, что происходит, я испуганно положила руку поверх правой ладони ректора, заставляя его снова коснуться моей щеки.

Прийти в себя оказалось не так-то просто. Перед глазами все еще было мутно, хотелось выплюнуть собственные легкие. А липкое чувство, напоминающее страх, заставляло волоски на коже вставать дыбом.

Что именно меня так напугало, я сама не понимала. Возможно, то, что на какое-то время моя способность управлять собственным телом исчезла. А может быть, резкий контраст между воспоминанием и явью заставил

меня потеряться в ощущениях.

— Лариана, — тихо позвал Люциан, не сопротивляясь моим странным действиям, — все в порядке. Все закончилось.

Руки. Мужские руки на моем лице. Прохладные, остужающие болезненный жар. Рождающие совсем другой огонь.

— Что это было? — хрипло произнесла я, до конца не понимая, где нахожусь.

— Это... побочный эффект, — мягко ответил он с непривычной нежностью.

Длинные аристократические пальцы все еще лежали на моем лице. Пару раз они едва заметно вздрогнули там, где подушечки касались шеи. Где слишком быстро билась маленькая горячая жилка...

Секунды утекали, словно капли меда с ложки. Медленно, неторопливо. Рождая какое-то странное волшебство, звенящее напряжение в воздухе, от которого покалывало кожу.

— Все уже закончилось. Вы говорили правду, Лариана, — произнес Люциан. И от его голоса в груди разливалось что-то горячее и тягучее.

А в следующий миг он снова попытался медленно отодвинуться, разорвать это тонкое прикосновение, защищающее меня, обволакивающее и обнимающее.

Страх снова взвился внутри, как коршун, распахнувший черные крылья.

— Нет! — вырвался из горла крик, и в следующую секунду я с силой сжала мужскую ладонь рядом со своей щекой.

Под ребрами грохотало, сбивая дыхание.

Снова Тьма сковала грудь, острыми когтями впиваясь в сердце. Перед глазами закрутилась спираль воронки. Но на этот раз мглистые волны выплеснулись из нее наружу, и за плотно сжатыми веками, как взрыв, вспыхнуло совсем другое видение.

«Этот же самый кабинет, но за окном раннее утро. Ослепительный золотой свет льется сквозь широко распахнутые шторы.

Я сижу в кресле недалеко от камина. Бросаю короткий взгляд в зеркало. У меня длинные белые волосы и глаза цвета озерного мрака. А еще — красивое мужское лицо. И это лицо Дэйна Люциана, потому что я смотрю его глазами.

Он сжимает кулаки, и я чувствую, как меня поглощает пропасть безнадежности. Холодные тиски отчаяния сдавливают широкую грудь. И кажется, что во всем мире я осталась совершенно одна.

Рядом сидит черноволосый мужчина. Вокруг него клубится мрак. Мне

внезапно становится страшно, и я понимаю, что теперь это мои собственные эмоции.

Ректор Мертвой академии совершенно спокоен. Темный мужчина что-то говорит, но Люциана это совершенно не пугает.

Мне хочется кричать.

А в следующий миг видение меняется, будто делая незримый скачок. И на этот раз я слышу голос моего ректора. Словно сами губы произносят вслед за ним фразу, смысла которой я до конца не понимаю, но которая пугает меня до мозга костей:

— Любую тьму можно приручить. Кроме той, что внутри...

Взгляд опускается вниз, и сердце останавливается. Кровь, ярко-алая кровь на такой ослепительно-белой ладони с аристократическими пальцами. И страшная рана от кривого лезвия старого кинжала...»

В следующий миг все исчезло. Я снова сидела на стуле вместо кресла и была самой собой. Только перед глазами все еще стояло блестящее багряное пятно на мужской ладони. Той самой, которую я до сих пор крепко сжимала в трясущихся пальцах.

— Лариана, — тихо позвал ректор за моей спиной. Но я не откликнулась.

Вместо ответа сжала мужскую кисть еще крепче и слегка потянула на себя, одновременно выпрямляя длинные пальцы, чтобы добраться до ладони.

На светлой, слишком бледной коже сверкал глубокий шрам.

— Так это было на самом деле? — ошеломленно проговорила я, разглядывая кривую припухшую линию.

— Да, — бесцветно проговорил Люциан, больше не пытаясь вырваться.

Сердце будто оборвалось, снежной лавиной падая в пропасть. Чужие эмоции: боль, безнадежность, пустота — вдруг снова отозвались в груди, заставив душу обливаться кровью.

Неужели он все это испытал? Неужели испытывает до сих пор? Но почему?

Ни один человек не заслужил того бесконечного стылого отчаяния, которое я ощутила в его воспоминаниях.

Я не знала ответов ни на один из своих вопросов. Но мне до стога сквозь плотно сжатый рот, до крика, спрятанного глубоко в горле, хотелось прижаться к широкой мужской груди. Услышать стук сердца, застывшего под ледяной коркой печали. Отогреть его, заставить почувствовать.

Не выпуская прохладную мужскую ладонь, я медленно провела по

линии шрама. От самого запястья до ложбинки между большим и указательным пальцами. Едва касаясь, боясь причинить боль, несмотря на то, что на вид ране было не меньше месяца.

Люциан напряженно выдохнул.

Я вздрогнула, почувствовав, как в кабинете становится жарче. И повторила движение в обратную сторону. На миг остановилась на запястье, очертила выступающие вены и осторожно поднялась по ним вверх, как по дорожке.

— Лариана... — проговорил он, и голос его звучал неожиданно низко.

От горячих, немного рычащих ноток в ушах еще громче застучал пульс. В кровь плеснул огонь.

Дальше все получилось как-то само. Я приподняла его руку и вдруг коснулась губами самого центра ладони. Того места, где шрам был больше всего.

Люциан шумно выдохнул.

Под кожей словно взорвался фонтан искр. Время остановилось, растягивая мгновение в вечность, нарушаемую только бешеным биением в груди. В венах медленно закипала лава.

Я зажмурилась, надеясь, что не сгорю на месте от стыда за собственные действия и абсолютной невозможности остановиться. А затем приоткрыла рот и провела языком по алой линии.

— Проклятье, Лариана... — почти со стоном протянул Люциан.

Голова закружилась. Воздух начал обжигать легкие.

Я провела языком чуть выше, и снова тяжелое дыхание.

Опять между нами происходило что-то странное. Кислород будто превратился в жидкое пламя, а окружающий мир — в озеро раскаленного желания. Желания касаться, вдыхать запах, сминать кожу поцелуями, подавляя крик...

— Что вы делаете, магиана Ирис? — срывающимся голосом прошептал ректор.

Но я не слышала вопроса. Слышала лишь рваное дыхание и слова, которые едва срывались с губ.

Чуть-чуть продвинулась вверх и сомкнула губы на запястье, оставив легкий влажный поцелуй на чувствительном сгибе.

— Тьма, Лариана... — сквозь зубы прохрипел он. — Прекратите сейчас же.

Я сходила с ума. Его голос погружал меня все глубже и глубже на дно горячего безумия. И если он хотел меня остановить, стоило придумать что-то другое.

Люциан резко сжал ладонь в кулак, делая глубокий прерывистый вдох. Время словно замедлилось, превращаясь в тягучий нектар. Я повернула голову, встретившись с темным, как осенняя ночь, взглядом.

Люциан тяжело дышал. Его широкая грудь быстро и равномерно вздымалась. Не сводя с меня глаз, он дернул ворот светло-голубой рубашки, застегнутой на все пуговицы. Будто задыхался.

Дорогая ткань слегка треснула, но пуговицы легко поддались на грубость, открывая основание шеи.

О, демоны и нежить... Такими темпами я скоро начну ругаться как настоящая некромантка. Но другие слова были бы слишком мягкими. Кто бы сказал мне раньше, что может вот так сводить с ума крохотная ямка между ключиц? Рельеф широкой жилистой груди, которая едва видна сквозь распахнутый ворот?

Я медленно встала со стула, не выпуская мужское запястье с крепко сжатым кулаком. И сделала шаг вперед.

Такой сложный и одновременно такой желанный шаг, который свел пространство между нами до узкой полоски раскаленного воздуха.

— Лариана, — снова тихо позвал Люциан, будто я не стояла сейчас в нескольких сантиметрах от него. — Ла-ри...

Он словно не смог договорить, задержав дыхание и вдруг опустив глаза на мои губы.

Это ласковое «Лари», которое будто вырвалось против его воли, обожгло, заставив в мозгу что-то сломаться. Разорваться на тысячи осколков, впитывая каждую букву, запоминая и растворяясь в тихой вибрации двух слогов.

Терпеть дальше было невозможно. Я протянула руку и осторожно коснулась светлой ключицы, которая так приковывала взгляд.

Гладкая кожа под пальцами напоминала кипящий вулкан. С виду такая холодная и гладкая, как безупречная ледяная статуя, на поверку она оказалась горячей, словно вместо крови под ней бурлила лава.

Люциан замер на миг. В его глазах отразилась тень удивления, непонимания и какого-то темного огня. А затем веки вдруг закрылись, лишив меня возможности читать его эмоции. Он крепко сжал челюсти, с шумом втянув воздух.

Я застыла, от сладкого тягучего страха не чувствуя ни рук, ни ног, ни биения собственного сердца. Снова в висках стучала острая, пугающая мысль, что вот-вот ректор откроет глаза и скажет, что я позорю звание магианы его академии.

Но через ослепительно короткое мгновение он едва заметно склонил

голову набок, будто подставляясь под движения моей руки. Словно требуя: «Продолжай...»

Нестройный табун мурашек прокатился по спине. Я облизнула пересохшие губы, боясь, что все это мне снится и я вот-вот проснусь. Подняла руку выше, позволив себе коснуться его шеи всей ладонью. Ощутить пульс, бешено стучащий под пальцами. А потом вдруг оказаться еще дальше, под кромкой калено-белых волос. С замиранием сердца чувствуя их мягкость, струящуюся сквозь пальцы. Мягкость, которую я могла себе только представлять...

И в тот момент, когда я скользнула к его щеке, большим пальцем очертив скулу и дойдя до уголка губ, что-то произошло.

Люциан резко распахнул глаза, полные чего-то темного и желанного. Глаза, наполняющиеся еще более опасной чернотой. И между нами словно сверкнула молния.

Я открыла рот, жадно хватая воздух, снова ощущая, как раскручиваются призрачные крылья спирали.

— Проклятье! Опять, — прорычал он, вдруг обхватив мое лицо ладонями. — Смотрите на меня, магиана Ирис!

Но я уже не видела его перед собой. Только расплывчатые образы прошлого. Снова неприятный темноволосый мужчина, кровь на руках, чаша, полная пугающей красноты. И неожиданные слова Люциана, которые зазвучали у меня в ушах, словно похоронное напутствие: «Нужно было убить ее еще в младенчестве...»

И когда сознание вновь вернулось в мое тело, к моим собственным мыслям и эмоциям, я чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. Воздуха не хватало, легкие жгло, сквозь горло с трудом прорывалось жалкое дыхание.

Но самым страшным было вовсе не это. А слова ректора, стучавшие в висках, как колокол. Я была в его голове, и мои губы двигались вслед за его:

«Нужно было убить ее еще в младенчестве...»

А потому у меня не оставалось и капли сомнений: эти слова были обо мне.

Глава 12

ПЛОХУЮ МАТЬ ЛУЧШЕ НЕ ЗНАТЬ

Дэйн не мог заставить себя остановиться.

Пламя курсировало по венам, отдаваясь в груди, пульсируя в висках, покалывая кончики пальцев, которые не должны были чувствовать совершенно ничего. НИЧЕГО.

Но, вопреки всему, они чувствовали, и в этом еще предстояло разобраться. А сейчас он просто умирал и рождался заново от каждого легкого женского прикосновения, каждого вздоха, тонким ветерком ласкающего кожу. От движений горячих губ, кружащих голову, вытесняющих из разума все, кроме остро-запретных мыслей на грани полной потери самообладания.

Ощущения, эмоции зашкаливали так, будто высшему некроманту было снова двадцать. Каждая клеточка тела ныла, звала: «Прикоснись... ближе... еще...»

Звала ее. Лариану Ирис.

Дэйн сгорал в этом имени, в ее тонком, едва уловимом запахе карамели и диких яблок. Тонул в ее огромных фиалковых глазах, полных доверия, хрупкой надежды, чистого, невинного желания...

И в один миг все волшебство оборвалось. Сияюще-синие радужки наполнились мраком ужаса. Тонкие брови неверяще приподнялись, а влажные, едва приоткрытые губы вдруг сжались в обиженную линию.

Но самым страшным было не это. А ее взгляд, полный страха и осуждения. Он резал не хуже ритуального клинка. Только гораздо болезненнее.

И во всем этом он виноват сам. Потерял контроль, лишился самообладания. Снова. Настолько, что позволил темному ритуалу выйти из-под контроля.

Дэйн должен был всего лишь увидеть ее анарель. Источник силы каждого мага. Спрятанную глубоко в груди магическую спираль, с помощью которой колдуны управляют материями.

Это было крайне важно. Ведь анарель некроманта, что уже несколько лет тренирует сумеречную магию, будет чисто черным. Природное радужное сияние источника быстро подстраивается под выбор хозяина, меняя свой цвет.

Но у Ларианы потемнело лишь внешнее кольцо спирали. Это означало, что она не могла заниматься магией дольше пары недель. А значит, и не могла быть виновна в том, в чем он ее подозревал.

Стало ли ему легче? Однозначно — стало. Потому что если бы все оказалось именно так, как он и предполагал, скорее всего, девушку и вправду пришлось бы убить.

Одна мысль об этом заставляла холодное сердце высшего некроманта рассыпаться на осколки.

Что с ним произошло? Почему вдруг это стало так важно? Ее руки, улыбка, сияние глаз цвета океанских глубин...

Дэйн чувствовал себя отвратительно. Он должен был сохранять дистанцию, оставаться бесстрастным, особенно с этой магианой. Но именно с ней у него совершенно ничего не получалось.

И сейчас она смотрела на него так, что хотелось провалиться сквозь землю в сумеречный мир. Сгореть на месте или прямо сейчас превратиться в нежить, чтобы не чувствовать ничего. Не замечать боли в ее взгляде. Не видеть, как фиалковые глаза становятся опасно блестящими.

— Вы хотели меня убить? — почти беззвучно произнесла она, словно ей не хватало воздуха. Словно он ударил ее или душил собственными руками. — Почему вы хотели меня убить?

Нужно было взять себя в руки, не смотреть больше в эти глаза, не вдыхать ее запах. И хорошо, что после этого проклятого видения она больше ему не верит. Пусть не верит. Пусть боится.

Так будет лучше для них обоих.

— Магиана Ирис... — выдохнул Люциан сквозь крепко сжатые челюсти. И взгляд снова стал ледяным. — Не стоит принимать так близко к сердцу случайные картинки.

И отвернулся, медленно отойдя к окну. Только темные боги знают, чего это ему стоило.

За спиной повисла густая, звенящая тишина.

— Вы хотите сказать, то, что я видела — неправда?

Люциан закрыл глаза.

Солгать. Нужно просто солгать. Но, демоны, почему это так сложно?!

— Вас это не касается, магиана Ирис, — выдавил он бесцветно и отстраненно. Как всегда.

Браво, Дэйн. Еще немного, и лгать станет просто даже самому себе.

Но за спиной вдруг раздалось ядовитое:

— Неужели?

Он резко развернулся, встретившись с пылающим взглядом из-под

приподнятых бровей.

— Значит, меня это не касается? — переспросила она, приближаясь.

Лариана вся горела. Дэйн никак не мог понять, откуда в первокурснице такая смелость? Ее напористость и инициатива, которые она каждый раз не боялась проявлять, одновременно смешанные с неуверенностью и стыдливостью, постоянно ставили некроманта в тупик.

— Мне стоит повторить? — через силу произнес он, сохраняя жесткий тон.

Но на Лариану это будто бы не произвело ни малейшего впечатления. Она лишь закрыла глаза на мгновение, судорожно сглотнув, но снова сделала шаг вперед.

— Лучше скажите, что вы скрываете от меня, — почти прошептала она, наконец преодолев последнее расстояние, разделяющее их.

С ума сойти, она умудрилась загнать его в угол в его же собственном кабинете.

Люциан прижался спиной к окну, чувствуя, что эта близость снова выбивает его из колеи. Опять он ощутил сладковатый запах, заставивший его шумно втянуть воздух.

Ему хотелось вдыхать ее.

— Не понимаю, о чем вы, — проговорил он как можно более жестко.

И, судя по дрогнувшим на миг губам Ларианы, вполне натурально.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне, — не сдавалась она, но голос звучал уже не так уверенно.

— Вы забываетесь, — прохладно ответил Люциан. — Особенно если думаете, что я собираюсь отчитываться перед первокурсницей-магианой.

Лариана вздрогнула так, словно ее кто-то ударил. Фиалковые глаза подернулись влагой.

Дэйн сильно сжал губы, чтобы не сказать вслух того, что до боли жгло горло:

«Хорошо, лучше ненавижь меня... Бойся. Так будет правильно. Потому что если ты приблизишься еще хоть на миллиметр, если снова коснешься меня своими тонкими пальчиками, клянусь отцом Тьмы, мне будет уже все равно, что я — твой ректор...»

— Я знаю, — в то же время проговорила Лариана, не сводя с него пристального взгляда, — вы что-то скрываете от меня. Я помню ваши слова там, в сумеречном мире, — продолжали литься обжигающие фразы под ошеломленным мужским взглядом. — О том, что «яблочко от яблоньки» недалеко падает. Признайте, вы были знакомы с моими родителями?

Это было уже чересчур. Она подобралась слишком близко к правде. К

нему самому...

И что теперь остается делать?

— Магиана Ирис, — глубоко вздохнув, протянул Люциан, — я думаю, вам пора вернуться на лекции.

Бежать. Правильно, беги, Дэйн. Как трус, как мальчишка.

— Я никуда не уйду, пока вы мне не ответите, — нахмурилась она и сложила руки на груди. — Я знаю, что права. Иначе вы не задавали бы мне все эти странные вопросы о том, кто меня учил. Можете молчать сколько вам угодно, а я не сойду с этого места, пока не услышу правду.

Ректор с несвойственным ему восхищением посмотрел в женские глаза, с затаенным удовольствием обвел взглядом напряженную линию подбородка и на секунду задержался на плотно сжатых губах.

Даже когда злилась, она казалась ему прекрасной. Он и сам не заметил, как едва различимо улыбнулся.

Впрочем, для эстетического наслаждения момент был не самый подходящий. Некромант закрыл глаза и чуть склонил голову, пытаясь привести мысли в порядок. Затем выпрямился и, обойдя застывшую магиану, вернулся к своему столу.

— Что ж, садитесь, Лариана Ирис, — внезапно сказал он, устраиваясь в кресле поудобнее и не веря, что действительно собирается рассказать ей все. — Я отвечу на ваши вопросы.

Будущая некромантка подпрыгнула на месте от удивления и тут же последовала совету. Дэйн про себя невесело усмехнулся: иногда она определенно умела быть послушной.

— Да, я знал вашу мать, — начал он, опустив руки на стол и сцепив их в замок. В безжизненном взгляде цвета серого пепла словно сверкнули раскаленные угли.

— Вы знали Гарту Ирис? Жену лекаря Киприана? — тихо переспросила магиана, недоверчиво приподняв тонкие брови.

— Нет. Я говорил не о вашей приемной матери, — спокойно ответил Люциан. — Мне известно, кто был вашей настоящей матерью. И мне известно также, что с ней стало.

Кажется, она перестала дышать.

«Проклятье, что же с ней будет, когда я расскажу ей все до конца?» — нахмурившись, подумал Люциан. Но поворачивать назад было уже поздно.

— Разве это возможно? — сдавленно произнесла Лариана.

От этого жалкого, затравленного голоса ректор скривился, как от внезапной боли.

— К сожалению, да, магиана Ирис.

— Расскажите, — с трудом выдавила она.

— Много лет назад в нашей империи процветал культ Тиамант, — полились тихие слова, и теперь даже сам ректор не был уверен, что маска бесстрастия на лице все еще скрывает его истинные мысли от Ларианы. — В то время я состоял в Императорском защитном корпусе. Наша работа заключалась в том, чтобы отлавливать и уничтожать жрецов проклятой богини. Однажды стало известно, что культисты готовят какой-то крупный ритуал. Разведка донесла место и время, но мы все равно почти опоздали. К нашему появлению темная церемония была уже в самом разгаре. И оказалось, что ее целью являлся вызов Тиамант в наш мир.

В этот момент Дэйн ожидал ужаса в глазах девушки, может быть, какого-нибудь испуганного возгласа. Ведь темная богиня, дочь отца Тьмы по праву считалась одним из самых невероятных, высших чудовищ сумеречного мира. Самым жестоким и опасным существом мрака.

Но Лариана лишь сильнее вцепилась пальчиками в сиденье стула, не сводя с Люциана широко распахнутых фиалковых глаз.

Тогда он стиснул зубы и неожиданно для самого себя отвел взгляд.

— Богиня явилась в наш мир, хотя ритуал и не завершился. К счастью, на тот момент она оказалась достаточно слабой, чтобы мы смогли победить, вновь запечатав ее в сумеречном мире. Нам стоило это... немалых усилий. А потому, чтобы лишить Тиамант даже крошечного шанса вернуться, мы обязаны были стереть с лица земли всех, кто участвовал в темном колдовстве. Так мы и сделали.

Судя по широко раскрытым и немигающим глазам Ларианы, пока она мало понимала, как все это ее касается. Но Дэйн знал, что когда он дойдет до конца, то не захочет видеть ее взгляд.

— Мы уничтожили всех культистов. Двенадцать взрослых мужчин, сильных магов. Впрочем, — с ноткой горечи усмехнулся ректор, — по сравнению с богиней, убить их было слишком просто. Однако среди адептов темной секты были две женщины с младенцами. Одной из них оказалась верховная жрица Тиамант. А в черном одеяле на ее руках лежала ты.

Лариана перестала дышать.

— Что... с ней стало? — хрипло проговорила магиана, и остатки румянца исчезли с ее и так довольно бледных щек.

Высший некромант мог лишь молчаливо отдать должное ее выдержке. А еще тихо сожалеть. Потому что в девятнадцать лет девушка должна радоваться жизни, влюбляться в однокурсников, улыбаться свету солнца, не задумываясь о том, что когда-нибудь оно может погаснуть именно для нее.

Дэйн знал это как никто другой. Его детство кончилось слишком давно.

— Мы уничтожили ее, как и остальных, — как можно мягче ответил ректор, но вышло все равно отвратительно. — Как и всех. Остались в живых лишь два младенца, которых мы после некоторых раздумий сочли непричастными к ритуалу.

— После... раздумий? — нервно повторила побледневшими губами Лариана, а ее фиалковые глаза еще шире распахнулись.

Все произошло именно так, как и боялся Дэйн: на нем тут же повис тяжелый взгляд, полный тоски и непонимания.

— Лариана, — медленно протянул он, отчаянно желая прикоснуться к девушке, стереть с ее лица это отстраненное выражение бесконечной печали, — вы должны понять. Если в младенчестве вы были частью ритуала, о чем мы до сих пор не знаем, то оставлять вас в живых — фатальная ошибка.

— Так что же, может, убьете меня прямо сейчас, и дело с концом? — пожала худенькими плечами она и прикусила губу.

Сначала Дэйн не понял, что происходит. Но потом ослепительно-синие глаза вдруг влажно заблестели.

— Ну? Убьете, как мою мать? — продолжала Лариана, а потом вдруг вскочила со стула. На снежно-белом лице слишком ярко выделялись искусанные до кровоподтеков губы.

— Магиана Ирис, вы, кажется, не понимаете... — Дэйн попытался сохранить серьезный тон, несмотря на лезвия, что уже кромсали его изнутри после каждого ответного слова.

— А что тут понимать? — тихо переспросила она. — У меня была мать, которая могла воспитать меня. Любить меня...

— Лариана, она была верховной жрицей Тиамант! — воскликнул некромант, чувствуя, что девушка все больше и больше запутывается. Тонет в собственной печали.

— Ну и пусть, — бросила она, как маленький ребенок, которым, вероятно, в этот момент и стала. Снова стала крохотной сиротой, которую с детства не любила ни одна живая душа. Ни приемные родители, ни братья с сестрами...

Но разве мог он, Дэйн, об этом знать? Он сохранил ребенку жизнь. А остальное никогда не было его заботой. До сегодняшнего дня, когда боль маленькой магианы вдруг стала его собственной.

— Пусть была бы хоть самой проклятой богиней, — тихо всхлипнула Лариана, и это прозвучало гораздо громче, чем крик. — А вы? Вы же и сегодня подозревали меня в чем-то. Что я иду по стопам матери? Хотели

меня убить?

Нет, проклятье, нет, Лариана!

С другой стороны, ведь она права, не так ли? Чего же ты добивался, Дэйн, когда во что бы то ни стало хотел увидеть ее анарель?

Чего ты добивался?

— Как вы могли... быть рядом со мной все это время? Неужели у вас совсем нет сердца?

— Магиана Ирис... — тихо произнес Люциан, понимая, что ему практически нечего сказать. Все слова перемешались в голове, и внезапно он почувствовал себя еще более мертвым, чем его сделало проклятие. Потому что на этот раз будто умирала душа. — Вы не понимаете, что говорите. Верховная жрица...

— Не надо больше ничего говорить! — воскликнула она на этот раз достаточно громко. И добавила холодно: — С меня уже достаточно новостей.

Затем резко выбежала из кабинета, как антрацитовый ураган, в своем маленьком черном платье академической формы. Формы, которую Дэйн ввел специально для нее.

— Верховная жрица, — тихо повторил он, оставшись в полном одиночестве, когда дверь с шумом захлопнулась, — собиралась принести вас в жертву своей богине, магиана Ирис. Так что вряд ли она стала бы хорошей матерью...

Но Лариана, конечно, уже не слышала его слов.

Дэйн замолчал, тяжело уронив голову на сцепленные пальцы, и давящая тишина накрыла кабинет ватными крыльями. Ректор закрыл глаза, пытаясь уверить себя, что так даже лучше. Что отныне Лариана не взглянет на него иначе, чем с отвращением. А значит, он сможет сохранять дистанцию. Сможет остаться тем, кто он есть.

Но правда была в том, что уже сейчас что-то болезненно острое, как старые крюки для ловли акул, рвало ему грудь, тянуло и резало, мешая дышать. А перед мысленным взором стояли только фиалковые глаза, полные печального блеска.

А это означало, что он не сможет сохранить дистанцию. Уже не смог.

Стиснув зубы, Дэйн резко шагнул к двери. Толкнул ее с какой-то неистовой яростью, почти наслаждаясь пронзительным скрином петель, и вышел прочь.

Глава 13

ПОЖАЛУЙСТА, ЗОВИ МЕНЯ ДЭЙН

Я бежала так быстро, как могла. Сердце обливалось кровавыми слезами, но глаза так и оставались сухими. Как бы сильно мне ни хотелось разреветься, все время что-то не позволяло. И от этого напряжение только росло.

В итоге, чтобы бедняга-хомяк в подоле платья не бился о ноги, я аккуратно придерживала его кармашек. Дабы не упасть, поскользнувшись на идеально-гладких каменных ступенях академии, приходилось немного сбавлять скорость. Чтобы не привлекать лишнего внимания магиан, медленно выползающих после лекций, я плотно сжимала губы и делала крайне невозмутимый вид.

Таким образом, когда величественное черное здание осталось позади, а узкие дорожки привели меня к тому самому парку возле полигона номер шесть, плакать окончательно расхотелось.

Здесь было очень тихо. Даже несмотря на стычку с Ивейном, эта старая аллея, больше напоминающая густой лес с мощеными тропинками, неудержимо манила своей дикостью. Буйством зелени, цветочными полянами и местами даже малопроходимыми зарослями. И потому ее невозможно было не оценить по достоинству.

Я быстро отошла в сторону от дорожки, чтобы не встретиться ни с кем из магиан. Внимательно оглядываясь по сторонам, дабы не нарваться в очередной раз на какого-нибудь пьяного демонолога, скрылась за высоким кустарником цвета малахита и медленно побрела прочь.

Хотелось подумать вдали от суеты. Чтобы чем-то занять руки, я подняла из травы небольшой гладкий булыжник с красивыми черными трещинками и, перекатывая его в ладонях, направилась дальше.

Оказывается, мать меня вовсе не бросала, как я привыкла думать всю свою жизнь.

Верховная жрица Тиамант.

Эти три слова до сих пор звучали в голове, и я никак не могла понять, что они по-настоящему для меня значат. Моя мать была приверженкой темного культа. Зачем? Для чего ей было поклоняться богине, пожирающей тела и души?

У меня не укладывалось это в голове. Но казалось, что и у этого

должна быть причина.

Может, Тиама́нт не такое уж зло? Может, для своих адептов она — благословение... Кто знает, как на самом деле обстояло дело? А спустя почти два десятка лет узнать правду не получится.

Ведь Люциан убил всех, кто мог хоть что-то рассказать мне.

Это бесило. Страшно злило и почти уничтожало изнутри.

Невозможность хоть что-то изменить, понять, кем на самом деле была моя мать? Просто женщиной, которая верила в других богов, или сумасшедшей фанатичкой, которая мечтала явить в мир ожившую Смерть?

Ведь я не могла не предполагать и такой вариант событий. Вероятно, Люциан действительно не мог поступить иначе. Может быть, у него и впрямь не было иного выхода, кроме как выжечь этот культ под корень. Уничтожить всех и вся.

Но мое сердце отказывалось в это верить. Я не могла представить себе, что женщина с ребенком на руках могла замыслить что-то недоброе против всего мира. Независимо от меня фантазия уже рисовала мне красивое лицо брюнетки, улыбающейся маленькому комочку, завернутому в одеяло.

Я бы улыбалась именно так.

А еще я не могла понять, зачем же убили эту женщину. Ведь можно было наказать, посадить в темницу, отправить послушницей в Светлый храм. Она могла там воспитывать свою дочку в маленькой келье, перемежая заботу о ней с тяжким трудом.

И у меня была бы мать.

Но, увы, все случилось совсем не так.

Впереди узенькую поляну пересекало толстое поваленное дерево, нарочно перевязанное цепями по краям, а рядом стоял огромный плоский валун, подозрительно напоминающий столик. Место отдыха, столь дико и по-деревенски обставленное, казалось очень необычным на территории императорской академии. Стоило представить, как какая-нибудь маркизочка добирается сюда от тропинки на своих каблуках, а потом, старательно приглаживая юбки, садится на низкое бревно, как становилось смешно. Наверно, поэтому здесь никого и не было. А мне такое славное местечко было как раз по нраву.

Я бросила на столик свой камушек, а затем смело уселась на древесный ствол, отчего и так укороченная юбка довольно сильно задралась, оголив часть бедер. Но в такой глуши мне до этого не было никакого дела.

Достала из кармана Люциана-младшего и усадила его перед собой. Пушистый белый комок сонно встрепенулся и медленно засеменял по

гладкому валуну, осматриваясь.

Оба клыка все так же торчали из-под мягкой шерсти на мордочке. Глаза стали чисто черными с какой-то красноватой точкой внутри.

Я внимательно оглядела его со всех сторон, чтобы заметить какое-нибудь новое изменение. Но, похоже, все сюрпризы остались позади, и теперь хомяк всегда будет выглядеть именно так, как сейчас.

Закрыв глаза на миг, я распахнула их снова, чтобы увидеть потоки Тьмы. Нечто похожее на черную паутину облепило грызуна с одной стороны тела.

Я по привычке поводила руками над пушистым тельцем, «подергала» нити паутинки, удостоверившись, что они остаются неподвижны, и удовлетворенно кивнула.

— Ну, друг, похоже, мы с тобой пока справляемся с этой заразой, да? — улыбнулась я мелкому товарищу, почесав того за ухом.

Хомяк замер посреди стола и тихонько ухнул, подставляя голову для поглаживаний, словно что-то соображал.

— Кто у нас тут? Крыса-нежить? — раздалось вдруг впереди из-за широкого дерева. — Даже зверюшки у тебя паршивые, деревенщина.

Я резко подняла голову, хмуро гадая, кого опять нелегкая принесла.

Медленно выходя чуть поодаль из тенистых зарослей, широко усмехалась какая-то блондинка.

И чего усмехалась, спрашивается? Тоже мне, юмористка.

— Пустой смех — мозги с орех, — бросила я невозмутимо и снова почесала Люциана-младшего, краем глаз отмечая, как сползла с круглого личика дерзкая улыбка. — Это не крыса, а хомяк. И вполне себе симпатичный.

Девушка подошла поближе и оперлась плечом о ствол ближайшего дуба. Потом надула губы и сложила руки на груди.

— Грубиянка, — фыркнула она. — Ты разве не знаешь, что низшая нежить все равно не понимает, что ты делаешь? Ей наплевать. Как кукле в руках кукловода.

Я, конечно, не знала. Мало еще нам успели объяснить за то короткое время, что я упорно пытаюсь вылететь из чудной императорской академии. О природе и желаниях умертвий мне было почти ничего неизвестно. Да только...

— Какое это имеет сейчас значение? — переспросила я вяло.

— Как это какое? — удивилась девушка. — Вот если бы ты смогла создать высшую нежить типа духа, драугра или лича, то, вероятно, даже смогла бы с ними поговорить. Такие существа и после смерти обладают

зачатками разума. Кто-то больше, кто-то меньше. Именно поэтому их так сложно подчинить. Приходится подавлять чужую волю. Но тогда твои поглаживания хотя бы имели смысл. Мертвая тварь почувствовала бы. Хотя вряд ли ее существование от этого сильно бы улучшилось: сохранять разум, зная, что ты — мертв, это самое ужасное, что можно придумать.

— Если ты намекаешь на моего хомяка, то он не мертвый, а вполне себе живой.

— Да брось, если он и живой, то это ненадолго, — махнула рукой она. — Я вижу, как его оплели нити Тьмы, а, судя по цвету, это последняя стадия. Сумеречная магия заживо превращает его в умертвие. Незавидная участь. Или ты на этом страшилище эксперимент ставила? Хотела понаблюдать, как Тьма меняет телесные структуры живых?

В этот момент светло-голубые глаза блондинки даже засветились интересом. Ну маньячка, не иначе. У нас в Козьих Шишечках у таких детишек еще в глубоком детстве отбивали жестокость и всякое желание издеваться. Пороли их нежные филейки мочеными розгами до красноты.

— Дорогуша, я не знаю, как тебя зовут, но, поверь, если бы мне вздумалось проводить эксперименты, я скорее выбрала бы для этой участи кого-нибудь другого. Кого не так жалко. Вот тебя, например.

Честно говоря, я не узнавала сама себя. Откуда взялось столько агрессии? Как правило, заскоки и грубость высокородных меня никогда не задевали. А вот теперь почему-то невероятно сильно хотелось вцепиться этой дурочке в космы и хорошенько оттрепать. Казалось, что станет легче, упадет тяжелый камень с плеч. И я смогу снова нормально дышать.

Только вот злилась я явно не на девушку.

Магиана надула губы, поправляя свое длинное платье цвета запекшейся крови. И я впервые обратила внимание, что передо мной демонолог. Кроме того, если приглядеться, это была та самая «томная леди», что совсем недавно беззастенчиво лебезила перед Леонаром. И та самая, которую я перед ним передразнивала.

— Я — Эмилия, единственная дочь маркиза Валенсиана, — с легким вызовом бросила она, — и ты должна относиться ко мне с должным уважением, деревенщина. А не сравнивать со своим паршивым полумертвым хомяком.

Я усмехнулась, неожиданно отмечая, какой злой вышла эта усмешка.

— Во-первых, в императорской академии мы равны. И я — не большая деревенщина, чем ты. А во-вторых, Эмилия, мой хомяк гораздо симпатичнее тебя. Эта швабра цвета перегнившей за зиму травы, что у тебя на голове, рядом не стояла со снежно-белыми прядями Люциана.

— Что? — чуть не проглотив язык от гнева, бросила девушка. — При чем здесь ректор?

Я поморщилась, неожиданно почувствовав волну дрожи, прокатившейся по спине. А ведь и правда, у моего... у нашего ректора волосы точно такие же снежно-белые. Сумеречно-белые...

— Я имела в виду хомяка. Хомяка зовут Люциан, — ответила через силу, пытаясь отогнать неприятные тяжелые мысли, вдруг наполнившие голову.

Почему у ректора волосы такого же неестественного цвета? Почему кожа такая светлая, как правило, немного прохладная?.. Если не касаться груди...

От ярких картинок слегка бросило в жар.

Даже несмотря на то, что сделал этот мужчина, я продолжала вздрагивать от одного воспоминания о нем. Даже несмотря на то, что он, похоже, до сих пор не решил, стоит меня убивать или нет.

Опять обожгло болью где-то между ребер. Я почти до скрипа сжала зубы, чувствуя, что глаза вдруг стали влажными.

Нет уж, сейчас точно не время для этого.

— Назвать белую крысу именем ректора, — фыркнула Эмилия. — Только такая глупая овца, как ты, могла до этого додуматься!

— Имя хомяку придумал Леонар, — ответила, не поднимая головы. — Я передам ему, какого ты мнения о его мыслительных способностях.

Как и предполагалось, после упоминания принца Эмилия побелела, как утиная скорлупа.

— Тебе бы подучиться манерам, нахалка, может, для официантки в трактир и сгодилась бы, а так...

Кажется, от этого диалога у меня начинала раскалываться голова.

— Плохие манеры у меня, да? — переспросила я, поджав губы от внезапной обиды. Ведь в глубине души я понимала, что она права. И наверняка для каждого магиана этой академии становится очевидным мое происхождение, стоит мне только открыть рот. Похоже, для них я — низшее существо. Только почему вдруг меня стало это так задевать? Не потому ли, что это делало пропасть между мной и ректором еще больше? Еще темнее?

Хотя, может, больше уже и невозможно.

Не успела Эмилия ответить хоть слово, как я схватила со стола тот самый камень, который вертела в руках по дороге сюда, и швырнула в обидчицу.

— Вот тебе мои манеры! — крикнула я и тут же поняла две вещи.

Во-первых, кидаться камнями было бы глупо даже в Козьих Шишечках. К тому же, честно говоря, мне не очень-то хотелось травмировать несчастную маркизочку. Но гнев иногда мешает думать головой.

А во-вторых, вместо камня я сдуру швырнула в высокородную выскочку хомяка! А уж его мне было гораздо жалче!

В результате через пару мгновений, которые показались вечностью, бедняга Люциан-младший впечатался в девушку и неожиданно прилип к ней, как банный лист.

А Эмилия пронзительно закричала.

Я вскочила с места, уже собираясь подбирать искалеченное животное, но тут же замерла на месте. Белоснежный комок завис где-то в области шеи девушки, а та усиленно пыталась его оторвать, громко вереща. Совсем скоро ей это удалось, грызун свалился в траву и удовлетворенно потрусил ко мне.

— Эта тварь меня укусила! — рявкнула магиана, зажимая небольшую ранку.

В целом она выглядела не такой уж и пострадавшей. Из маленького пятна на шее даже кровь не шла.

Я пожала плечами, помогая Люциану-младшему опять забраться на стол.

— Прости, друг, я не нарочно, — бросила ему, почесав пушистое ухо. А для Эмилии невозмутимо прибавила: — Я бы тебя тоже укусила, будь я хомяком.

Она захлебнулась очередной фразой. Широко округлила свои пустоватые голубые глаза и умчалась за деревья.

А я села обратно на древесный ствол и глубоко вздохнула. Что-то не клеилось у меня общение с высокородными. Хотя мне вполне хватало Фирузанны в качестве подруги.

Но оставалось надеяться, что хотя бы этот инцидент не повлечет за собой последствий. Впрочем, всегда можно сказать, что мне совершенно не известно, кто там покусал эту маркизочку. Насколько я помнила, она вообще третьекурсница. С какой стати нам быть знакомыми?

Я еще раз погладила хомяка и вздохнула.

В этот момент за моей спиной раздался хруст веток. Резко разворачиваясь, я запальчиво бросила:

— Тебе что, мало?

И тут же слова застряли в горле, а грудь словно сковало морозными цепями: ни вздохнуть, ни отвести взгляда.

Передо мной среди изумрудной зелени стояла высокая фигура ректора. Он странно смотрел на меня дождливой серостью своих глаз. И от этого пристального тяжелого внимания все внутри меня переворачивалось.

— Да, мне мало, магиана Ирис, — мрачно ответил он и шагнул ко мне.

Не знаю, как у него это получалось, но от одного этого неподвижного взгляда, приправленного низким тембром, будто хрустящим от острых осколков, хотелось в ту же секунду спрятаться или убежать.

Или прижаться ртом к его мягким прохладным губам, стирая с них ледяную стужу. Прогоняя грозу из глаз, наполняя их тем самым взглядом, от которого подкашиваются колени...

Я не должна была об этом думать. Не должна была этого хотеть. Ректор обманывал меня, и по всему выходило, что он мне враг.

Но, несмотря ни на что, я не могла не хотеть.

— Нам нужно поговорить, магиана Ирис, — тихо и уверенно сказал он, подходя ближе.

— Разве мы не все обсудили? — с какой-то затаенной обидой бросила я. Хотелось, чтобы это вышло гордо, но получилось жалко.

— Думаю, что не все.

Он подошел еще ближе, заставляя воздух вокруг меня стать горячим, и неожиданно сел на бревно рядом. В каком-то полуметре от меня! Протяни руку, и дотронешься. Поверни голову, и спрятаться от серого взгляда станет уже некуда...

— Мне кажется, вы не до конца поняли все, что я хотел сказать. И для чего я это вам рассказал, — начал он, и голос вдруг оказался тихим. Почти бархатным.

Нет, если он будет говорить вот так, у меня совсем не получится на него злиться!

Я на миг задержала дыхание и отвернулась, прежде чем ответить:

— А разве тут много вариантов?

Не смотреть. Я не должна смотреть на него, иначе вся обида исчезнет под взглядом его серых глаз.

— Вы убили мою мать, сделали меня сиротой и до сих пор раздумываете, а не нужно ли убить еще и меня, — продолжала я, чувствуя, как по крови расплзается болезненная отравка обиды. — По-моему, все предельно ясно.

— Лариана, — тихо позвал он, и я вздрогнула, услышав свое имя, — вы должны понять, что другого выхода не было ни у меня, ни у остальных членов корпуса. Тех, что остались в живых... — добавил он отрывисто.

А я почувствовала, как липкие пальчики ужаса чертят у меня на

позвоночнике холодные круги.

Значит, это была не просто резня?

— Ваша мать, — продолжал Люциан будто через силу, — была высшей жрицей. Вы знаете, что это означает?

— Нет, — коротко ответила я.

Горло вдруг отказалось повиноваться, сдавленное чем-то горьким, застывшим у самых ключиц.

— Это значит, что благодаря темным ритуалам и служению Тиамант сумеречная магия настолько сильно вошла в ее тело, что она перестала быть человеком. Даже ее кровь была отравлена некромантией. И ее цвет изменился.

— Но... я не понимаю, — едва выдавила я, чувствуя влагу, подступающую к глазам.

Ректор вздохнул.

— Она собиралась принести свою дочь в жертву богине. Вас, Лариана. Если бы не мы, вы бы не выжили.

В этот момент что-то мокрое полилось по щекам.

Значит, у меня все-таки не было матери...

— Мне жаль, — проговорил он.

Тихо. Ошеломляюще тихо. Только стук сердца, отдающийся пульсом в ушах.

— А может, та жрица вовсе и не была моей матерью? — произнесла я и сморщилась от того, как жалко это прозвучало. Но Дэйн только глубоко вздохнул:

— К сожалению, была. Когда мы решили сохранить вам жизнь, то произнесли заклятие на поиск родственной крови. Хотели отдать ребенка семье. Но нити магии указали...

— На труп, — закончила я, когда ректор на мгновение затих, будто подбирая слова.

Судя по всему, так оно и произошло, потому что он не стал отвечать, но через пару секунд продолжил:

— Теперь спустя годы я начал опасаться, что кто-то из адептов культа мог остаться в живых. — Его голос был низким и словно извиняющимся.

Но с чего бы? Может, мне все это только казалось.

А Люциан продолжал говорить. И, как ни странно, его слова меня успокаивали. Незаметно, едва ощутимо убаюкивая.

— Я боялся, что кто-то мог обучить вас магии, чтобы продолжить дело высшей жрицы. Но это была моя ошибка. Простите меня, магиана Ирис.

Хотелось вздохнуть, но из груди вырвалось что-то сиплое. Я не могла

вымолвить ни слова, как ни старалась. Какая-то горечь душила изнутри, и только сила воли мешала разреветься прямо на глазах у ректора.

— Магиана Ирис, — позвал он, но я закрыла глаза, зажмуриваясь.

— Зачем вы оправдываетесь передо мной? — с трудом проговорила я. — Вы — ректор императорской академии, член какого-то там корпуса! Мнение сопливой первокурсницы не должно вас волновать.

Проговорив все это на одном дыхании, я распахнула крепко зажмуренные глаза и встретила со странно сверкающим серым взглядом. В нем была задумчивость, непонятная тоска и океан чего-то мрачного, что плескалось в самой глубине.

— Лариана... — попытался ответить он, но я перебила:

— Если вам важно, что другие будут обо всем этом думать, то не стоит переживать. От меня об этом никто не узнает. Теперь я верю, что у вас не было иного выхода. В конце концов, вы же сохранили мне жизнь, а не убили, как остальных. Значит, вероятно, я должна быть вам благодарна. Так что не беспокойтесь, вашу репутацию я не испорчу. Хотя вряд ли мне это было бы под силу...

Серый лед радужек стремительно темнел.

После всего сказанного я встала с дерева, намереваясь побыстрее уйти отсюда и все-таки пореветь где-нибудь в уголке. Там, где никто не увидит и не услышит. Там, где я снова останусь одна, как и всю свою жизнь.

Но в этот момент Люциан резко схватил меня за руку и с силой потянул на себя. Я вскрикнула, потеряв равновесие. И уже через секунду сердце оглушительно забилося. Потому что теперь со всех сторон меня окружали крепкие, уютные до стоны и нежные до крика... объятия.

— Какая, к демонам, репутация?! Что вы несете, магиана Ирис? — нахмурившись, воскликнул Люциан, оказавшись вдруг ошеломляюще близко. Повсюду — его руки, колени, дыхание, сверкающие радужки цвета дымчатого хрусталя... — Какая репутация, когда все мои мысли разбиваются на осколки, стоит увидеть ваши глаза? Да мне плевать, что будут думать остальные. Ведь стоит только раз посмотреть на ваше лицо, в котором застыли невыплаканные слезы, и мне хочется умереть и никогда не родиться. Лишь бы больше не причинять вам боль. Разве это похоже на то, что должен испытывать ректор к юной магиане? Скажите, Лариана, хоть немного похоже?

Его голос был хриплым, местами переходящим в рычание. Он крепко прижимал меня к своей груди, и даже сквозь ткань жилетки и рубашки я слышала, как громко бьется сердце.

— Потому что мне кажется, что я сошел с ума...

Он положил мою голову на сгиб локтя, не сводя с меня глаз.

От его слов бросило в жар еще больше, чем от позы, в которой мы оба оказались. Между ребрами словно взорвалось маленькое солнце, разливая повсюду обжигающий огонь.

Мой ответ так и умер на языке в приоткрытых губах, жадно ловящих воздух. Я не могла поверить, что все это мне не снится. Продолжала смотреть на Люциана ошарашенно широко распахнутыми глазами, словно пыталась прочесть в худом, напряженном лице, что мне все это послышалось.

— Лариана, — почти с болью позвал Люциан, заставив меня вновь задрожать. Высокий мужской лоб пересекла тонкая морщинка. Он хотел, чтобы я ответила. Но разве может ответить рыба, выброшенная на берег? Утонувшая нежными плавниками в раскаленном песке?

— Лариана, — тише повторил он, зарываясь рукой в моих волосах, поглаживая, успокаивая, лаская.

И кажется, еще немного, и...

— Ла-ри... — едва звучит в воздухе, и все. Мир летит в пропасть вместе с его губами, накрывающими мои в каком-то диком, горячем поцелуе, полном жажды, желания, необходимости.

Быть рядом, касаться, вдыхать запах. Быть одним целым...

Я замерла на миг. В голове что-то лопнуло и разорвалось, рассыпаясь искристыми звездами. Как черное затмение, застилающее разум. Как прохладная ночь, остужающая разгоряченную за день землю.

Он целовал меня со всей силой и страстью. Целовал так, как не целовал меня никто и никогда. Сводил с ума мягкостью и сумасшедшим вкусом своих губ. Языком, который властно проник в меня. Желанием взрослого мужчины и одновременно нежностью и ослепляющим исступлением.

Я тяжело выдохнула, едва не застонав. Скорее почувствовала, чем осознала, как прижимаюсь к нему ближе, сначала притягивая за рубашку, а затем скользя рукой к вороту и обнаженной шее.

Прохладной, мягкой, с отчаянно бьющимся пульсом под светлой кожей.

Кончиками пальцев проникла в белый водопад за ухом, очерчивая линию роста волос.

Люциан тихо выдохнул, вдруг прикусывая меня за нижнюю губу, а потом полностью засасывая верхнюю.

Я застонала, чувствуя, как сгораю изнутри. Как лопаются все струны разума, горячим металлом заливая вены, скапливаясь ноющим жаром внизу

живота. До крика, до судорожно сжатых пальчиков на ногах.

Светлые силы, когда этот поцелуй успел стать таким эротичным?

Нет, он таким был с самого начала.

Я задышалась, ощущая, что вот-вот умру в собственном огне. В его огне.

Но в этот момент он внезапно отстранился, практически вырвав у меня стон разочарования.

— Лариана, — произнес он невероятно низко, с легкой вибрацией, от которой во всем теле разлилась неодолимая слабость, — ты простишь меня?

Кажется, я задержала дыхание, чувствуя, как улыбка сама просится на губы. Под ребрами неистово хлопала крыльями демонова туча бабочек.

— Прощу, — тихо ответила я, внезапно краснея и смущенно опуская глаза. Ведь, по сути, мне и прощать его было не за что, он исполнял свой долг. — Прощу, если вы ответите мне на вопрос...

Внезапно стало невероятно страшно спросить то, что вертелось на языке. Даже похолодели кончики пальцев, которыми я перебирала маленькие пуговицы на мужской рубашке. Кружочки красного золота на темно-синем фоне прекрасно отвлекали внимание от глаз. Губ. Морозного дыхания с легким запахом ментола.

— На какой, Лариана? — немного мурлыкающим голосом уточнил он.

Я выдохнула, чувствуя, как кровь сильнее приливает к пунцовым щекам.

— Что это все значит? — едва ворочая языком, произнесла я. Словно горло внезапно сжалось от страха.

И стало еще более неловко, когда краем глаза я заметила расцветающую улыбку в уголках его губ. Таких красивых губ...

— Что именно ты имеешь в виду? — И тембр голоса еще больше стал похож на кошачий. Тигриный. Игривый.

— Ну, ваши слова... О том, что должен испытывать ректор к магиане. И о том, что испытываете вы...

Казалось, я вот-вот провалюсь сквозь землю. Наверно, лучше бы так оно и случилось, потому что улыбка на его губах стала вполне настоящей.

А я так и не решалась поднять глаза, пока он вдруг не коснулся моего подбородка, почти заставляя посмотреть на себя.

И когда наши взгляды встретились, воздух снова заискрился.

— Что же тут непонятного, Лариана? — мягко произнес он, заставляя меня снова и снова ощущать волны дрожи от каждого произнесенного им слова.

Он словно пытался вынудить меня произнести это все самой. И наслаждался моим смущением. А я кусала губы, все сильнее сгорая в расплавленном серебре его глаз.

В конце концов, собравшись с духом, я зажмурилась, чтобы не видеть его реакции, и проговорила:

— Господин Люциан, вы хотите быть со мной?

Получилось как-то малопонятно и совершенно глупо. Но если он и сейчас сделает вид, что не в курсе, в чем был смысл вопроса, пожалуй, я культурно попрощаюсь и уйду к себе в общежитие сгорать со стыда в одиночестве.

Несколько долгих мгновений прошли в тишине, и только ужасно громкий стук моего сердца отсчитывал доли секунд.

Я распахнула глаза, чтобы понять, почему он молчит. И тут же встретила с темно-серым взглядом.

Губы ректора оставались неподвижны, но в глазах, направленных на меня, застыла улыбка.

— Пожалуйста, зови меня Дэйн, — вдруг сказал он.

По затылку к пояснице ухнула волна мурашек. А потом он наклонился к моему лицу и медленно коснулся приоткрытыми губами рта. Едва заметно, двигаясь снизу вверх, отстраняясь и тут же снова опускаясь. Играя на мне, как на струнах гитары, заставляя податься навстречу, приоткрывая рот, с закрытыми от восторга глазами жадно ловить его ускользающее дыхание.

Затем с внезапной хрипотцой он добавил, шепча слова прямо в губы:

— Я не просто хочу быть с тобой, Лариана. Я хочу, чтобы ты была моей...

Глава 14

МАЛ ХОМЯК, ДА МОГУЧ!

Это было сумасшествие. Ураган, смерч, маленькая смерть. Его губы на моих губах, на шее, в ямке ключиц. Горячий рот, ласкающий мочку уха, язык, прочерчивающий обжигающие дорожки на плечах.

Светлые силы, в какой-то момент мне стало душно в собственном платье!

А его руки на моих бедрах выше кромки укороченной юбки, выше даже линии чулок! Они заставляли меня одновременно сгорать от стыда и чего-то гораздо более сильного и горячего.

Он сводил меня с ума. Дэйн Люциан Кастро-Бриен, глава императорской академии. Мой ректор.

Дэйн...

А потом по аллее начали разноситься многочисленные голоса. Магиане возвращались с полигонов, настало время обеда.

В тот же миг Дэйн что-то сотворил, и в воздухе вокруг нас повисло непроницаемое черное полотно. Как дым, клубящийся вокруг, но не причиняющий ни малейшего дискомфорта.

Я изумленно оглядывалась по сторонам, пытаюсь понять, что произошло. Но не видела ничего и никого, кроме ректора. Исчезли деревья, кустарники, цветы с изумрудной травой.

Снова был только он.

— Ты видишь полог Тьмы? — с легкой улыбкой поинтересовался он, слегка склонив голову набок и с интересом наблюдая за мной.

— Было бы лучше сказать, что я ничего не вижу, — покачала головой, снова немного смущаясь. Когда он вот так смотрел на меня, тело просто отказывалось повиноваться. — Кругом чернота. И в... ты.

Странно было звать собственного ректора на «ты». Странно-горячо и дерзко-приятно. А еще приятнее было звать его Дэйн. Так, как я всегда и делала, засыпая вечерами с его именем, произнесенным одними губами.

— Как правило, полог Тьмы видит только создатель, — ласково проговорил он, убирая мне прядь волос за ухо и едва заметно улыбаясь. — Или тот, кто изучает некромантию достаточно долго. Остальным кажется, что поляна пуста.

Я покраснела. Его большой палец осторожно обвел по контуру мою

ушную раковину, медленно спускаясь по шее вниз. А взгляд, напоминающий грозовой дождь, внимательно следовал за ним, не отрываясь ни на миг, оставляя на коже еще больше мурашек.

Затем Дэйн резко посмотрел на меня и проговорил, продолжая тихонько поглаживать основание шеи:

— Как я и говорил, за свою репутацию я переживаю мало. Но для нас обоих будет лучше вести себя так... словно между нами никогда и ничего не было. Поверь, связь с ректором не облегчит тебе учебу.

— А тебе разве связь с магианой не будет стоить работы? — вяло спросила, тая под едва ощутимой лаской его пальцев.

Люциан улыбнулся.

— Поверь, дорогая Лариана, — прошептал он, скользнув к моему рту. Проведя по нижней губе, слегка нажимая и оттягивая ее большим пальцем в сторону, заставляя меня на миг судорожно вздохнуть и забыть, о чем он говорит. — Любая инспекция десять раз подумает, прежде чем задать мне хоть какой-нибудь неприличный вопрос. А императору нет дела до того, что происходит в этой академии. В конце концов, мой род достаточно древний для того, чтобы большая половина знатных семей Ихордаррина мечтала отдать за меня своих дочерей. Даже не закончивших обучение.

На последней фразе я уже снова тяжело дышала. В какой-то момент высунула язычок и лизнула дерзкий палец, продолжающий очерчивать мои губы.

— Лариана... — выдохнул Дэйн, обжигая меня вмиг потемневшим взглядом. — Пожалуйста, не своди меня с ума...

В этот момент я не удержалась и обхватила его палец губами, с непонятным мне пьянящим удовольствием посасывая кончик.

— Ла-ри, — со стоном протянул ректор, широко распахнув глаза, шумно и тяжело дыша.

Клубящееся в его взгляде темное желание уносило меня в водоворот собственного безумия. Снова исступление, голод, восторг...

— Лариана, нам нужно идти, — прошептал он через силу, возвращая меня с небес на землю. — Тебе — в столовую и на лекции, а мне — по одному очень важному делу.

А затем взял мою руку и церемонно поцеловал. Как дворянке. Как высокородной, не сводя с меня серого взгляда, полного эмоций, которых я и не мечтала там увидеть.

И через пару минут после короткого, но слишком обжигающего прощания я уже шла по тропинке в столовую вместе с остальными студентами, а ректор исчез в клубах черного портала, существование

которого было для меня настоящим открытием.

Среди громко гомонящей толпы я все еще тяжело дышала и едва заметно улыбалась, вспоминая то, что произошло, и не веря сама себе. Но сердце билось в груди быстрее, чем обычно, и я знала, что все случившееся — правда, а не сон.

Впрочем, очень быстро из головы улетучились все радужные мысли, стоило мне приблизиться к зданию столовой. Там за углом, под раскидистым дубом в одиночестве сидела Эмилия. Она склонила голову набок, мутным взглядом обводя проходящих мимо магиан. Ее лицо было подозрительно бледно, а рука периодически нервно скользила к шее.

К горлу подкатило дурное предчувствие.

— Эмилия, что с тобой? — спросила я, тут же подходя к девушке.

Она подняла на меня покрасневшие глаза и презрительно фыркнула.

— Твое какое дело, деревенщина? Иди куда шла.

Я прикусила губу, не обращая никакого внимания на ее грубость. Только на подозрительное зеленовато-синее пятно на случайно оголившейся под волосами шее.

Она снова подняла руку и дрожащими пальцами почесала этот ужас.

Я нахмурилась, чувствуя, как по спине бегут холодные мурашки.

Хомяк снова сидел у меня в кармане платья и, кажется, уже успел уснуть. А вот следы, которые он оставил на вздорной маркизочке, теперь долго не дадут уснуть мне.

Но как это могло произойти? Я ведь прекрасно помнила, когда Эмилия отбросила от себя Люциана-младшего, на ней не было этих страшных отметин! С другой стороны, синюшность приходилась именно на то место, куда приложился мой пушистый друг. Так что ошибки быть не могло — это след укуса.

На короткое мгновение я с легкой дрожью вспомнила торчащие клыки грызуна. По всему выходило, что в слюне хомяка каким-то образом оказался яд!

От одной этой мысли волосы на затылке зашевелились. Мало того, что Эмилию нужно срочно отвести к лекарю, так мне теперь снова придется извиняться за очередное нападение!

Впрочем, проблемы нужно решать по очереди.

— Вставай, тебя нужно показать медику, — отрывисто произнесла я и потянула девушку за локоть. — Где тут у нас медпункт, ты не знаешь?

— Я невнятно сказала тебе? — вяло ответила она. — Отвали! Ни в какой медпункт я не пойду. Я не имею права заболеть перед играми Превосходства. Если у меня обнаружат даже легкое недомогание, не бывать

мне в команде...

В этот момент она внезапно чихнула и задрожала, обняв себя за плечи. Вид у нее был не столько жалкий, сколько пугающий.

— Ты понимаешь, что несешь? — прошипела я, садясь на корточки рядом с ней. — Знаю, что мне это выйдет боком, но придется признаваться, раз у тебя самой мозгов не хватает. Мой хомяк тебя отравил. Судя по симптомам, яд действует очень быстро. Тем более отравы попала прямо в артерию. У тебя начинается озноб. Место укуса уже поменяло цвет. Если ты не пойдешь к лекарю сейчас же, то просто загнешься под этим деревом!

Эмилия подняла на меня нервно блестящие глаза.

— Откуда такие познания в анатомии и действии ядов? — фыркнула она, но во взгляде читалось любопытство.

Я глубоко вздохнула, понимая, что мы теряем время, но все же ответила:

— В деревне, где я жила, не было ни одного приличного лекаря. И признаки заболеваний передавались из уст в уста. Как и способы излечения. Укус змеи, отравление грибами или ягодами, ожоги от сока бурьян-травы. Если ты не знал, как с этим бороться, мог умереть в страшных муках.

Эмилия недоверчиво поджала губы:

— В любом случае мне до всего этого нет никакого дела. Я уже сказала тебе, что запись о любом недомогании исключит меня из игр. Скоро все пройдет, можешь идти по своим делам.

Упрямство маркизочки невероятно выводило из себя. Особенно если учесть ее состояние.

— Да что тебе дались эти игры! — воскликнула я, пытаюсь силком поднять девушку на ноги. Но магиана упорно сопротивлялась спасению.

— Я в команде с принцем, дурья твоя голова, — возмутилась она. — На моем месте мечтает оказаться каждая. Стоит разок вылететь, и все. Обратно уже не вернуться.

Мои глаза как-то сами собой закатились к небу.

— Правильно, принц — веская причина умереть, — пробубнила я.

— Чтоб ты понимала, деревенщина, — вздохнула девушка уже не так воинственно. — Для тебя небось и конюх — отличная партия. А нам приходится искать...

Тут она вдруг закашлялась, и с лица исчез остаток румянца, сменяясь синюшностью.

— Все, быстро пойдем со мной, — скомандовала я, понимая, что ждать больше нельзя.

— Ты что, совсем глупая? — проныла она, сопротивляясь.

— Да не поведу я тебя к лекарям, в столовую пойдем, — нервно бросила в ответ.

И тут трепыхания маркизочки немного поутихли.

— Зачем? Я не хочу, чтоб меня видели в таком состоянии. Еще и рядом с тобой...

Смирение и добродетель, добродетель и смирение! Сейчас я была их истинным олицетворением.

С силой удерживая Эмилию за руку, позволяя ей опереться на себя, новела высокомерную бедолагу куда собиралась.

— Пройдем через вход для прислуги прямо на кухню.

Эмилия округлила мутные глаза и кивнула, явно не в силах больше спорить.

А мне только это и было нужно.

Быстро преодолев небольшое расстояние от главного входа, мы умудрились не привлечь ничье внимание. Впереди, за пышными розовыми кустами скрывалась неприметная дверь черного хода, которым пользовались только повара и обслуга. Туда я и потащила на глазах теряющую силы девушку. Как только мы вошли, усадила ее на скромный деревянный стул, прижав к стене, и побежала за Мадленой.

Старшая кухарка, как всегда, была при деле. Но, увидев меня, поспешила навстречу, хлопнув в ладоши, присыпанные мукой.

— Синичка! Ты что тут делаешь в такое время? У нас куча работы, сейчас ведь обед! Ой, а кого это ты привела? Что за высокородная шилохвость?

Она скептически осмотрела Эмилию, тихонько теряющую сознание.

— Она у тебя пьяная, что ли? — приподняла бровь Мадлена, уперев руки в бока.

Глянув на маркизочку, я слегка побледнела, почувствовав, как ледяные мурашки пробегают по спине.

— Мадленочка, пожалуйста, помоги, — затараторила я. — Эмилию укусил мой хомяк, и теперь, похоже, у нее жуткое отравление.

Повариха нахмурилась:

— Так чем же я тебе помогу, синичка? В медпункт ее надо.

— Не успеем уже в медпункт, — ответила я, кусая губы и глядя на тающую на глазах магиану. — Вот если бы у тебя была разрыв-трава и корень чернокрови... Скажи, что они у тебя есть, очень прошу!

Мадлена задумчиво сдвинула брови.

— Разрыв-трава у меня конечно же есть, — ответила она. — Приправа

редкая, но для крабов с авокадо это самое лучшее, что можно придумать. А вот корень чернокрови — это уже гораздо сложнее... Пойдем со мной, я поищу, — поманила повариха, на ходу продолжая бубнить: — Тебе зачем такая редкость? По-моему, эту траву вообще в пищу не употребляют.

Я торопливо перебирала ногами, отчаянно надеясь, что Мадлена найдет то, что нужно. Рассказывать ей в деталях свои предположения мне совершенно не хотелось. Ведь я и понятия не имела, поможет эта трава или нет. Упоминание о корне чернокрови встречалось мне всего один раз. В той самой книге проезжего некроманта, откуда я почерпнула свое первое в жизни заклинание. Так вот, там говорилось, что настой этого растения способен «очистить вены больного от магических миазмов». И, мол, оно имеет такое название именно потому, что способно «излечить черную кровь».

— Мадленочка, это все лекарственные растения, меня... приемный отец учил, — ответила я и солгала только наполовину. Ведь разрыв-трава и вправду снимала боли, отеки, улучшала самочувствие и даже помогала во время похмелья.

— Ну, как скажешь, синичка, — проговорила Мадлена, стуча баночками и шурша мешочками с приправами.

Мы успели добежать до небольшой подсобки, где хранилась такая прорва ингредиентов, что глаза разбегались. Но старшая повариха знала свое дело.

— Вот! — воскликнула она удовлетворенно, доставая со дна какого-то ящичка небольшой пузырек. Прищурилась, читая надпись на стекле, и радостно изрекла: — Нашла-таки! Всего один бутылек. А вот и разрыв-трава, — сняла со стены внушительный сухой веник.

Я быстро схватила сокровища, нервно раздумывая, какое количество всего этого добра мне вообще нужно.

— Мадлена, можно мне еще чашку с кипятком?

— Конечно, синичка.

И уже через каких-нибудь пять минут я стояла напротив Эмилии, держа перед ее носом дымящуюся жидкость.

В чашке заваривалась мелкая зеленая соломка разрыв-травы, туда же я добавила настойку корня чернокровки. Пахло, надо сказать, довольно вкусно. Невольно захотелось крабов с авокадо, о которых говорила Мадлена и которые я никогда не пробовала.

Пришлось еще немного подождать, пока настой приобретет более насыщенный цвет, прежде чем предлагать его Эмилии.

Она за это время успела сильно побледнеть. Теперь даже губы у нее

отливали опасной синевой. Кроме того, похоже, она начала терять сознание.

Я дала себе слово, что как только волю в нее снадобье, побегу в медпункт, несмотря ни на что.

Грубо похлопав магиану по щекам, заставила ее открыть глаза.

— Пей, тебе станет легче! — бросила я, тут же поднося жидкость к ее рту.

На этот раз она не сопротивлялась. Судя по всему, сил уже не осталось.

Пока маркизочка с трудом пила горячий настой из моих дрожащих рук, я проклинала все на свете. И клыкастого хомяка, и Леонара, которому вздумалось творить над ним черную магию, и саму себя за то, что сразу не потащила дурочку к врачам.

Но, к моему невероятному удивлению, стоило Эмилии допить всю чашку, она тут же глубоко задышала. И уже через минуту открыла глаза и посмотрела на меня совершенно чистым, ясным взглядом.

— Что за дрянь ты заставила меня выпить? — спросила она, слегка откашлявшись, и медленно потянулась, будто разминая затекшие конечности.

— Тебе лучше? — на выдохе спросила я, не веря собственному счастью.

— Какое тебе вообще дело? — поджав губы, заныла она. — Вот прицепилась. Куда ты вообще меня притащила?

Она брезгливо осмотрелась, а я с радостью заметила, что румянец возвращается на ее вытянутые аристократические щеки. Да и губы уже приобретали нормальный цвет.

— Хвала светлым силам! Кажется, помогло.

На мое риторическое восклицание Эмилия не обратила ни капли внимания, продолжая кривить свой маленький ротик. Но уже через пару минут самостоятельно встала на ноги и снисходительно посмотрела на меня, явно собираясь сказать какую-то гадость.

Я сложила руки на груди, приготовившись выслушивать очередную глупость.

— Ладно. Спасибо за помощь. Твой... чай мне и вправду помог.

Если бы сейчас небеса разверзлись и сверху посыпались сладкие булочки, мое удивление было бы меньше.

— Тебе все еще надо к врачу, — неуверенно ответила я, бросая взгляд на темное пятно у нее на шее. К счастью, оно показалось мне бледнее, чем прежде.

Эмилия презрительно фыркнула, махнув рукой, и стремительно отправилась прочь из кухни. Как будто нахождение в этом месте могло ее запачкать.

А я, бестолково хлопая ресницами, еще некоторое время смотрела ей вслед с одной-единственной мыслью: «Что это вообще сейчас было?»

Перевела взгляд на пустую чашку, на дне которой прилипли побледневшие травинки.

«Очередное приключение, которое могло закончиться не лучшим образом...» — сам собой пришел ответ.

Ведь если бы магиана серьезно пострадала от укуса моего хомяка, все дорожки очень быстро привели бы ко мне. К запрету на размещение в академии животных, к созданию опасной полунечисти...

И кому какое дело, что лично я к этому всему имею мало отношения? Кто будет докапываться, что грызуна проклял Леонар, а Эмилия вообще оказалась укушена случайно?

Конечно, никто. И стал бы в таком случае мне помогать ректор? Заступился бы перед негодующим маркизом Валенсианом, который наверняка явился бы в академию за своей дочерью?

Мне не хотелось об этом думать, как и создавать Дэйну дополнительные проблемы.

Дэйну...

Все еще ужасно непривычно. Ведь он — глава нашего учебного заведения, высший некромант. Мужчина гораздо старше, опытнее и сильнее меня.

Мужчина, который хотел быть со мной... Один взгляд на которого заставлял вздрагивать каждую клеточку в моем теле.

До сих пор не верилось, что это произошло. Что он сказал все эти слова, от которых кровь сначала застыла, а затем превратилась в раскаленную лаву, обжигающую вены, обрывающую дыхание. И чем больше проходило времени с нашего расставания, тем сильнее все это казалось мне плодом больной фантазии, а не реально случившимся событием.

Раздумывая таким образом, я дошла до своей комнаты, по привычке приложила кольцо к распахнутой пасти позолоченного страшилища и прошла внутрь.

Стены встретили меня привычной тишиной. Леонар давно не появлялся у себя, так что я оказалась предоставлена самой себе. И туалет с ванной комнатой тоже теперь были полностью в моем владении, что не могло не радовать.

Глянув на себя в зеркало, с легкой вспышкой неловкости я отметила непривычный румянец и припухшие от поцелуев губы. Вмиг стало жарко.

Тут же в воспоминаниях всплыл обжигающий взгляд цвета горячего пепла. Кожа будто снова ощутила прикосновение узкой ладони, по поверхности чулок и выше, к тугой резинке. Дрожь прокатилась по телу волной, как в то самое мгновение. Вспыхнули в памяти сомкнувшиеся на бедре аристократические пальцы. Легкие касания по верхней кромке трусиков, словно сводящая с ума игра, все же пока не перерастающая во что-то действительно запретное.

«Дышать. Нужно дышать», — напомнила я себе, кусая губы и отворачиваясь от зеркала.

Подрагивающими руками достала из кармана Люциана-младшего и, не глядя, запустила его в ящик. Сейчас было совсем не до него...

Но стоило бросить отрывистый взгляд на поверхность трюмо, как в горле застыл комок дурного предчувствия.

На безупречном лакированном дереве лежало письмо, украшенное вензелями императорской академии. Гербовая бумага имела дорогой голубоватый оттенок.

Ничто не предвещало дурных новостей. Но отчего-то в груди неприятно заныло, казалось, кто-то вцепился крюком в сердце и потянул.

Дрожащими пальцами я развернула послание и нахмурилась.

То, что там было написано, повергло меня в глубокий ступор. Нет, вот это уже совершенно никуда не годилось!

Глава 15

СКУШАЛ МОРКОВКУ — СХОДИ НА ТРЕНИРОВКУ

Несколько мгновений я, глупо хлопая глазами, смотрела на каллиграфический почерк секретаря академии. Потом на печать внизу письма. Затем снова на причудливые слова, не укладывающиеся у меня в голове: «Магиана первого курса Лариана Ирис сим официально уведомляется об избрании ее кандидатуры для участия в ежегодных межакадемических играх Превосходства...»

И внизу подпись ректора. Это был самый настоящий приказ по академии, от которого никак не отвертишься!

У меня похолодели кончики пальцев. Бумага в руках слегка дрогнула.

Именно об этих играх сегодня говорила Эмилия. Я еще посмеялась, мол, нашла куда стремиться ценой собственной жизни. А теперь получается, будто и мне место игрока жуть как хотелось получить.

Впрочем, Эмилия пусть думает, что хочет. Но я-то участвовать в играх не хочу!

С самого первого дня моей учебы в ЦИАНИДе каждый уважающий себя первокурсник хоть раз, но упомянул при мне эти несчастные соревнования. Как это было престижно, как здорово попасть в команду и как почетно играть вместе с самым наследником престола. Ведь Леонар Альвис уже два года в команде, и его участие, как сильнейшего мага, даже не подвергается сомнению. Стоило только вспомнить, что зараз он способен поднять десяток умертвий, и все аргументы против застывали на языке.

Но каким образом в команду попала я? Ведь, насколько мне известно, первокурсники к участию не допускаются. Что может на игровом поле, которое фактически является полем боя, сделать новичок, еще толком не знающий ни одного заклятия? Даже нежить поднять первокурсники еще не способны.

Но тут внутренний голос тихо шепнул на ухо: «Но ты-то способна...»

И мягкий, чуть грудной тембр был подозрительно похож на ректорский.

Я словно вживую увидела уверенную линию его рта, едва уловимо изгибающегося в улыбке.

Волнение горячей змеей обвилось вокруг позвоночника, сползая вниз.

Нужно было срочно увидаться с Люцианом. С Дэйном... Сказать ему, что я не собираюсь в этом участвовать. Ведь на кону репутация академии! Мы будем драться с друидами, представителями совсем другой магии. Проигрыш станет позором! И не только для участников сражения, но и для императорской семьи, которую будет представлять Леонар, и для всех некромантов, считающихся в Ихордаррине высшей кастой.

От перенапряжения даже ладони стали влажными.

Я выскочила из своей комнаты, как будто за мной гналась нежить. Типа грифона по кличке Красавчик.

Мгновенно преодолела расстояние до ректората, на этот раз не обращая никакого внимания на любопытных магиан, и ворвалась внутрь, даже не постучав.

Каково же было мое разочарование, когда оказалось, что главы академии не было на месте. И ведь Дэйн говорил, что ему нужно отлучиться по делам! Но почему-то я успела об этом совершенно забыть.

Секретарь сообщила, что господина Люциана не будет несколько дней, и я окончательно раскисла. Оказалось, что возвратиться ректор планировал ровно через неделю. К тому самому дню, на который назначена первая тренировка команды!

Это показалось мне верхом наглости. Словно он специально исчез, чтобы я не могла отказаться от участия! Ведь на моем месте как пить дать мечтает оказаться каждая магиана. И найти мне замену не составило бы труда.

Только вот к тому моменту, как начнутся тренировки, будет уже поздно!

В расстроенных чувствах я поплелась прочь от злосчастного кабинета, с которого начались все мои приключения. Возвращаться на занятия не было никакого желания. Только вот в свете будущих игр прогул мог вылиться мне не в снижении балла за успеваемость, а в грядущем позоре перед двумя академиями.

В результате в течение всей следующей недели я прилежно зубрила все, что только могла найти. Не только учебный материал, но и то, что шло дальше. То, что учить мы должны были еще очень нескоро. Голова пухла от новой информации, но этого все равно оказалось недостаточно. Я не проработала и половины прочитанного. Что толку от печатного текста, если применить на практике знания почти невозможно? Ведь для каждого заклинания нужен преподаватель, который подскажет и направит.

В итоге к концу недели я напоминала высохшего на солнце драугра. И

настроение у меня было не лучше. Кроме того, чем больше проходило времени с момента расставания с ректором, тем сильнее я волновалась и боялась нашей новой встречи.

Как я смогу спокойно смотреть в его глаза? Вдруг за столько дней он решит, что совершил ошибку? Даже не решит, а поймет... Ректор и магиана, высший некромант и первокурсница. Это для меня все иначе. Но для него разве все случившееся — не глупость и не более того?

А я скучала. Скучаю до сих пор. Каждую минуту, когда вспоминаю прямой взгляд его дымчатых глаз, легкий аромат зимней ночи, мягкость снежных волос...

Сумеречно-белых волос. Ко всему прочему с каждым днем я все сильнее и сильнее переживала насчет собственной догадки. Может ли быть так, что Дэйн отравлен Тьмой, как и Люциан-младший? Случается ли такое с людьми?

Что-то мрачное и нервно дребезжащее в глубине души подсказывало, что может. Вспоминая прохладу мужских рук, которая мне всегда так нравилась, теперь я начинала вздрагивать от страха за его жизнь. Когда перед глазами всплывала высокая фигура с бледной, почти болезненно белой кожей, я сжимала кулаки, чтобы не нервничать. А удивительные, невероятно светлые волосы теперь вызывали ощущение щемящей паники.

Больше всего на свете я боялась, что это окажется правдой. Ректор императорской академии отравлен Тьмой. Дэйн Люциан медленно умирает от черной магии.

Мой Дэйн умирает.

Я не хотела думать об этом, но мысли постоянно возвращались к одному и тому же. И в итоге к моменту возвращения ректора я думала лишь об одном: как взглянуть на него сумеречным зрением. Тогда нити Тьмы стали бы видны. И проклятие оказалось бы не скрыть.

Сегодня как раз настал тот самый день. Первое число месяца Остывающей звезды. Ровно через три недели начнутся игры Превосходства. И за этот короткий срок мы должны полностью подготовиться. Как это можно успеть сделать, я и представить себе не могла. В голове не укладывалось: почему нельзя было устроить игры в конце года, тренируя команду целых два учебных полугодия?

Еще вчера на лекции по использованию крови сообщили, что сегодня все мои занятия заменены на тренировку команды. Фирузанна закатила глаза к небу, мол, везет же некоторым, и многозначительно похлопала меня по плечу. Она совершенно не понимала, почему я хочу отказаться от такой чести, как ежегодные игры. Она же рассказала, что Мертвая академия не

проигрывала ни разу за последние десять лет. Что мое участие — чисто номинальное. И всю «черную работу» будут выполнять бойцы-старшекурсники.

Но мне от этого легче не стало.

Сразу после полудня я прошествовала к полигону номер тринадцать. Тренировка почему-то начиналась не с самого утра, но я не обратила внимания. Самое главное, что это позволило мне выспаться, выгладить платье до безупречного состояния и подготовить самый пышный подъюбник. Я распустила заплетенную на ночь косу, сформировав романтические локоны. И даже немного подкрасила глаза черным воском, выпрошенным у Фирузанны. Таким нехитрым способом я рассчитывала соблазнить собственного ректора второй раз. На случай, если о первом он уже забыл.

А вести тренировку должен был именно Дэйн. Кто смог бы лучше подготовить команду Мертвой академии, чем высший некромант?

Итак, я медленно подходила к тринадцатому полигону, нервничая сверх меры. На поле уже стояли три человека и о чем-то переговаривались. Двоих я узнала сразу: об участии в играх Леонара с Эмилией мне было давно известно. Но вот присутствие Ивейна оказалось неприятным сюрпризом.

— А вот и Лариана! — воскликнул принц, заведя меня издалека, и махнул рукой.

Блондинистая маркизочка округлила глаза, чуть не подпрыгнув от возмущения.

— С нами будет играть она?! — Презрения в ее голосе было сверх меры.

Впрочем, мне было все равно.

Ивейн просто сложил руки на груди и окинул меня тяжелым взглядом сузившихся глаз. Ну, спасибо хоть смолчал.

— Доброго дня, — поприветствовала я всех натянутой улыбкой.

— А ты не ошиблась полигоном, детка? — мягко, но в то же время угрожающе спросил демонолог под одобрительные кивки Эмили.

Вообще-то перепутать тут было сложно. Полигон номер тринадцать находился в самом отдалении от остальных. Даже немного дальше башни Воронов. Просто так сюда магиане не забредали.

Я пожала плечами и отвернулась, не желая отвечать. Одновременно осмотрелась по сторонам, невольно выискивая высокую мрачноватую фигуру ректора. Но его пока не было.

— Оставь ее в покое, Ив, — бросил принц жестко. — Я уже

предупреждал тебя...

— Да больно надо, — фыркнул тот и демонстративно отвернулся.

Маркизочка же быстро перевела взгляд с меня на Леонара и слегка поджала губы. Но уже через мгновение широко заулыбалась, бросив что-то типа:

— Так как насчет совместного заклинания, Леонар? Я могла бы вызвать сумеречный огонь вокруг, чтобы твои зомби выглядели пострашнее. А? Что скажешь?

Наследник тряхнул светлыми волосами, убирая со лба несколько прядей, а затем лениво ответил:

— Эмилия, прошу тебя. Держись подальше от моей нежити. Я не настолько силен, чтобы одновременно удерживать десять мертвецов и контролировать, чтобы их не сжег к демоновой бабушке твой огонь.

Зеленые глаза молниеносно сверкнули гневом и снова погасли, приняв лениво-спокойное выражение.

— Ах да, прости, я не подумала, — поджала губы магиана и умолкла, бросив на меня еще один презрительный взгляд. Будто это я во всем виновата.

Но уже через мгновение она повернулась к Ивейну и как ни в чем не бывало спросила:

— Ив, а ты уже решил, кто станет твоим бойцом?

И широкая ненатуральная улыбка осветила ее выбеленное пудрой лицо. Я так и представила ее в пышном бальном платье, ведущую светскую беседу и обмахивающуюся веером.

Демонолог медленно повернул к ней голову и пожал плечами:

— Пока нет. Но у меня много вариантов.

— О, я в этом нисколько не сомневаюсь, — дружелюбно хихикнула маркизочка. — Скажи, а вас уже научили работать со вторым уровнем сумрачного мира?

Ивейн сорвал длинную травинку и вяло пожевал ее кончик. В этот момент Леонар улыбнулся, не сводя насмешливого взгляда с товарища, и бросил:

— Друг, ты же понимаешь, из чего выросла эта трава?

Ивейн мрачно улыбнулся и кивнул.

Сначала меня слегка передернуло, когда, осмотрев полигон внимательнее, я поняла, что со всех сторон от начала и до конца оно было усыпано трупами.

Но снова взглянув на пафосное выражение лица будущего герцога Ларана, закатила глаза к небу, чтобы лишний раз не злить парня своей

иронией по поводу его «невероятной брутальности».

Ивейн тем временем отвечал Эмили:

— Мы уже дошли до третьего уровня, детка. Но мало способных достать оттуда хоть наполовину послушного демона.

— До третьего? — с придыханием повторила Эмилия, округлив глаза. — У нас еще и с первым-то не все умеют работать. А ведь ты старше всего на год.

На лице демонолога отразилось неприкрытое удовольствие. А принц продолжал молча улыбаться, глядя, как его друг купается в лучах восхищения.

— Вот бы спуститься туда, — продолжала Эмилия, мечтательно закатив глаза. — Посмотреть, какие твари там на самом деле живут. Ведь мы не видели и половины существующих демонов!

— Ты хочешь спуститься в сумеречный мир? — всерьез удивился Леонар.

— Конечно! — ахнула магиана. — Говорят, кроме того, что в этом месте рождаются самые невероятные демоны, там возможно практически любое колдовство! Можно летать, двигать горы, превращаться в животных!

Принц усмехнулся, а Ивейн фыркнул, с легким презрением проговорив:

— Да, детка. Только на все это способны лишь высшие некроманты. Простым смертным путь в Сумерки закрыт.

В этот момент Леонар посмотрел на меня с заговорщической улыбкой и подмигнул.

Краска залила щеки.

Неужели я смогла попасть туда, куда могут проникнуть лишь сильнейшие темные маги?

— А еще говорят, там есть колодец с мертвой водой, — продолжала магиана, ничуть не стесняясь. — Если не испугаться выпить из него, то отражение покажет смельчаку единственную любовь всей его жизни. Самую большую. Ту, которая оборвется только со смертью.

Признаться, из маркизочки вышла отличная рассказчица. Я не могла оторваться от ее истории, с каждым мгновением все сильнее проникаясь восторгом магианы.

— А почему вода называется мертвой? — с любопытством протянула я.

Эмилия впервые дружелюбно улыбнулась мне, явно радуясь, что кто-то разделит ее увлечение.

— Потому что эту воду пьют только мертвые, — ответила она, широко

распахнув глаза. — В мире, где живут демоны, духи и проклятые боги, нельзя ничего употреблять в пищу. Тем более то, что создано самим Мраком.

— А если выпить? — Я даже немного подалась вперед.

— Говорят, — выдохнула Эмилия, — если человек был слаб духом, он навсегда остается в Сумерках. Превращается в одну из теней верхних уровней. Более сильные маги просто возвращаются на землю уже совсем иными людьми. Они становятся мрачными и замкнутыми, потому что вместе с водой из колодца познают истины, доступные лишь мертвым.

— Много чести ради того, чтоб увидеть то, что и так однажды увидишь, — бросил с усмешкой Ивейн.

— Вы, мужчины, всегда ломаете всю романтику! — охнула Эмилия. — А вот я хотела бы знать заранее, с кем меня сведет судьба.

В этот момент она так томно посмотрела на принца, что он был вынужден со вздохом отвернуться.

Честно говоря, в тот день, когда я провалилась в Сумерки через башню Воронов, восторга от пребывания даже на первом уровне проклятого мира не испытала. Но после того как Эмилия расписала все тамошние чудеса, мне вдруг ужасно захотелось их увидеть. Только не одной конечно же, а с кем-то, кто мог рассказать мне обо всем этом чуть больше. С кем-то, кто мог бы меня защитить.

Опять покраснела, потому что в голову пришел яркий и четкий образ того, кто мог бы мне помочь. Единственного высшего некроманта, которого я знала. Единственного, которого хотела знать...

— С тобой все в порядке, куколка? — сдвинув брови, бросил Леонар. А я поняла, что слишком сильно увязла в собственных фантазиях.

Прикусила губу, проговорив:

— Да, коне...

И в этот момент черный вихрь взметнулся неподалеку от нас, сминая траву, поднимая вверх подола платьев, разметая пряди волос. И на площадке перед нами появилась высокая худая фигура ректора академии.

— Доброго дня, магиане, — тут же раздался его бархатистый, обволакивающий голос, от которого одновременно что-то таяло и замерзало в груди. — Рад, что все уже в сборе.

— Доброго дня, господин Люциан, — хором ответили все, кроме меня. Мой язык почему-то прилип к небу, а из горла донеслось едва слышное бормотание.

Глаза цвета хрустально-серого льда по очереди обвели взглядом сначала двух демонологов, а затем нас с Леонаром. Каждый из магиан

будто подобрался изнутри, вытянувшись, как безупречная нить Тьмы.

Сердце бешено застучало, стоило ректору посмотреть на меня. Что было в этом взгляде? Как бы мне хотелось увидеть мысли, скрытые за его грозовой мрачностью.

Думал ли ректор обо мне? Скучал так же, как я? Скучает ли сейчас?

Потому что стоило увидеть его калено-белые волосы, разметавшиеся по широким плечам, узкое лицо с твердой линией подбородка, мощную грудную клетку, затянутую в черный плащ на кожаных ремнях, как все внутри перевернулось. Воздух застыл в легких, по спине покатился неровный строй мурашек.

Но в следующую секунду Дэйн отвел взгляд, и миг стало холодно. Будто кто-то вылил на меня ведро ледяной воды.

— Вы собрались здесь, потому что в этом году будете участвовать в играх Превосходства, — начал Люциан уверенным голосом, полным привычного ректорского безразличия. — Как вы знаете, мы играем с Хищной академией магии. С друидами, практикующими волшебство жизни. Уже более десяти лет первенство в соревнованиях принадлежит ЦИАНИДу. Поэтому для вас должно быть ясно, что проигрыш команды Мертвой академии не предусматривается даже в теории.

На последних словах я вздрогнула, так грозно они прозвучали. Впрочем, кажется, речь Люциана зацепила только меня. Остальные магиане уверенно кивали головами, будто победить друидов — это невероятно просто.

— Игры начнутся ровно через три недели, — продолжал он. — Ваша задача за это время почувствовать себя командой, научиться сражаться вчетвером и разработать план. Собственно, в этом я и буду вам помогать.

— Простите, — неуверенно подняла руку я. И тут же серый взгляд метнулся ко мне.

Снова бросило сначала в жар, затем в холод. По мрачным глазам Дэйна никак нельзя было сказать, что он испытывает ко мне хоть толику приязни. Что он хоть чуточку выделяет меня среди остальных участников. И от этого становилось ужасно грустно. — А почему нельзя устроить игры в конце года, чтобы на тренировку ушло чуть больше времени? Я не понимаю, как лично я, например, смогу научиться драться за такой срок?

Ректор выдержал легкую паузу, прожигая меня насквозь. Эмилия фыркнула где-то сбоку.

— Смысл игр как раз в том, чтобы показать уровень знаний и врожденной силы бойцов, — медленно ответил ректор. — Вы должны мыслить в реальном времени, а не применять на практике вызубренные

заготовки. Вы обязаны показать скорость реакции, гибкость ума и мощь черной магии. Именно то, что ценится в Туманной империи. Ведь маг, который учился годами, но обладает слабыми способностями, легко может победить колдуна-новичка с большим потенциалом. Мы же должны продемонстрировать, что некроманты и демонологи сильнее друидов с самых первых лет обучения. И дальнейшие тренировки только усилят разрыв. Я понятно объясняю?

В конце этой речи я уже усиленно кусала губы, чувствуя себя провинившимся ребенком, которого отхлестали по попе.

— Вполне, — тихо бросила в ответ и уронила взгляд на траву. От буйной зелени под ногами не так сильно хотелось выть.

— Поскольку у нас не очень много времени, сегодня же мы приступим к вызову вашей нежити и нечисти, — буднично продолжил ректор. А мне снова не удалось удержаться:

— Но я ведь на первом курсе. Как я буду поднимать умертвия, если мы этого еще не проходили?

До чего же мне хотелось, чтобы на лице ректора хоть на миг проскользнули эмоции, отличные от сугубо педагогических! Но все было бесполезно, Дэйн как никогда напоминал холодный камень, из которого была построена вверенная ему академия.

— Не беспокойтесь, магиана Ирис, — ответил он спокойно. — К этому нюансу мы скоро вернемся. Ваша очередь настанет после всех остальных.

И тогда мне осталось только ждать.

Еще некоторое время он пояснял теорию, которая большинству присутствующих была уже известна. Потом окинул магиан по очереди своим льдистым оценивающим взглядом и неожиданно выдал задание:

— Вы трое прямо сейчас должны будете научиться тому, чему вряд ли учили вас преподаватели раньше. А именно: будете тренировать управление над монстрами, которые изначально обладают потенциалом более высоким, чем ваш...

— В смысле? — ахнула Эмилия и даже сделала инстинктивный шаг назад.

— В прямом, магиана Валенсиан, — ответил Дэйн, и мне показалось, что уголки его губ приподнялись.

— Мы не будем вызывать их сами? — уточнила она.

— Нет, — покачал головой ректор. — Вы пока не способны вызвать их самостоятельно.

— Но как же мы их приручим, если даже вызвать их нам не по силам? — Голос Эмилии внезапно перешел на писк.

Дэйн улыбнулся по-настоящему. Только улыбка была холодной, как у самого черного некроманта.

— Как только вы сможете взять их под контроль, вызов у вас в дальнейшем не будет вызывать проблем.

— Но... — попыталась еще что-то проговорить маркизочка, однако ректор уже отвернулся от нее, немного лениво подняв руку с расправленной ладонью в сторону поля.

И в тот же миг земля задрожала аж в нескольких местах. Раздались утробные крики, заглушаемые комьями земли. А в двух точках на полигоне воздух пошел горячей рябью.

Эмилия закрыла рот ладонью, в ужасе наблюдая, как с ее стороны метрах в двадцати впереди земля начала плавиться, словно шоколад. И из раскаленной жижи показалась отвратительная волосатая голова живого существа.

— Барлог-медведь, — затравленно произнесла она, не сводя глаз с пушистой твари. — Демон второго уровня!

— Не забывайте, что нити подчинения завязаны на вас, — легко бросил Люциан, перебирая в воздухе длинными пальцами. — Вам остается только перехватить их и суметь удержать.

Но, кажется, никто из магиан его не слушал. Со стороны Ивейна далеко впереди в небо взвилось синее пламя. Парень стиснул зубы и слегка побелел, наблюдая, как из огня выпрыгивает существо, будто сделанное из льда. С венцом из рогов, напоминающим корону, и огромными пальцами-иглами.

— Ледяной демон третьего уровня, — сквозь сжатые челюсти прокомментировал демонолог.

А в это время Леонар, что прежде совершенно спокойно стоял между двумя магианами, вдруг удивленно воскликнул, хмуро вглядываясь в поле, где то здесь, то там земля взрывалась мокрыми комками.

— Господин Люциан... Мне кажется или их одиннадцать?

Но, не услышав ответа, добавил сам, широко распахнув изумрудные глаза, такие же, как у всей императорской семьи:

— Их одиннадцать! Я не смогу удержать одиннадцать зомби!!!

— Наслаждайтесь, — с мрачной полуулыбкой бросил ректор, не обращая ни малейшего внимания на восклицания членов команды. Затем отвернулся от ребят, сделав уверенный шаг ко мне.

В следующие секунды магиане разбежались в разные стороны. На каждом из них лица не было. Лишь бледные маски испуга, покрытые испариной.

А сумеречные твари уже полностью явились на поле, и каждое существо не сводило налитых кровью глаз с одной-единственной своей жертвы, которая должна была их приручить.

У меня сердце ушло в пятки, вызывая нестерпимое желание убежать подальше. Демоны Ивейна и Эмилии были ужасны. Но, несмотря на то что они явно гораздо сильнее мертвецов Леонара, именно одиннадцать умертвий принца внушали настоящий страх. Ведь перед наследником империи восстали мертвые люди. Со впалыми щеками, пустыми глазницами и гнилой кожей, висящей лоскутами.

— Теперь ваша очередь, магиана Ирис, — тем временем протянул ректор опасно мурлыкающим голосом. Он подошел почти вплотную, широкой спиной закрывая от меня все поле, где с криками ужаса убегали от монстров два демонолога и принц.

— Может, не надо? — прошептала я дрожащими губами, мгновенно растворяясь в грозовой серости мужских глаз.

— Надо, магиана Ирис, — мрачно протянул Люциан. — Надо.

И через мгновение я забыла обо всем на свете, потому что он вдруг оказался невероятно близко. Настолько, что его свежий, немного пряный аромат зимы заставил вздрагивать от едва уловимого мятного послевкусия, тонуть от ощущения дурманящей интимности момента.

Дэйн не отрывал от меня своих серо-стальных глаз, медленно опустив руку вниз и коснувшись моего запястья.

От легкого прохладного прикосновения по спине пробежали мурашки. Я смотрела на него зачарованно, как кролик на удава, не в силах ни отвернуться, ни опустить взгляд. А по покрасневшимся щекам и тяжелому дыханию Дэйну наверняка было понятно и без слов, насколько сильно действовала на меня эта простая близость.

Он неторопливо обошел меня по кругу и встал прямо за спиной, не позволяя развернуться. Обхватил пальцами запястье другой руки и осторожно поднял мои кисти на уровень груди ладонями в сторону поля.

Сердце начало биться ошеломляюще быстро. Дэйн держал меня осторожно, но крепко, едва прикасаясь сзади своей грудью. Впереди мельтешили фигуры магиан, пытающихся справиться с монстрами. Но прямо сейчас для меня они превратились в сплошное размытое пятно. Был только Дэйн за спиной. И его руки, касающиеся моих.

— Сегодня мы снова вызовем с вами драугра, магиана Ирис, — тихим бархатным голосом проговорил он.

Я вздрогнула, чувствуя, как каждое слово отдается в груди, будто перекатываясь в легких.

Стало страшно. Ведь в прошлый раз у меня не получилось управлять этой нежитью. И даже преподавателю Варруху не удалось взять чудовище под контроль.

Вдруг сейчас ректор и мне выдаст такое же задание, как Леонару с демонологами? Мол, смогла поднять мертвеца, сможешь его и подчинить. И стану я бегать по полигону от огромного, высушенного временем и собственной злобой мутировавшего умертвия.

С другой стороны, близость самого Дэйна успокаивала. Казалось, рядом с ним я смогу поднять и трех драугров. И десяток. Лишь бы он всегда стоял вот так...

— Вы думаете, что у меня получится? — произнесла я, впрочем, только для того, чтобы услышать его голос.

— Я в этом даже не сомневаюсь, — тихо, проникая в самое сердце, прозвучали его слова.

И я поверила.

Закрыла глаза, чтобы через секунду распахнуть их и увидеть потоки Тьмы. Какой-то миг — и они превратились в нити, проходящие сквозь землю там, где на дне полигона покоятся окостеневшие останки.

— Молодец. — Тихий шепот в самое ухо.

Обжигающе-горячее дыхание коснулось моей кожи.

Я резко выдохнула, стараясь не потерять контроль от мелкой дрожи.

Он вплотную прижался ко мне, и теперь я чувствовала, как ритмично приподнимается широкая грудная клетка, чтобы втянуть воздух. Как меня достигает легкий ветерок его дыхания.

Меня почти трясло. Я прикрыла глаза, желая почувствовать этого мужчину еще ближе. Приоткрыла рот, жадно дыша, как утопленник. Так и хотелось прошептать, захлебываясь словами:

«Пожалуйста, коснись меня... Я хочу почувствовать твои губы...»

В тот момент пальцы Дэйна, крепко обхватывающие мои запястья, сжались чуть сильнее, заставляя распахнуть руки шире. Заставляя ощущать, как теперь и мужские плечи, и предплечья повторяют мои контуры, будто обнимая.

Я втянула воздух сквозь плотно сжатые зубы, чувствуя, что сгораю. Прямо здесь, на поле, на виду у трех магиан, которым до нас, впрочем, не было никакого дела.

— Впереди и чуть справа, — снова раздался пьянящий шепот. — Ты видишь?

— Вижу, — ответила я, сконцентрировавшись на особенно крупном пучке темных нитей, уходящих глубоко под землю.

— Давай, — тихо выдохнул Дэйн, и я поняла, что схожу с ума, потому что его губы едва коснулись моего уха.

Прикусив губу, чтоб хоть немного прийти в себя от легкой боли, я, сжав пальцы, с силой потянула за черные струны магии. На одно крохотное мгновение у меня в голове вспыхнуло маленькое солнце чужой ярости. Как взрыв. Как удар стального хлыста.

Но тут же все прекратилось, а в руках вместо дрожащих натянутых жил сумеречного колдовства появилась пугающая пустота.

Несмотря на это, драугр явно вылезал из своей норы. Над полем вновь раздался тот самый душераздирающий вой, а земля взвилась вверх на несколько метров.

— Вам удалось почувствовать его злость, магиана Ирис, — проговорил Дэйн совершенно спокойно. Словно в этот момент страшная тварь не рвалась из недр полигона. — Но вы потеряли управление.

— Д-да, — нервно стуча зубами, ответила я, испытывая почти животный ужас от того, что снова не контролирую ситуацию. — А почему он злится?

Кажется, Дэйн едва слышно усмехнулся.

— Потому что вы разбудили его, — ответил он, слегка поглаживая мои запястья. — Драугр спал не один век, прежде чем пришла невероятно сильная первокурсница и решила подчинить его волю. Он этим фактом очень недоволен.

Снова раздался оглушающий вой. И на поверхности земли целиком появился огромный мертвый монстр. Сухие кости, обтянутые твердой кожей, впавшие щеки, страшная пасть, полная желтых зубов. И кровавый взгляд, направленный прямо на меня.

В то же время Дэйн явно продолжал улыбаться, а его большие пальцы выводили на моей коже аккуратные обжигающие кружочки. Слишком разные эмоции захлестывали меня с головой, грозя разорвать в клочья бедное сердце. Страх, трепет, волнение, напряжение, беспомощность.

Возбуждение.

— А разве мертвецам не все равно? — спросила немного дрожащим голосом, не сводя широко распахнутых глаз с чудовища.

— Я обязательно объясню это вам, магиана Ирис, — проникновенным голосом пообещал ректор, на миг сжав мои запястья и тут же совсем отпустив. — А пока держите руки вот так и изо всех сил старайтесь поймать снова нити силы, которые вы не смогли удержать. Иначе драугр окончательно почувствует свою свободу, и тогда подчинить его будет гораздо сложнее.

Растопыренные пальцы на моих руках предательски затряслись. Рубиново-алые глаза высшего умертвия не отрывались от меня ни на миг, и в них я читала слишком много ярости и голода. Это казалось неправильным, чуждым. Ведь мертвец должен быть бесстрастным. Нас всегда учили, что нежить — как кукла, которой управляет некромант, дергая за ниточки. А теперь выходило, что это вовсе не так?

Пока я пыталась нащупать крепкие жгуты магии, связывающие тело драугра, Дэйн позади меня начал неторопливую лекцию. Так, словно мы были не на полигоне, полном кровожадных тварей, а в тихом кабинете академии.

— Вы верно сказали, магиана Ирис, что обычной нежити нет никакого дела до того, что происходит вокруг. Как правило, они не чувствуют голода, не обладают эмоциями. Таковы мертвецы Леонара Альвиса. Однако в руках умелого некроманта и зомби становятся опасными бойцами. Но это не имеет никакого отношения к высшей нежити, к которой и относится ваш драугр. Он — один из самых простых, но весьма сильных умертвий, наделенных собственным разумом.

В этот момент от напряжения у меня начали слегка подрагивать плечи. Нити Тьмы никак не хотели даваться в руки. Словно я пыталась поймать ускользающие крысиные хвосты.

Тогда ректор сделал небольшую паузу, и вдруг я почувствовала, как мягким движением прохладные пальцы сначала убрали от моего лица волосы, ставшие влажными от старания, а затем полностью освободили шею от локонов, подняв их наверх. И я тут же ощутила, как на обнажившиеся плечи легли мужские руки.

По спине прокатилась волна дрожи, заставив закрыть глаза и прерывисто вздохнуть.

— Никому доподлинно неизвестно, почему Тьма, свободно струящаяся по миру, изменяет одних мертвецов и не трогает других. Но высшая нежить, как правило, появляется независимо от некромантов, — продолжал ректор, большими пальцами медленно, будто дразня, очерчивая каждый позвонок на шее.

Кажется, меня вот-вот начнет трясти, как в лихорадке. Воздух обжигал легкие, будто я вдыхала огонь. Ноги быстро и неотвратно становились ватными. И как в таком состоянии можно подчинить хоть какую-нибудь нежить?

Драугр тем временем начал крадучись приближаться, вызывая у меня внутри еще больший эмоциональный диссонанс. Монстр полностью встал на длинные костлявые ноги, покрытые полусгнившим тряпьем, и уверенно

двинулся вперед.

Огненный коктейль из паники и возбуждения грозил окончательно свести с ума. Голова начала кружиться.

В этот момент Люциан словно почувствовал, как я стремительно теряю остатки контроля не только над ситуацией, но и над собой. Он резко опустил руки на мои плечи и сжал.

— Сейчас, Лариана! — раздался его хлесткий приказ, полный уверенности и силы. И эта сила мгновенно передалась мне. — Берите управление!

Я вздрогнула, приходя в себя. И в тот же миг почувствовала, как ладоней касаются, исчезая, призрачные линии магии. Казалось, кто-то водил по моей коже тонкими ремешками конской сбруи, в последний момент не давая ухватиться за них.

Но я послушалась, будто именно этого приказа мне и не хватало. Уверенно сжала пальцы, с удивлением и восторгом ощутив, что нити Тьмы снова в моих руках.

Но как же тяжело их было удержать! Только бешеное упрямство и страх разочаровать мужчину, что стоял так близко за моей спиной, не позволили мне сдаться и отступить.

Драугр дернулся, мгновенно застыв на месте, и его глаза кроваво-красно полыхнули.

— Поздравляю, магиана Ирис, — спокойно произнес Дэйн, точно я не высшую нежить держала в руках, а котенка. — Вот вы и сделали невозможное. Подчинили драугра на первом же году обучения.

Я тяжело дышала, понимая, что отпускать мертвеца все еще нельзя. Но похвала сладким нектаром пролилась на сердце, так жаждущее внимания именно этого мужчины.

Дэйн отошел от меня чуть в сторону. Подул легкий ветерок, охлаждая спину, за которой стало неприятно пусто. Но с каждой минутой, что я сохраняла управление над сумеречной тварью, мне словно становилось легче. Как будто руки обретали привычку.

Дэйн в это время прошел чуть вперед и, глядя на поле перед собой, словно начал размышлять:

— Как вы уже поняли, магиана Ирис, драугр — разумная тварь. Он мертв и знает об этом. А потому его существование — самое ужасное, что может случиться с живым существом. Именно в этом и заключается корень его ярости на весь мир. И чтобы не почувствовать на себе эту ярость, вы должны контролировать каждый миг рядом с ним.

Ветер слегка развевал светлые волосы главы академии, а я не могла не

любоваться его точеным аристократическим профилем, в котором каждая черта была абсолютно идеальна. Поэтому смысл его слов доходил до меня с легким запозданием.

Но в какой-то момент я поняла, о чем он говорит, и задумчиво сдвинула брови.

— Почему же тогда высшие мертвецы не считаются просто иной формой жизни? Ведь они обладают разумом и волей. Как, например, наша комендантша, госпожа Аделия Ром. Она ведь призрак, но абсолютно разумный.

Ректор повернулся ко мне, спрятав руки за спину, и посмотрел с легким удивлением.

— Да, во многих высших мертвецах разум весьма силен. Но все же его нельзя ставить на один уровень с живыми существами. Их мысли отравлены Тьмой, Лариана. Злостью и ненавистью на весь мир. На вас, например, за то, что вы живы, а они — нет. За то, что вы можете чувствовать боль и удовольствие, а они этого лишены. Ведь им не бывает горячо или холодно. Их кровь остыла, а сердце навеки остановилось...

На последних словах голос Дэйна подозрительно погрузнел, а серый пепел глаз подернулся поволокой дождя.

После того как ректор в очередной раз отвернулся, пряча взгляд, моему сердцу вдруг стало тесно в клетке из собственных ребер. В горле застыла горечь.

В этот момент с возрастающим отчаянием я почувствовала, будто все сказанное он примеряет на самого себя.

«Они не могут чувствовать боль и удовольствие. Их кровь остыла, а сердце остановилось...»

Ледяные мурашки пробежали по спине. Я снова вспомнила все то, что занимало мои мысли последнюю неделю. А именно: существует ли проклятие, убивающее Дэйна, или все же нет?

И хорошо, что сейчас, как никогда прежде ярко, вокруг меня кружили темные потоки. Тренировка с драугром помогла мне войти в нужное состояние, чтобы чувствовать магию практически кожей.

Я медленно моргнула и вновь посмотрела на ректора сумеречным зрением. Вокруг него огромными кольцами двигалась Тьма. Словно спирали хвостов громадных змей. Словно густой туман, который повиновался каждому движению своего хозяина. И этим хозяином был Люциан.

Его Тьма была велика, как океан, но она была приручена. Я видела силы, которыми он был способен управлять, но я не видела ничего, что

отравляло бы его тело подобно телу хомяка.

Выдохнув с облегчением, снова моргнула, сосредоточившись лишь на безупречном профиле, очерченном прямым водопадом снежных волос.

— И все же я не понимаю, — проговорила уже гораздо спокойнее. — Да, мертвые не способны дышать, их тела не функционируют, как наши. Зато они могут не бояться смерти. Не бояться голода или болезней. А ведь это означает вечную жизнь! Многие живые позавидовали бы им, потому что лишены подобных привилегий. А значит, потеря человеческого сознания — это собственный выбор мертвых. Зачем злиться, если можно существовать... иначе?

Честно говоря, я и впрямь не понимала. Ведь если кровожадность изначально не заложена в природе нежити, значит, должны существовать вполне разумные и спокойные экземпляры?

Дэйн повернул голову и странно взглянул на меня.

Я, может быть, и успела бы задуматься над смыслом этого взгляда, если бы в этот момент внимание не привлек Леонар. Прежде краем глаза я замечала, что он, как и демонологи, бегают по полю, безуспешно пытаясь взять под контроль сразу всех зомби. И, честно говоря, скрыться от одиннадцати оживших трупов было не так-то просто.

Но теперь внезапно он остановился и разом приструнил десяток трупов. Одиравшим остался лишь один. Тогда этот десяток теперь уже послушных бойцов окружили последнего кольцом, не пуская того к тяжело дышащему некроманту.

Дэйн проследил за моим взглядом и тут же крикнул принцу:

— Не забывайте, магиан Альвис, что травмировать нежить запрещено! Так что скажите своим... «союзникам», чтоб не трогали бедолагу!

Даже с такого расстояния было заметно, как наследник империи устало вздохнул и кольцо зомби лениво расступилось перед ним. Леонар с последним неподчиненным мертвецом остались стоять друг напротив друга.

И в следующую секунду умертвие бросилось вперед. С чудовищной скоростью, которую от него было сложно ожидать.

Я ахнула, зажав рот рукой. Но не прошло и нескольких секунд, как принц с трудом поднял дрожащую руку и перехватил черные нити управления над последним зомби.

— Ну вот, а говорил: «Не смогу, не смогу...» — с легкой усмешкой сказал Дэйн и снова вернулся ко мне взглядом. — А насчет ваших слов, магиана. Это, безусловно, очень интересная теория. Но, как показывает практика, большинство высших мертвецов неконтролируемо меняются

после смерти. Их тело уродуется некромантией, а следом за ним и сознание тоже. Эти существа уже нельзя назвать абсолютно разумными в нашем, человеческом, понимании. Возможно, одиночество и осознание собственной смерти полностью выжигает в них созидательную часть, оставляя лишь хаос и злобу. Но доподлинно это никому не известно.

Леонар Альвис медленно шел по полигону в нашу сторону. Он явно жутко устал, на лбу сверкали бисеринки пота. Но идеально прямая осанка и уверенная походка наследника империи и сейчас вызывали лишь уважение. За ним внушительной толпой шел строй обветшавших трупов.

— И все же, выходит, высшая нежить — это просто другая форма жизни, — никак не унималась я. — Ведь в глубинном смысле не плоть и кровь отличают нас от мертвецов, а способность любить, сопереживать, чувствовать тоску и радость, страсть и разочарование. Если эти чувства сохраняются...

— Лариана, это невозможно, — немного резковато прервал меня Дэйн и тут же исправился: — Но теория мне нравится. Впрочем, вам лучше увидеть собственными глазами, что остается от разума мертвеца.

В этот момент принц уже оказался прямо возле нас, с любопытством разглядывая застывшего неподалеку драугра.

Дэйн невозмутимо подошел ко мне и положил пальцы на мои виски.

— Смотрите внимательнее, магиана Ирис, — проговорил он бесстрастным академическим тоном.

Я лишь успела заметить сочувствие, мелькнувшее в глазах принца, как Тьма навалилась оглушающей лавиной.

Странные звуки наполнили пространство. Громче, чем я привыкла. Их было больше, чем положено.

Моргнула раз, другой, ощущая, как ярость пылает во мне, будто негасимое пламя. Неудержимо хотелось убить кого-нибудь. Прямо сейчас.

А затем я увидела себя. В нескольких метрах впереди. Худенькая черноволосая девушка стояла рядом с ректором и наследным принцем. Все трое были странно напряжены, а у меня и вовсе глаза пылали кровавым светом.

«Выйди из моей головы, человечиска...» — раздался отвратительный шепот где-то в области висков.

От этого голоса дрожь прокатилась по позвоночнику ледяной волной. Волосы зашевелились на затылке. В ноздри пахнуло могильной вонью.

«Выйди и дай мне сожрать тебя...»

Отвратительный шепот где-то на грани сознания. Хрип, переходящий в яростное рычание.

И чужие эмоции, захлестывающие изнутри.

Злоба, ненависть, жажда крови.

Меня начало трясти. Руки, которые все еще удерживали сумеречные нити, ведущие к драугру, предательски дрогнули.

И в тот же миг я услышала другой голос. Мягкий, спокойный и одновременно нестигаемый, как лезвие меча:

— С высшей нежитью главное — сила, магиана Ирис. Вы должны быть сильнее. Иначе они смогут подчинить вас. Драугру это будет сложно. Но есть и более могучая, разумная нежить. Духи, личи, банши, стрыги. Вы должны быть сильнее, чем они...

Это был тихий, вкрадчивый шепот Дэйна.

Я снова плотнее обхватила нити Тьмы, и в следующий миг наваждение исчезло.

Моргнула пару раз, приходя в себя, и с радостью почувствовала собственное тело.

Ректор снова стоял чуть в стороне, а с центра поля медленно приближался немного хромающий Ивейн. Позади него, будто на привязи, шел ледяной демон, и от каждого его шага трава замерзала.

Эмилия же никак не могла взять под контроль своего барлога. Хотя, на мой взгляд, она его здорово вымотала.

— Все, на сегодня тренировка окончена! — громко проговорил Люциан, поднял руку вверх и резко сжал в кулак.

Тут же из моих ладоней исчезла Тьма. Нити будто растворились сами собой.

Одиннадцать мертвецов упали замертво, а драугр начал яростно закапываться в землю. Демон Ивейна осыпался на ледяные осколки, а волосатое чудище Эмилии исчезло в огне.

— Но я же еще не закончила! — крикнула возмущенно она, тут же подбегая к нам.

— Завтра продолжим, — невозмутимо оповестил Дэйн, на глазах превращаясь в отстраненного и мрачного ректора императорской академии, которого разделяла от нас пропасть возраста, опыта и социального статуса.

Магиане устало кивнули, приготовившись расходиться. Но стоило мне сделать шаг в сторону общежития, как Дэйн вдруг хмуро добавил, заставив меня вздрогнуть:

— А вас, магиана Ирис, я попрошу остаться.

Мурашки прокатились по спине, потому что звучало это так, словно я в чем-то провинилась.

Леонар, проходя мимо, хлопнул меня по плечу, а Эмилия, с ног до

головы покрытая грязью, вообще злобно фыркнула, не скрывая радости по этому поводу. Только Ивейн странно прищурился, переводя желтоватый взгляд с меня на ректора и обратно. Но через мгновение уже отвернулся, достал из кармана серебряную флягу и, приложив к губам, безразлично ушел прочь.

Как только участники будущих игр скрылись за нашими спинами, я почувствовала, как всколыхнулась вокруг Тьма, образовывая знакомую непроницаемую для глаз и звуков завесу. Словно на полигоне никогда и не было никого, кроме нас с Дэйном.

— Магиана Ирис, неужели вы хотели так быстро покинуть своего ректора? — вкрадчиво проговорил он, медленно приближаясь.

Серые глаза блеснули расплавленным серебром, на губах застыла мягкая полуулыбка, от которой подкашивались ноги.

Я поспешно вздохнула, набирая в грудь побольше воздуха.

— Но... вы же совсем никак... — проямлила я, когда Дэйн подошел совсем близко и вдруг взял меня за руки. — Ничего не говорили... неделю...

Выходило что-то сбивчивое и невнятное. Только сердце отчаянно билось в груди.

Дэйн улыбнулся и приподнял мое лицо за подбородок, оказавшись непозволительно близко. Именно так, как мне и хотелось.

А потом вдруг нагнулся и обвел горячим языком контур моих губ, заставив прерывисто выдохнуть, мгновенно растеряв весь кислород, упасть в бездну в сильных руках, которые тут же подхватили меня за талию.

А затем, прежде чем накрыть мой рот в сумасшедшем поцелуе, всколыхнувшем всю жажду, голод, страсть и огонь, которые копились во мне все эти ужасные семь дней, он чарующе прошептал:

— Я скорее умер бы на месте, чем смог забыть о тебе, мое синеглазое безумие...

Глава 16

ТЬМА ОЧАРОВАНИЯ ПЕРВОГО СВИДАНИЯ

Дэйн держал мое лицо в ладонях, вглядываясь в глубину моих глаз. Было дико и одновременно волшебным образом понимать, что он все же здесь, со мной. И что он больше не бесчувственный и безразличный глава академии, а мужчина, который...

— Я и минуты не мог провести, чтобы не думать о тебе, — прошептал он, сбивая меня со всяких мыслей. — Чтобы не видеть перед глазами твою улыбку, губы. Не представлять твою невероятно короткую юбочку. Не злиться, понимая, что на эти обворожительные ножки смотрит кто-то другой. Вся академия, но не я.

Голос звучал напряженно, слегка придушено. Словно собственные слова сбивали его дыхание.

Я почувствовала, как горят щеки. Облизала пересохшие вмиг губы, с замиранием сердца замечая, как останавливается на них взгляд серых глаз.

— Я... решила, что ты передумал. Понял, что совершил ошибку, — проговорила через силу, вздрагивая от каждого легкого прикосновения мужских рук к собственному лицу.

Дэйн улыбнулся.

— Я с самого начала знал, что совершаю ошибку, — раздался тихий ответ, от которого у меня сердце на миг остановилось, чтобы через секунду забиться еще быстрее. — Только ничего не мог поделать с собой. С тем, как загорается кровь, когда ты рядом. С тем, как все внутри умирает, когда ты уходишь...

Одной рукой он мягко прижал меня к себе, обнимая за талию, а другой ласково убрал за ухо волнистую прядь, упавшую на лицо.

И столько нежности было в каждом его движении, в каждом взгляде ставших серебристыми глаз, что я невольно вздрагивала, полностью растворяясь рядом с этим мужчиной.

— У меня есть немного свободного времени, Лариана, — вдруг проговорил он. — Скажи, где бы ты хотела его провести?

Я невольно улыбнулась, а Дэйн продолжил:

— В моих силах показать тебе хоть весь Ихордаррин. Можем сходить в любую, какой пожелаешь, ресторан в столице. Или отправимся в Черные

сады туманов, прославленные на всю империю. Ты видела их когда-нибудь? Даже в замок императорской семьи можем зайти, хотя, на мой взгляд, там совершенно нечего делать.

В груди бешено застучало от восторга. И в голову мгновенно пришел только один ответ, только одно место, которое с некоторых пор мне хотелось увидеть больше всего остального.

— Я хочу снова попасть с тобой в сумеречный мир, — выдохнула и сама удивилась, с каким желанием прозвучали эти слова.

Дэйн слегка скривился:

— Я немного не это имел в виду...

— Ну пожалуйста! — заныла я, как ребенок, которому не дали конфету. И понимаю, что глупо, но конфету уж очень хотелось.

— Лариана, сумеречный мир — малоподходящее для свиданий место, — снова попытался отговорить меня Дэйн, сдвинув брови.

А у меня, кажется, от этого желание вспыхнуло еще сильнее.

Я приподнялась на носочки и обняла его за плечи, обвивая руками, как виноградная лоза. Придвинулась к широкой груди, в которой так ощутимо быстро забились сердце. И взглянула в глаза, в которых с каждым моим движением все быстрее поднималась темная буря.

— Пожалуйста, я очень хочу... — проговорила в самые губы, тут же прижавшись к ним.

На моей талии мгновенно напряглись сильные руки, притягивая ближе, вдавливая в мужское тело. Закрыв глаза, Дэйн тяжело выдохнул, обжигая этим напряженным, хрипловатым звуком.

— Пожалуй, после такой просьбы вряд ли хоть кто-нибудь смог бы устоять, — проговорил он через минуту отрывистым голосом. И на губах его заиграла мрачная улыбка. — Вы победили, магиана Ирис. Держитесь крепче...

И в следующий миг густая Тьма накрыла нас, заливая все пространство вокруг тягучей плотной жижей. Исчезло поле, трава, деревья. Канул в черноте полигон номер тринадцать. Словно мы разом погрузились на самое дно непроглядного океана. Океана мрака.

Я не могла вздохнуть. Дэйн уверенно прижимал меня к себе, и только его руки удерживали на грани спокойствия и паники. Воздух застрял в легких, будто я вот-вот захлебнусь магией.

И когда уже стало казаться, что это никогда не закончится, когда перед глазами заплясали звездочки, Тьма внезапно отступила, ухнув вниз и превратившись в мягкий туман, разливающийся вокруг. День сменился ночью, а тишина поля для тренировок — завыванием духов где-то вдали.

Перепутать было невозможно. Мы оказались в сумеречном мире.

Я затаила дыхание, оглядываясь по сторонам так, будто попала сюда впервые. В какой-то степени это так и было. Ведь в прошлый раз мною двигали лишь страх и непонимание. Да еще желание поскорее убраться отсюда.

Сейчас же все оказалось совсем иначе. Мне хотелось быть здесь. Я жаждала почувствовать магию, доступную лишь высшим некромантам. Мечтала увидеть то, что скрыто от глаз простых людей.

Мы очутились посреди широкой площади. Как ни странно, она была вымощена обыкновенной каменной плиткой, а впереди виднелся знакомый мрачный замок без одной-единственной башни. Тусклые фонари едва освещали пространство сквозь черный туман, разливающийся повсюду.

— Ну что, ты довольна, дорогая? — с легкой усмешкой в уголках губ спросил Дэйн. — Вокруг — мрак, крики проклятых душ и абсолютное ощущение безысходности. Все, как и должно быть на первом свидании.

Я слегка засмузилась, почувствовав иронию. Хотя стоило признать, ректор был абсолютно прав.

Он мягко взял меня под руку и повел вперед по дороге. Огромный дворец Тиамакт оставался чуть левее, а мы двигались словно в черной пустоте, которая немного рассеивалась при каждом шаге.

— Говорят, что попасть сюда могут только высшие некроманты, — слегка оправдываясь, ответила я. — Наверно, я была не права. Прости. Просто мне... хотелось почувствовать себя особенной.

Дэйн на миг сбил шаг. А затем, не поворачивая головы, тихо ответил:

— Ты и так особенная, Лариана. Даже больше, чем мне хотелось бы, к сожалению.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что сказал, — прозвучал спокойный голос. — Разве не ты умудрилась в первый раз попасть сюда без чьей-либо помощи? Разве не с тобой весело живет хомяк, который должен был преставиться еще пару недель назад? Разве не тебе удалось разбудить бесчувственное сердце ректора академии?

На последних словах в груди у меня будто разлилась обжигающая лава. Плеснула в кровь, окрашивая щеки и бросая тело в легкий жар.

— А мне удалось? — игриво спросила я, отчаянно краснея.

Ректор едва заметно улыбнулся.

— Еще как, магия Ирис. Еще как, — промурлыкал он, а потом спросил: — Так что ты хотела увидеть в сумеречном мире? Может, у тебя есть какое-то конкретное желание?

— Честно говоря, не знаю. Может, если бы ты рассказал мне об этом месте побольше... Ты часто здесь бываешь?

— К счастью, нет, — ответил он, продолжая медленно вести меня куда-то вперед. — Все же это мир мертвых, духов и демонов. Мир темных богов, который они создали для себя, исходя из своих потребностей. Живым здесь делать нечего, более того, пребывание тут даже опасно. Например, отсюда нельзя ничего уносить, потому что неизвестно, какой эффект возымеет предмет из Сумерек в реальном мире. Здесь нельзя употреблять пищу. А излишние человеческие эмоции очень быстро превращаются в еду для местных жителей. Так что каждую секунду необходимо сохранять холодный разум.

— Звучит мрачновато, — заметила я, впрочем, ничуть не испугавшись. — Но ведь здесь вырастает сила любого некроманта, правильно?

Дэйн бросил на меня слегка удивленный взгляд:

— Кто успел рассказать тебе об этом? На первом курсе сумеречный мир еще не проходят.

Я прикусила губу:

— Эмилия. Она так рьяно говорила о том, что здесь можно летать, можно найти волшебный колодец с мертвой водой и кучу других чудес, что мне ужасно захотелось все это увидеть.

На этот раз Дэйн понимающе улыбнулся:

— Теперь мне ясно, откуда такое странное желание. Что ж, эту фантазию не так сложно реализовать. Тем более что место, куда мы идем, как раз возле того самого колодца.

— Правда?! — выдохнула я, кажется, даже слегка подпрыгнув от восторга.

Улыбка на лице ректора стала еще шире.

— Когда ты так радуешься, я начинаю завидовать сам себе. Рядом с тобой хочется творить любые безумства.

Он неожиданно остановился и, подмигнув, протянул мне распахнутую ладонь.

— Дайте вашу руку, магиана Ирис. — А потом добавил, когда я доверчиво коснулась прохладной кожи: — И постарайтесь не визжать.

Не успела я открыть рот, как пальцы Дэйна с силой сжались на моих, и тут же одним стремительным движением мы взмыли в воздух.

Густой темный ветер сумеречного мира засвистел в ушах. Полы расстегнутого плаща Дэйна распахнулись, как огромные мрачные крылья. А мои ноги перестали чувствовать под собой опору.

Казалось, будто внутри все органы мигом поменялись местами. Причем половина ухнула вниз, ровным слоем укладываясь где-то в животе. Кровь заструилась быстрее, гоня по венам восторг под легким флером страха.

— Мы летим! — ахнула я, едва приходя в себя, замечая, как шпили замковых башен оказываются все ближе и крупнее, а камень мостовой — все дальше и мельче.

— Именно так, магиана Ирис! — воскликнул Дэйн, не сводя с меня глаз.

Слов не хватало. Земля оставалась все ниже и ниже, а необычная башня, напоминающая часовню в замковом комплексе, все ближе. Мрачный камень, покрытый слоем зеленоватого мха, притягивал взгляд широкой смотровой площадкой, посреди которой под куполом крыши серебрилось странное возвышение.

Я уже поняла, что мы летим именно туда. Но сейчас мое тело ощущало лишь крепкие мужские объятия, а сама я чувствовала на себе мягкий внимательный взгляд, от которого к пояснице спускалась волна горячих мурашек.

Это было удивительное ощущение. Восторг от полета неуловимым образом накладывался на волнение и жар от близости Дэйна. От его сильных рук, прижимающих меня к себе и слегка поглаживающих кончиками пальцев. От его тонкого аромата с легким привкусом мяты, который окружил меня со всех сторон, проникая глубоко в легкие. Заставляя меня почувствовать этого мужчину каждой клеточкой своего тела.

В какой-то момент мне показалось, что я окончательно теряю связь с реальностью. Глаза цвета серого дождя увлекли меня в свою темную глубину, и все стало вдруг неважным. Даже смотровая башня проклятой Тиамант со странным серебряным сооружением в центре...

— Мы на месте, Лариана, — проговорил Дэйн немного хрипло, тоже не отрываясь от моего лица.

Я вздрогнула, и в тот же миг ноги почувствовали твердую опору. Дэйн моргнул раз, другой, медленно подняв ладонь и коснувшись большим пальцем моей щеки. Провел вниз, очерчивая взглядом линию движения подушечки по коже, оставляя на мне обжигающе-прохладный след.

А потом глубоко вздохнул, словно отгоняя наваждение.

— Вот то место, где тебе так хотелось оказаться, — сказал он.

Я слегка пошатнулась, чувствуя, что мне так быстро прийти в себя не удастся. Сердце билось ошеломляюще быстро.

— Это башня Мертвых, — продолжил Дэйн, медленно подходя к краю стены, где за невысоким каменным парапетом начиналась черная пропасть. Оперся ладонями о древние перила и посмотрел вдаль.

Призрачно-белые волосы едва колыхались под дуновением ветра, светлая кожа во мраке казалась еще белее. Я не могла отвести взгляда от его точеного профиля. От широких плеч на фоне пустоты сумеречного неба.

— Когда-то она называлась башней Влюбленных, — продолжал Дэйн, пока я тихонько подходила к нему. — Говорят, Тиамант, будучи еще человеком, приказала построить ее, чтобы создать удивительный артефакт. Уже тогда она была великой колдуньей, хоть и не знала, что в ее венах — кровь самого отца Тьмы.

Я коснулась каменного парапета рядом с ректором и посмотрела вниз. Далеко-далеко там плескалось черное море, блестящее, как жидкий обсидиан. И на этот раз отчего-то мне было интуитивно известно, что глянцево-волны созданы вовсе не из воды.

— И что это был за артефакт?

— Колодец любви, — улыбнулся Дэйн, повернувшись ко мне. — Но когда башня оказалась переименована, то и колодец любви превратился в колодец мертвых.

Он немного лениво кивнул на серебристое возвышение в центре площадки.

— Колодец по замыслу богини должен был показывать испившему из него возлюбленного. Того, кто останется с ним до самой смерти. Того, кто будет самым желанным и единственным.

Я повернула голову и посмотрела на необыкновенное сооружение. Это и впрямь напоминало колодец с искрящимися, исписанными древними письменами стенами. Только вот форма его оказалась непривычной. Не круг, а полумесяц.

— У нее не вышло колдовство и она переименовала башню? — предположила я, теперь с любопытством подходя ближе к артефакту.

— Отнюдь, — ответил Дэйн и тихо последовал за мной. — Наоборот, похоже, ее магия сработала даже лучше, чем она думала. Но когда она выпила из него, ее сердце разбилось на осколки. То, что она увидела в отражении, разозлило колдунью, будя в ней самые темные уголки души. Она сама же прокляла и переименовала эту башню, позволив с тех пор пить отсюда лишь мертвым.

— Значит, мне не удастся сделать из него ни глотка? — проговорила я разочарованно, слегка наклоняясь и вглядываясь в странно блестящую воду, напоминающую ртуть.

Дэйн еле заметно усмехнулся. А потом подошел ко мне сзади, расположив руки по обеим сторонам от моих, и, едва касаясь губами уха, спросил:

— Так хочется узнать, кто станет твоим возлюбленным? Тем единственным, от кого кровь будет полыхать огнем? От чьих поцелуев дыхание станет сбиваться на стон?

Продолжая говорить, он сдвинулся чуть ниже, чертя губами обжигающую дорожку, едва касаясь шеи кончиком языка.

Воздух громко вырвался из легких. Голова мгновенно закружилась. Я закрыла глаза, чувствуя, как Дэйн убирает мои тяжелые волосы на правое плечо. А затем легким дразнящим прикосновением губ к затылку заставляет меня выгнуться в спине, прижаться к нему сильнее, почти застонать, как он и говорил...

Я подняла руки, зарываясь в его мягких волосах, не позволяя ему остановиться.

— Очень хочу узнать, — прошептала я с крепко зажмуренными глазами, тяжело хватая ртом воздух.

Получилось ужасно хрипло и сбивчиво. Услышав мой голос, Дэйн резко выдохнул, прикусив меня за основание шеи.

— Проклятье, Лариана...

А потом вдруг резко развернул меня и впился жадным поцелуем в распахнутые губы.

Ноги мгновенно ослабели. Я тихо застонала, сбивая дыхание, целуя в ответ так, словно от этого зависела моя жизнь. Словно стоит ему разорвать эту тонкую связь прикосновений, и я умру.

— Оказывается, с тобой невероятно опасно играть в такие игры, принцесса, — приглушенно прошептал он через пару мгновений. Когда наши губы разъединились, а он прижался ко мне лбом, тяжело дыша.

— В какие? — невнятно пробормотала я, чувствуя, как меня бьет дрожь, будто в лихорадке. Тело горело, голова отказывалась хоть что-то соображать. Был только он. Только Дэйн. Его руки, губы и поцелуи, которые казались не менее важны, чем воздух.

— Уже не важно, — отрывисто ответил он, через силу отстраняясь. — Мы должны остановиться. Сумеречный мир не место для любви.

От того, что тело больше не чувствовало его прикосновений, стало почти больно.

— Почему? — спросила я, и вышло ужасно жалобно.

Дэйн скривился. А потом ответил, снимая длинный плащ:

— Потому что это мир отца Тьмы. Здесь все иначе.

На Дэйне осталась одна тонкая шелковая рубашка красновато-черного цвета. И тогда, взмахнув плащом, он расстелил его на каменном полу, ловко усаживаясь посередине.

— Садись, попробую объяснить, — протянул он мне руку.

Я коснулась его длинных пальцев и уже через мгновение сидела у него между ног, прижимаясь спиной к широкой груди. Он обнял мои руки, заставляя обхватить себя за талию. Будто для того, чтобы я не могла прикоснуться к нему.

Это было ужасно. Моя кровь кипела, как лава в жерле вулкана. Необходимость дотрагиваться, целовать, вдыхать его запах стала почти болезненной.

Так нужно... Пожалуйста...

До стога в легких, до хрипа.

А Дэйн продолжал говорить:

— В Сумерках любой всплеск эмоций может привлечь самых невероятных тварей, каких только способна представить фантазия. Мы сейчас на первом уровне. Но страсть, испытываемая живыми людьми, способна вызвать демонов и со второго, и с третьего. Они голодны. И они чувствуют наши эмоции, ибо сами почти лишены их. И поэтому, Лариана, здесь нельзя сходить с ума. Нельзя испытывать даже толику желания. Это опасно. — Он внезапно сделал небольшую паузу, а затем отрывисто закончил: — А то, что испытываю я, выходит далеко за рамки простого сумасшествия...

Сердце в груди билось с такой силой, будто вот-вот разорвется. Казалось, что его стук разносится по всей площадке. И слова Дэйна только усиливали безумие.

— Но я так хочу... — прошептала я едва слышно, прижавшись как можно сильнее спиной к его груди, придвинувшись бедрами, с пьянящим волнением ощущая, как напряженно-твердо было сзади.

Дэйн выдохнул сквозь зубы.

— Лари... — почти прохрипел он, с силой сжимая руки на моих кистях, не позволяя мне пошевелиться. — Так нельзя...

Но я уже откинула голову назад на его плечо, потерлась носом об идеально выбритый подбородок, на котором уже успела появиться легкая шероховатость. И выдохнула почти со стоном:

— Еще немного. Пожалуйста...

В тот же миг Дэйн словно зарычал сквозь плотно сжатые зубы. Отпустил мои кисти, запустил ладонь в волосы на затылке и потянул, заставив откинуть голову. Подставить губы под голодный,

обезоруживающий, пьянящий до дрожи поцелуй.

Под кожей, казалось, рассыпались раскаленные искры. Влажный язык с жадностью проник в мой рот, сводя с ума, окончательно отключая мозги.

Привкус мяты и зимы, холода и обжигающего безумия. Его руки на моей талии, сжимающиеся пальцы, движения, так легко воспламеняющие даже сквозь ненужную, лишнюю сейчас ткань платья.

— Тьма, Лариана, так нельзя, — низким отрывистым голосом повторил он, одновременно лаская сначала верхнюю мою губу, а затем нижнюю.

Я почти не слышала, что он говорит. Только мягкий, немного вибрирующий тембр, отдающийся в моей груди, только запах, окутывающий со всех сторон, проникающий в саму кровь.

Я тихо выдохнула и, инстинктивно почувствовав, что Дэйн вот-вот снова отстранится, накрыла сверху мужские кисти, управляя их движениями. Не давая исчезнуть этим отчаянно-дерзким ощущениям, дарящим сладкую слабость во всем теле.

Провела его ладонями по своему животу, чувствуя, как едва заметно дрогнули руки Дэйна. Как на миг замерло дыхание, как напряглись мышцы.

Огонь плеснул в кровь.

Слишком близко. Дэйн был повсюду. Его руки, губы, дыхание. Это абсолютно лишало воли.

Слишком близко, чтобы не думать о его ладонях, которые поднялись еще выше, повинаясь моему желанию. Накрыли грудь сквозь тонкий корсет.

Жар. Пламя через черную ткань.

Длинные аристократические пальцы теперь самостоятельно, без помощи сжались на напряженных вишенках моей груди.

Хриплый вздох, словно он захлебнулся воздухом. Поцелуи на шее, сквозь которые Дэйн прикусывал кожу.

И мой стон, который я даже не слышу. Не понимаю. Не контролирую.

— Пожалуйста, еще...

Дэйн вздрогнул, будто мои слова обожгли его.

— Лари, — тихий шепот в ответ. Густой, пьяный, темный...

И меня больше нет. Есть только он. И руки, медленно опускающие вниз мягкое декольте, накрывающие обнаженную грудь. Страстно сжимающие алые напряженные вершинки, вырывающие из моего горла стон за стоном.

А еще раскаленная молния, свившаяся в тугой шар где-то внизу живота. Сжигающая меня изнутри, заставляющая дрожать тело и плавиться

в сильных руках этого мужчины. Того самого, который так легко управлял огнем внутри меня.

И вдруг что-то неуловимо изменилось. Дэйн замер, словно превратившись в каменную статую. Каждая его мышца будто зазвенела сталью от напряжения.

— Не двигайся, — тихо прошептал он в самое ухо.

А потом откуда-то сбоку раздалось рычание. Сначала едва слышное, почти могильно-шелестящее. От него холод проникал под кожу, шевеля волосы, замораживая страхом конечности.

Я распахнула глаза и посмотрела прямо перед собой. В каких-нибудь нескольких метрах впереди стояла отвратительная тварь. Кожистые крылья шуршали за спиной, складываясь и принимая гладкую, обтекаемую форму. Жилистое тело с четырьмя лапами опасно подобралось. Три хвоста нервно елозили по камню башни, пока кровавые глаза многообещающе поедали нас с Дэйном. Причем «кровавые» не было метафорой. По блестящим коричневым щекам из глазниц медленно текли багряные капли.

— Это алый цербер третьего уровня, — проговорил Дэйн, медленно выпуская меня из рук и выпрямляясь. — Встань мне за спину, Лариана, будь добра.

Его голос звучал спокойно, но как-то напряженно-тихо.

— Он опасен? — раздался мой неуверенный вопрос.

Я поправила платье, чувствуя, как, несмотря ни на что, кровь стынет в жилах. И осторожно спряталась за широкими мужскими плечами.

— Нет, — раздался ответ, который слишком сильно расходился с моими внутренними ощущениями. — Но этот демон никогда не приходит один.

Стоило ему закончить фразу, как за каменными перилами раздалось противное хлопанье крыльев. А еще через мгновение на площадке вспыхнули пять или шесть пар истекающих алыми потеками глаз.

Вот теперь мне стало действительно страшно.

— Ты сможешь их прогнать? — как-то жалобно бросила я, прижимаясь к мужской спине и затравленно выглядывая из-за плеча.

— Конечно, — ответил Дэйн, и в тон ему несколько тварей зарычали. — Но мы должны дождаться, пока они соберутся все вместе.

— А это еще не... — только начала было спрашивать я, как позади меня тоже захлопали крылья. — Дэйн, там...

— Я знаю, принцесса. Успокойся, — еще тише проговорил Дэйн.

В следующие несколько секунд со всех сторон вспыхивали все новые и новые красные точки глаз. До тех пор, пока я не потеряла им счет.

И тогда первое чудовище, что продолжало оглядывать меня с плотоядным предвкушением, прыгнуло.

Я едва успела ахнуть, как в руке ректора что-то полыхнуло Тьмой. Черный туман проник в ноздри, словно кто-то бросил в лицо хорошую жменю золы.

Раздался визг. Я пыталась разглядеть хоть что-нибудь, и спустя пару секунд мне это удалось. Дэйн сжимал в ладони длинный кинжал, исходящий сумраком. А на камне перед ним валялась одна-единственная тварь с распоротым животом.

Кровь заливала площадку, подбиралась к ступням, превращаясь в одну огромную черно-красную лужу.

Погибло одно чудовище, но я никак не могла понять, почему медлят остальные. Оказалось, что свой вопрос я задала вслух.

— Потому что проверяют, на что мы способны, — легко ответил Дэйн. Так, словно вокруг нас сейчас не застыли несколько десятков истекающих слюной демонов. — Лариана, когда я произнесу слово *arveighn*,^[4] ты должна будешь упасть на камень. Поняла?

Этот вопрос казался таким болезненно простым, но я, к сожалению, совершенно не была уверена в положительном ответе. А вдруг я не услышу чуждое слово в череде заклинания?

— Постараюсь, — проговорила едва слышно, замечая, как, оказывается, стучат мои зубы.

— У тебя получится, принцесса, — прошептал Дэйн, и я почувствовала на его губах ту едва заметную улыбку, которая так неумовимо окрашивала вечно отрешенное лицо высшего некроманта.

В следующий миг он поднял в воздух распахнутую ладонь и, будто демонстрируя свои действия демонам, медленно разрезал ее сумеречным кинжалом.

Яркая, невероятно яркая кровь полилась крупными пугающими каплями. Дэйн, казалось, этого даже не заметил. Зато заметили алые церберы. В ту же секунду они хором оскалились и зарычали, устремив все свои взгляды только на мужчину. Только на него одного.

— *Eliru un sartad vastardo lin Arveighn!*^[5] — крикнул ректор, а я едва успела сообразить, что уже пора.

Как можно быстрее согнула колени, почти ныряя в углубление колодца в форме полумесяца. В тот же миг раздался взрыв. В том самом месте, где стоял некромант!

Я лишь заметила, как взметнулись в воздухе белоснежные волосы, как

вспыхнуло пламя на месте его темно-бордовой рубашки. А затем мир наполнился тьмой.

Разом навалилась ватная тишина, будто я вообще разучилась слышать.

— Дэйн? — испуганно спросила я в пустоту.

И тут же меня накрыли сильные руки. Такие знакомые, уверенные, прохладные. Я все еще ничего не видела, но легкий аромат мяты и северного ветра не мог обмануть.

— Дэйн... — радостно прошептала, зарываясь руками в складках рубашки, вдыхая запах, от которого становилось легко и спокойно.

— Все закончилось, дорогая, — раздался тихий ответ куда-то в мою макушку. И сквозь волосы я почувствовала отголосок горячего дыхания.

А еще через мгновение снова смогла видеть.

Все пространство площадки вокруг колодца было абсолютно чистым. Ни одного чудовища не оказалось рядом. Не блестели кожистые тела, не сияли во мраке окровавленные глаза. Даже липкая темная влага, что прежде растекалась по полу, теперь полностью исчезла.

— Что случилось? — спросила я, не понимая.

— Это заклятие называется «эбонитовое inferно», — ответил тихим голосом Дэйн. — Оно уничтожает все демонические создания в радиусе нескольких метров.

Темные глаза спокойно глядели на меня.

— А зачем... это? — слегка дрогнувшим голосом проговорила я, разворачивая сжатую в кулак мужскую ладонь. Там ровным глубоким разрезом тянулась пугающая рана.

Коснулась пальцами ее алых краев и с силой прикусила губу. Такое повреждение будет заживать долго. Очень долго. А если вспомнить, что на другой ладони у него шрам от похожей раны, то становилось особенно страшно.

Неужели он опять не чувствует боли? Да ведь здесь, должно быть, перерезаны все нервы до самой кости!

— Сумеречный мир требует своей платы за магию, — пожал плечами Дэйн, беспечно убирая и сжимая руку в кулак. — Здесь любой колдун может легко управлять Тьмой. Но и местные твари — также. Чтобы стать заведомо сильнее, нужно принести жертву.

Половину его объяснения я уже не слушала, с силой дернув свой подол по нижнему шву.

— Что ты делаешь, Лариана? — удивился Дэйн. Но дело было уже сделано. В моих руках лежала прочная хлопковая лента, которой я тут же перевязала раненую ладонь. — А мне так нравился твой вариант

академической формы, — улыбнулся он, но не стал мешать.

— Так хотя бы не будет идти кровь, — объяснила я, не обращая никакого внимания на свои голые коленки.

— Не беспокойся. Раны высших некромантов заживают быстро. Особенно когда о них заботятся такие красивые магианы. — Он снова улыбнулся и, притянув мое лицо здоровой рукой, осторожно поцеловал.

Момент обжигающей страсти уже прошел. Смылся страхом и сменился странным щемящим волнением в груди. Но мягкие, невероятно нужные мне губы, как всегда, заставили забыть все на свете. И сердце снова билось ровно и спокойно.

— А вообще эти демоны были очень кстати, — медленно протянул Дэйн, зарывшись рукой в моих волосах и тихонько наматывая их на пальцы. — Похоже, я окончательно потерял самообладание. Вот до чего вы довели своего ректора, магиана Ирис!

И я снова скорее почувствовала, чем увидела усмешку на его губах.

— Что ты имеешь в виду?

Дэйн глубоко вздохнул.

— Я не хочу торопить события, Лариана, — мягко ответил он, и мне вдруг стало ясно, что он имеет в виду. Щеки мгновенно приобрели цвет свежей свеклы. — Мы с тобой почти не знаем друг друга. В моей жизни слишком многие отношения начинались и ограничивались одним лишь плотским желанием. С тобой все иначе, и мне не хотелось бы это испортить. Понимаешь?

Я все еще стремительно краснела.

— Понимаю. — А что еще оставалось ответить? «Нет, я категорически не согласна»?

— Тем более, — добавил он, — Сумерки — не то место, где стоит проводить такую ночь...

На последних словах он приподнял мое лицо за подбородок и медленно обвел горячим языком мои губы.

По спине прокатилась обжигающая лавина, отдаваясь дрожью во всем теле. Я чуть было не забыла, о чем он вообще говорил.

И, оторвавшись от меня, Дэйн широко улыбнулся, глядя, как я пытаюсь вернуть фокусировку собственному взгляду.

— Ну что, вернемся домой? — спросил он в итоге, полностью возвращая меня в сознание.

Но как только мы встали на ноги и отряхнулись, приведя себя в порядок насколько это было возможно, мой взгляд вдруг упал на серебряный полумесяц колодца.

— Стой, погоди! — воскликнула я, возвращаясь к холодным блестящим бортам. — Так мне можно выпить из него или нет?

Прямо на расстоянии вытянутой руки удивительным гляncем блестела темная вода. Изнутри на меня смотрело почти идеальное отражение, словно передо мной зеркало.

— В принципе можно, — ответил Дэйн, на этот раз вставая рядом. — Но стоит ли? Ты узнаешь не только того мужчину, что будет с тобой до конца жизни, но и что-то еще. Как и Тиамант. И не факт, что тебе это понравится. Все же вода не зря стала называться мертвой.

— А ты пил ее? — Вдруг стало ужасно любопытно.

Некромант улыбнулся, но на этот раз вышло грустно.

— Это было очень давно. Около двадцати лет назад. И если ты хочешь узнать, видел ли я там женщину, то — да. Видел.

— И? — спросила с замиранием сердца.

Неужели мне и правда хотелось, чтобы этой женщиной была я?

Дэйн отвернулся. Серебристо-белые волосы блеснули в ртутном отражении воды.

— Я не разглядел ее лица, Лариана. Но я слышал, как она плачет. Видел слезы и черные дорожки на щеках от туши для ресниц. Иногда это воспоминание и сейчас всплывает перед глазами. И поверь, принцесса, это не то, что я советовал бы тебе испытать.

В груди болезненно заныло. Я никогда не пользовалась тушью для ресниц. Это была привилегия богатых. Высшего сословия. У меня на нее попросту не находилось денег.

И в этот момент желание выпить из колодца только возросло.

— Я все равно хочу, — выдохнула, склонившись над отражением.

Дэйн глубоко вздохнул:

— Как скажешь. Но имей в виду: я не хочу знать, что ты там увидишь.

И в следующий миг в его руке прямо из воздуха возник черный кубок. Он был выкован словно из самой Тьмы, и сумеречный туман изредка отделялся от него легкой дымкой.

Я смело взяла протянутый кубок. На ощупь он был совсем как настоящий. Погрузила его в колодец и, не глядя, сделала глоток.

Всего один. На большее смелости не хватало.

Перед глазами поплыло. На вкус жидкость ничем не отличалась от простой воды. Но вот ощущения... Как будто я залпом выпила несколько бутылок вина.

А в следующий миг отражение в колодце стремительно поменялось. В ослепительно-ярком и прозрачном зеркале был Дэйн. Высокой, красивый...

и грустный как никогда. Светлые волосы развевались позади, как призрачное облако. Черный плащ за спиной заканчивался непроглядным мраком.

Я пригляделась внимательнее и вздрогнула. Потому что из колодца на меня смотрели темно-алые глаза. Не было и следа привычной дымчатой серости. Только мрак и кровь в таких знакомых и одновременно чужих радужках. Только ужас и Тьма вокруг. Только страх и смерть в тумане, окутывающем мужчину, будто крылья.

Я резко отошла назад от колодца, непонимающе хлопая глазами. То, что я видела, абсолютно точно не было человеком. Но это абсолютно точно был Дэйн. Мой Дэйн.

— Там... там... — только и смогла произнести я.

— Нет, принцесса, мы договорились, что ты мне не рассказываешь, — усмехнулся Дэйн, беря меня за руку.

— Но...

— Никаких «но»! Не хочу ничего знать, Лариана, — оборвал он. — Ты сделала свой выбор. А теперь нам пора домой.

И в тот же миг густой полог Тьмы вновь накрыл нас, унося обратно в мир живых.

Только на этот раз я не заметила ни тяжелого воздуха портала, что не дает дышать. Ни липкого тумана, оседающего на коже и проникающего в легкие. Потому что все мои мысли занимал лишь Дэйн, явившийся мне в отражении.

Когда все вернулось на свои привычные места, оказалось, что мы в личных покоях ректора академии, где кроме кабинета и лаборатории было еще несколько комнат, включая спальню.

У меня от усталости подкашивались ноги.

— Сядь, отдохни, — бросил Дэйн, бодро вышагивая куда-то в соседнее помещение. А через минуту вернулся оттуда, неся мне стакан сока. — С непривычки Сумерки вытягивают слишком много сил.

Я залпом осушила бокал, не припоминая, чтобы в первый раз со мной случилось что-то подобное.

Дэйн протянул руку, чтобы забрать бокал, а я резко перехватила его запястье.

Это была та самая раненая ладонь. Кровь на ней полностью пропитала ткань и теперь даже немного канала на ковер.

— Она не останавливается, — нервно бросила я, испытывая все больше и больше опасений насчет его проклятия.

Могла ли я ошибиться? Как показало мне сумеречное зрение, никакой

Тьмы в теле Дэйна не было. Но что, если у людей все происходит не так, как у животных? Светлые силы, и ведь это вполне логично! Ведь высший некромант — не хомяк!

— Не переживай, скоро я решу эту проблему, — отмахнулся он, попытавшись забрать руку. Но я не позволила.

— Дэйн... — На этот раз мой голос звучал как никогда серьезно. Серые глаза сверкнули в ответ. — Скажи мне, что это не проклятие. Пожалуйста.

И, к моему ужасу, он промолчал.

— Дэйн! — ахнула я, подавшись вперед.

И он тяжело вздохнул.

— Дэйн!!!

— Успокойся. Все не так страшно, как ты думаешь, — наконец прозвучал ответ.

— Ты мне расскажешь? — настойчиво попросила я, неожиданно для самой себя зевая.

— Конечно, — улыбнулся он. — А сейчас тебе нужно поспать.

— Но...

— Никаких «но», Лариана.

Он легко поднял меня на руки и понес в соседнюю комнату. Пока я сонно краснела, пытаюсь сопротивляться, он уложил меня на широкую кровать и уже накрыл одеялом. Я только и успела скинуть туфли, как глаза сами собой закрылись.

— Спи, моя принцесса. И пусть все, что тебя тревожит, исчезнет вместе с рассветом, — прошептал он, едва заметно целуя меня в губы.

И я в тот же миг провалилась в сон.

Жаль только, что этим словам было не суждено сбыться.

Глава 17

РОК СО МНОЙ — ПЕРВЫЙ БОЙ

Три недели пролетели как не бывало. Я забыла, что такое лекции, потому что каждый день с полудня до самой ночи наша команда тренировалась на полигоне номер тринадцать. Сюда никогда не забредали случайные магиане, а потому мы круглые сутки были предоставлены сами себе.

Ну хоть утром никто не мешал отсыпаться. Оказывается, пока солнце не вошло в зенит, смысла вызывать нежить не было совершенно. Мертвецы ненавидят восход. Оказывается, утреннее светило способно сжигать их бранные тела, будто ворох соломы. Вроде бы высшие умертвия типа моего драугра более-менее способны сопротивляться такому воздействию. Но ненависть неживых в эти часы становится совершенно неконтролируемой.

За все прошедшее время мне так и не удалось поймать Дэйна и вывести его на серьезный разговор, несмотря на его обещание. Как-то так выходило, что мы просто не успевали толком поговорить. А о каких-то очередных свиданиях не было и речи. До самого полудня, когда начинались тренировки, ректор вечно где-то пропадал. А вечером после утомительных занятий сил ни на что уже не оставалось.

Та ночь, когда я уснула в его постели, оказалась на данный момент первой и последней, что мы провели вместе. Хотя Дэйн и спал рядом, беспечно закинув руки за голову, но все же лежал он в одежде, меня же бережно укутал в одеяло.

А я продолжала волноваться. Да, пока никто из магиан не видел, Дэйн непременно умудрялся поцеловать меня в губы или прошептать что-нибудь на ушко. Я видела его редкие улыбки, адресованные лишь мне одной, и от этого сердце каждый раз заходило в бешеном ритме. Однако ничто не могло заставить меня забыть об угрозе, нависшей над его жизнью.

Ведь все складывалось как нельзя хуже. Дэйн не знал о моем видении из колодца с мертвой водой. Не знал он и о том, что привиделось мне той же самой ночью в его постели.

Это был не сон, а нечто ужасное. Я снова глядела на того самого человека с черными волосами и глазами цвета черного обсидиана, что когда-то сидел в кабинете Дэйна и проводил с ним кровавый ритуал. На нем была все та же зеленая одежда друида, словно мужчина принадлежал

силам жизни. Однако за спиной его клубилась сама Тьма. Не та, с помощью которой колдуют некроманты. Не та, что помогает демонологам приручать безмозглых монстров Сумерек. А другая. Голодная, злая и полная неутолимой жажды.

Я не знала, как именно этот друид может быть связан с Дэйном. Но я чувствовала, что вместе с ним идет смерть.

И как назло, рассказать об этом не было никакой возможности! Да я и не уверена, что Дэйн вообще станет слушать мои бредни. Что значат фантазии первокурсницы по сравнению с опытом высшего некроманта? Ведь ему наверняка должно быть известно гораздо больше и о собственном проклятии, и о подозрительном друиде.

Но вот три недели закончились. Через несколько часов, когда минет полдень, начнутся долгожданные игры Превосходства, а сегодня ночью это повторилось вновь.

Я проснулась в своей комнате, тяжело дыша. Подушка взмокла, одеяло скрутилось в жгут и давно упало на пол. Перед моими глазами вновь стояло лицо Дэйна из серебряного колодца. Его взгляд светился багрянцем, как взгляд церберов в сумеречном мире. Как полные ярости провалы глазниц драугра. Как кровавые рубины глаз любой нежити.

Теперь я словно видела его еще отчетливее. Не сквозь отражение в ртутном омуте, а будто он стоял рядом со мной. Все такой же красивый, как и всегда. В светлых волосах застыл призрачный лунный свет, губы потеряли краски, хоть и оставались такими же мягкими и притягательными.

Одновременно с этим я не могла не понимать: передо мной не человек. От него веяло страшной силой, неподвластной ни одному живому. Тьма будто струилась в потемневших венах на фоне пепельно-бледной кожи. А пугающе-алые радужки в очередной раз говорили лишь об одном: передо мной нежить.

Мой Дэйн мертв...

Меня трясло, как в лихорадке. Как можно быстрее я натянула форму игрока команды, которую нам выдали еще несколько дней назад, привела себе в мало-мальски приличный вид и побежала в главный корпус академии.

Мне нужен был ректор. Прямо сейчас. Ждать больше не было ни сил, ни желания, ни терпения.

Я ворвалась в кабинет, как ураган. К сожалению, высшего некроманта не было на месте. Быстро просмотрев все смежные комнаты, добралась до ванной, практически потеряв всякую надежду увидеть Дэйна перед играми.

Но за последней дверью меня ждал неприятный сюрприз.

Дэйн стоял в одних брюках напротив огромного зеркала в раме из черненого золота. Он упирался рукой в стекло и тяжело дышал. Из легких доносился низкий хриплый звук, пугающий до мозга костей. Он будто задыхался.

Светлая голова опустилась на грудь, и снежные пряди закрывали от меня его лицо.

— Дэйн! — ахнула я и быстро подбежала к нему, беря за руку.

Некромант посмотрел на меня мутным взглядом серых глаз, которые я совершенно не узнавала. Он пошатнулся, как только я постаралась помочь ему сесть на банкетку, и проговорил:

— Лариана, что ты тут делаешь? Игры через несколько часов.

Так, словно ничего необычного не происходит.

— Что с тобой? — вместо ответа спросила я.

Дэйн откинул голову назад, прислонившись спиной к дорогой расписной плитке стены. И закрыл глаза.

Его губы посинели, напоминая мне собственный сон и еще сильнее погружая в омут паники.

— Все в порядке, — бросил он, не открывая глаза. — Я... немного не выспался.

— Дэйн! — почти крикнула я, слегка встряхивая его за плечи. — Не вешай мне лапшу на уши! Это проклятие? Тебя отравляет Тьма? Ответь мне, почему я ее не вижу?

Он медленно распахнул глаза, на некоторое время ставшие привычно темными.

— Лариана, перестань волноваться. Скоро это пройдет. Просто временная слабость.

— Ты обещал рассказать мне, помнишь? — с упреком бросила я.

— Принцесса, все в порядке... — попытался снова отговориться он, но внезапно замер на полуслове.

А все потому, что по моим щекам вдруг беззвучно потекли слезы. Страх за его жизнь внезапно стал настолько сильным, что все остальное потеряло всякий смысл.

Что я буду делать, если его вдруг не станет? Зачем мне академия, обучение, диплом? Какое мне дело до игр и прочей шелухи? Все теряло смысл.

Я медленно опустилась на колени между мужских ног и закрыла лицо руками, не издавая ни звука. Только плечи тихо вздрагивали.

— Лариана... — ласково позвал Дэйн и обнял меня, прижимая к своей

грудь, с силой заставляя убрать руки от мокрых щек. — Моя принцесса, мое безумие, мое сокровище...

Я прижалась щекой к светлой коже, за которой так громко и быстро билось его сердце. Прохладное отрезвляющее касание, которое с каждым мгновением становилось все горячее.

— Ты обещал мне, — всхлипнув, произнесла я, словно пытаюсь зарыться с головой в его знакомый морозный запах. Раз и навсегда скрыться от собственных мыслей.

— А я и не отказываюсь от своего обещания, — тихо ответил он, целуя меня в макушку. — Вот пройдут игры, и все изменится, поверь. Мне станет гораздо лучше, и ты больше никогда не увидишь меня в таком состоянии.

Мне хотелось верить его словам, но почему-то я не верила. Словно он сам не понимает, что ничего не изменится. Но тогда откуда это знаю я?

— С чего ты взял? — спросила я, пытаюсь понять.

Некромант едва слышно усмехнулся.

— Потому что я знаю, о чем говорю. Просто доверься мне. Все будет хорошо. Кончатся игры, и у нас с тобой появится уйма свободного времени, чтобы тратить его на свидания в Сумерках или любом другом месте, где тебе вздумается. И я расскажу тебе все, о чем ты попросишь.

— Правда? — тихо переспросила я, вслушиваясь в успокаивающую вибрацию его голоса.

— Конечно. — Он осторожно приподнял мое лицо за подбородок и едва-едва коснулся губ поцелуем. — А сейчас у меня много работы. Поле для игр еще не подготовлено. Иди, Лариана, тебе тоже не помешает отдохнуть перед соревнованиями.

— Но как же?..

— Я уже в порядке, — улыбнулся он, вставая на ноги и поднимая меня с колен.

Я подняла голову, удостоверюсь, что он и впрямь не лжет, хотя сердце и продолжало отчаянно биться. Дэйн был все так же бледен, как и раньше, но в глазах появился знакомый уверенный блеск.

— Хорошо, но помни, что ты мне обещал, — проговорила я, когда он уже довольно бодро прошел к двери, многозначительно открывая ее передо мной.

Я бы даже, наверно, возмутилась, что меня так активно выпроваживают, но Дэйн был прав. До соревнований, от которых зависела честь академии и всей императорской семьи, оставались считанные часы. А уж отвлекать главу ЦИАНИДа от его прямых обязанностей перед этими самыми соревнованиями было большим кощунством.

Со смешанными мыслями я покинула ректорский кабинет и уже к полудню оказалась на огромном поле, вокруг которого на высоких трибунах потихоньку собирались магиане аж двух учебных заведений. Игры проходили на нашей территории, а потому на одни сутки двери Императорской академии некромантии и демонологии были открыты для молодых друидов, врачей и звероводов, учащихся в ХАМе.

Посреди поля друг напротив друга стояли два шатра: черно-красный и зелено-белый. Наш мог бы произвести мрачное впечатление из-за своего цвета крови и тьмы, если бы металлические распорки, воткнутые в землю и удерживающие всю конструкцию, не были изготовлены из натурального, солнечно-желтого золота. Такой шик мог бы показаться кому-то излишеством, вычурностью и пустой тратой денег, но я уже привыкла. Да и могло ли быть иначе, когда в этом самом шатре сейчас находился будущий наследник престола всей империи?

С трепещущим сердцем я подходила к широкому матерчатому входу. Толпа магиан, что уже успели прибыть на игры, шумно суеились где-то наверху, рассаживаясь по местам. Я старалась вовсе не глядеть на них, потому что такое количество зрителей повергало меня в ужас. Когда сотни пар глаз неотрывно наблюдают за каждым твоим шагом, чувствуешь себя не более чем диковинной зверюшкой в клетке на рынке.

А потому как можно скорее я прошмыгнула в прохладу и полумрак шатра, ожидая встретить там свою команду.

Эмилия уже была на месте, а вот Леонар с Ивейном задерживались. Кто бы мог подумать! Ведь это девушки обычно приходят позже из-за подготовки нарядов и прочей ерунды. Я прыснула со смеху, представив, как некромант с демонологом тщательно причесываются и красят губы все утро. И ведь стоит только заикнуться об этом, оба наверняка страшно обидятся.

— Чего ты улыбаешься? — бросила Эмилия, когда я задумчиво прошла внутрь шатра.

На мягкую траву здесь был уложен дорогой ковер, а в самом центре стоял стол с напитками. Магиана сидела на низеньком диване чуть поодаль и подпиливала ногти алмазной пилочкой.

Улыбка тут же сошла с лица. Маркизочка умела портить настроение.

— Действительно, чего это я, — пробубнила в ответ, — от твоей доброжелательности даже цветы сохнут. Лучше лишний раз не улыбаться, а то мало ли что...

Эмилия неожиданно вздохнула.

— Послушай. — Она медленно встала со своего места и подошла ко

мне. А я невольно обратила внимание, что ее форма несколько отличается от моей.

Для игр нам выдали одежду все тех же красных и черных тонов. Похоже, члены противоположной команды должны были понимать, против кого выходят на поле — демонолога или некроманта.

Но у Эмилии красивая шелковая рубашка с рюшами на груди была расстегнута очень глубоко. Брюки, идеально обтягивающие бедра, неожиданно заканчивались чуть ниже колена, хотя по правилам они должны быть явно длиннее. Вместо плотных замшевых ботинок, в которых так удобно бегать, на ногах девушки красовались золотистые босоножки с витыми ремешками, сквозь которые проглядывал безупречный алый педикюр.

Я удивленно приподняла брови, но не рискнула вдаваться в подробности. Тем более Эмилия явно заготовила для меня какую-то очередную пакостную речь.

— Лариана... — начала она с легким налетом странной торжественности. Даже нос слегка задрала. — Стоит признать, мы с тобой с самого начала учебы не слишком ладили...

— Да? — ухмыльнулась в ответ. — А я и не заметила.

Эмилия сморщила свой аристократический маленький носик, уловив иронию.

— Да-да, так и есть. И, честно говоря, во многом виновата я сама...

Вот тут у меня от удивления медленно приоткрылся рот.

— Мы — члены одной команды, — продолжала она, не замечая моего все возрастающего изумления, — и я должна отдать тебе должное: ты очень талантлива. Очень сильна. И не раз показала себя как отличный некромант.

— Эмилия, у тебя жар? — вырвалось у меня против воли. — Может, укус хомяка опять дал о себе знать?

Магиана сжала губы и хмуро посмотрела мне в глаза.

— Давай забудем прошлое, — снова проглотила она мою иронию и вдруг протянула руку. — Я хочу, чтобы между нами больше не было этого... недопонимания. И за тот случай с твоим грызуном — спасибо.

Все. Теперь можно было падать в обморок.

Я посмотрела на светлую женскую ладонь, перевела взгляд в чистые голубые глаза и поняла — Эмилия не лжет. И, может быть, впервые в жизни предлагает дружбу простолюдинке.

А потому, сама не заметила как, я протянула руку в ответ. Эмилия улыбнулась и словно вздохнула с облегчением.

— Спасибо, — проговорила она тихо. — Извиняться не входит в мои привычки, Лариана. И, честно говоря, я боялась, что ты откажешь...

Все еще под впечатлением от такого сюрприза я пожала плечами.

— Эмилия, мне несвойственно ругаться с людьми. Я не люблю спорить или конфликтовать. И уж точно не стану добровольно усложнять нам жизнь. Так что, если ты хочешь...

— Очень хочу, — кивнула она и виновато улыбнулась. Затем немного дернулась вперед, будто желая меня обнять, но в последний момент замерла и покраснела.

Да уж, пожалуй, это было бы лишним. И как бы мне ни хотелось найти в ее поведении подвох, я нутром чувствовала, что она искренна. Да и покраснеть нарочно не так-то просто.

Невольно улыбнувшись в ответ, я повернула голову к входу, потому что оттуда уже раздавались знакомые, уверенные голоса. А еще смех Ивейна.

С демонологом мы так и не нашли общий язык, впрочем, и прежней агрессии он не проявлял, что меня вполне устраивало.

— Всем доброго дня! — поздоровался принц, широко улыбаясь и откидывая назад свои золотистые волосы, которые так великолепно сочетались с черной формой. — Все готовы к бою?

— Я — да, насколько это возможно для первокурсницы, — ответила я с виноватой улыбкой.

— Да брось, — хлопнул он меня по плечу. — С твоим драугром и пятикурснику было бы не стыдно выступить. А учитывая, что у нас еще барлог второго уровня и ивейновская льдышка — третьего, у наших соперников вообще нет шансов!

Леонар подошел к нам обеим и неожиданно обнял.

Эмилия покраснела от удовольствия, а Ивейн фыркнул с усмешкой.

— Это понятно и так, — прозвучал ленивый голос демонолога. — Что друиды могут противопоставить темной магии? Свои живые игрушки? Да любой зверь инстинктивно впадает в панику, лишь взглянув в глаза нежити. Этим слабакам требуются месяцы только на то, чтобы выдрессировать своих тварей не бояться. А у созданий сумеречного мира нет страха.

Леонар кивнул:

— Да, мы изначально в более выгодном положении. Но, как много раз говорил нам многоуважаемый ректор: «Не стоит расслабляться раньше времени».

— А ты уже видел членов другой команды? — затаив дыхание, спросила Эмилия.

Принц улыбнулся.

Вообще-то Дэйн давно рассказал нам, против кого предстоит драться. Но посмотреть на них вживую, конечно, очень хотелось. Я вот в своей жизни не встречала ни одного друида. Кроме того, из сна...

— Видел. У них даже формы нет. А еще они попрятались в свою палатку, как...

— Как мы? — перебила я с немного вымученной улыбкой, отгоняя дурные воспоминания.

И наследник престола ухмыльнулся в ответ:

— И правда, как мы. Ну что, пора показать себя, ребята? На поле!

Уверенным движением он подтолкнул нас с Эмилией к выходу.

Оказалось, что мы обе не столь полны энтузиазма, но поворачивать назад было бы слишком стыдно. А потому через несколько мгновений шатер остался позади, а нас приветствовал рев огромного человеческого моря.

Сверкнули на солнце золотые нити на нашей форме. Блеснули алмазными каплями шевроны с логотипом академии. Но еще ярче улыбался Леонар Альвис, вышедший немного вперед. И хоть у нас и не было предусмотрено командира, мы трое единогласно остались за широкой спиной некроманта, позволив ему управлять событиями и обращать на себя основное внимание. Не зря же он был наследным принцем. И сейчас становилось как никогда очевидно, что это у него в крови.

Солнце уже было в самом зените. Игры должны вот-вот начаться. Посреди поля на широкой разделительной линии яркого золотого цвета стоял судья. Им оказался молодой преподаватель «принципов атакующих заклинаний» Ксавиан Зантарен. Это радовало. Рядом с ним я всегда чувствовала себя спокойнее и не такой неумехой, как на других лекциях.

Сама площадка для игр была разделена на четыре последовательных сектора. Два — со стороны друидов и два — с нашей. Каждый из секторов выделялся своим цветом. Первый оставался густо-зеленым с обеих сторон. Второй, более дальний сектор, оказался ярко-красным. И, учитывая, что никакого искусственного покрытия на поле не существовало, становилось особенно удивительно, каким образом кому-то удалось раскрасить несколько сотен квадратных метров травы. Но факт оставался фактом: аккуратно подстриженный газон чуть вдали пестрил багряными красками.

Мы медленно пересекли поле, приближаясь к судье. Шум толпы нарастал. В этот момент с другой стороны из зеленой палатки начали неуверенно высовываться наши соперники. Мелькнула рыжая голова какого-то парня, одетого чуть ли не в лохмотья. За ним вышло нечто

странное, с ног до головы завернутое в плащ, очень походящий на рясу. Я даже не смогла определить пол с такого расстояния. Затем по очереди появились две девушки: смуглая брюнетка, тоже одетая демон знает как, и золотоволосая блондинка. Последняя резко выделялась на общем фоне добротным зеленым костюмом, сильно напоминающим нормальную форму.

— Добро пожаловать на игры, команда Мертвой академии, — поприветствовал нас профессор Зантарен. — Позвольте представить вам ваших соперников в сегодняшнем бою.

Друиды как раз подошли достаточно близко, чтобы начать знакомство. И Леонар вдруг резко изменился в лице. Еще несколько мгновений назад он широко улыбался толпе, изредка махая рукой фанаткам с первых рядов, что шумно скандировали: «Альвис!» А вот теперь я словно физически ощутила, как каждая его мышца напряглась, а взгляд впился в золотоволосую девушку-друида. К слову сказать, ее лицо показалось мне смутно знакомым, и теперь я никак не могла отделаться от ощущения, что мы уже встречались. Вот только где?

Пока судья представлял по очереди всех игроков, я напряженно вспоминала.

— Это Нимаэль Моранен, — дошла очередь и до странной девушки. — Первый курс, факультет звероводов.

А меня словно молнией пробило: это ведь та самая леди, что всего несколько недель назад вызвала демона, будучи в карете с Ивейном!

Я не смогла сдержать улыбки, разглядывая ее внимательнее. Когда-то ее поступок казался мне вопиющей несправедливостью. Теперь же, зная характер несносного демонолога, я смотрела на ситуацию несколько иначе. И уже не могла не симпатизировать магиане.

Впрочем, все это пустяки, ведь через пару минут нам предстоит встретиться в поединке. А раз ее курс тоже первый, значит, именно моей соперницей она и станет.

Оставался только один вопрос: если Нимаэль Моранен учится на друида, как она смогла вызвать демона? Но подумать об этом уже было некогда.

— Что ж, время подошло, — провозгласил Ксавиан, взглянув на солнце. — Надеюсь, все помнят правила? Как только над полем разнесутся три условных сигнала, начнется поединок. Ваша задача по очереди пройти все секторы противника, оттесняя его назад и не пуская на свою половину. Игра закончится, когда вы выбросите врага за пределы последнего — красного сектора.

Сердце стучало все быстрее. Мы уверенно кивнули, полностью готовые к бою. Ивейн даже улыбался, незаметно потирая ладони. Ему явно не терпелось поиграть со своим ледяным демоном. За последние недели он начал с такой ловкостью управлять им, что меня даже немного зависть брала. Я-то со своим драугром каждый раз чуть ли не в устной форме договариваюсь. Упрямый он. И старый очень.

Одним словом, мы были полны энтузиазма. А вот команда друидов казалась странно хмурой. Кто-то стиснул кулаки, кто-то и вовсе отвернулся. Боевого настроения — никакого.

— Итак, по местам! — крикнул преподаватель, отходя за черту игрового пространства.

И как только обе команды разошлись по условным позициям, растянувшись в линию посередине своих зеленых секторов, Ксавиан поднял руки, заклиная Тьму.

Сумеречная магия незримо закружилась над полем под громкий гомон уставшей ждать толпы. Земля затряслась, и раздался оглушительный звук. Словно десять древних мертвецов подняли головы и разом визгливо завывали.

Я вздрогнула, сначала не понимая, что происходит.

Тут же могильная тишина повисла над зрителями. Оказывается, это прозвучал первый сигнал. Все заерзали на своих местах, усаживаясь поудобнее и приготовившись наблюдать.

В кровь брызнул огонь азарта и легкого страха. Я посмотрела перед собой, увидев метрах в двадцати золотоволосую Нимаэль.

Судья пошевелил в воздухе пальцами, и рев мертвецов провозгласил второй сигнал. После третьего действовать придется очень быстро. Мы должны вызвать своих бойцов и сделать первый ход. Кто успеет раньше, у того и окажется преимущество. Демонологам в этом плане немного проще: открыл ворота в Сумерки и приказал явиться какой-нибудь твари. Пара секунд — и все готово. Моему драугру, как и мертвецам Леонара, еще нужно себя откопать. Благо прямо перед боем их должны были перенести сюда и зарыть не так глубоко, как обычно.

Что до зверей друидов — я вообще представления не имела, откуда они появятся. Да и вряд ли у меня будет время разглядывать, когда мой драугр в очередной раз попросит кусочек моей печени вместо того, чтобы безоговорочно превратиться в послушную куклу.

И вот наконец прозвучал третий сигнал. Команда соперников разом вздрогнула, принимая позиции для вызова. Демонологи закричали свои заклятия. Леонар синхронно со мной позвал Тьму.

Началось.

Как только я поняла, что момент истины настал, страх мгновенно исчез. В голове разом вспыхнули все знания и навыки, что я успела приобрести за то недолгое, но продуктивное обучение, что у меня было. Дэйн занимался с нами жестко, и это приносило свои плоды.

Широко растопыренные пальцы задрожали. Нити Тьмы будто сами просились в руки, послушно указывая место, где не так уж и глубоко спал мой драугр.

Стоило мне потянуться к нему сознанием, как я почувствовала привычную злобу. Ярость нежити вспыхнула в голове кровавым пламенем. Но меня это больше не пугало. Я бесцеремонно дернула нити управления, заставляя мертвеца восстать.

Раздалось оглушительное визгливое рычание, временами переходящее на нестерпимый скрежет. Толпа на трибунах в очередной раз зажала уши. А затем земля взорвалась мелкими комьями, являя ошарашенным зрителям и членам соседней команды моего игрока.

На большинстве лиц застыло испуганное отвращение. Их можно было понять! На меня Уря произвел не меньшее впечатление при первой встрече. Да, кстати, я дала своему умертвию кличку, поскольку имени своего он не помнил.

Уре это очень не понравилось.

«Опять ты...» — раздалось у меня в голове, и кровавые глазницы сверкнули.

«Уря, у меня нет времени пререкаться, слушай мои команды...» — мысленно ответила я.

И нахал снова оглушительно завизжал. Хорошо, что бойцы Живой академии вроде бы еще не готовы. Краем глаза я видела, что где-то открылся стихийный портал вызова. Из тех, что недоступны людям, но являются одной из способностей некоторых существ.

«Я говорил тебе не звать меня так, никчемный кусок мяса!» — Да, Уря определенно был недоволен.

Дрогнули нити Тьмы в моих руках. Драугр пытался перехватить управление. Мышцы натянулись от напряжения. Все же он был очень силен.

Но я не зря прилежно занималась все эти три недели. Дернула крепко сжатыми кулаками, стиснула зубы.

«Ты подчинишься или сгоришь...» — послала я мысленный ответ и бросила косой взгляд на Эмилию.

Она была готова. Ее барлог появился из разогретой земляной жижи и

теперь отряхивался, приходя в себя. Еще пара секунд, и он ринется вперед. Хозяйка уже явно дала ему команду, а теперь глядела на меня. У нас была договоренность: чтобы быстрее заставить драугра подчиняться, Эмилия создаст вокруг него кольцо огня, как только поймает мой взгляд.

И вот это случилось. Магиана улыбнулась, поняв, что пора, привычно кольнула палец золотым кольцом, размазывая по ладони крохотную каплю крови. И вскинула руку с беззвучным заклятием.

В тот же момент Уря сжался в кругу пламени. Мне даже немного стало его жаль. Древние, невероятно сильные кости будто усохли, длинные страшные конечности прижались к телу, словно мертвец пытался стать меньше.

В следующий миг я получила сто процентов управления над ним. С благодарностью кивнула Эмилии, пламя погасло, а я направила все внимание на вражескую команду.

Оказалось, что я многое пропустила. Огромный грифон с блестящим клювом и густыми шоколадными перьями слегка теснил ледяного демона Ивейна. И эта птичка вовсе ничем не напоминала облезлое и неуклюжее умертвие по имени Красавчик. То самое, с уроков Ксавиана Зантарена.

Синяя магия холода стекала с красивого крылатого бойца блестящими снежинками. Хотя и было видно, что под ледяные когти демона животное попасть не просто не хочет, но и боится.

Впрочем, пока ни демон, ни грифон не имели преимущества.

А вот Леонар был в ударе. Одиннадцать его мертвецов двигались вперед медленно, но уверенно. Как черная стена. Против них стоял, блестя холеными боками, красивый единорог. Один-единственный. Он слегка прыгал с места на место, роя копытами землю, но не решался сделать ни малейшего шага навстречу почти дюжине трупов. В какой-то момент он опустил голову и пригнулся, а из его рога появилось подозрительное белое свечение. Один из мертвецов, что был впереди других, упал, будто у него подкосились ноги. А затем и вовсе повалился на землю тряпичной куклой. Леонар попытался его поднять, но, похоже, нити управления с этим умертвием оказались разорваны.

Впрочем, остальных десятерых это не остановило. Я бросила наблюдать за принцем и перевела взгляд на следующего игрока.

Третий боец, странная зеленая лиса, вообще крутился исключительно вокруг друида, что был с ног до головы завернут в плащ. Кстати, при ближайшем рассмотрении это оказалась девушка. Барлог Эмилии ринулся к этой странной парочке, и я ни секунды не сомневалась, что огромный медведь легко справится с такими противниками. Однако как только

волосатая лапа демона переступила золотую линию центра поля, лис засветился изумрудным светом, а барлог на какое-то время замер как вкопанный. Кто его остановил, я так и не поняла.

Наблюдать за дальнейшим развитием событий уже не было времени. Напротив меня чуть впереди стояла Нимаэль, в уверенном взгляде которой читалась решимость. Однако пришлось изрядно повертеть головой, чтобы найти ее бойца. Казалось, что девушка стоит на поле совершенно одна! А ведь игрокам запрещено нападать друг на друга. В бою участвуют только монстры и магические звери.

Впрочем, через несколько секунд я заметила небольшой подвижный клубок, снующий в ногах друидки, которая в прошлом так удачно вызвала демона. Я, почти давясь смехом, попыталась представить, как малюсенький зверек, напоминающий белку, будет драться с драугром. Нелегко придется пушистику!

Впрочем, это не мои проблемы.

— Давай, Уря, этот бой будет легким, — бросила я напоследок, не замечая, как злится умертвие, рванув к золотой полосе. Теперь он полностью подчинился приказам, и его мнение меня мало волновало.

Но в самый последний момент, когда Уря уже готов был пересечь центральную линию и занять первый сектор противника, на него сверху спикировал грифон.

Мелкая фиолетовая белка Нимаэль от страха умчалась куда-то в сторону, едва заметив кровавый взгляд драугра. Впрочем, ее хозяйка, кажется, вовсе не разделяла ужаса своей подопечной.

Ури отскочил назад, слегка помятый когтями птицы, которая тут же взлетела, возвращаясь к ледяному демону Ивейна. Путь снова оказался свободен.

Но как только мой боец оклемался, с возросшей яростью ринувшись вперед, золотоволосая друидка неожиданно располосовала себе ладонь каким-то черным амулетом. Едва заметно. Слишком быстро, чтобы на это обратил внимание судья. И под ветхими костлявыми ногами Ури на краткий миг вспыхнуло простое сумеречное пламя.

Мой монстр завыл и отбежал назад на несколько шагов. Со стороны казалось, будто он неожиданно испугался молодой магианы. Никаких следов от пламени на земле не оказалось.

Вот вам и сюрприз от друида! Выходит, Нимаэль использовала темную магию. Причем так, что этого даже никто не заметил. Славный ход! Ведь что работает лучше всего против нежити? Конечно, огонь. Только магу жизни огонь добыть гораздо сложнее, чем демонологу, например.

Что ж, это придаст нашему бою пикантности.

Я с силой дернула сумеречные нити, заставляя драугра встать и выполнять приказы. А затем уверенно выставила цель: на этот раз ей была не юркая фиолетовая белка, а сама Нимаэль.

Улыбка расплылась по моему лицу. Конечно, я не собиралась атаковать девушку. Тем более это было запрещено правилами. Но я могла сделать вид. Могла напугать ее до потери пульса. А в тот момент, когда она обратится в бегство, я направлю драугра сначала на алый сектор поля, а затем и за его пределы. И тогда — конец. Команда Мертвой академии победит на играх.

Я бодро встряхнула руками, посильнее ухватывая темные нити, и отдала приказ. Уря завыл своим замогильным голосом и тут же рванул вперед. Мне пришлось бежать за ним, поскольку управление с расстояния значительно сложнее, чем вблизи. И на первых порах все шло по плану.

Взгляд золотоволосой друидки сверкнул от удивления, а в следующий момент она метнулась в сторону. Ее белка куда-то окончательно пропала, путь к алтому сектору оказался свободен. Я ликовала.

Драугр бежал вперед, уже почти достигнув границы красной травы, а я приближалась к самой Нимаэль, которая, кажется, поняла весь обманный маневр. Она смотрела на меня не отрываясь, и в глазах ее застыло странное выражение.

На этот раз там не было страха или непонимания. Только какая-то непонятная пустота. И это неожиданно напугало.

В следующий миг на поле словно из-под земли стала просачиваться тьма. Она заполняла все вокруг со стремительностью тайфуна. И это была не та Тьма, которая привыкла слушаться любого приказа некроманта. Это был изначальный Мрак.

Я зажмурила глаза от боли, чувствуя, будто их забило стеклянными осколками. Прикрыла рот рукой, захлебываясь чужеродной магией. А через мгновение со всей силы врезалась в кого-то, падая на землю.

Стало очень страшно, потому что мир наполнила густая, мертвая чернота. Но я уже не боялась, потому что сознание меня окончательно покинуло.

Глава 18

КРАСИВ ЛИ ЗАКАТ, ПО МНЕНИЮ МЕРТВЕЦА?

Время пришло. Высший некромант сидел неподалеку от занятого делом друида и размышлял. Даллар задумчиво поправлял ритуальные камни на полу, посыпал их тщательно растертыми порошками. По краям узкого помещения с низким потолком стояли дорогие черные свечи. Их красивый неровный свет бросал блики на каменные стены, на скромное убранство комнаты.

А откуда-то сверху, приглушенный толстым слоем земли и гранита, доносился нестройный вой толпы.

Они с друидом находились прямо под полем для игр. Даллар считал, что магические потоки от такого огромного количества колдунов, сидящих вокруг стадиона, должны помочь в проведении обряда. Даже то, что зрители не используют в данный момент магию, ничего не меняет. Их тела привыкли к волшебству, а значит, стоит грамотно настроить входное заклятие круга камней, и минералы начнут подпитку ритуала за счет чужой силы.

Немного нечестно по отношению к магианам. После игр они будут чувствовать себя более уставшими, чем обычно. Но это мелочь. Пустяк. А вот для него, для Дэйна, это реальный шанс навсегда избавиться от проклятия.

И вот он сидел в глубоком кожаном кресле, неподвижно наблюдая за старым другом. Взгляд его серых глаз обжигал холодом, выражение лица, похожего на бледную маску, могло напугать кого угодно. Можно было подумать, словно собственная судьба снова мало волнует ректора Мертвой академии. Будто он совершенно безразличен к тому, станет ли колдовство успешным. Получится ли у Даллара то, что они оба так долго обсуждали.

На самом деле все было иначе. Дэйн неуловимо следил за каждым движением друга, отмечая, насколько точно и четко он расставляет минералы. С какой тщательностью отмеряет необходимое количество порошка, высыпаемого на руническую пентаграмму на полу. И молчаливо проговаривал про себя древние слова, которые знал лучше, чем, кажется, свое собственное имя.

Ритуал должен был готовить кто-то один. Это было важным правилом любого колдовства. Потому что чем больше народу участвует на первом

этапе, тем легче забыть какую-нибудь мельчайшую деталь, которая испортит все дело.

И высший некромант, конечно, заметил, что старый друг кое-что изменил в порядке работы. Не слишком, чтобы это могло запороть все дело. Все же ректор ХАМа был профессионалом ничуть не меньшим, чем он сам. А потому Дэйн лишь единожды спросил его:

— Почему ты решил использовать порошок, а не целые ингредиенты?

Друид повернул к нему голову, встряхнув короткими иссиня-черными прядями, и внимательно посмотрел в льдисто-серые глаза. Кажется, чуть дольше, чем было необходимо.

— Я подумал, что предыдущие ритуалы могли не дать необходимого результата из-за того, что кости и лапы животных плохо сгорали во время магических выплесков. Стоит попробовать, как подействует колдовство с ингредиентами, измельченными в пыль. По моим расчетам, должно быть больше дыма. Он будет двигаться быстрее, толкая цепи заклинания.

Дэйн молчаливо кивнул. Такой вариант определенно возможен.

Друид уловил тихое согласие друга и продолжил работу.

Собственно, все уже было готово. И толпа людей где-то высоко над ними уже затихла. Видимо, подошло время игр.

Так и есть. Дрогнула земля, пуская легкую вибрацию по полу и потолку помещения. Даллар снова посмотрел на Дэйна и очень сосредоточенно сказал:

— Пора.

Высший некромант глубоко вздохнул. Он разглядывал товарища и никак не мог понять, почему на его лице печать такой напряженной серьезности. И еще: почему его черные глаза изредка нет-нет да и вспыхнут искрами возбуждения. Странного энтузиазма.

Возможно, Даллару было интересно, сработает ли его теория с порошками. Возможно, он относился к магии как к интересному эксперименту. Ведь это он, Дэйн, надеялся спасти собственную жизнь. А друиду такие переживания были ни к чему.

Встряхнув водопадом белых волос, ректор ЦИАНИДа встал с кресла и медленно вошел в ритуальный круг. Его слегка пошатывало. Утренняя слабость еще не исчезла и вряд ли исчезнет без вмешательства колдовства.

Тело высшего некроманта стремительно умирало. Сейчас сердце билось, и кровь струилась по венам, как обычно. Но с каждым часом Дэйн все сильнее ощущал, что стук в груди становится тише, и холодеют не только руки, но и грудь. Могильный холод проникал все глубже, и подпитка магией требовалась как можно скорее.

— Пора, — хрипло бросил он, поворачивая голову на восток. Туда, где восходит солнце, на которое однажды, очень может быть, он не сможет больше взглянуть.

Нервы зазвенели словно натянутые струны. Даллар, не поворачивая головы, схватил два браслета из свежесплетенной лозы винограда, надел их и расположил кисти ладонями вверх. Черные глаза закрылись, а через мгновение губы зашептали тихие слова.

В воздухе пахло озоном. Это была магия друидов. Первая часть ритуала включала в себя светлую силу, которая должна была вернуть телу Дэйна жизнь. Эта часть нравилась высшему некроманту меньше всего. И хоть он и знал, что именно без нее вообще не смог бы протянуть так долго, привычка к эманациям Тьмы, закаленная годами, давала о себе знать.

По помещению заструились теплые потоки. Дэйн вздрогнул, ощущая, как его пальцев касаются мягкие струи, будто он упал в озеро с ледяной водой, где неожиданно оказался горячий источник. Это было приятно и неприятно одновременно. С одной стороны, он начинал чувствовать. Так, словно эта способность снова к нему вернулась. С другой — кончики пальцев покалывало. Кожа с каждой секундой начинала все сильнее гореть. А теплые струи источника постепенно превращались в раскаленные ручьи лавы.

Это значит, пора было начинать другую часть ритуала.

Высший некромант открыл глаза, которые, оказывается, уже несколько минут были закрыты. Из рук Даллара струился зеленоватый свет.

В ту секунду, когда губы друида наконец сомкнулись, Дэйн начал читать вслух то, что уже давно беззвучно крутилось у него в голове.

Sheight val'erde uvn tralk valder.

Sheight rulrein uvn sihen minien.

Sheight troldeigh jarte si dahert malde...[\[6\]](#)

Слова давались легко, ведь он так много лет повторял их каждый месяц. Был ли шанс, что сегодня это прекратится?

Дэйн надеялся, что был. Потому что иначе...

Перед мысленным взором вдруг всплыли фиалковые глаза. Большие, как два сапфира, сверкающие ночью в свете серебристой луны. И такие же грустные.

Он чуть не сбился с ритма.

Слезы Ларианы сегодня утром выбили его из колеи. Хотелось прижать девушку к себе, забрать ее боль и страх раз и навсегда. Но он не мог этого

сделать, пока в его теле живет Тьма. Пока он сам не знает, начнется ли для него следующий день или очередной рассвет выжжет из груди все живое.

...irn frolte sierde Fjert sarudo...^[7]

Ладоней коснулась привычная Тьма. Послушная, как щенок. Сильная, как вулкан. Неотвратимая, как лавина.

Сумеречную магию Дэйн чувствовал, даже несмотря на почти полностью исчезнувшее осязание.

От порошков по углам пентаграммы пошел густой дым. Воздух уже давно опасно вибрировал. Силы нескольких сотен магиан на поле для соревнований успешно вливались в минералы, а те светились в ответ ярким палящим светом.

Дэйн слегка скривился, ощутив странный незнакомый запах. Но он был слишком увлечен чтением заклятия. Да и, размышляя о Лариане, было сложно удерживать в голове что-то еще.

Вдруг раздался взрыв.

Дэйн вскинул голову, осматриваясь по сторонам и не понимая, что происходит. Все помещение заволочло густой черной завесой. Он, наверное, закашлялся бы, если бы не был привычен к подобному. Но странный запах — лишь часть сюрприза, который его ожидал.

Внезапно, будто ураганный ветер, всколыхнулось полотно сумеречной магии. Задрожала земля, а нити колдовства, что прежде привычно щекотали ладони, превратились в иглы. Они впивались в кожу, входили в плоть и проникали в самую кровь.

Почти не больно. Дэйн привык к боли. Но было в этом что-то неправильное. Что-то чужеродное. Будто все это — не часть запланированного ритуала, а нечто, вышедшее из-под контроля.

Некромант попытался понять, в чем дело, но безуспешно. Он бросил взгляд на друида, который внезапно побелел как полотно. Нет, маг жизни тут не поможет. С таким количеством Тьмы вокруг Даллар должен был чувствовать себя, как кот в мешке, которого бросили в воду.

Но как ни странно, чем больше становилось вокруг темного волшебства, тем легче было дышать. И в какой-то момент все прекратилось. Исчезло давящее ощущение в груди, плоть перестали терзать темные клинки.

Ритуал завершился.

Ректор ЦИАНИДа хлопнул в ладоши, прогоняя дым.

— Дэйн? — тихо бросил друид, устало усаживаясь в кресло.

Некромант перевел взгляд на друга и нахмурился. Несомненно, тот не заметил и половины всего того, что произошло минуту назад.

В то же время сам глава Мертвой академии ощущал себя как нельзя лучше. Он поднял взгляд на свою ладонь и не поверил глазам. Глубокий шрам, который еще не успел до конца зажить с прошлого посещения Сумерек, полностью исчез. На другой ладони — тоже.

Руки чувствовали каждое прикосновение. А плоть словно стала еще лучше воспринимать темную магию. Дэйну казалось, что его силы, как некроманта, возросли в десятки раз. Хотелось встряхнуть ладонями и небрежным движением поднять поле высших мертвецов.

— Ты изменился, — вдруг сказал Даллар, тихо усмехнувшись и устремив усталый взгляд в пол.

— Правда? — уточнил Дэйн, ожидая, что друг сейчас скажет о том, как хорошо подействовал ритуал.

Но друид удивил его:

— Правда. Стал больше улыбаться...

Некромант перевел взгляд в зеркало, висевшее напротив, и с удивлением заметил: уголки бледных губ и правда приподняты.

Дэйн встряхнул головой, понимая, что в этот момент снова думал о Лариане Ирис. О том, как сказал бы ей, что все закончилось. Что проклятия больше нет. А потом... было бы будущее, полное ее улыбок и сбывающихся желаний.

— Я не заметил, — тихо проговорил некромант, продолжая изучать собственные ощущения.

С первого взгляда казалось, будто он излечился. Но сердце упрямо стучало в груди, подсказывая: «Это не так». Что-то настораживало его, но он никак не мог понять что.

А в следующий момент стало совершенно не до этого. Где-то высоко наверху раздались оглушающие крики. Они просачивались сквозь толстый земляной слой, проникая в самые уши, в самое сердце. И оба ректора поняли — на играх Превосходства случилось что-то ужасное.

Поле для боя встретило глав академий нестройным шумом. Но вовсе не тем, который должен был бы возвещать о напряженном соперничестве или интересном повороте соревнований. Напротив, это был зловещий тягучий гул.

И чем ближе Дэйн подходил к игрокам, замершим затравленной кучкой, тем хуже становилось его предчувствие.

Но всему полю была разлита Тьма. Тяжелый полог смерти висел в воздухе, словно флаг. И с каждым мгновением Дэйн с все возрастающим

ужасом понимал, что эманации этой Тьмы ему прекрасно знакомы. Он чувствовал их много лет назад. В тот день, когда они проходили через его собственное тело, навсегда оставляя в нем отпечаток проклятия. В тот день, когда он читал заклятие иссушения Тиамант, впитывая в себя всю ее проклятую, еще не до конца возродившуюся силу.

Такова была цена за изгнание богини. И когда-то некромант еще считал, что ему повезло. Все остальные члены группы зачистки погибли, положив свои жизни на алтарь изгнания. Только Даллар остался цел и невредим. И то лишь потому, что его частью ритуала была магия друидов. А она не требовала жертв.

Тогда в узком, затхлом помещении пахло тленом. Точно так же, как сейчас пахло здесь.

Но почему? Откуда на поле для игр следы темного колдовства? Неужели кто-то попытался вызвать дочь отца Тьмы в верхний мир? Снова? И почему это произошло именно на играх?

Но ошибки быть не могло. Здесь пахло ее силой. Силой Тиамант.

Уверенным шагом Дэйн приблизился к кучке магиан, сбившихся в круг, и произнес:

— Что произошло?

Леонар поднял голову, отходя в сторону и пропуская ректора. Никто не стал отвечать на этот вопрос.

Краем глаза Дэйн уловил сбоку бледное лицо Ларианы, глядящей на него своими большими испуганными сапфирами, под которыми залегли темные круги. И успокоился. Главное, что с ней все было в порядке.

А на земле лежала Эмилия. Единственная дочь маркиза Валенсиана. И она абсолютно точно была мертва.

Когда-то светлая кожа с легким персиковым оттенком посерела и сморщилась. Глаза ввалились, а рот оказался открыт в немом крике. При этом ее тело заостенело, и создавалось впечатление, что девушка умерла совсем не сегодня, а труп много месяцев высушивали на солнце.

Где-то слева всхлипнула Лариана. Дэйн закрыл глаза, сжимая челюсти.

Так не должно быть. Это неправильно. Эмилия была не просто убита. Она была убита так, как убивают лишь создания Сумерек.

Справа раздался тяжелый вздох.

Ректор поднял голову и увидел Нимаэль Моранен. Бывшую магиану ЦИАНИДАа, которая теперь успешно училась в ХАМе. На руках у девушки лежал маленький окровавленный семирог. Она нервно гладила его, изредка прижимая к телу, и в глазах ее сквозил нервный ужас.

— Быстро к лекарю, — бросил Даллар, очевидно тоже заметив

раненого бойца.

Леонар поднял руку, словно хотел что-то сказать, но слова застыли у него в горле. Он сжал челюсти и промолчал.

— Отойти от магианы, — скомандовал Дэйн, чувствуя, как холодеет все в груди. — Команда друидов — к Даллару, команда Мертвой академии — в мой кабинет.

В следующее мгновение некромант щелкнул пальцами и провел кистью над высушенным телом несчастной погибшей.

Из мужской ладони повалил густой мрак. Он быстро обволакивал Эмилию, скрывая ее от чужих взглядов. А когда перед изумленными командами осталось лишь одно черное облако, оно вдруг резко схлопнулось, будто всасываясь само в себя, и исчезло.

— Господин Люциан? — ахнул Ксавиан Зантарен, указывая пальцем прямо перед собой. — Это что сейчас было? Портал Тьмы? Без применения артефакта?

Дэйн бросил взгляд на худощавого профессора, словно только что его заметил. Собственно, так оно и было.

Но объяснять молодому преподавателю ничего не хотелось. Ректор и сам смутно представлял, почему ему вдруг стала подвластна магия такого уровня. Но он будто собственной кровью ощущал, как циркулирует в нем сила. Как легко теперь произнести любое, даже самое сложное заклинание. Так, словно он находится в Сумерках, и вокруг — изначальная Тьма.

Это настораживало. Возможно, даже пугало его самого. Но не так сильно, как то, что произошло на играх Превосходства.

— Господин Зантарен, — произнес Дэйн вместо ответа, — будьте добры, сделайте так, чтобы магиане, что явились посмотреть игру, спокойно разошлись по своим делам. Без шума и публичных истерик.

И, несмотря на вполне культурное обращение, это была вовсе не просьба.

— А вы — в мой кабинет живо! — рявкнул ректор и активировал собственный портал, вновь не касаясь порталного кольца.

Уже через мгновение он стоял в темноте промозглого склепа. Старая усыпальница когда-то была частью ЦИАНИДа. Ее построили вместе с академией, как было принято возводить замки в те времена. Несколько сотен лет назад.

Сейчас, ясное дело, это место являлось лишь напоминанием о прошлом. Хоронить тут, хвала богам, было некого. Только старые, почти истлевшие кости в закрытых стенных нишах, оставшиеся с незапамятных времен.

И вот настал день, когда в стенах академии погибла магиана. Невиданное доселе происшествие.

Дэйн подошел к иссушенному телу, покоящемуся на каменном возвышении, и провел над ним рукой.

Светлые, похожие на паутину волосы девушки слегка всколыхнулись, будто от ветра. Дэйн глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Перед мысленным взором предстала черная паучья сеть. Она была едва заметна. Но сейчас определить становление нового умертвия для высшего некроманта не было проблемой. А Эмилия Валенсиан определенно готовилась превратиться в нежить.

Мужская рука двинулась чуть ниже головы, замерев над солнечным сплетением. И за закрытыми веками Дэйн увидел на сухом почерневшем сердце две точки. Словно от клыков.

Он со злостью сжал кулак, а другой рукой накрыл собственное лицо.

Это было ужасно. На территории лучшего учебного заведения империи нечто буквально высосало из магианы жизнь. Вместе со всей жидкостью. И вдобавок оставило на теле отпечаток Тьмы, создав хаотичную, случайную нежить.

Могла ли это быть сама Тиамант? Могла ли проклятая богиня вновь возродиться?

Дэйн не знал. Он боялся давать ответ на этот вопрос. Но то, что он видел сейчас перед собой, выглядело точно так же, как жертвы обезумевшей Эделины Штормарен, узнавшей, что она и есть — дочь отца Тьмы.

Еще некоторое время провозившись с трупом, Дэйн снова глубоко вздохнул, отступая. Теперь он был уверен, что благодаря его усилиям сеть мрака с Эмилии исчезла и она никогда не восстанет под светом луны. Это все, что он мог сделать. Маркиз Валенсиан и так будет в ярости, что его дочь мертва. Если бы он узнал, что она еще превратилась в какого-нибудь упыря или стрыгу, вообще бы сошел с ума от горя.

Впрочем, это и сейчас возможно. Но тут уж Дэйн ничем не мог ему помочь. Даже учитывая собственные возросшие способности.

Пора было возвращаться в академию. Нужно еще проверить, снялось ли после ритуала его проклятие. Или же просто они с друидом в очередной раз оттянули неизбежное.

Может, теперь с возросшими силами ему самому удастся изгнать мрак из собственного тела, раз даже портал Тьмы стал получаться без всяких артефактов. А ведь до сих пор в среде некромантов это считалось невозможным.

Ректор слегка повел пальцами, снова без всякого труда открывая пространственный переход в кабинет академии.

Команда наверняка уже давно ждала его. И Лариана...

Дэйн до скрипа сжал зубы, всего на миг представив, что на месте Эмилии могла быть она. Его принцесса. И это случилось бы по его вине. Ведь это он не досмотрел. Не проконтролировал ход игры. Это он заставил первокурсницу участвовать. Но хвала Тьме, Лариана жива.

Портал захлопнулся за широкой спиной высшего некроманта, выпуская его в собственный кабинет. И первый же взгляд Дэйна упал на худенькую девушку, сидевшую на диване рядом с принцем и демонологом. Парни подняли головы, ощутив его появление, а Лариана так и продолжала смотреть в пол. Даже не заметила его...

— Вам придется в деталях мне все рассказать, — хмуро бросил Дэйн, подходя к своему столу. Сложил руки на груди и...

Она подняла заплаканные фиалковые глаза, заставив его сердце болезненно сжаться, а напряженную складку на лбу — распрямиться.

Так хотелось обнять ее, сказать, что все закончилось. Но так ли это? Ведь на самом деле все явно только начинается.

— Как это произошло? — повторил Дэйн свой вопрос, и Ивейн с Ларианой синхронно повернули головы к принцу.

Леонар слегка подался вперед. На его лице мелькнула гримаса боли.

И начался рассказ.

Первая часть боя ничем не отличалась от нормальной игры. Все шло по правилам и по плану. Все указывало на то, что команда Мертвой академии должна выиграть быстро и блестяще.

Однако в какой-то момент все изменилось.

— Неожиданно дышать на поле стало тяжело, — продолжал молодой некромант. — Словно кто-то из наших бросил слишком сильное заклятие, и оно зацепило меня. Я не обратил внимания, сначала решив, что так оно и есть. Что это часть боя. А потому специально усилил натиск зомби. Мне оставалось окружить единорога кругом мертвецов и послать одного из них вперед. Тот перешел бы все сектора поля, и мы бы победили.

В этот момент Леонар закрыл глаза и поджал губы.

— Я уже почувствовал победу, как мне под ноги что-то попало. Я упал на колени, на миг потеряв управление над мертвецами. Подумал, что это была какая-то крыса. И со злости ударил ее сумеречным огнем. А это оказался семирог Нимаэль Морален.

Принц тяжело вздохнул.

Ректор стиснул кулаки, чтобы не сорваться.

Да, Леонар Альвис нарушил правила игры. Напрямую напал и ранил бойца чужой команды. Но Тьма его побери, Дэйна сейчас волновало совсем другое!

Хвала Сумеркам, у этого остолопа хватило мозгов продолжить:

— Когда я понял, что ошибся, начал искать взглядом Нимаэль. Оказалось, что они вместе с Ларианой... — В этот момент принц вдруг резко повернул голову к девушке и едва заметно нахмурился.

Она, в свою очередь, кусая губы, опустила взгляд в пол.

Люциан никак не мог понять, что происходит, но ему это уже не нравилось.

— Что «они с Ларианой»? — переспросила он, едва сдерживая рычание.

Через мгновение Леонар продолжил как ни в чем не бывало:

— ...стоят в стороне, отряхивая форму от комьев земли. Оказывается, перед этим они столкнулись и упали. И потому совершенно не замечали, что неподалеку от них Эмилия уже погибла.

Ректор прищурился, пытаясь поймать взгляд девушки, но бесполезно. Молодая некромантка смотрела куда угодно, но не на него.

— Так никто не видел, как она погибла? — переспросил он.

И все трое магиан разом умолкли. Воздух, казалось, трещал от холодного чувства безысходности, повисшего вокруг.

— Я видел, — в гробовой тишине раздался голос Ивейна.

Демонолог, не обращая никакого внимания на главу академии, достал из нагрудного кармана флягу и быстро глотнул из нее, слегка сморщившись.

Дэйн сжал челюсти, но ничего не сказал. На самом деле он прекрасно понимал чувства парня, хотя и не собирался его жалеть. Когда закончилось детство будущего высшего некроманта и главы ЦИАНИДа, ему было куда меньше лет, чем сейчас Ивейну.

— Я видел облако мрака, — начал магиан четвертого курса. — Словно вся Тьма над полем собралась в одну точку, а затем превратилась в копье. Или стрелу. И эта стрела с невероятной скоростью вонзилась в тело Эмилии. Девушка погибла мгновенно. Из нее словно высосали все соки. Щеки втянулись, кожа облепила череп, рот открылся... А губы исчезли, выставляя этот... оскал.

— Да, результат мы все видели, — бросил Дэйн, раздраженно махнув рукой. — Но, может, было что-то еще? Что-то необычное?

Герцогский сынок поднял голову, и впервые во взгляде этого вечно безразличного, язвительного и жестокого дворянчика мелькнул страх.

— Я видел в облаке Тьмы глаза. Полные голода и ненависти. Всего на несколько секунд. Потом они исчезли.

Ректор тяжело вздохнул. Пока картина вырисовывалась самая что ни на есть плохая.

— Ладно. Я все понял. Альвис, за нарушение правил и нападение на бойца Живой академии вы будете серьезно наказаны. О своем решении я сообщу вам позже. Про то, что случилось на поле, распространяться запрещено. Надеюсь, вам ясно. А теперь все свободны, — бросил он, отворачиваясь от них.

Стоило обдумать случившееся. Еще раз обследовать поле боя. Предстоял долгий разговор с маркизом Валенсианом, а потом отчет перед императором. От этого всего начинала жутко болеть голова. А ведь это лишь самые меньшие из его проблем.

За спиной раздался скрип двери. Оба магиана уже ушли, и краем глаз Дэйн заметил, что только Лариана осталась стоять в проходе, молчаливо глядя на него синевой своих грустных глаз.

— Иди, Лариана, — тихо сказал он, стараясь не смотреть в ее темные радужки. — Мы увидимся с тобой немного позже. Сейчас все слишком сложно...

Она кивнула и тенью выскользнула из кабинета. После ее ухода на душе стало тяжело.

Но Дэйн знал, что другого варианта нет. Он должен понять, что происходит. И начать следовало с самого себя.

Он сел в свое кресло и закрыл глаза, обращаясь к источнику магии в груди. Его анарель двигался по спирали, напоминая огромное озеро глянцевого Тьмы. Анарель высшего некроманта. Но было ли в нем что-нибудь странное?

На первый взгляд — нет.

Тогда, глубоко вздохнув, погружаясь в состояние полного спокойствия, Люциан начал собственный ритуал. Он выискивал в своих венах и костях едва заметные следы сумеречной паутины, которые говорили бы о том, что проклятие до сих пор действует.

Он старался не обращать внимания на то, как напряженно бьется сердце. Как неосознанно сжимаются кулаки, когда, осматривая себя сантиметр за сантиметром, ничего не находил. Это рождало в душе слишком болезненное чувство надежды.

Сначала казалось, что все получилось. Что тело после ритуала очистилось от скверны. Но довольно скоро стало ясно, что это не так.

Он резко выдохнул, словно весь воздух вышибло из легких чьим-то

жестким ударом.

Тьма никуда не делась. Она просто спряталась на время.

Дэйн стиснул зубы, стараясь не потерять хрупкий огонек веры. Не впадать в отчаяние раньше времени. Ведь у него все еще есть шанс, верно?

После ритуала с Далларом его кровь стала еще более чувствительна к некромантии. Возможно, это временный эффект, поэтому воспользоваться им следовало как можно скорее.

Существует методика уничтожения плетения Тьмы в зарождающемся умертвии. Она требует очень много сил и, как правило, способна нанести физический вред объекту. Обычно это никого не волнует, ведь объект и так уже мертв.

Но не в его, Дэйна, случае.

Он снова закрыл глаза и предпринял очередную попытку изгнать из себя ростки проклятия.

Время текло час за часом медленно, но неотвратно. И когда за окном уже опускался закат, ректор наконец открыл глаза. В серых радужках застыл привычный холод, смешанный с безразличием.

Медленно он поднялся и подошел к окну, распахнув пошире тяжелые шторы. Оранжево-красное солнце садилось за горизонт, раскрашивая идеально ухоженную территорию академии в багрово-алые тона.

Ректор Мертвой академии не любил закаты, не считал их красивыми. В отличие от восходов. Вот и сейчас ему казалось, что небо кто-то разрезал на две части и из крупной раны на землю течет кровь.

Но, скорее всего, так кровоточило его собственное сердце.

Все было бесполезно. Даже с возросшей магией, со способностями, далеко превосходящими любого высшего некроманта, он не мог излечить себя. Не мог остановить превращение тела в нежить, не уничтожив себя. Как оказалось, ритуал Даллара лишь отсрочил неизбежное.

А это означало только одно.

— Ну что, Дэйн, — тихо проговорил мужчина в пустоту, — похоже, ты скоро узнаешь, красив ли закат, по мнению мертвеца... Потому что надежды больше нет.

Глава 19

ПРОКЛЯТЫЕ ЗАПИСКИ, ИЛИ ДНЕВНИК МОЛОДОЙ НЕКРОМАНТКИ

Мне было слишком тяжело, чтобы даже просто говорить. Я молча дошла до своей комнаты, легла в постель и укрылась одеялом. Леонар пытался что-то спрашивать у меня, когда мы встретились в нашем блоке, но, увидев мое состояние, быстро бросил эту затею, наконец оставив меня одну.

Лишь один вопрос повис в воздухе, звеня, как колокол:

— Почему ты запретила мне говорить ректору о том, что вы с Нимаэль теряли сознание? — допытывался принц.

Но я и сама не могла толком ответить.

Просто что-то внутри подсказывало не усложнять эту и так невероятно тяжелую ситуацию.

Эмилия мертва. Что может быть хуже этого? Девушка, которая еще несколько часов назад шутила и улыбалась, теперь превратилась в высушенную куклу со страшным мертвым оскалом.

И никто не мог понять, почему это произошло.

С Нимаэль Моранен мы столкнулись в коридоре академии, где за дверью одного из кабинетов ее команда отчитывалась перед господином Далларом, ректором ХАМа. Там же мы и договорились, что не будем упоминать момент нашего странного совместного обморока. Она, кстати, оказалась очень милой девушкой. Даже несмотря на ее очевидную дворянскую кровь, я не почувствовала в ней привычного высокомерия. Это удивило и как-то незаметно расположило меня к ней.

Жаль, что момент нашего знакомства оказался столь печальным.

Весь оставшийся день я пролежала в постели, изредка проваливаясь в беспокойный сон. А на следующее утро, которое наступило как-то неожиданно быстро, в мою дверь постучал принц.

— Лариана, ты спишь? — раздался голос из-за лакированного дерева.

— Нет, уже встаю, — бросила я в ответ, на ходу натягивая банный халат. Он предоставлялся вместе с формой, как и полотенца, тапочки, шампуни и куча прочих мелочей, без которых мне было бы сложно прожить при отсутствии денег.

В следующий момент дверь открылась, являя моему заспанному

взгляду безупречную фигуру наследника престола.

Он был уже одет и теперь красовался в новом дорогом костюме из ткани, о которой я имела мало представления. Поверх камзола располагался тугой ремень с пряжкой белого золота, что визуально увеличивал и так широкие грудь и плечи. На академическую форму тут не было и намека.

Но Леонар же принц, а принцам все можно.

— Доброе утро, — хрипло проговорила я, никак не приходя в себя после сна. — Ты что в такую рань?

— Куколка, так уже полдень, — улыбнулся он, но в улыбке проскочила нотка грусти. — Ты не пошла на лекции?

— Лекции? — Мои глаза широко округлились. Я не помнила, когда вообще последний раз вставала позже шести утра, а тут... — А, ну и пусть, — в конце концов махнула рукой. Идти куда-либо действительно не хотелось. Настроение так и не улучшилось. Да и могло ли, учитывая то, что случилось?

— Лариана, — немного тише позвал принц, — я знаю, что все мы пережили вчера тяжелый день и впереди еще предстоит месяц траура. Но у меня нет другого шанса попросить тебя об одолжении, кроме как сегодня. Люциан до конца года отчисляет меня из академии, переводя окончательно в ХАМ. Такое у него, видишь ли, наказание за то, что я нарушил правила игр.

Я нахмурилась, пытаюсь вникнуть в то, что говорил Леонар.

— А как же ты будешь учиться? Чему тебя могут научить друиды, у них же совсем другая магия? Твой анарель, он же некромантский!

Я никак не могла понять такого жестокого решения. Тем более учитывая, что Леонар напал на животное Нимаэль случайно. И это я уже после боя узнала, что у девушки в бойцах оказался некий «семирог». Сильное, наделенное магией и разумом животное. А там, на поле, я тоже думала, что это белка или крыса. Впрочем, мои предположения все равно оказались недалеко от действительности. Ведь семироги становятся опасны только после половой зрелости. А уж никак не через пару недель после рождения, как это и было со зверем Нимаэль.

— Это ужасно, — бросила я возмущенно. — Почему Дэ... Люциан с тобой так поступил? Ты же принц, откажись, и все!

Леонар усмехнулся и упал в кресло, легкомысленно положив ногу на ногу. Зеленые глаза знакомо сверкнули, повеселев.

— Лариана, твое беспокойство невероятно льстит моему самолюбию. Но, поверь, то, что Люциан называет наказанием, для меня — очередное развлечение.

— А как же потерянный год? — не понимала я. — Или ты потом опять поступишь сюда на третий курс? Второй раз?

— Вот еще, — скривился Леонар. — Ты кое-чего не знаешь об императорской крови, Лар. Да это и не важно. Просто знай, что я ничего не теряю, вот и все. Кроме того, разве хоть кто-нибудь в ЦИАНИДе способен поднять одиннадцать мертвецов зараз? Да даже половину! Я и через год останусь самым сильным некромантом академии.

Самоуверенность принца просто зашкаливала. Но, похоже, у него на то был реальный повод. Он и впрямь был сильнейшим магом своего потока.

— Только я пришел вовсе не за тем, чтоб тебе об этом рассказывать, — вдруг махнул рукой он. — Ты меня совсем сбила. Но такой обворожительной красавице это вполне позволительно.

Привычная, немного вызывающая улыбка сверкнула от уха до уха.

Я покраснела, представляя, как выгляжу после сна: взлохмаченная, припухшая, со следами подушки на лице...

Красавица, одним словом.

Покраснела еще сильнее.

— Спасибо за комплимент, ваше высочество, — проямлила я, подбирая слова, чтобы смутить его в ответ. — Но, боюсь, скромная пастушка не стоит вашего императорского внимания!

— Лариана, ты совсем не умеешь принимать комплименты, — констатировал принц, покачав головой. — В общем, у меня к тебе просьба. Надеюсь, ты не откажешь и не разобьешь мне сердце. Через месяц, когда кончится траур по Эмилии, во дворце будет бал-маскарад. Он очень важен для меня, и мне хотелось бы иметь рядом человека, с которым можно общаться о чем-нибудь другом, кроме фасонов платьев, узких корсетов или новом памфлете какого-нибудь менестреля. Ты меня понимаешь?

Да, я определенно понимала. Наверно, от этого мои глаза и становились все шире и шире с каждым словом принца.

— Крестьянка на императорском балу? Вы в своем уме, ваше высочество? — сдавленно охнула я, представляя этот позор.

Леонар усмехнулся:

— Твоя непосредственность бесценна. Вот поэтому мне и нужна ты. Поверь, хватит лишь одного твоего согласия. Остальное я устрою.

— Но... — проямлила я, придумывая все новые и новые поводы для отказа. Кажется, у меня их были тысячи.

— Вот кошелек с золотом. — Принц не дал мне сказать и слова, бросив увесистый мешочек на трюмо. — Там достаточно средств, чтобы купить любое готовое платье или сшить новое. На рубиновое колье, боюсь,

не хватит, но парочку золотых побрякушек приобрести сможешь. И не забудь маску!

— Ты пытаешься меня купить? — На этот раз мне даже стало немного дурно, и покраснела я вовсе не от скромности.

Леонар тяжело вздохнул:

— Как с вами, женщинами, тяжело... Лариана, я хочу, чтоб ты приняла мое приглашение. Сходила на бал, покрутилась там немного, развеяла мою скуку. А потом вернулась к себе. Все. И я пытаюсь предоставить тебе для этого все возможности. Согласись, было бы глупо с моей стороны рассчитывать, что ты согласишься, не имея средств купить себе даже шарф? А в академической форме тебя во дворец не пустят, увы, куколка. Поэтому вот деньги. Прибери то, что нужно, а после бала, если захочешь, можешь вернуть мне все это вместе с платьем.

Принц снова тяжело вздохнул, внезапно посмотрев на меня с какой-то затаенной усталостью.

Может, ему и впрямь был нужен друг рядом? Но мне совершенно не хотелось ради этого позориться своим дурным воспитанием в среде знати.

Но вдруг в голове мелькнула мысль. Словно обжигающая вспышка. Идея.

Я резко перевела на принца взгляд, блеснувший энтузиазмом. Он приподнял брови, тут же уловив смену моего настроения.

— Я, пожалуй, могла бы согласиться... Если бы ты тоже сделал для меня одолжение.

Леонар улыбнулся. Сверкнула в ухе изумрудная сережка в цвет его глаз.

— Вот это другой разговор. Так чего вы желаете, леди?

Я напряглась, глядя прямо в ярко-зеленые, чуть насмешливые глаза. Принц еще не знает, о чем я собираюсь его просить. А я и сама не понимала, как смогу сделать это.

— Так чего ты хочешь, куколка?

Я слегка скривилась от этого обращения, которое явно никак не вытравить из лексикона принца. А потом медленно начала говорить:

— Знаешь, моей подготовкой к играм стали не только тренировки с ректором, но еще и долгие просиживания за книгами. Последние три недели я была частым гостем в библиотеке нашей академии. И в какой-то момент мне на глаза попала информация о проклятых культах.

Я говорила осторожно, тщательно подбирая слова. Но взгляд наследника мгновенно стал серьезным.

— Так вот, там вскользь упоминалось, что разного рода культисты во

все времена проводили запрещенные в Туманной империи опыты. И приверженцы культа Тиамант преуспели в этом больше других. Однако более подробной информации я найти, само собой, не смогла. И более того, я уверена, что в нашей библиотеке ее нет.

Принц не сводил с меня слегка помрачневшего взгляда.

— И какого же рода ритуал тебя интересует? — наконец спросил он, чувствуя, что я не решаюсь говорить дальше.

Я выдержала небольшую паузу, которая помогла мне собраться с силами для ответа.

— Контролируемое создание нежити из живого человека.

Судя по тому, что я читала, подобный ритуал грозил исполнителю смертью. А чем мог грозить интерес к нему, оставалось только догадываться.

— Лариана, — медленно и с прищуром протянул некромант, — ты понимаешь, что я не имею права отвечать на твой вопрос? Более того, я — наследный принц, а не темный жрец. И о подобных ритуалах мне ничего не известно.

Я глубоко вздохнула. Волна разочарования захлестнула меня.

— Что ж... попробовать стоило, — пожала плечами я. А Леонар не сводил с меня все такого же внимательного взгляда.

— Я могу помочь тебе, — вдруг проговорил он. — И даже не стану спрашивать, зачем первокурснице такая информация. Но не забывай, что у нас с тобой будет двусторонний договор.

— Ты сможешь мне помочь? — не поверила я, подавшись немного вперед.

— Ты приходишь на бал и проводишь там столько времени, сколько потребуется, — медленно повторил принц с чрезвычайной серьезностью.

— Да за такой подарок я с тобой даже станцую! — усмехнулась я и тут же прикусила губу.

Леонар мгновенно среагировал:

— Поймал на слове.

— Стой, я же не умею! — попыталась исправиться, но, похоже, было уже поздно.

На лице Леонара сияла такая победная улыбка, что я еще сильнее пожалела о поспешном согласии. Создавалось впечатление, что чего-то я об этом бале явно не знаю.

Он расправил плечи и поднял правую руку, на которой рядом с кольцом из белого золота, что служило ключом в комнаты общежития, сверкало еще одно. Немного меньше, с кроваво-алым рубином в форме

капли.

— Жди меня здесь, куколка. Я ненадолго, — бросил он и слегка провернул украшение вокруг пальца.

В тот же миг комната наполнилась густым черным дымом, полностью скрывая наследника престола. Затем мрачное облако знакомым образом схлопнулось, будто всасываясь само в себя, и принц исчез.

Я только и успела открыть рот от удивления, как в комнате уже никого не оказалось.

До попадания в академию я вообще не знала о существовании порталов, а вот теперь видела их почти каждый день. Впрочем, от этого они не стали для меня меньшей диковинкой.

Леонара не было довольно долго. Я уже успела полностью привести себя в порядок. Переодеться, заплести волосы в тугую косу от самой макушки и даже прочитать пару параграфов по истории некромантии.

И вот наконец раздался знакомый звук открываемого портала, кожи коснулась сумеречная магия. Я резко повернула голову и встретила взглядом с принцем.

Прошло не меньше двух часов, и Леонар выглядел довольно взволнованно. В руках его красовался небольшой томик, отделанный серебром и красным шелком. На фолиант черной магии это совершенно не походило. Но взгляд принца был слишком серьезен, чтобы заподозрить во всем этом шутку.

— Ты нашел? — спросила я, подбегая к нему.

— Я держу обещания, Лариана. И от тебя жду того же самого, — ответил он, протягивая мне книгу. — Это экземпляр из императорской библиотеки. Первое и единственное издание дневника Эделины Штормарен. Если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Эделины... Штормарен? — не поверила я своим ушам.

Пальцы дрогнули, чуть не выронив бесценный том.

— Да. Он датируется годами, когда она еще не знала о своей истинной природе, но в ее крови уже была Тьма. Ее тянуло на запрещенные и жестокие ритуалы, каждый из которых она описывала здесь. Их не так много, однако среди них есть тот, который тебя интересует. И я думаю, это единственная книга, в которой можно найти описание всего процесса целиком.

Теперь мои пальцы сжались на мягкой обложке с утроенной силой.

— Спасибо, Леонар, — проговорила я, подавив желание подбежать и обнять его.

— Так ты не скажешь, зачем... — начал было он, а потом махнул

рукой. — Впрочем, мне лучше не знать. Иначе придется не на бал тебя звать, а в темницу. Будь осторожна, Лариана. Если кто-то найдет у тебя эту книгу, нам обоим несдобровать.

Я кивнула, осознавая всю серьезность момента. Однако Леонар неожиданно вяло улыбнулся, добавив:

— Но я-то принц, мне не страшно. Так что подумай о себе.

Потом развернулся и снова поднял руку с кольцом.

— Теперь прощай, куколка. Увидимся ровно через месяц. А меня ждет Живая академия, грифоний навоз и самый скучный ректор в мире.

Дождавшись, пока я улыбнусь ему на прощанье, принц впервые изящно поклонился, словно мы оба уже были на балу, и исчез в клубах мрака.

А я осталась наедине с маленькой неприметной книжкой, которая на поверку оказалась одним из самых страшных томов по черной магии. С дневником самой Тиамант.

Руки немного подрагивали, когда я открыла первую страницу. На слегка пожелтевших, но вполне крепких листах качественной дорогой бумаги я увидела буквы, выведенные почти каллиграфическим почерком. Аккуратные завитки плавно начинались и резко заканчивались, словно та, что водила пером, отличалась аккуратностью, внимательностью, но довольно ограниченным терпением.

Изучение книги заняло весь остаток дня и половину ночи. Тут было что почитать, несмотря на ограниченный объем. Судя по тексту, Эделина Штормарен сначала была обычной некроманткой, увлекшейся темными ритуалами. Хотя, наверное, кое-что все же отличало ее от любого другого колдуна: все заклятия получались у нее с первого раза. Об этом она не уставала писать почти на каждой странице, радуясь собственным успехам. Я бы тоже, наверно, прониклась ее воодушевлением, если бы смысл половины описанной магии не сводился к кровавым жертвоприношениям.

Например, на первых же страницах Эделина экспериментировала с напитками, измененными сумеречной материей. Девушка нашла уникальный способ отравить любую жидкость так, чтобы на вкус, цвет и запах она осталась абсолютно прежней. Но, например, выпив чай, приготовленный по такому рецепту, можно было почти мгновенно отправиться к праотцам. И не нужно никаких хитрых настоек, выжимок из ядовитых лягушек и прочих редкостей.

Собственные успехи некромантка проверяла на случайных гостях. Когда к ней заходила цветочница, предлагая купить букет коньячных роз, или бедная продавщица яблок, надеющаяся чуть подзаработать.

Еще из дневника я узнала, что с помощью темной магии можно было заставить человека делать то, чего он вовсе не хочет. То есть повлиять на его волю. Управлять им, как тряпичной куклой. Это казалось невероятным, страшным. Но, похоже, Эделина и здесь добилась успеха. Правда, конкретно этот ритуал был уже гораздо сложнее первого. Я побаивалась вникать в такие опасные материи, было страшно даже просто читать. Но глаза сами пробежали строки в поисках нужной информации, и игнорировать остальное не удавалось. Так вот для того, чтобы подчинить кого-то, необходимо было долго опаивать его собственной кровью с отварами нескольких особо редких трав. А потом при полном отсутствии луны бросить пучок его волос в какое-то Сажистое озеро в сумеречном мире. Не так просто, как кажется. Но и здесь приводился список «случайных жертв» будущей богини с описанием удачных экспериментов.

Следующие страницы я с опаской пробежала глазами, все же стараясь не вникать в подробности. Что именно я искала? Конечно же лишь одно: существует ли способ помочь Дэйну. В его слова о том, что все в порядке, я не поверила ни на мгновение. Безусловно, хрупкая надежда на то, что на самом деле с ним все хорошо, еще оставалась. Но сны, которые преследовали меня несколько ночей подряд, а теперь еще это странное происшествие на играх окончательно выбили из колеи. Я чувствовала, что происходит что-то ненормальное, опасное. И это чувство становилось все сильнее, стоило вспомнить странного друида, окутанного тьмой Дэйна, с кровавыми глазами нежити и Эмилию, превратившуюся в мумию.

Могло ли это все быть совпадением? Плодом моей больной фантазии? Если первые два пункта — еще куда ни шло, то последний — точно нет. А значит, эти события как-то связаны. И распутывать клубок я начну с самого важного для меня — проклятия ректора академии.

Пролистав дневник Тиамант примерно до середины, к полуночи мне удалось наконец обнаружить ритуал под необычным названием «живая нежить». Сначала, читая по диагонали, я не придавала ему особого значения, пока не поняла, что это именно то, что нужно.

Аккуратные завитки Эделины подробно описывали самый страшный эксперимент, который можно вообразить. Контролируемое создание мертвца из живого человека.

Его уникальность была в том, что таким образом можно было гарантированно получить именно тот тип нежити, который нужен некроманту. В природе трупы, отмеченные Тьмой, превращаются в мертвцы хаотично. Никто не знает, почему один человек после смерти может стать драугром, а другой становится гулем или удушцем. При этом

почему-то одни мертвецы заражаются Тьмой, а другие — нет, тоже не понятно.

В книге, которая лежала передо мной, молодая Тиамант нашла решение. Она закладывала в человека необходимые параметры будущей нежити еще до его смерти. А самое главное: некромантка подробно описывала последовательность слов, вызывающих темные мутации.

Дело в том, что в каждом учебнике, который только попадался мне в руки, многократно повторялось правило: любое заклинание можно повернуть вспять, используя обратную последовательность ключевых звеньев. Но ни в одной книге прежде не описывалось создание нежити из живого человека. А значит, поворачивать вспять было нечего. Никто, кроме Эделины Штормарен, никогда не проводил подобных ритуалов, следовательно, и обратного заклинания не существовало.

Но вот передо мной дневник, в котором черным по белому описан каждый этап этой магии. И от понимания, что я, как никогда прежде, близка к решению этой проблемы, у меня даже руки задрожали. Что мешает мне самой повернуть заклятие в обратном направлении, имея четкую последовательность самой темной богини?

Итак, в своем дневнике Тиамант сначала описывала все приготовления к ритуалу. Как правильно отравить тело Тьмой, какими ингредиентами нужно воспользоваться для закрепления результата. А вот в самом конце уже шли слова древнего языка, которые и были мне нужны. Да еще и с пометками, разделяющими заклинание на ключевые звенья.

«Лишение живого объекта воли».

«Активация сумеречного плетения».

«Связывание анарель объекта с конструкцией будущей нежити».

«Сохранение разума объекта после перерождения».

«Стабилизация внешности».

«Возвращение воли нежити».

Получалось шесть этапов, формирующих единое заклинание. Я еще раз перечитала каждый из них, вникая. Затем взяла чистый лист бумаги и переписала.

По всему выходило, что нужно читать звенья с конца по очереди, чтобы отменить действие исходного заклятия. Но получится ли это, если нежить создавалась не сознательно, а стихийно?

Я не знала. А значит, необходимо было проверить.

Долго размышлять не пришлось. Лунный свет из окна многозначительно падал на гладкую поверхность трюмо, в ящике которого спокойно спал хомяк Люциан-младший.

Последние дни он стал очень плох. У него почти не было сил, чтобы играть. Он редко бегал, когда я выпускала его размять лапки. Часто спал, не проявляя никакой активности. Сеть Тьмы на нем хоть больше и не двигалась, но никуда не исчезала. И, видимо, этого было достаточно, чтобы продолжать убивать организм животного.

Я осторожно достала грызуна из ящика и положила напротив зеркала. Люциан-младший словно бы и не заметил моих манипуляций. Перевернулся на бок и активнее засопел.

Бледная шерсть давно приобрела сильный сумеречный оттенок. Только глаз с красноватым блеском сейчас не было видно.

— Что ж, друг, надеюсь, это тебе поможет, — проговорила я, неуверенно расправляя листок с записями. — Если что, прости...

Погладила спящий комочек за ушком и, глубоко вздохнув, начала читать с конца все этапы заклѣтия Тиамант.

Слова полились сплошным густым потоком. Всколыхнулась Тьма в комнате, от страха сердце будто кто-то облепил влажными ладонями.

Это была другая Тьма. Совсем не та, что привычно отзывается на каждый мой призыв. Совсем не та, что послушно выполняет приказы.

Эта была голодной и своевольной. Она словно испытывала радость от того, что я обращаюсь к ней.

И ей абсолютно точно хотелось крови.

Как только слова заклѣтия стихли, я напряженно склонилась над хомяком, пытаюсь увидеть изменения. Магия все еще кружила по комнате, но теперь бездействовала.

Люциан-младший мирно спал, точно ничего не произошло. И так же мирно спала на нем паутина проклѣтия.

Заклѣтие не помогло.

Я сжала кулаки, со злым вздохом упав на стул рядом.

Почему не получилось? Почему?

Потрясла в воздухе листком с заветными словами, подавляя желание порвать его на мелкие кусочки. А затем снова посмотрела на хомяка.

В голове мелькнула мысль. Ведь не только Тьма слышит меня, но и я каким-то образом понимаю ее. Так, может, стоит просто дать ей то, что она хочет?

Еще раз расправила листок и положила перед собой. Достала из соседнего ящика маленькую иглу, которой подшивала платье, и проткнула указательный палец.

Было неприятно. Блестящая капля крови скупѣ набухла на подушечке. И Тьма в комнате в ту же секунду словно зашевелилась.

Я уверенно начала читать заклинание заново, и теперь все происходило иначе.

Теперь ко мне прислушивались.

А я старалась не сбиться: звено «возвращение воли», звено «стабилизация внешности», звено «сохранение разума»...

Сумеречная магия начала клубиться вокруг меня, будто пытаюсь слизнуть каплю. Но не приближаясь к грызуну.

Звено «связывания анарель»...

Тогда я осторожно нарисовала алую полосу на белой спине Люциана-младшего, продолжая читать с листа.

Звено «активация сумеречного плетения», звено «лишение воли»...

Все. Конец.

Тишина наполнила помещение, в котором за секунду до этого вся черная магия с громким хлопком впиталась в тело хомяка. Кровавая линия на хребте Люциана-младшего исчезла, оставляя лишь безупречно белую шерсть. Длинные клыки, торчащие из маленького рта, перестали светиться зеленоватым светом.

А потом животное открыло глаза. Нормальные черные глаза!

Я не могла поверить такому чуду. Малыш бросился ко мне на руки и весело облизал несколько пальцев, выпрашивая поесть. От такого счастья я высыпала ему в ящик половину мешочка зерна, что у меня был заготовлен на месяц, и сунула туда же три крупных морковки.

Хомяк от такого подарка еще сильнее засуетился, окончательно создавая впечатление абсолютно здорового существа.

И что радовало меня больше всего, сумеречное зрение тоже не улавливало на маленьком тельце ни одного очага Тьмы.

Неужели получилось? Сердце было готово выпрыгнуть из груди.

В окно всю ночь светила полная луна, и мне так и не удалось уснуть. Эмоции слишком сильно переполняли, заставляя кровь бурлить, а фантазию — рисовать картины радужного будущего. Как я спасу Дэйна, как исчезнут мои слишком реалистичные кошмары и как постепенно жизнь наладится.

Но, увы, уже утром хрустальный замок мечты начал рушиться, оставляя после себя острые, ранящие осколки.

Глава 20

МЕРТВЕЦ ДОЛГО ХРАНИТ ТАЙНУ

На этот раз я проснулась, едва забрезжил рассвет. Распахнула шторы пошире, наслаждаясь теплым янтарным светом, льющимся из окна, и спрыгнула с кровати. Не хотелось думать ни о чем плохом. Словно все, что было, осталось далеко позади, а на горизонте — только лучистое будущее.

Но стоило моим голым ступням коснуться гладкого пола, как я поняла: что-то не так.

По блестящему дорогому паркету были раскиданы опилки и зерна крупы. Я нахмурилась, пытаюсь понять, что произошло. Взгляд метался по комнате, рождая дурное предчувствие в груди, пока не наткнулся на ящик под трюмо. Тот самый, в котором жил Люциан-младший.

Сердце оборвалось.

Дорогое лакированное дерево было выворочено, как будто кто-то с нечеловеческой силой драл его стальными когтями. Опилки и ошметки краски валялись повсюду вместе с теми остатками еды, которые я вчера приготовила хомяку.

Самого грызуна нигде не было видно.

В висках отчаянно стучала кровь. Неужели с ним что-то случилось? Неужели я провела ритуал неправильно?

Этого я боялась больше всего.

И через несколько мгновений подозрения подтвердились. Под дорогим бархатным креслом шоколадного цвета были разбросаны куски обивки и поролона. Там же среди кучи мусора сидел белый, как смерть, хомяк и что-то грыз. Кроваво-алые глаза практически светились в предрассветном полумраке.

— Малыш?.. — позвала я тихо, мгновенно переключаясь на сумеречное зрение.

В горле пересохло. Прямо перед собой я видела сгусток Тьмы. Очень тонкое и филигранное плетение черных нитей вокруг тела зверька. Такие магические кружева поддерживают мертвую иррациональную жизнь нежити подобно металлическому каркасу.

А значит, случилось худшее: Люциан-младший все-таки скончался.

Но как это произошло? Почему? Ведь еще вчера на нем не просто не было следов проклятия, он выглядел живее всех живых! А теперь передо

мной маленькое умертвие. И если раньше я могла мечтать спасти его, то теперь надеяться не на что. Воскресить мертвеца невозможно.

— Люциан, иди ко мне, — позвала я, осторожно приближаясь.

Грызун поднял пугающий взгляд и замер на мгновение. Багряные радужки полыхнули, словно он пытался меня узнать или вспоминал что-то. А я не знала, стоит ли рассчитывать на это. Ведь разум нежити неконтролируемо изменяется после смерти.

Но уже через несколько секунд он знакомо фыркнул и неторопливо потрусил через всю комнату ко мне.

Страшно ли брать на руки нежить, пусть и очень слабую? Определенно — да. Но я не чувствовала в животном агрессии. Что-то в моей крови всегда могло ощущать «эмоции» Тьмы. Наверно, это наследство моей проклятой мамочки, жрицы Тиамант.

В любом случае сейчас я, как никогда прежде, понимала каждое желание грызуна. Будто слышала отголоски его мыслей. И он не собирался причинять мне вред, несмотря на то что был бы не против съесть чего-нибудь иного, а не мерзкого, сухого зерна. Чего-нибудь сочного, влажного и солоноватого...

Я передернула плечами, понимая, что это уже слишком. Невероятно много эмоций для первого контакта со старым другом. Руки осторожно поглаживали мягкую сумеречно-белую шерсть, а во рту скапливалась слюна от голода. И вовсе не моего голода.

Быстро одевшись и схватив по пути листик со вчерашними записями, я выбежала из комнаты. Мне нужно было поговорить с кем-то, кто понимает в некромантии чуть больше, чем первокурсница. И первым, кто пришел в голову, оказался, конечно, Дэйн. Сердце стремительно пропустило удар, когда я представила, что встречу с ним. Мы так редко виделись за прошедшие недели, а уж после этих ужасных игр и подавно.

Я бежала по лестницам, периодически теряя обувь и грозя распластаться прямо на черном блестящем камне ступеней, как вдруг резко остановилась перед самым выходом из общежития. Там, над большим столом привычно витал белесый призрак комендантши.

Почему я раньше не задумывалась над тем, как она стала призраком? Как сохранила все свои воспоминания и большую часть чувств? Ведь нежити это совершенно несвойственно. Но в Аделии Ром почти совсем не было агрессии, которая отличает всех высших мертвецов. Да, ее сумеречные глаза иногда вспыхивали опасной алой яростью, но никто из магиан академии не мог бы сказать, что хоть раз слышал от женщины даже одно дурное слово.

Вот и сейчас она мирно парила над документами. Ее длинное платье, застегнутое под самое горло, слегка развевалось, как на ветру, а взгляд спокойно блуждал по записям.

— Доброе утро, госпожа Ром, — проговорила я, замирая прямо напротив нее.

Аделия подняла голову и с удивлением взглянула на меня. В полумраке в глаза бросилась рваная рана на ее левой щеке.

С тех самых пор, как комендантша из вредности подселила меня к принцу, мы больше не разговаривали ни разу.

— Доброе утро, Лариана Ирис, — кивнула она, демонстрируя, что прекрасно помнит меня.

Полупрозрачные глаза призрака застыли, словно остекленев.

Мурашки пробежали по спине. Все же такое пристальное внимание мертвого существа было непривычно и не то чтобы очень приятно.

— Как у вас дела? — промямлила я, не зная, что вообще здесь делаю и о чем собираюсь разговаривать с ней.

Аделия пару раз моргнула, видимо, по привычке.

— Спасибо, магиана Ирис. Вполне неплохо для посмертия.

Снова холодок лизнул поясницу.

Я переступила с ноги на ногу, отчаянно кусая губы.

— Вы хотели что-то спросить у меня? — мягко поинтересовалась комендантша.

Внутри что-то щелкнуло. Кто может лучше знать, как превращаются в нежить, как не сама нежить?

И вот тогда я неожиданно решилась. Быстро подошла к ее столу и выложила прямо поверх бумаг Люциана-младшего.

— Знаете... вот... — бросила я, и неожиданно на глаза навернулись слезы.

Стерла их тыльной стороной ладони, стараясь взять себя в руки. В конце концов, мир не рухнул. Это ведь просто хомяк. Или нет?..

Аделия сначала бросила на меня молчаливый изучающий взгляд, а затем склонилась над животным.

Что я хотела услышать от нее? Не знаю. Ведь в тот, первый раз, когда я только забирала у нее грызуна, Аделия не проявила к малышу и капли сочувствия.

Но почему-то на этот раз призрак вел себя совершенно иначе.

— Долго, — тихо сказала она, разглядывая белесую шерсть, словно это ей о чем-то говорило. — Очень долго... Он ведь умер только вчера, не так ли?

Я кивнула, потому что горло сдавило острым спазмом.

— Вы молодец, раз смогли так сильно продлить его жизнь.

— Я... не молодец. — Всхлип вырвался из груди сам собой. — Это я его убила.

Аделия подняла на меня спокойный взгляд, ожидая продолжения.

— Я прочитала заклятие, которое должно было снять с него всю Тьму. И в первый момент оно даже помогло! Но не прошло и нескольких часов, как он умер, обратившись в... это.

Снова всхлипнула, закрывая глаза ладонью.

Маленькая пауза помогла прийти в себя, и, когда я вновь взглянула на комендантшу, она уже приблизилась вплотную к грызуну, оказавшись прямо напротив его морды.

Это было ужасно необычно — видеть, как полупрозрачное тело проходит сквозь деревянный стол, чтобы оказаться рядом с животным. Теперь казалось, что на темной столешнице рядышком с хомяком одиноко стоит женская голова.

И вот синеватые губы вытянулись и раскрылись, а шерсть Люциана-младшего зашевелилась, словно на ветру. Зверек замер и на несколько секунд закрыл свои страшные кровавые глаза.

Затем привидение выпрямилось и снова заняло свое место за столом.

— Что за заклинание вы читали? — с легким прищуром спросила Аделия, аккуратно положив бледные ладони друг на друга.

Мысли отчаянно забегали в голове. Стоит ли говорить комендантше о ритуале самой Тиамант? Ведь это грозит мне как минимум тюрьмой.

С другой стороны, я ведь не на человеке проводила эксперименты. Да и не эксперименты это были вовсе...

В результате я вздохнула и, опустив голову, протянула ей смятый листок.

— Мне хотелось найти способ снять проклятие Тьмы с живого чего-то существа.

Аделия взяла листок призрачной рукой и быстро пробежалась по нему глазами. Потом посмотрела на меня, медленно размыкая пальцы. А я почти услышала, как шелестит бумага, падая на стол.

— А вы знаете, что за этот ритуал вас ждет смерть? — едва слышно спросила она, и голос был похож на завывание ветра через приоткрытую дверь.

— Смерть? — переспросила я, слегка вздрогнув. — Но ведь я читала наоборот. Чтобы заклинание работало, как лечебное...

Комендантша тихо усмехнулась. Затем настойчиво подтолкнула ко мне

исписанную страничку и сказала:

— Это заклинание тринадцатого уровня. Последнего из уровней сумеречного мира. Его невозможно отменить или повернуть вспять. Можно лишь скорректировать его действие, поменяв ключевые компоненты.

— Но это значит, что...

Я схватилась за голову, медленно оседая на стул неподалеку от комендантши.

— Это значит, что вы сами превратили хомяка в высшую нежить, — закончил призрак.

После этого заявления состояние у меня было просто ужасное.

— Высшую? — монотонно переспросила, комкая листок с коварным заклятием.

— Конечно, высшую. Ведь ваш пушистый друг живет без вашего непосредственного участия, — едва заметно улыбнулась она. — На нем нет нитей управления, он полностью самостоятелен. Имеет свой разум и мысли.

И, видя, что я не отвечаю, грустно склонив голову, она вдруг подлетела ко мне, опустив призрачную ладонь на мое плечо.

Подуло легкой прохладой, словно в холл общежития проскользнул морозный ветерок.

— Не расстраивайтесь, магиана Ирис, — шепнула она. — Ведь хомяк все равно умирал. А вы смогли подарить ему другую жизнь. Новую. Кто знает, во что он превратился бы сам? Ведь хаотично возникающая нежить агрессивна, нестабильна. Ее разум отравлен ненавистью. А вам почти удалось этого избежать.

— Почти? — Я подняла на Аделию мутный от расстройства взгляд. Но, честно говоря, ее слова незаметно помогали прийти в себя.

— Да, — кивнула комендантша и снова оказалась у стола, по которому деловито сновал туда-сюда обновленный Люциан-младший. Аделия перебрала пальчиками воздух над грызуном, отчего его шерсть зашевелилась. — Я вижу в нем привычную ярость мертвых. Но она не столь сильна, как должна быть. Скорее всего, в некоторые дни месяца, когда луна будет особенно сильна, ваш друг будет терять контроль над собой. Он станет кусаться, набрасываться на людей, ломать мебель. Но с восходом солнца все будет возвращаться на свои места.

Я широко распахнула глаза, вспоминая беспорядок в собственной комнате.

— Значит, я еще и свела его с ума...

— Нет, — покачала головой она. — Вы лишь неправильно

использовали чужое колдовство. Но и оно принесло свои плоды. Просто запомните на будущее, что заклятия тринадцатого уровня нужно читать так, как они написаны. А лучше не читать их вовсе.

Впрочем, меня это мало успокаивало. Я не могла забыть о том, что до моего вмешательства Люциан-младший был жив. И это я лишила его дыхания, сердцебиения и большинства чувств.

— А могу я поинтересоваться, куда вы шли с этим заклятием, леди? — спросила вдруг Аделия, слегка прищурившись.

Я глубоко вздохнула. Стоило ли теперь скрывать что-то дальше, если госпожа комендант и так способна отправить меня под трибунал за использование запрещенной магии?

— К ректору. Хотела спросить, почему не вышло...

Аделия Ром вдруг грустно улыбнулась.

— И ритуал затеяли, чтобы его вылечить, не так ли? — раздался вдруг ее вопрос, наполненный звенящим напряжением. — Откуда я знаю? — через мгновение моего ступора невесело усмехнулась она. — Потому что тоже когда-то этого хотела...

Вот теперь мое любопытство можно было резать ножом и намазывать на хлеб.

— Вы хотели вылечить Дэ... господина Люциана?

— Можете называть его так, как привыкли, магиана Ирис, — спокойно ответила она. — Я видела вас в Сумерках. И поверьте, для меня это была радость. Люциан уже очень много лет никого не звал на свидания. А уж тем более не проводил экскурсий по миру Тьмы.

Сказать, что я была ошеломлена, — ничего не сказать.

— Но почему? Я... не понимаю, — проговорила я сбивчиво, не зная, как правильно задать вопрос.

— Хотите узнать мою историю? — улыбнулась Аделия, и снова грусть мелькнула в ее взгляде. Она повернулась ко мне полубоком, отчего еще отчетливее стала видна разорванная щека.

— В то время мне было двадцать пять лет. Я устроилась работать комендантом в эту академию и считала, что мне несказанно повезло. Молодой ректор этого учебного заведения Дэйв Люциан пошел мне навстречу и принял в штат низкородную жену своего хорошего друга.

В этот момент я впервые обратила внимание на то, что фамилия госпожи Аделии была простой. Такой, какие носят лишь крестьянки вроде меня. А ведь манеры этой женщины даже после смерти были столь безупречны, что не вызывали сомнений в наличии у нее какого-нибудь дворянского титула. А оказывается, все было совсем не так.

— Мой муж нес службу на границе Ихордаррина и редко бывал дома, — продолжала она. — Мне было нечего делать, и я стала подрабатывать здесь. Как раз в то время господин Люциан, как один из сильнейших магов Туманной империи, вместе с императорским корпусом был направлен на уничтожение адептов последнего культа Тиамант.

Вот и снова всплыла все та же старая история, в которой девятнадцать лет назад я стала невольной участницей. Теперь из уст призрака она звучала еще более зловеще.

— Я страшно боялась, что наш ректор не вернется из этого боя, ведь тот культ был самым опасным, а его приверженцев было не счесть, — продолжала Аделия, погрузившись в грустные воспоминания. — И я тайно последовала за ним. Вслед за императорским корпусом пробралась в тайное логово культистов. Видела последнюю битву, во время которой в мир едва не явилась сама Тиамант. А еще я видела, как отдали свои жизни почти два десятка молодых и сильных бойцов. Из всей команды выжили лишь двое. Люциан и Даллар, глава Хищной академии магии. На моих глазах они уничтожили то, что должно было стать проклятой богиней. Ужасное, отвратительное существо, из которого сочилась сама Тьма. Вот только, чтобы сделать это, Люциану пришлось пропустить через себя всю ее сумеречную силу.

Я содрогнулась от ужаса, представив эту картину. Впервые узнав, как на самом деле Дэйн получил свое проклятие.

— Богиня вернулась во Тьму, — продолжала Аделия. — А вот меня чуть не отдали под суд как участницу культа, когда оказалось, что я присутствовала в тайном логове жрецов Тиамант. Но наш ректор заступился за меня, и мне сохранили жизнь. На первый раз.

Снова грустная улыбка мелькнула на мертвых губах.

— С тех пор я пыталась найти любую информацию, какую только можно, о том, как изгнать сумеречную отраву из живого человека. Ведь никто, кроме меня и Даллара, не знал, что на ректоре императорской академии проклятие Тьмы. Это должно было остаться в тайне, потому что по закону таких людей мгновенно уничтожают.

— Уничтожают?! — ахнула я. — Но почему?

— Потому что не существует способа их излечить, — хмуро ответила Аделия. — А последствия возникновения хаотичной высшей нежити гораздо страшнее, чем смерть одного зараженного. В общем, в то время я и начала интересоваться черной магией. Теми самыми ритуалами, против которых боролся почти полностью уничтоженный императорский корпус.

Аделия на миг прервалась, проведя тонкими призрачными пальчиками

по шерсти хомяка.

— Как говорится, «кто ищет, тот всегда найдет». И через какое-то время у меня накопилось изрядное количество свитков с запрещенными заклятиями. Я тренировалась на животных, сначала заражая, пропуская через них Тьму, а потом пытаюсь излечить. Но так ни разу и не достигла успеха. Вот только за сами эксперименты очень скоро мне пришлось заплатить.

Привидение на миг замолчало, и грудь ее беззвучно приподнялась, словно от тяжелого дыхания.

— Кто-то донес на меня, — продолжила она. — И однажды ко мне домой явились императорские стражники. Я пыталась вырваться силой, — Аделия осторожно приложила ладонь к рваной ране на щеке, — но это было очередной глупостью. Стражники нашли все запрещенные записи, и, учитывая недавно снятое обвинение в пособничестве культу Тиамант, уже на следующий день меня приговорили к смертной казни.

В этот момент я впервые в жизни увидела, как по щеке призрака течет прозрачная слеза.

— Господин Люциан узнал обо всем, когда меня уже привели на эшафот. Он пытался спасти мне жизнь, но это было не в его силах. И на его глазах меня повесили. Но даже после смерти я не смогла... оставить его...

Женский голос оборвался глухим звуком, похожим на дыхание. У меня мороз пробежал по коже, а в помещении мгновенно стало гораздо холоднее.

Я видела, что комендантша очень расстроена. Но все же часть ее рассказа осталась мне неясна и никак не укладывалась в голове.

— А зачем вы вообще пошли за ректором к культистам? Зачем пытались помочь Дэйну, зная, что за такие заклятия вас ждет казнь? И что значит «не смогли оставить»?

Вот только произнеся последний из трех вопросов, я вдруг осознала ответ на каждый из них.

Аделия подняла на меня тяжелый грустный взгляд.

— Все это значит, что я любила его, магиана Ирис, — тихо ответила она. — Так же, как и вы.

По моей спине прокатились прохладные мурашки. Стало вдруг ужасно тоскливо на душе. И очень жаль Аделию, у которой, ко всему прочему, в то время уже был муж.

— Но не беспокойтесь, — добавила она. — Люциан никогда не знал о моих чувствах. И не знает до сих пор. Незачем ему это. Когда стало ясно, что я превратилась в высшего призрака, он и на этот раз решил помочь.

Чтобы я не скиталась по бездне уровней сумеречного мира, он заклятием привязал меня к этому месту. И даже после смерти я обрела возможность продолжать жить.

Мне было ужасно не по себе, и потому следующий вопрос выскочил сам собой:

— Но разве это жизнь? Ведь вы... мертвы.

На этот раз Аделия улыбнулась по-настоящему.

— Вам сейчас сложно это понять, магиана Ирис, но я не мертва. У меня есть мысли и чувства, которые удалось сохранить. Есть память и эмоции. Немного жаль, что у меня нет тела. Но, вероятнее всего, если бы я его сохранила, то получила бы в нагрузку ярость и голод всех высших мертвецов. А так чем же отличается моя жизнь от любой другой? Только тем, что я не нуждаюсь в еде и не осязаю ветер на своей коже. Но это мелочи по сравнению с тем, что все эти годы я могла наблюдать, как рос мой сын рядом с мужем. Как он женился на красивой девушке. А скоро я, возможно, увижу своих внуков.

Эта мысль поразила меня до глубины души. Тем более что еще совсем недавно я говорила Дэйну чуть ли не то же самое. Что смерть для нежити, возможно, вовсе не конец. А начало нового существования, немного отличающегося от нашего. Вот только жаль, что и в словах ректора в тот момент была правда: разумная неагрессивная нежить — это миф. И Аделия Ром — лишь исключение из правил.

— Спасибо за рассказ, — проговорила я, задумчиво вставая со стула. — Мне, наверно, пора идти.

— Идите, магиана Ирис, — кивнула комендантша. — Подумайте над моими словами. И кстати, насчет заклęcia...

Она вытянула вперед кисть, и бумага в моих руках, исписанная мертвым языком, внезапно вспыхнула зеленым огнем и исчезла. На пальцах остался пепел от холодного пламени.

— Не стоит вам рассказывать господину Люциану о нем.

— Почему? — удивилась я, немного ошарашенно стряхивая белую пыль с рук.

— Потому что в случае вашего разоблачения он обязательно захочет заступиться за свою... первокурсницу, — многозначительно проговорила она, не отрывая от меня глаз. — И тогда ему придется рассказать, ради кого вы так старались, нарушая закон. Ваша жизнь, вероятно, будет спасена. А его — уничтожат, как будущую опасную нежить.

Я испуганно приоткрыла рот, понимая, что эта мысль мне не приходила в голову.

— Спасибо, госпожа Ром, — проговорила я тихо, привычно запихивая хомяка в карман платья. — Вы мне очень помогли.

Женщина молчаливо кивнула, ее платье снова спокойно колыхалось в воздухе.

— И в следующий раз, пожалуйста, зовите меня Ларианой.

Уголки призрачных губ комендантши едва заметно приподнялись, когда я исчезала в дверях общежития.

У меня на душе было все так же беспокойно. И хоть теперь я и не собиралась рассказывать Дэйну о своих экспериментах, увидеться с ним казалось просто жизненно необходимым.

Глава 21

ОСКОЛКИ СЕРДЦА И ТЕМНАЯ МАГИЯ

В кабинет ректора я входила уже не с такой уверенностью, с какой выбегала из своей комнаты в общежитии. Аделия рассказала много такого, что перевернуло в голове все мысли и планы. Я окончательно запутывалась. И теперь мне просто хотелось посмотреть в глаза цвета ночного дождя и почувствовать, что все будет хорошо.

Но стоило войти в помещение и закрыть за собой дверь, как что-то внутри предательски задрожало. Ничто не предвещало беды или дурных новостей. Солнце привычно освещало кабинет через настежь распахнутое окно, заливая своими лучами буквально каждый темный уголок. Дэйн почти всегда держал шторы раскрытыми, но сегодня полукруглые рамы казались как никогда голыми, пропуская в помещение утреннее тепло и ветер.

— Привет, — проговорила я, мгновенно чувствуя, как язык прилипает к горлу.

Дэйн стоял около погасшего камина, облокотившись одной рукой о фигурную каменную кладку. На лице его застыла странная задумчивость. Линия подбородка казалась слегка напряженной, в ямочках впалых щек залегли тени. Но в целом ничто во внешности ректора не указывало на плохое расположение духа или мрачные новости.

Однако в моей груди медленно начинала завывать стужа, сковывая ребра, мешая дышать.

— Доброго дня, магиана Ирис, — ответил он, повернувшись.

И этот ответ мне очень не понравился.

— Как дела? — выдавила я, проходя внутрь, заставляя чутье отступить.

— Бывало и лучше, — признался он, многозначительно указывая мне на кресло неподалеку. — События в академии произошли не самые радужные. Приходится улаживать много дел.

Я неуверенно опустилась на мягкое сиденье, чувствуя прохладу кожаной обивки.

— Стало известно, почему... умерла Эмилия?

Дэйн бросил на меня долгий морозный взгляд и прошел к своему столу.

В комнате словно похолодало, хотя утро сегодня было невероятно теплое для конца месяца Остывающей звезды. Я поежилась, пытаюсь взять себя в руки, но уверенность все сильнее улетучивалась с каждым мгновением.

— Увы, — коротко ответил ректор. — Пока лишь догадки одна другой хуже.

Он опустил взгляд на сцепленные ладони, словно старался вовсе на меня не смотреть.

Хотя с чего я это взяла? Наверняка он просто очень подавлен после случившегося. Скорее всего, устал от разбирательств. Да и перед родителями погибшей магианы отвечать ведь тоже придется ему. Так что вся эта странная отчужденность, так болезненно колющая мое сердце, — лишь результат прошедших событий.

Некоторое время он молчал, так и не поднимая глаз. А мне казалось, что на его широких сильных плечах вдруг оказался непомерный груз.

Чтобы нарушить молчание, которое с каждым мгновением становилось все тяжелее, я проговорила:

— Леонар Альвис сказал, что ты отсылаешь его в ХАМ до конца семестра.

Серый взгляд мгновенно впился в меня, неожиданно сверкнув сталью.

— Да, так и есть, — ответил Дэйн. — Он заслужил свое наказание. Давно пора было проучить этого несносного мальчишку. Пусть теперь ежедневно выпрашивает прощение перед пострадавшей стороной.

— Но ведь он — принц... — произнесла я неуверенно, замечая, как в глубине серого дождя сверкают молнии ярости. — Ему же нужно учиться...

— Тем действеннее будет наука. Думать надо головой, а не всеми теми местами, которыми привык думать Леонар Альвис, — фыркнул глава академии. Потом резко встал с кресла и подошел к распахнутому окну. Широкая спина загородила собой солнце. Теплые лучи едва пробивались сквозь водопад сумеречно-белых волос, окрашивая их в золотые тона.

Да уж, если сначала дурное настроение ректора было для меня неочевидно, то теперь оно предстало во всех красках.

Я глубоко вздохнула, набираясь уверенности, и тоже встала, медленно подходя к мужчине. Коснулась его плеча, будто боясь обжечься, и на миг закрыла глаза.

Глава академии вздрогнул, но не повернулся. От этого едва заметного движения через мои пальцы ударила сотня маленьких молний, проникая под кожу, покалывая и будоража изнутри.

— Дэйн, что с тобой? — спросила я, замирая от звенящего напряжения, словно у меня в руках торнадо.

Он не ответил. Так и смотрел в окно. А я, стоя сбоку, могла лишь наблюдать, как солнце очерчивает его безупречный профиль и как едва заметно сжимаются бледные губы, приобретшие оттенок янтаря.

Во рту появился неприятный привкус горечи. Тело заныло, словно все жилы разом натянулись, готовые вырваться прочь.

Дэйн не отвечал. И я чувствовала, как далеко от меня он сейчас был. Слишком далеко. И это молчание лишь увеличивало пропасть.

Я подняла руку вверх, сглатывая тяжелый комок в горле. Осторожно убрала волосы от худого лица, коснулась шеи.

Я не могла без него. И сейчас это становилось как никогда очевидно. Все внутри переворачивалось, стоило почувствовать морозный, чуть мятный аромат, проникший в легкие и в очередной раз отравивший меня, наполнив этим мужчиной каждую клеточку тела.

Я сходила с ума.

Сейчас, когда мы так давно не виделись и вдруг оказались так близко, было невозможно думать ни о чем другом. Только прикоснуться к нему. Стать ближе. Почувствовать его руки на своей талии, с силой вдавливающие в жесткое, как камень, напряженное тело.

Я прикусила губу, поглаживая большим пальцем чуть выпирающие позвонки на его шее, спускаясь к вороту мягкой темно-сиреневой рубашки.

Невинно до дрожи. Одно прикосновение, от которого начинала кружиться голова.

Дэйн задержал дыхание и закрыл глаза. Тень его ресниц упала на щеки, линия губ слегка расслабилась, напоминая о той сумасшедшей мягкости, которая была мне так знакома.

Так нужна.

— Скажи мне, — тихо проговорила я, — пожалуйста.

Пожалуйста...

Одной рукой я зарылась в молочно-серебряном водопаде волос, а другой коснулась прохладной щеки, поворачивая к себе его лицо.

Я чувствовала, что он хочет меня оттолкнуть и одновременно не может. Это уничтожало. Заставляло наливаться жидким огнем каждую крохотную артерию. Каждую вену, по которой должна была течь кровь.

Он посмотрел на меня, его серые глаза вспыхнули и потемнели. Я прижалась к мужскому телу, чувствуя, как напряжена каждая мышца. Как звенит сталью каждый натянутый нерв.

— Пожалуйста... — повторила я почти шепотом, не сводя с него

взгляда.

А потом, аккуратно поглаживая, провела пальцем по его нижней губе, слегка оттягивая ее вниз, вспоминая, с какой обжигающей жадностью он целовал меня, выбивая воздух из груди, заставляя терять остатки мыслей, разрываться на тысячи осколков.

Мне было это жизненно необходимо.

Его поцелуй. Его дыхание. Его голод.

Дэйн резко выдохнул сквозь плотно сжатые зубы и закрыл глаза, слегка наклонив голову к моей ладони.

В груди бешено застучало сердце, пытаюсь вырваться из клетки ребер. До шепота едва раскрытых губ.

— Пожалуйста, поцелуй меня...

Его серые глаза цвета грозового неба сверкнули, и я почти физически ощутила, как по коже бьют острые капли ливня.

В следующий момент Дэйн медленно обхватил оба моих запястья и убрал руки вниз.

— Магиана Ирис, — холодно проговорил он, — боюсь, что мы больше не можем продолжать наши отношения.

В кровь плеснул ледяной яд, убивающий каждый нерв, каждую мысль. Дыхание выбило из груди так, словно я упала с огромной башни на каменные плиты.

— Не можем? — тихо повторила, широко распахнув глаза.

— Именно так. — Два жестких слова, будто разрезающих этот день на до и после.

А потом он спокойно отвернулся, уходя в другой конец кабинета. Будто стоять рядом со мной ему было... неприятно.

— Но почему? — спросила я, чувствуя странную, почти детскую беспомощность.

— Потому что между магианой и ректором не может быть ничего, кроме уставных отношений, — с какой-то усталой жесткостью выдохнул он. — Потому что я гораздо старше вас, магиана Ирис, и это неприемлемо.

Если раньше мне было тяжело говорить, так это потому, что я еще не оказывалась в такой ситуации. Вот сейчас горло будто выжгло огнем. Дышать стало больно, и даже слез не было, будто они высохли изнутри.

— Раньше тебя это не останавливало, — выдавила я через силу, глядя в пол.

— Я был не прав, — холодно бросил он. И даже краем глаза я видела, что он не смотрит на меня. — Надеюсь, мы решим этот вопрос, не оставив недопонимания.

Его голос звучал сухо, как скрип пера по бумаге. Между нами будто разверзлась пропасть.

И мне не хотелось верить ни единому его слову. Разве может человек полностью измениться всего за каких-нибудь несколько дней?

— Но ты же говорил, что тебе не важно чужое мнение, — вдруг вспомнила я. — Что любая благородная семья Ихордаррина будет счастлива отдать за тебя свою дочь, даже несмотря на разницу в возрасте и ее неоконченное обучение в академии. В какой момент то, что я — магиана, стало проблемой?

Дэйн поднял на меня тяжелый взгляд. Некоторое время мы смотрели друг на друга почти через все пространство кабинета, и воздух словно накалялся от этого внимания.

А потом он ответил, и острота его слов была не хуже, чем у дорогого меча.

— Вы никогда не принадлежали ни к одной благородной семье Ихордаррина, магиана Ирис. Наше социальное положение слишком разное, чтобы предположить возможность длительной связи.

— Что ты имеешь в виду? — выдохнула я, не веря, что слышу именно этот ответ.

Ректор снова несколько секунд молчаливо сверлил меня глазами, прежде чем холодно закончить:

— Это была простая интрижка. Мне жаль, что вы восприняли ее слишком серьезно.

Кажется, в этот момент внутри меня что-то умерло.

— Возвращайтесь к себе, магиана Ирис. Надеюсь, вы не станете долго расстраиваться и сможете приступить к своим занятиям в ближайшее время.

Я опустила голову, отчаянно кусая губы, чтобы не разреветься.

— Не сомневайтесь в этом, — проговорила из последних сил и, развернувшись, вышла из кабинета.

Уже на лестнице я перешла на бег, надеясь, что доберусь до общежития быстрее, чем влага сожжет глаза, и все магиане академии увидят зареванное привидение, мчащееся между этажами.

Уже у себя в комнате я высадила хомяка в единственный оставшийся не поломанным ящик и обессиленно упала на кровать. Леонара за стеной не было и больше не будет. А значит, я наконец совершенно одна.

Когда твоих всхлипов никто не слышит, можно позволить себе маленькую слабость — слезы. Жаль только, что успокоилась я совсем не так скоро, как хотелось бы.

Когда способность соображать вернулась ко мне вместе с высохшими дорожками на щеках, я встала с кровати и пошла в ванную комнату. Хотелось привести себя в порядок и, может, правда сходить на лекцию. Это направило бы мысли в нужное русло и помогло отвлечься.

Но стоило мне раздеться перед массивным зеркалом в ванной комнате, чтобы принять легкий душ, как по спине прошел шквал морозных мурашек. Сердце пропустило удар и оборвалось, падая куда-то вниз.

Из отражения на меня смотрела привычная бледная девушка, по худым плечам которой рассыпался водопад смолисто-черных волос. А в самом центре груди прямо под ключицами сверкали Тьмой тонкие линии странного рисунка. Словно половина магической печати. В идеальный полукруг были вписаны непонятные и неизвестные мне символы, будто кто-то старательно выводил их угольной палочкой.

Только вот рисунок не стирался.

Я схватила мокрую губку, встала под струи воды и стала отчаянно тереть кожу, не понимая, что происходит. Откуда взялись эти буквы?

Страх липкой волной прокатился по позвоночнику. Медленно, но верно в голове начинали всплывать минувшие события: проклятие Дэйна, видение в колодце, черная магия на играх Превосходства, потеря сознания, смерть Эмилии. Печать на моей груди...

Все это не могло быть цепочкой случайностей. Просто не могло.

Тем временем моя паника только усиливалась от того, что темные символы с груди никак не хотели исчезать. Кожа покраснела. Я нервно отбросила губку прочь, тяжело дыша. Все было бесполезно. На груди появилось большое раздраженное пятно, поверх которого еще ярче выступал мрачный рисунок. Теперь казалось, что по венам и капиллярам тек черный яд, просвечивая сквозь тонкую кожу и складываясь в дурной, страшный полумесяц.

Срочно нужно было успокоиться. В таком состоянии ни одна правильная мысль просто не могла прийти в голову.

Я глубоко вздохнула и вышла из ванной. Трясущимися руками натянула комплект формы, состоящий из брюк и рубашки, а затем вышла из комнаты. Пуговицы под горлом застегнула до последней, так что ужасные символы оказались скрыты.

Кажется, моя бледность только усилилась, и теперь в полумраке коридоров меня можно было принять за привидение. Но мне до этого конечно же не было никакого дела.

Я шла по дорожкам между полигонами, изредка поглядывая, как беззаботные магиане отрабатывают ту или иную практику. Казалось, будто

ничего не произошло и жизнь в императорской академии течет, как и всегда. Словно не было смерти Эмилии и этих жутких игр. Неужели только у меня складывается впечатление, что мир в одночасье рухнул?

И Дэйн... даже он. Что заставило его разорвать наши отношения? Сказать мне все эти ужасные вещи о неравенстве, о том, что между нами была лишь пустая интрижка? Неужели это и правда так, а все остальное я себе придумала?

Душа болела и обливалась кровью от обиды, глупых разрушенных мечтаний, рассыпавшихся замков. А ведь с этой странной печатью, что вспыхнула у меня на груди, стоило бы пойти именно к нему, к ректору. Но я не могла видеть его. Казалось, грудную клетку разорвет на части, а сердце посыплется оттуда мелкими осколками.

Но тогда кому еще я могу довериться? С кем поделиться? С комендантшей Ром?

Вряд ли. Ей и так теперь известно обо мне слишком многое. А я знаю слишком многое о ней. Вдруг ей придет в голову, что с этими символами я способна навредить Дэйну или кому-нибудь еще? Тогда ее реакция будет непредсказуема.

Следовало сначала разобраться самой, прежде чем отдавать свою жизнь в чужие руки. Снова.

Но внезапно в голову пришла мысль: а что, если эти знаки результат черного колдовства на поле для игр? Ведь прежде-то их не было.

Я ухватила за эту идею, как за последнюю соломинку, способную вытащить меня из болота.

Размышления отчаянно кружились вокруг неприятных воспоминаний, пока я медленно шла по дорожкам академии. Легкий ветерок развеивал волосы, остужая горячую голову, успокаивая нервы.

Я словно наяву увидела перед собой клубы Тьмы, что появились в тот день на полигоне для игр. Почувствовала во рту привкус тлена и смерти — столь ярки до сих пор были образы. Только теперь у меня получалось смотреть на события будто бы со стороны.

Вот я бегу к сектору друидов. Там стоит Нимаэль Моранен, в глазах которой замерло слишком странное, пугающе-непонятное выражение. В тот момент я ни капли не задумалась о его причине, но сейчас... Ее взгляд казался остекленевшим, испуганным. И он никак не был связан с тем, что происходило на поле.

В следующий миг что-то выбило весь воздух из легких. В глазах застыл черный песок. Я уже ничего не видела, но продолжала бежать по инерции. И через секунду врезалась в кого-то, кто чуть позже оказался

моей соперницей.

А закончилось все тем, что мы обе потеряли сознание. Я и Нимаэль. Не странно ли это?

Ускорила шаг, чувствуя, что нашла нужную ниточку. Осталось потянуть за нее и размотать клубок до конца, надеясь, что внутри вместо катушки не окажется отравленная змея.

Ноги сами несли меня вперед. Прочь от общежития и дальше, мимо черного замка учебного корпуса.

С тех пор, как мои ноги впервые пересекли пределы этой академии, мне незачем было покидать ее. Уехав из своего родного села, мне так и не довелось толком посмотреть Ихордаррин, погулять по мощеным улочкам столицы империи. Но теперь я смело выходила за большие фигурные ворота ЦИАНИДа, направляясь к городским окраинам.

Идеальная память никогда не была моей сильной стороной. Петля между улицами, я легко могла заблудиться. Но все же самые простые знания о городе и местонахождении в нем Хищной академии магии позволили мне быстро выбрать нужное направление. Ведь моей целью стала именно она: альма-матер друидов и звероводов.

Идти пришлось не так долго. Около часа примерно. За это время я успела обойти большую часть города, впрочем, особенно не разглядывая его диковинки. Ведь в голове у меня было кое-что поважнее достопримечательностей.

Признаться, я боялась, что мне не удастся найти Нимаэль так быстро, как хотелось бы. А может быть, и не удастся вообще. Все же академия — довольно многолюдное место.

Но все оказалось совсем не так. На территории ХАМа царила сельская простота. С обеих сторон от песчаной, вытоптанной дорожки были расположены многочисленные загоны, из которых иногда доносилось чье-нибудь рычание, и пахло навозом. Маленькие и средние сарайчики торчали из земли то тут, то там, напоминая серые грибы, вылезшие после дождя. И что удивительно, когда я проходила мимо одного из них, деревянная дверь вдруг открылась, выпуская ту самую девушку, которую я и искала.

— Нимаэль! — крикнула я, едва не подпрыгнув.

Да, повод для нашей встречи был не самый радужный, но я была рада подвернувшейся удаче. Сердце с невероятной скоростью отбивало ритм в груди, пока дорожка вела меня к друидке.

В глазах Нимаэль застыло удивление вперемешку с недоверием. И я ее прекрасно понимала.

— Доброго дня, — улыбнулась я немного неловко.

— И тебе, — кивнула она, оглядывая мою наглухо застегнутую форму и слегка всклокоченный вид.

— Скажи, у тебя не будет несколько минут свободного времени? — краснея, произнесла я фразу, которую репетировала всю дорогу. — Наедине?

Красиво выщипанная бровь девушки удивленно приподнялась. А я в который раз обратила внимание, как сильно отличалась Нимаэль Моранен от остальных друидов. И от низкородных вроде меня. Даже в потрепанном льняном костюме, больше напоминающем мешок по сравнению с нашей формой, она выглядела безупречно. Гордо, с достоинством, которому можно было только позавидовать.

— Да, конечно, — ответила она, кивнув в сторону, противоположную входу в сарай.

В ее глазах мелькнуло что-то, похожее на понимание. Но, возможно, мне показалось.

Мы отошли на небольшое расстояние от дороги, скрываясь среди деревьев. Здесь можно было не бояться встретить случайно магиана. Трава повсюду была гораздо выше пояса, кусты перекрывали видимость.

И вот тогда Нимаэль спросила:

— Ты хотела о чем-то поговорить со мной?

А я не знала, с чего начать, несмотря на то что готовилась к этому разговору весь последний час.

Как спросить у мало знакомой магианы, не появилось ли у нее что-то вроде моих символов?

«Ну, что нового?»

«Как здоровье?»

«Скажи, у тебя на груди волшебных татуировок нет?»

Я глубоко вздохнула, переминаясь с ноги на ногу, и решила начать издали.

— Нимаэль, я хотела узнать, после нашего боя ты не чувствовала ничего странного?

В золотисто-карих глазах сверкнул неподдельный интерес. Словно друидка зацепилась за мой вопрос, но пока не знала, как ответить.

— После этого ужасного дня я постоянно чувствую себя странно, — медленно начала она, не сводя с меня напряженного взгляда. — Мой семирог чуть не погиб...

Я прикусила губу, думая, как подойти к вопросу с другой стороны. Либо Нимаэль мне не доверяла, не решаясь ответить напрямую, либо с ней и вправду все в порядке. Ну, насколько это возможно.

— А кроме семирога? Кстати, сочувствую, надеюсь, с ним уже все в порядке. Но было ли что-то еще? Что-нибудь странное? Может, грудь болела? Может, сыпь какая-нибудь... под ключицами?

На последней фразе я сделала внушительное ударение. Все, если Нимаэль и сейчас не поймет, о чем я, значит, моя догадка провалилась.

Но она резко схватила меня за руку и притянула к себе, понизив голос. Черные зрачки расширились, стремительно затемняя светлые медовые глаза.

— На тебе тоже проявилась половина какой-то печати? — проговорила она быстро, сверля меня напряженным вниманием.

— Да! — воскликнула я, не веря своему счастью.

Нимаэль приложила указательный палец к губам, а потом мы долго и тихо обсуждали случившееся.

Оказалось, у нее на коже в один момент тоже зажглись странные знаки. И тоже — до игр Превосходства ничего подобного никогда не случалось. Выходит, мы обе не имели представления, что эти символы могли означать. И это расстраивало больше всего.

— Нам нужно найти ответ, — бросила задумчиво Нимаэль. — Я уверена, что смерть вашей магианы как-то связана со знаками. И желательно узнать это как можно скорее.

— Ты можешь спросить у своего ректора? — на всякий случай поинтересовалась я.

Друидка подняла на меня задумчивый взгляд и покачала головой:

— Нет.

— Я у своего тоже, — кивнула в ответ.

— Предлагаю поискать информацию где только возможно, пока никому ни о чем не рассказывая, — проговорила Нимаэль. — А через пару недель встретиться на нейтральной территории и обсудить результаты.

Предложение казалось мне абсолютно логичным. Распространяться о подобном было опасно. А вдвоем найти ответы будет проще.

— Семнадцатого числа месяца Дождей в императорском дворце будет бал-маскарад, — начала я задумчиво, подбирая дату следующей встречи. — И для этого события мне нужно купить платье. Ты не знаешь какой-нибудь хороший магазин? Там мы и могли бы увидеться.

— Ты идешь на императорский бал? — всерьез удивилась Нимаэль.

Я едва заметно улыбнулась. Действительно, крестьянки редко попадают во дворец. И мне даже немного захотелось похвастаться.

— Да, меня пригласил принц Леонар.

— Леонар?! — выдохнула друидка и даже слегка нахмурилась.

Впрочем, мне совершенно не хотелось ее расстраивать. Нимаэль мне нравилась.

— Честно говоря, не знаю, зачем он это сделал. Я даже танцевать не умею. Принц сказал, что ему будет скучно. — Я пожала плечами.

— Странно это все, — проговорила в ответ магиана. — Ладно, давай встретимся в магазине «Имперская нимфа», что за зданием ратуши в самом центре города. Сможешь найти? Это самое лучшее ателье города. Готовые наряды там тоже есть.

— Договорились, — согласилась я, улыбнувшись. — Тогда давай, например, пятнадцатого числа в полдень?

Нимаэль кивнула.

Мы еще немного помолчали, хотя все уже оказалось обговорено и можно было расходиться. Но внезапно я тихо попросила:

— А можно взглянуть на твой рисунок?

Друидка подняла на меня немного недоумевающий взгляд:

— Он исчез почти сразу после появления.

— Исчез? — разочарованно переспросила я. Так, может, у нас вовсе не одна и та же магия вспыхнула на груди? Если у Нимаэль она вообще была!

— А разве твой на месте? — настороженно прищурилась она.

Я резко распахнула ворот рубашки, чуть не растеряв все пуговицы.

На груди привычно белела кожа. Черная вязь символов исчезла, как дурной сон, плохая фантазия или глупая шутка. И сейчас было сложно поверить, что все это мне не привиделось. И только напряженный взгляд Нимаэль Моранен говорил об обратном.

Все слишком серьезно, чтобы быть вымыслом.

Глава 22

ЧЕРНЫЙ ОГОНЬ МЕРТВЕЦОВ

На следующий день я все же пошла на лекции. Не стоило окончательно выпадать из академических будней. И хотя после разрыва с Дэйном у меня не было ни малейшего желания даже просто вставать с кровати по утрам, жизнь продолжалась. И мне все еще нужно было понять, что происходит.

Несмотря на все те жестокие слова, что ректор мне сказал, мысли о его проклятии не покидали моей головы. Но теперь я не могла ни прямо спросить у него обо всем этом, ни узнать что-либо сама. Впрочем, надежда обнаружить способ ему помочь меня также не отпускала.

Печать на груди пока больше никак не проявляла себя, но я стала носить брючную форму, чтобы избежать недоразумений и очередных сюрпризов.

Сегодня опять предстояла полевая практика. Мне нравились занятия на свежем воздухе, даже несмотря на похолодание. А принципы атакующих заклинаний с самого начала курса превратились в любимый предмет.

Однако был и минус: похоже, предыдущая теория неплохо прошла мимо меня. А профессор Зантарен вряд ли даст мне поблажку даже после того, что случилось на играх.

Когда я наконец добрела до полигона номер шесть, большинство магиан были уже в сборе. Преподаватель не собирался ждать остальных, начиная занятие немного раньше обычного. Он бросил на меня цепкий многозначительный взгляд, который обещал не самый простой урок.

— Сегодня мы будем тренировать «кольца усыпления нежити», а так же методы защиты от них, — поговорил преподаватель. — Надеюсь, все вы внимательно прочитали параграфы двадцать и двадцать один. Теорию повторять не будем.

Он повернулся к нам спиной и привычно раскинул руки, нащупывая нити управления.

Уже через несколько секунд трава на полигоне зашевелилась, и из земли стали подниматься мертвые. Их было никак не менее пяти, что говорило о внушительной силе Зантарена как некроманта. К тому же среди восставших оказались не только зомби-марионетки, но и более опасные экземпляры. Память подсказала, что там две стрыги.

Так называли один из простых типов высших нежитей. Ими являлись в основном женщины, казненные через повешение. После смерти они перевоплощались. Их волосы рыжели, а глаза приобретали характерный молочно-голубой оттенок. Кости рук и ног выворачивались в обратную сторону, и в целом существа производили довольно страшное впечатление. Хотя, по сути, умелый некромант мог легко сладить с ними.

Я глубоко вздохнула. День предстоял явно нелегкий. И, уже подготовившись к напряженным часам тренировок, я резко выдохнула.

Внезапно воздух на поле всколыхнулся облаком мрака. Черные клубы, напоминающие крылья самой Тьмы, развернулись во все стороны возле Ксавиана Зантарена, он спокойно отошел на шаг назад и поспешил поклониться.

В следующий момент из мрачного магического тумана вышел ректор императорской академии.

Мурашки прокатились по спине, ноги мгновенно стали ватными. А сердце... Сердце билось слишком быстро, чтобы, как и хотелось моему самолюбию, я могла сделать вид, что мне наплевать.

Светлые волосы высшего некроманта взметнулись в воздухе, пока он осматривал всех присутствующих. А потом дымчато-серый взгляд скользнул по мне.

Ректор не замер, не рассматривал меня дольше других. Словно вообще не узнал среди остальных.

Неожиданно это оказалось больно. Почти до крика, до нервно прокушенной губы.

— Сегодня я буду вести у вас практику, — холодно бросил глава академии, едва удостоив Ксавиана Зантарена мимолетным взглядом.

Преподаватель кивнул и тут же отошел в сторону, как вышколенный пес. А Дэйн Люциан остался один перед тремя десятками магиан, взирающих на него с молчаливым трепетом.

Со стороны казалось, что ректор в один момент затмил собой все вокруг. Будто перед нами стояла не мужская фигура, затянутая в темно-серый кожаный плащ, а как минимум ожившая трехметровая статуя императора. Даже на пятерых умертвий за его спиной более никто не обращал внимания. А о Ксавиане Зантарене вообще мгновенно забыли.

— Сегодня вы узнаете одно из основных заклятий некромантов, — сухо бросил Люциан, мгновенно приковывая к себе все те оставшиеся взгляды, что могли случайно блуждать где-то еще, не вглядываясь в мрачную персону главы академии. — Оно довольно сложное, но я уверен, при надлежащем усердии вы справитесь. Оно называется просто: «черный

огонь мертвецов».

— Но, господин Люциан, — неуверенно проговорил откуда-то сбоку Зантарен, — это же заклинание четвертого курса...

Ректор бросил на преподавателя темный тяжелый взгляд:

— При необходимости программу можно немного изменить.

— Но первокурсники еще плохо чувствуют Тьму, они просто не способ...

— Достаточно, — оборвал его Люциан, слегка скривившись. — Я ценю ваше мнение, Ксавиан. Но позвольте на этот раз с вами не согласиться. — Казалось, он через силу сохранял официальный тон. — Это важное заклятие, которое даже на четвертом курсе студенты не способны осилить в должной мере. А если мы начнем тренировки с первого же года обучения, к четвертому каждый из них будет владеть «черным огнем» в совершенстве.

Преподаватель по «принципам атаки» нервно кивнул и опустил взгляд. Но перечить больше не осмелился.

— Итак, «черный огонь мертвецов» — это сумеречная магия тринадцатого уровня, — говорил Дэйн, ни на кого не глядя. — Самое сильное и самое мощное колдовство. Выше тринадцатого уровня заклинаний не существует. И это значит, что вы должны относиться к нему максимально осторожно. Ни одно слово или буква не должны меняться. Иначе вы можете получить неконтролируемый эффект вплоть до возгорания собственного тела.

При этих словах большинство магиан начали нервно переглядываться, переминаясь с ноги на ногу.

— Но вам не стоит бояться, потому что под моим руководством вы будете прикрыты блокирующим щитом, — продолжал ректор Люциан. — В одиночестве подобное колдовство практиковать запрещается. Я ясно выразился?

Первокурсники усиленно закивали. А я была уверена, что они и в присутствии двух преподавателей его практиковать не захотят, не то что в одиночестве.

Дальше минут пятнадцать Дэйн рассказывал теорию. Как расположить пальцы рук, как использовать подпитку крови, как выстроить нити Тьмы. Это притом, что большинство магиан даже сами-то нити Тьмы были пока неспособны увидеть.

И поэтому я действительно никак не могла понять, для чего ректор решил провести это занятие. Профессор Зантарен был прав: никто из присутствующих даже десятой части не сможет повторить и запомнить

такое колдовство.

Вот только когда теория кончилась, Дэйн внезапно повернулся ко мне и сказал:

— Первой попробует магиана Ирис.

Я вздрогнула, как если бы грозовой разряд ударил прямо мне под ноги. За спиной раздался нестройный шепот.

— Но... — проямлила я.

— Живее, магиана, — хлестко бросил он, сверля меня холодной серой сталью своих глаз. — Вы — единственная среди первокурсников, кто видит нити Тьмы. А значит, и пробовать придется вам.

Комок застрял в горле. Пришлось подчиниться, хотя я видела краем глаза, что даже профессор Зантарен неодобрительно качает головой.

— Расставьте пальцы, как я показывал, — приказал Люциан, словно пытался меня тренировать, как бойца императорской армии. — Вам придется добыть немного крови, — продолжил он. — Используйте свой ключ-кольцо.

— Но... — Я широко раскрыла глаза, испуганно глядя на высшего некроманта, который сейчас был так не похож на самого себя. Холодный, твердый, как гранитная скала.

Чужой.

— Живо, — оборвал он, даже не глядя мне в глаза, которые неожиданно влажно заблестели.

Трясущимися руками я сняла золотое кольцо, которым открывала дверь в комнату общежития, и обнаружила, что один его конец действительно невероятно острый. Как будто специально...

Хотя наверняка это и впрямь так.

Сморщившись, кольнула палец, выжимая несчастную каплю крови. А затем расставила руки так, как было необходимо, нащупывая нити Тьмы, послушно толкающиеся в ладони. Почувствовавшие мою кровь.

Ректор кивнул.

— Теперь повторяйте заклятие слово в слово, магиана Ирис.

Aliro Raidoh ungh Savr treda.

Septiro Viran iste l'edoh falve...^[8]

Текст оказался не таким уж и коротким. Я послушно произносила фразы древнего языка, неосознанно чувствуя, как магия послушно отзывается. И одновременно мозг сам делил заклятие на этапы. Словно знал, где нужно сделать паузу, переходя на следующий уровень.

Nahiro shew'ier morter dein...[\[9\]](#)

Вот только мне никак не удавалось сконцентрироваться. А потому я нет-нет да и сбивалась. То безуспешно пытаюсь поймать мрачный взгляд высшего некроманта. То засмотревшись на идеальный профиль его худого лица и на уверенно шевелящиеся красивые губы.

Когда слова закончились, я должна была сжать ладони и послать мысленный приказ.

Но у меня ничего не вышло.

— Магиана Ирис! — тут же раздраженно бросил ректор. — Вы были недостаточно внимательны!

— Господин Люциан, — вновь вмешался профессор Зантарен, — посмотрите, от самого крайнего зомби идет дым. У магианы почти получился «черный огонь». Это невиданно для первокурсницы!

Все взгляды устремились на того мертвеца, что стоял с левого края. От его гниющей плоти и впрямь шел легкий дымок.

— У. Магианы. Ирис. Не. Вышло.

Голос Люциана звучал жестко, как удары хлыста. И от каждого произнесенного слова я все сильнее сжималась в комок.

— Еще раз.

— Но... — пробубнил Ксавиан.

— Еще раз! — рявкнул глава академии, и я поспешила подчиниться.

Губы предательски подрагивали, но я плотно сжимала челюсти, не давая выбить себя из колеи. С Дэйном явно творилось что-то не то. Я никогда прежде не видела его настолько злым. От его фигуры будто разило холодом. Казалось, встань рядом — и покроешься инеем.

Но пора было выполнять приказ.

Снова приняла необходимую позу и начала повторять слова:

— Aliro Raidoh ungh Savr treda...[\[10\]](#)

Как ни странно, оказалось, что с первого раза я запомнила больше трети заклинания. И теперь все выходило несколько проще. Но и сложнее одновременно.

Люциан встал прямо за моей спиной, периодически корректируя положение пальцев. Волна дрожи пробежала по позвоночнику после каждого его жесткого и неласкового прикосновения. Такого чужого и так сильно отличающегося от тех, к которым я привыкла.

Но все же это были его прикосновения. И я не могла не замечать их.

В результате и вторая попытка провалилась.

Дэйн закрыл глаза, выдохнув зло сквозь зубы. Потом была третья попытка и четвертая, пока я наконец смогла заставить крохотный огонек вспыхнуть хотя бы на руках несчастного умертвия.

Как только это произошло, профессор Зантарен восхищенно ахнул. А толпа первокурсников, испуганно жавшаяся на несколько шагов позади, стала перешептываться, указывая пальцем на маленькое желтое пламя, с каждой секундой все сильнее разгорающееся на нежити.

— Оно вовсе не черное, — раздался чей-то голос позади.

Но не прошло и минуты, как весь зомби вспыхнул огнем. И вот тогда на глазах изумленной толпы желтый огонь сменил цвет на антрацитовый мрак.

Запахло горелой плотью. Умертвие медленно оседало на землю, будто радуясь, что его ужасное подобие жизни все-таки оборвалось.

— Получилось, — тихо проговорил Ксавиан, когда зомби окончательно превратился в гору пепла. — Удивительно.

— Это не то, на что я рассчитывал, но да. Получилось, — недовольно бросил Дэйн и резко развернулся, словно для того, чтобы уйти. Вот так просто взять и уйти. Полы темного плаща взметнулись, ветер скрыл выражение лица за сумеречным водопадом волос.

Где-то внутри меня вспыхнул гнев, смешанный со жгучей обидой.

— Зачем все это было нужно? — воскликнула я, понимая, что слишком сильно перенервничала, чтобы держать себя в руках. — Что такого особенного в этом заклинании, что нужно было заставлять меня учить его?

Люциан на миг замер, а затем медленно повернулся. Серые глаза застыли, превратившись в озера темного хрусталя.

— Это самое главное заклинание из арсенала некроманта, магиана Ирис, — ответил он ровным голосом, начисто лишенным эмоций. — И вы справились с ним плохо.

— Но я... — начала было оправдываться, однако снова не смогла закончить.

— Вот так это должно работать! — почти выкрикнул он, резко подняв руку и щелкнув пальцами в воздухе.

Никаких слов. Никаких сложных пассов руками.

В тот же миг все мертвецы вспыхнули страшным черным пламенем, взметнувшимся в небо обсидиановыми языками. Стрыги при этом громко и жалобно взвыли, превращаясь в жирные груды мяса.

Магиане испуганно отшатнулись назад, потому что даже до них

добрался нереальный сумеречный жар.

Профессор Зантарен на глазах белел. Он в ошеломенности протянул руку к мертвым, и рот его изумленно приоткрылся. Казалось, он вообще не верил, что это возможно.

— Вот так, магия Ирис, — мрачно повторил ректор, и во взгляде его отражалось то самое голодное черное пламя, что горело неподалеку.

— Отлично! — воскликнула я, кусая губы и совершенно ничего не понимая. — Но почему это так важно?

Тяжелая пауза повисла между нами, как меч над плахой.

— Существует не так много заклинаний, которые могут воздействовать на высшую нежить. А «черный огонь» способен уничтожить любого мертвеца, — тихо ответил Люциан. У меня по спине пробежала волна мурашек, от которых зашевелились все, даже самые крохотные волоски на теле. — Любого, магия Ирис. Даже самого сильного и опасного.

С этими словами он снова развернулся и на этот раз быстро ушел, не оборачиваясь.

Глава 23

БИБЛИОТЕКА И ПАРА СЮРПРИЗОВ

После той странной практики с ректором я долго не могла прийти в себя. Почему он так странно себя вел? Почему за все занятие только я одна удостоилась его злого и раздраженного внимания?

Хорошо хоть остальные магиане не слишком расстроились, что их никто так и не стал учить «черному огню». Моей показательной порки вполне хватило.

Я же до сих пор всей кожей чувствовала последствия особого внимания высшего некроманта, словно каждый его взгляд бил цепной плетью. Руки подрагивали, стоило опустить веки и вспомнить холодные серые глаза, нервно сжатые губы, чуть ли не до скрипа сомкнутые челюсти.

А сердце истекало кровью. Потому что, несмотря на все мои усилия забыть, не думать, не желать снова прикосновений сильных мужских рук, перед мысленным взором я продолжала видеть только Дэйна. Худое лицо, едва заметно улыбающееся в полумраке, всегда прямую спину, широкоплечую фигуру и немного прохладные ладони, от которых становилось так жарко.

Но на сегодняшний вечер у меня был особый замысел, и мне не хотелось портить настроение этими воспоминаниями. Я собиралась начать приводить в действие наш с Нимаэль план. А именно: искать информацию о странных символах, что возникли у нас на груди. Наверняка где-нибудь в анналах истории есть нечто похожее. Не можем мы с друидкой быть единственными, кто почувствовал на себе такую странную магию. Оставалось лишь выбрать верную область для поиска.

Конечно же моей целью снова стала академическая библиотека. Поговаривали, что такого обширного книгохранилища, как у нас, не было нигде во всей империи.

В предыдущий раз я искала запрещенные заклиния, которых тут, естественно, не оказалось. Но теперь-то все иначе. Мне нужна лишь история. Не ритуалы и жертвоприношения. А лишь рассказы возможных очевидцев. Я была уверена, что при надлежащем усердии смогу узнать правду.

Но первые несколько часов, безнадежно просиженных за фолиантами в дорогих кожаных переплетах, дали понять, что не все так просто, как

хотелось бы. Либо я плохо представляла, где нужно искать информацию, либо магия, отражающаяся магическими символами на коже, — не такое уж частое явление даже в нашей некромантской империи.

Я листала одну книгу за другой, проглядывая и перечитывая всевозможные исторические факты, но безуспешно. За окнами незаметно опустился вечер, а потом и ночь. Огромные тяжелые люстры давно зажглись волшебными желтыми огнями, не давая осознать, что уже слишком поздно.

В какой-то момент я откинулась назад в удобном кресле и задумалась. Возможно ли, что символы, которые я ищу, как-то связаны с моей матерью? С женщиной, которая чуть не принесла собственного ребенка в жертву Тиамант? Возможно ли, что это наследство проклятой высшей жрицы?

Дэйн когда-то говорил, что в венах этой женщины текла практически черная кровь. Так сильно изменила ее сумеречная магия. Может ли быть, что те странные знаки на мне — символ принадлежности к темным последователям Тиамант?

Дрожь прокатилась по спине от этой мысли. Тогда становилось совершенно ясно, почему несколько недель назад Дэйн так настойчиво пытался узнать, не использовала ли я магию прежде. Не учил ли меня кто-нибудь до академии. Ведь такими темпами я легко могла оказаться какой-нибудь наследной жрицей проклятой богини. И могу ей быть до сих пор.

Мурашки, пощипывая кожу, спустились к пояснице.

Нет, даже если во мне и правда течет проклятая кровь жрицы, я никогда не стала бы служительницей Тиамант. И никогда не положила бы свою дочь на жертвенный алтарь. Даже за все сокровища мира. Ведь именно собственный выбор определяет человека, не так ли? Выбор, а не набор предрасположенных качеств.

И вдруг в голове сверкнула молнией еще одна мысль. Госпожа Ром, комендантша, чья любовь к Люциану довела ее до гибели, кое-что обронила в своем рассказе, который мне теперь никогда не забыть. Она говорила, что видела весь ритуал по вызову Тиамант от начала до конца. До того самого момента, как Дэйн с императорским корпусом не вырезали всех его участников. И в своей истории она упомянула двух младенцев.

Двух.

Могла ли вторым ребенком быть Нимаэль Моранен? Почему-то сейчас, как никогда прежде, мне казалось, что — да.

И тогда, возможно, символы у нас на груди не имеют отношения к родителям. Лишь к самому ритуалу вызова дочери отца Тьмы.

Я резко вскочила с кресла и побежала к стеллажам с книгами, снова в

поисках того же самого, что и раньше. Темных обрядов культистов Тиамант. Снова все нити вели к тому, что произошло девятнадцать лет назад.

Пока я раскидывала в разные стороны книги с историей культа, пытаюсь найти описание необходимых событий, мне на глаза попалась одна под говорящим названием «Жизнеописание Эделины Штормарен». Я на миг замерла, а затем выхватила том, который так и приковывал взгляд.

И следующий час я с жадностью читала про жизнь молодой дворянки, чьи родители погибли при неизвестных обстоятельствах почти сразу же после ее рождения.

От этой истории невозможно было оторваться. Особенно учитывая тот факт, что заочно я уже была знакома с Эделиной через ее собственный дневник.

Как оказалось, к восемнадцати годам будущая Тиамант уже была могущественной некроманткой, несмотря на то что большинство людей в этом возрасте лишь впервые открывают свою силу. О девушке знала вся империя. Ей прочили великое будущее. Более того, в какой-то момент сам наследный принц заинтересовался ее персоной. Адриан из династии Нариисов. Старший из двух сыновей императора.

Все незамужние леди государства завидовали молодой колдунье. Да и замужние — тоже. Принц приглашал некромантку на все балы, не позволяя девушке танцевать ни с кем, кроме него. Вся империя считала, что Эделина Штормарен — будущая правительница.

Да и сама некромантка была уверена в этом не менее остальных. На ее руке красовалось помолвочное кольцо рода Нариисов — нерушимый символ будущего союза.

И все это несмотря на то, что, согласно правилам наследования трона, Тиамант была недостаточно знатной, чтобы стать императрицей. Но, оказывается, эта проблема была легко решена. Сильнейшая волшебница того времени подарила роду Нариисов бесценный подарок в качестве свадебного приданого. Каким-то непостижимым образом она наделила всю императорскую семью «золотой кровью». Удивительным даром, позволяющим человеку быть одновременно и некромантом, и друидом. С одинаковым успехом управлять и подчинять как нежить, так и живых тварей, вторгаясь в их разум. Получалось, что носители «золотой крови» имели абсолютно уникальный анарель, не меняющий свой цвет от использования какой-то магии. Все члены императорской семьи становились универсальными магами.

Все шло прекрасно. Союз был заключен, и дело шло к свадьбе. Но в

один момент что-то резко изменилось. История умалчивает детали, но, судя по летописям, в тот роковой день принц Адриан ждал невесту в ее родовом замке. В том самом, от которого сейчас осталась лишь одна башня Воронов. Похоже, наследник собирался сообщить Эделине, что намеревается жениться на другой. И новая избранница была вместе с ним.

Когда дочь отца Тьмы узнала об этом, она впала в ярость. Возможно, обман принца и стал тем самым толчком, что обратил некромантку в проклятую богиню. Но в тот день Эделина совершила еще одно невероятное колдовство. Небеса разверзлись молниями, а мир на несколько минут погрузился в абсолютную тьму. Земля задрожала, и в этот миг ее собственный замок начал погружаться под землю, хороня вместе с собой принца Адриана и его новую возлюбленную.

Как оказалось позднее, дворец не просто провалился глубоко под землю, а на первый уровень сумеречного мира.

Наследник престола, хоть и был сильным некромантом, в тот день так и не вернулся домой. Он не смог выбраться обратно. Возродившаяся Тиамант не выпустила ни его, ни будущую императрицу.

Кто-то говорит, что они умирали долго и мучительно за то, что обманули богиню. А кто-то утверждает, что смерть наступила мгновенно. И случилась она на том самом ложе, на котором Тиамант застала любовников в своем дворце.

— Так они там что, любовью занимались, пока Тиамант ждали? — вслух воскликнула я, удивляясь прочитанному.

И за спиной вдруг раздался тихий голос, заставивший тело вздрогнуть, а сердце забиться с бешеной скоростью.

— Именно так.

Я повернула голову, и замерла, забыв на миг, как дышать.

Передо мной стоял ректор императорской академии. Дэйн Люциан Кастро-Бриен.

Мой Дэйн...

Я встряхнула головой, приходя в себя. Он уже давно не «мой Дэйн». И я должна привыкнуть к этому.

Но сейчас он стоял передо мной, будто ничего не произошло. Ни два дня назад, ни сегодня. Словно не существовало всех этих вспышек ледяного гнева, острых, как бритва, слов и безразличных пустых взглядов.

И больше всего на свете мне хотелось, чтоб так оно и было.

— Я смотрю, вы прочли жизнеописание Тиамант в человеческом теле, — проговорил он медленно, подходя ближе и неформально присаживаясь на краешек стола. В каком-то полуметре от меня.

В нос тут же проник тонкий запах, чуть покалывающий морозной мятой. Я попыталась задержать дыхание, но бесполезно.

Он уже был во мне.

— Да, странная история, — с трудом проговорила в ответ и отвернулась. Лишь бы не видеть дымчатого взгляда, прожигающего насквозь. — Любовница, возлюбленная, «золотая кровь»... Много непонятного.

Дэйн едва слышно выдохнул и оперся ладонью о столешницу, слегка наклоняясь в мою сторону. Длинные аристократические пальцы оказались прямо рядом с моей подрагивающей рукой, все еще держащей книгу. Я могла совсем немного подвинуть кисть и дотронуться до светлой, как алебастр, кожи...

Нервно отбросила книгу, спрятав руки под столом. Слишком нервно.

Щеки покраснели.

— Золотая кровь, — повторил он. — Это малоизвестный факт, но она и впрямь существует. Все ветви императорских родов, на которые разделилась династия Нариисов, имели в себе отголоски этой крови. Леонар Альвис — тоже ее носитель. Но с прошедшими веками ее концентрация уменьшилась. Сейчас род Альвисов считается последним, в ком еще жив голос «золотой крови».

— Значит, — выдохнула я, — Леонар с одинаковым успехом может быть и друидом, и некромантом? Может приручать зверей? Это же удивительно!

Люциан на миг скривился, словно я сказала что-то неприятное.

— Да, все так. А еще он может слышать мысли животных, ощущать их чувства. В том числе по этой самой причине он и отправился доучиваться в ХАМ. С его даром это будет не потеря года, а открытие новых способностей. Новых горизонтов. Только бестолковый мальчишка этого совершенно не понимает.

Дэйн презрительно фыркнул, и пальцы на столешнице гневно сжались.

— Почему вам так не нравится принц? — вдруг рискнула спросить я, лишь в последний момент соображая, что эти разговоры совсем не подходят на беседу магианы с ректором.

Дэйн перевел на меня долгий пронизывающий взгляд, от которого по спине пробежали мурашки.

Какие же у него красивые губы...

— Вам это кажется, магиана Ирис, — жестко ответил Люциан, словно выливая на меня ведро холодной воды.

— Понятно, — тихо ответила я, снова почувствовав укол

разочарования. — Наверно, мне надо идти...

Руки, дрожа, сами начали раскладывать прочитанные книги, как Дэйн неожиданно прервал:

— Вы хотите увидеть их?

Я подняла непонимающий взгляд на него. Снова с ним было что-то не так. На лбу то и дело появлялась напряженная складка, а в серых глазах то вспыхивала буря, то мелькала какая-то почти болезненная тоска.

— Кого? — переспросила я.

— Принца и его любовницу, конечно. Ту самую, из-за которой он оставил Тиамант.

— Их трупы? Они что, на территории академии? — ахнула я, на миг забывая все на свете.

Тонкая линия губ ректора внезапно смягчилась, слегка дрогнув. Казалось, он вот-вот улыбнется. Но лицо так и осталось неподвижным.

— Для некромантки вы слишком пугливы, магиана Ирис, — мягко, почти ласково проговорил он. И я могла поклясться, что его глаза все же улыбались. — Конечно, нет. Я мог бы показать вам их души. Они до сих пор скитаются по сумеречному миру, куда их заточила проклятая богиня.

Я нахмурилась, лихорадочно размышляя. Ведь если они умерли в Сумерках, значит, должны быть где-то поблизости от места гибели.

— То есть они оба блуждают на первом уровне? Недалеко от замка Тиамант?

— Если быть точнее: недалеко от того места, где богиня их и застала, — ответил ректор. — Адриану вздумалось пошалить с новой пассией прямо в постели своей бывшей. Сдается мне, что все наследные принцы обладают либо излишней самоуверенностью, либо откровенной глупостью.

Он усмехнулся сквозь плотно сжатые зубы.

— Значит, прямо в постели... — проговорила я ошеломленно. — А это не то ли самое ложе, которое теперь стало порталом в наш мир?

Дэйн перевел на меня задумчивый взгляд и кивнул.

Я вздрогнула.

— Не хочу больше там появляться. Никогда. — Кажется, последние слова получились больше похожими на шепот. — И кровать эту видеть не хочу.

— Хорошо, что в нашей академии много других кроватей, — обронил Дэйн и едва уловимо улыбнулся.

Я не могла поверить, но, похоже, он все-таки пошутил.

Щеки мгновенно покраснели, и так сильно захотелось улыбнуться в

ответ, что губы сами начали растягиваться к ушам.

Сердце стучало, как ненормальное. Жар прилил к коже. Я несмело подняла взгляд и посмотрела в хрустально-серые глаза напротив. В них разливался такой теплый, обволакивающий огонь, что больше всего на свете я мечтала, чтобы этот миг никогда не заканчивался.

— Так что насчет призраков, магиана Ирис? — повторил свой вопрос ректор. — Я думаю, вам было бы интересно узнать историю Тиамант из первых уст.

После всего, что произошло в последние дни, это предложение звучало слишком странно. В этот момент я впервые подумала: а что, если Дэйн порвал со мной специально? Может, на самом деле все не так, как он говорил. Есть ли шанс, что все его прежние слова — ложь? Или мне просто до отчаяния сильно хочется, чтобы они были ложью?

Все внутри меня замерло, как будто остановилось. Сердце, дыхание, кровь. Я облизнула пересохшие губы, почти чувствуя на них легкое морозное дыхание. Слишком ярко, слишком натурально вспоминая вкус поцелуя высшего некроманта.

Это было так реально, что хотелось прямо сейчас протянуть руку и накрыть мужскую ладонь. Как раньше. Резко подняться на ноги, чтобы кресло, на котором я сидела, с жалобным скрипом отодвинулось назад. А потом прижаться к широкой груди, в которой ошеломляюще громко бьется сердце. И накрыть губы, так предательски-маняще улыбающиеся в ночном полумраке.

Куда делся весь свет? В какой момент огромные магические люстры погасли, оставив лишь несколько жалких огоньков?

Я не знала. Знала лишь только, что каждую мышцу будто резало на части одно-единственное желание. Душащее, горячее, нестерпимое...

Неправильное.

Потому что Дэйн сам меня оттолкнул.

«Вы никогда не принадлежали ни к одной благородной семье Ихордаррина...

Это была простая интрижка. Мне жаль, что вы восприняли ее слишком серьезно».

Слова прозвучали в голове так, будто Дэйн произнес их только что. Грудную клетку словно распорол на части рыболовными крючками, попавшими под кожу.

Одна неприятная, но слишком громко говорящая сущность во мне шепнула:

«Ты — просто глупая первокурсница. Глупая и наивная...»

И похоже, это была гордость.

— Нет, — ответила я резко, опустив голову. От слишком сильно прикушенной губы во рту появился солоноватый привкус. — Думаю, магианам в это время суток положено спать в своих комнатах. Доброй ночи, господин Люциан.

Все это я выпалила, не глядя в дождливо-серые глаза. А потому реакция Дэйна осталась мне неизвестна. Да и какой она могла быть? Наверняка ему все равно.

Дэйн промолчал.

Только когда я уже практически выбегала из библиотеки, поставив на место книги, заметила, как побелели костяшки пальцев ректора, с силой сжимающих столешницу.

А может, это все мне показалось. И руки главы императорской академии были столь же бледны, как и обычно.

Глава 24

РЕКТОР, ПЛАТЬЕ И ЗАКЛЯТИЕ

Почти месяц прошел с тех пор, как он сделал это. Попытался выбросить из собственной жизни единственное безумие, делающее его похожим на человека, а не на бесчувственную мертвую куклу, в которую постепенно превращалось тело.

И теперь каждый день был похож на бездну Сумерек. Самую глубокую и самую черную. Дэйн дал себе слово, что больше не приблизится к этой девушке. К Лариане Ирис. Не позволит себе вдыхать ее горячий пряный аромат, сводящий с ума с первых же секунд.

Карамель и дикие яблоки.

Иногда он просыпался по ночам, потому что казалось, будто вокруг снова разливается этот запах. Тело начинало гореть, как в лихорадке.

Такое редкое ощущение жара на коже, привыкшей к холоду.

Несколько недель назад Дэйн встретил ее в библиотеке, одиноко листающую старые книги, и внутри его все перевернулось. Он не мог заставить себя уйти и не в силах был отвернуться и не смотреть. Чтобы не видеть, как она задумчиво поправляет густые черные волосы, непослушно упавшие на плечи. Как изредка облизывает губы, переворачивая очередную страницу.

Отец Тьмы, ее губы...

Алые, как кровь, как последний рассвет. Манящие, как кинжал для самоубийцы.

Он не мог оторвать глаз. От тонких рук, которые ему так нравилось чувствовать в своих волосах, от изящных изгибов шеи, которые хотелось целовать не переставая. Слыша отрывистое, хриплое дыхание, почти переходящее в стон.

Он сходил с ума без нее.

Дэйн отвел глаза, сжимая зубы. Стараясь не смотреть. Забыть. Представлять что угодно, только не ее хрупкую талию и округлости бедер под гладкой тканью форменных брюк.

Но перед глазами упрямо оставалась лишь она одна.

Лариана Ирис.

В тот день уже через несколько мгновений такого молчаливого наблюдения он оказался рядом. Не смог сдержаться. И, подойдя ближе, тут

же почувствовал тонкий, едва уловимый флер, которого так не хватало. Горячая карамель, сладкая, манящая. И легкая кислинка послевкусия, остающаяся на языке, подталкивающая, обнажающая каждый нерв.

«Прикоснись... Попробуй, каково это, когда я расту в твоих руках?»

Но взгляд магианы Ирис был холодным, почти испуганным.

И Дэйн мог ее понять. Все прошлые дни он вел себя с ней намеренно грубо. Даже жестоко. Надеясь оттолкнуть, позволить забыть себя, может быть, возненавидеть. Что угодно, лишь бы не видеть ее слез.

Он уже почти мертв. А мертвым не место рядом с живыми.

Он даже попытался научить ее заклятию, которое сможет уничтожить его самого. После того, как он обратится...

Дэйн и сам не знал, во что он обратится. И это было страшно.

Конечно, высший некромант надеялся, что, почувствовав дыхание смерти, сможет наложить на себя сжигающее заклинание. Но что, если не получится? И после гибели он обратится не просто в опасное существо, а в чудовище, которое может причинить вред самой Лариане?

У девушки должна быть защита. И пусть ей придется еще учиться, но после сегодняшней практики Дэйн был уверен: она сможет убить его. Уничтожить то, что от него останется.

И не важно, что его тело все еще чувствует себя прекрасно. Не имеет значения, сколько он сможет протянуть после последнего ритуала с Далларом. Главное — новых обрядов больше не будет. Столько энергии, как на играх Превосходства, невозможно задействовать каждый раз. А значит, осталось недолго.

Но магиана об этом не знает, и знать ей вовсе незачем.

Только зачем он предложил ей эту дурацкую прогулку по Сумеркам?

Затем, что не хватило сил держать язык за зубами. Играть свою роль дальше.

Дэйн сжал челюсти, со злостью на себя вспоминая ту ночь. Слабость — худшая черта мужчины. Особенно если он — высший некромант.

Только вот он ничего не мог с собой поделать.

Дэйн глубоко вздохнул, открывая глаза и вырываясь из плена воспоминаний. Сегодня он, как и большинство дней до этого, пытался понять, как игры Превосходства оказались связаны с возвращением Тиамант. Глава императорской академии больше не сомневался, что так оно и есть: проклятая богиня вновь воплотилась в своем теле.

Еще несколько дней назад в городе нашли пару трупов, смерть которых наступила так же, как у Эмилии. Пока эта информация держалась в секрете, чтобы не поднимать панику. Но Дэйн хорошо изучал хроники

жизни Тиамант и знал, что похожим образом все начиналось несколько веков назад. Когда Эделина Штормарен превратилась в дочь отца Тьмы.

Оставалось понять даже не то, как бессмертная смогла вернуться в этот мир, а то, как теперь изгонять ее обратно. Проклятая богиня — это не кучка культистов. А значит, дела обстоят гораздо хуже, чем можно себе представить.

Девятнадцать лет назад Дэйн чуть не погиб, пытаясь отправить в Сумерки даже не до конца воплотившийся дух Тиамант. Что делать теперь, когда она полностью явилась в этот мир, он и приблизительно не мог себе представить.

И как назло, ни в одних хрониках не сохранилось точного ритуала. Будто они все были заведомо уничтожены.

Сейчас он стоял напротив небольшого книжного стеллажа, забитого странными, по большей части рукописными фолиантами. Вокруг расстилалась привычная Тьма. Она текла в самом пространстве, как воздух, легко попадая в легкие и выходя обратно.

Дэйн был в сумеречном мире. В замке Эделины Штормарен. Более того, он стоял в ее кабинете, где некромантка держала свои записи. Это было тайное место, в которое не каждый, даже самый сильный колдун был способен проникнуть. Именно поэтому правителями Туманной империи уже давно было принято решение хранить большинство запрещенных книг именно здесь.

Дэйн относился к тому небольшому количеству магов, которые способны преодолеть заграждающую Тьму на входе. А потому он мог в любой момент приобщиться к тайным знаниям черных культистов, если бы ему вздумалось перейти на сторону зла. Однако доверие императора к главе ЦИАНИДа было столь велико, что такой вариант даже не рассматривался.

Сейчас ректор листал очередной рукописный томик в тайном хранилище, принадлежавший перу неизвестного автора. Книга содержала много полезной информации для любого темного мага. Например, как содрать с человека кожу, чтобы он при этом остался жив. И как потом использовать эту кожу в качестве ингредиента. Была здесь также пара исследований о том, как использовать крик умирающего, чтобы активировать цепочку заклинаний.

Дэйн морщился от отвращения, но продолжал читать. Он искал хоть что-нибудь о вызове проклятой богини и не мог позволить себе пропустить даже мелочь.

Собственно, сегодня его усилия наконец увенчались успехом. Серые глаза вспыхнули жидким серебром, когда он наткнулся на слова: «Вызов из

Сумерек. Ступени силы».

Следующий час пролетел, как одна минута. Кривым почерком и еще более кривым языком на страницах старого фолианта описывался ритуал призвания Тиамант. Но это была первая и единственная полезная информация, которую Дэйн смог найти почти за целый месяц.

Когда он дочитал до конца, мысли бешено закружились в голове, пытаясь осмыслить текст. Особенно самый главный абзац, который никак не желал укладываться в мозг.

«Великую Дочь смогут вызвать лишь две печати: Крови и Рока. Они же способны отослать богиню назад, если после воплощения не уничтожить их. Проклятое наследие и Золотое наследие должны быть отмечены Посвященной, чтобы создать печати. Проклятое наследие и Золотое наследие должны быть выпиты Дочерью, чтобы навсегда сделать Великую — царицей мира...»

Дэйн выругался, снова и снова читая отрывок. Тот, кто это написал, определенно хотел вывести его из себя. Потому что понять этот бред было совершенно невозможно.

Он захлопнул книгу, уверенно поставил ее обратно на стеллаж. У ректора императорской академии была великолепная память, и он не боялся забыть что-то, оставив ценный том в сумеречном мире. Более того, некромант даже и хотел бы, чтобы его способности к запоминанию оказались хоть чуточку похуже. Возможно, тогда все эти отвратительные ритуалы, что он прочел за последний месяц, тоже выветрились бы из головы.

Но, увы, в противном случае он вряд ли был бы Дэйном. И вряд ли был бы высшим некромантом.

Уже через несколько минут после этого он стоял у себя в комнате. Мысли крутились вокруг прочитанного кусочка текста, но никак не находили ни одной зацепки. Что такое Золотое наследие? Проклятое наследие? Что за печати? Все это невероятно раздражало.

А потом в какой-то момент мозг отказался думать, вновь подсовывая женский образ. словно он слишком устал, и пора было немного отдохнуть. Вот только это была плохая идея.

— Очень плохая идея, — проговорил ректор, подходя к окну и привычно распахивая его настежь.

Уже давно минуло утро. Но солнце стояло ровно над шпилями общежития, намекая на то, что до вечера еще далеко. Легкий грибной дождь, привычный в это время года, стучал по подоконнику. Но его это не волновало.

Дэйн глубоко вдохнул свежий, немного прохладный воздух, какой бывает только в месяц Дождей, и вздрогнул. В тонком послевкусии ему почудился запах карамели.

Пальцы сами собой сжались, а перед мысленным взором сверкнули фиалковые глаза.

Он не видел Лариану уже три недели. Это было трудно, но правильно. Правда сейчас что-то подсказывало некроманту, что не будет большой беды, если он посмотрит на нее хотя бы со стороны. Она не узнает об этом, а он... Возможно, ему станет чуточку спокойнее.

Резко выпрямившись, Дэйн прошел в ванную комнату, где в крохотном ящичке под раковиной лежал кусок ткани. Скрипнуло дерево комода, и Дэйн достал черную рваную полоску, и воспоминания мгновенно обожгли его.

Они оба в сумеречном мире. Кровь беззвучно капает на каменный пол. Лариана сидит между его ног, обвязывая ему ладонь куском собственного платья. Осторожно, боясь причинить боль.

Будто ему можно причинить боль.

Дэйн на миг закрыл глаза, вспоминая мягкую женскую улыбку, не замечая, как сжимается и рвется на куски собственное сердце.

Затем он открыл глаза и тихо прошептал: «Shekel'ez unfer laiko serien...»

Это было коротенькое простое заклинание, которое, впрочем, требовало мастерского управления Тьмой. Древние слова мертвого языка означали: «Сумерки пусть сожгут пространство...»

И в тот же миг на комоде перед магом вспыхнуло блестящее зеленое пламя. Совсем не горячее. Но каждую секунду его языки нервно подрагивали, и становилось ясно, что они чего-то хотят.

Дэйн легко разорвал тряпку пополам, бросая кусок в огонь. Изумрудная пасть распахнулась, поглощая подарок, и в следующий миг он увидел далекое подрагивающее отражение той, кого так хотел увидеть вживую.

Ларианы Ирис.

Девушка улыбалась. Черные волосы были забраны назад в тугую косу, на сливочно-белых щеках играл легкий румянец. Лариана смотрела куда-то в сторону, и фиалковые глаза ее словно светились изнутри. Что-то делало ее счастливой.

Дэйн неосознанно протянул руку к зеленому огню, словно пытался коснуться светлой кожи, едва заметно дотронуться до мягкого изгиба губ. Но бесполезно. Изумрудные языки лизнули длинные пальцы, заставив

изображение нервно дернуться.

Он резко убрал ладонь, чтобы не нарушить ход заклęcia.

Все было хорошо. Именно так, как он и надеялся. Шло время, и, судя по всему, Лариана не испытывала никаких моральных терзаний из-за их разрыва. По крайней мере, сейчас все говорило именно об этом.

Дэйн с силой сжал зубы, испытыв легкий укол сожаления. Может, стоило сказать ей правду? И понадеяться, что она останется с ним до конца? Вот такая крохотная слабость. Малодушие. Даже глупость. Зато все эти недели, что прошли мимо, будто унесенные черными ветрами Сумерек, она улыбалась бы только ему. Только ему одному...

Нет, он все сделал правильно. Отступать теперь слишком поздно и чересчур жестоко. Для них обоих.

— Отличный наряд! — услышал он из отражения чей-то знакомый женский голос.

Лариана повернула голову, и через пару мгновений рядом с ней мелькнуло загорелое лицо Нимаэль Моранен.

Дэйн нахмурился.

Что они делают вместе? И главное где?

Только сейчас он понял, что окружающая обстановка никак не соответствует стенам академии или общежития. То здесь, то там выглядывали алебастровые конечности манекенов, искусственные головы с дорогими париками и разноцветные платья всевозможных фасонов.

Очень недешевые.

Дэйн узнал это место, несмотря на то что сам довольно редко бывал там. Это была «Имперская нимфа». Одно из самых богатых и модных заведений столицы, предназначенных для пошива одежды. Здесь отоваривалась вся дворянская элита. Частенько ее владельцы шили даже для самой императорской семьи.

Но что там делает Лариана Ирис? Девушка без титула, денег и связей?

Кроме того, присутствие рядом этой Моранен, которую Дэйн сам выгнал из своей академии, нравилось ему еще меньше. Будущая безземельная герцогиня, чей отец чуть не лишился всего своего имущества за долги, обладала вздорным характером и умением влипнуть в неприятности. Одна ее история с Ивейном Лараном чего стоила.

Но Дэйна беспокоили не только личные качества бывшей магианы-демолога. Гораздо опаснее был тот факт, что судьба, словно в насмешку, снова свела вместе Нимаэль и Лариану. Двух младенцев, участвовавших в ритуале вызова Тиамант девятнадцать лет назад.

Ректор нахмурился, на этот раз продолжая глядеть в сумеречный огонь

не просто так, а с вполне определенной целью: узнать, что происходит.

— Тебе нравится? — спросила меж тем Лариана, покрутившись вокруг своей оси.

Как оказалось, она стояла напротив огромного зеркала. Оттуда на нее глядела смущенная первокурсница в совершенно невероятном наряде. Голубой ринейский шелк мягко обтекал ее фигуру, выгодно подчеркивая высокую грудь и тонкую талию, от которой начиналась непышная длинная юбка.

Лариана улыбнулась, слегка наклонившись, и в сумеречное пламя попал глубокий вырез, довольно смелый даже для прожженных дворцовых модниц.

Дэйн сжал челюсти.

Куда она собирается идти в таком виде? Неужели...

— Мне кажется, на императорском балу этот наряд произведет фурор! — снова раздался голос Нимаэль.

Дэйн на миг закрыл глаза, резко выдохнув.

Что Лариана забыла на дворцовом празднике Нового года? Семнадцатое число месяца Дождей. Именно в этот день императорская семья вот уже много лет устраивает бал-маскарад по случаю конца года. Но где это видано, чтобы простолюдинки оказывались в числе приглашенных?

Нет, Дэйн не считал, что Лариана этого не достойна. Не думал он и о том, что она может выглядеть на этом торжестве глупо среди знати и высокородных выскочек. Напротив, он был уверен, что наивностью и скромностью его принцесса дала бы фору любой интриганке с голубой кровью. Ведь каждая из них только и мечтает, как бы подцепить на таком мероприятии женишка побогаче.

Однако одна мысль о том, что кто-то пригласил Лариану в качестве пары, доводила его практически до бешенства.

— Ну, ты этого хотел, Дэйн? — процедил он еле слышно сквозь зубы.

«Вот она, магиана Ирис. Улыбается, выбирает наряд на бал. Забыла тебя...»

Мысли звучали в голове, словно их нашептывал какой-то злой гений.

— Да, именно этого, — ответил он сам себе, сжимая кулаки.

Только где-то глубоко внутри он отказывался в это верить.

— Леонар будет невероятно удивлен, — фыркнула Нимаэль, и Лариана широко улыбнулась. — Осталось только сделать прическу, как мы и задумали.

— С этим, я думаю, смогу помочь вам, леди, — раздался еще один женский голос со стороны.

Видимо, в помещении была продавщица.

— Госпожа Моранен, следуйте за мной. Госпожа Ирис, вы пока примерьте туфли, хорошо?

Дэйн не верил своим ушам.

Леонар Альвис? Ее пригласил на бал проклятый принц?

Ярость закипела где-то за гранью сознания.

Он же намеренно сплавил наследного выскочку в ХАМ, чтоб не ошивался рядом с его принцессой! Но он и оттуда умудрился ее достать?

Костяшки пальцев побелели. В какой-то момент перед глазами вдруг всплыла картина, как Дэйн собственными руками душит мерзкую шейку наследника. А потом разбивает ему лицо так, что зубы посыпались на каменную плитку. И кровь капает отвратительными брызгами. И плевать, что он — принц.

Плевать...

Ревность вспыхнула с новой силой, словно прогрызая внутри отвратительную дыру. Разрывая вены, вспарывая кожу, пробираясь в самые кости.

И Дэйн никак не мог взять себя в руки. Это пугало. Высший некромант не может вести себя, как ошалевший подросток. Но эмоции выходили из-под контроля, стоило на один миг представить, как Леонар хотя бы просто дотрагивается до нее. А что будет, если он ее поцелует? Если она ответит ему? Зароется руками в его волосы, выдохнет в его губы, со стоном прижимаясь к жилистому тренированному телу проклятого третьекурсника?

И ведь принц имел на это право. Хотя бы потому, что был жив. А он, Дэйн, — нет. Что умирающий некромант мог предложить девушке? Пару закатов и несколько рассветов? Толику безлунных ночей и долгие месяцы скорби?

Но дрожь в теле не успокаивалась. Дэйна почти трясло. Он оттолкнулся от комода, где продолжало сверкать изумрудное изображение черноволосой магианы, и нервно прошелся по комнате, чтобы через несколько секунд резко вернуться обратно.

— Пошло все к демонам, — прошипел он, с силой сметая ладонью зеленое пламя.

Магия тут же погасла, чтобы смениться другой. Более привычной, хоть и не менее сложной.

Взметнулись вокруг черные клубы сумеречного дыма, окутывая фигуру ректора густой Тьмой. И через миг магическая пыль схлопнулась сама в себя, унося главу академии сквозь пространство.

Глава 25

У МЕНЯ ДЛЯ ВАС СЮРПРИЗ: БАЛ, КАПРИЗ, ЛЮБОВЬ, СТРИПТИЗ...

Пока я примеряла совершенно невероятные туфли, в голове крутились новости, которые мне поведала сегодня утром Нимаэль. Как мы и договорились три недели назад, встреча состоялась в магазине «Имперская нимфа», который я без труда нашла в самом центре города. И почти сразу же друидка огорошила меня заявлением:

— А ты знаешь, что на следующий день после бала назначены новые игры Превосходства?

— В смысле? — не поверила я своим ушам.

— В прямом! — воскликнула Нимаэль. — Оказывается, император приказал повторить бой, чтобы окончательно определить победителя. Несмотря на траур и все эти странные события. Говорят, маркиз Валенсиан был в ярости. Еще бы, его дочь погибла, а императору необходимо доказать абсолютное превосходство некромантов!

— Но мне никто не сообщил... — проговорила я задумчиво, на что Нимаэль отмахнулась:

— Леонар сказал, что у вас вообще не было тренировок, чтобы усложнить задачу. Мол, так победа ЦИАНИДа будет еще очевиднее. Кроме того, игры начнутся прямо перед рассветом. Пока еще темно.

Я округлила глаза:

— Но ведь в это время нежить почти неуправляема!

— Видимо, в этом весь смысл, — пожалала плечами Нимаэль, скривив губы. — Вы должны унижить нас максимально эффектно и красиво.

После этого разговора примерка платьев казалась уже не такой веселой. И вот сейчас я застегивала ремешок на дивных серебряных босоножках, украшенных дорогими камнями, а в голове были только игры, только Эмилия, только Тьма.

Почему меня никто не предупредил? Это, по крайней мере, странно. Ведь до игр осталось всего три дня.

Кстати, как только наш разговор коснулся бала-маскарада, Нимаэль поведала мне такую прорву подробностей этикета и обязательных правил, что мне резко расхотелось идти. Но ведь я уже обещала...

Кроме того, Нимаэль тоже показалось подозрительным, что на такое

важное событие, как празднование Нового года в императорском дворце, наследник позвал меня. Девушку, которая даже не знает ни одного танца. Что-то здесь было не так, но мы обе никак не могли понять, что именно.

И тогда в голову пришел один-единственный выход: я уговорила друидку пойти на бал вместе со мной. Втайне.

Сначала Нимаэль отказывалась как могла, но возможность подшутить над принцем взяла верх. В итоге мы приготовили ему занятный сюрприз.

Когда она вышла из комнаты с леди Роланой, чтобы обсудить прически, я осталась совершенно одна. Но, как оказалось, ненадолго.

Я едва успела снять свое новое платье, накинув длинную форменную рубашку на голое тело, как тишина в помещении внезапно сменилась знакомым шуршанием Тьмы. Резко повернула голову в сторону и тут же столкнулась с пылающим яростью взглядом серых глаз.

— Что вы тут делаете, магиана Ирис? — бросил ректор императорской академии, быстро пересекая помещение и подходя ко мне чуть ли не вплотную.

Я покраснела. Жар прилил к щекам, груди, прокатился по позвоночнику обжигающей волной. Воздух в узком пространстве вокруг тут же наполнился морозной прохладой с привкусом мяты.

Глубокий вдох получился сам собой. А после него мгновенно пришла предательская слабость.

Я стояла на маленьком коврикe в распахнутой настeжь примерочной, едва прикрытая рубашкой, неловко переминаясь с ноги на ногу по высокому ворсу. Расстегнутый почти до самой груди ворот начал обжигать кожу. Как и мужской взгляд, тут же скользнувший в вырез и внезапно потемневший.

— Это вы что делаете здесь? — возмущенно переспросила я, из последних сил стараясь дышать ровно и не впасть в нервный ступор. Рядом с этим мужчиной мне никогда не удавалось сохранять спокойствие.

— Я... — Ректор сжал зубы, явно не зная, что ответить. — Отвечайте на мой вопрос, магиана Ирис. Глава академии тут я, а не вы. Почему вы покинули стены учебного заведения?

— А что, разве это запрещается правилами? — фыркнула я недовольно, чувствуя, как от пронзительного взгляда Дэйна краснею все сильнее. От этого становилось еще жарче. — Не припомню ничего подобного в Своде правил.

Дэйн резко выдохнул сквозь стиснутые зубы.

— Вы хоть понимаете, что в городе траур? — прорычал он тихо. — Надеюсь, вам известно, что недавно были убиты еще трое магиан? Хотите

последовать за ними?

Я нахмурилась:

— Не слышала больше ни о каких смертях...

— Ну конечно, а одной смерти вам ведь мало, — скривился он так, словно я — полная идиотка.

— А чем, интересно знать, стены академии отличаются от городских? Эмилия погибла прямо на поле!

Дымчатые глаза сузились и снова полыхнули яростью.

— В академии есть я. А значит, там по определению безопаснее.

— Да уж, конечно, — фыркнула в ответ и отвернулась. — И вообще, выйдите из примерочной. Что вы себе позволяете?

Но Дэйн не двинулся с места, а я продолжала вдыхать его запах, все сильнее погружаясь в собственное безумие. Взгляд останавливался на плотно сжатых мужских губах, блуждал по светлой шее, на которой слегка напряглись от ярости вены. Хотелось коснуться их, забраться рукой под ворот рубашки, провести языком по выступающим ключицам...

Дэйн резко выдохнул и на секунду замер, напрягшись всем телом. А я вдруг поняла, что он заметил мой взгляд.

— Вы не должны ходить на императорский бал, — проговорил он внезапно сбившимся голосом и сделал шаг вперед, загоня меня в самый угол примерочной.

— Это еще почему? — спросила, нервно кусая губы.

Пространство вокруг раскалилось до предела. Морозный аромат витал вокруг, сжигал изнутри. Я захлебывалась воздухом, уже практически чувствуя его прикосновения. Нас разделяло всего несколько сантиметров. И эти несколько сантиметров уничтожали меня. Огонь пылал в крови, в мозгу, в каждой клетке тела.

— Это может быть опасно, — ответил он, и голос в какой-то миг стал хриплым.

Дэйн склонил голову, и его губы оказались предательски близко. Совсем рядом. Я чувствовала на щеке его дыхание, от которого подкашивались ноги. И умирала каждую секунду.

Грудь сводило от учатившегося дыхания. В глотке застыл то ли стон, то ли крик. Я облизала пересохшие губы, не сводя взгляда с едва шевелящегося рта напротив, мучительно сглатывая колотящееся в горле сердце.

— Не ходи... те, — прошептал он, едва касаясь кончиком носа моей мочки, а потом незаметно поднимаясь выше, вдыхая запах волос. И вдруг, скользнув по уху губами, выдохнул: — Не ходи...

Два слова, оглушившие меня почти до потери сознания. Легкое движение, от которого волна мурашек брызнула по коже, сбивая дыхание, заставляя захлебываться воздухом.

— Может быть, вы... хотите мне что-то сказать, господин Люциан? — еле слышно произнесла я, поднимая на мужчину взгляд, полный отчаянной просьбы.

«Пожалуйста, поцелуй меня... Скажи, что был не прав. Что все твои прежние слова — ложь. Иначе я не смогу...»

Иначе я погибну...

Взгляд серых глаз замер, с каждой секундой становясь все мрачнее. Будто темное озеро до самого дна промерзло льдом.

— Больше ничего, магиана Ирис, — бесцветно ответил Дэйн и тут же выпрямился, отстраняясь. Он вышел из примерочной, в которой мгновенно стало до дрожи холодно.

Я выдохнула, едва сдержав всхлип. Задернула шторку, быстро натянула брюки и застегнула рубашку под самое горло.

— Тогда не рассчитывайте, что я стану руководствоваться вашими советами вне академии, — бросила дрожащим голосом, выходя из кабинки.

Дэйн казался еще бледнее, чем обычно. Взгляд был угрюмым и как будто даже виноватым.

— Это опасно, — повторил он, но уже без прежнего запала.

— Игры Превосходства — тоже опасно, но они ведь будут проведены? — сказала я гораздо спокойнее, поправляя волосы.

— Игры? Можете не беспокоиться, вас это не коснется, — произнес ректор таким тоном, будто говорил о сущем пустяке.

— То есть как? — резко развернулась я, уперев руки в бока.

— А вот так. Вместо вас будет играть кто-нибудь другой.

— Но... — Ответа не нашлось. Мне это показалось такой невероятной наглостью и даже почти подлостью, что все слова резко вылетели из головы.

Да, когда-то я совершенно не хотела участвовать в каких бы то ни было академических соревнованиях. Да и сейчас, после того, что произошло, желания было еще меньше. Но сама мысль о том, что меня вот так легко списали со счетов, стала невероятно обидной. Ведь у меня был драугр! Один из самых сильных бойцов среди нежити! Кем же можно меня заменить?

Пафос и гордыня никогда не входили в список моих недостатков, но то, что ни одна магиана первого, второго или третьего курса не сможет вызвать такую же нечисть, было мне вполне известно. И это не хвастовство

или преувеличение. Это факт.

— Кем же вы решили меня заменить? — поджав губы, спросила я.

— Это не имеет значения, — бросил Люциан, дернув рукой, будто пытался отмахнуться от неприятной темы.

— Так, значит, игрок еще не выбран! — ухватила я, почувствовав его неуверенность. — И мне все же можно участвовать!

— Нет, — вдруг жестко отрезал он.

— Но почему? Ведь у меня очень выгодный боец.

— Я против, и на этом точка.

Брови Дэйна сдвинулись, медленно превращая лицо в знакомую каменную маску.

Где-то внутри вспыхнуло раздражение. Ну, раз так...

— Понятно, — фыркнула недовольно и, разворачиваясь к выходу из помещения, на ходу бросила: — А я пойду на бал, и на этом точка.

Насилу удержалась, чтобы не высунуть язык, как делали у нас в Козьих Шишечках все детишки. А потом гордо удалилась в общий зал магазина, хлопнув дверью напоследок.

Уже возле стойки у входа, где Нимаэль с продавщицей обсуждали какие-то детали наших туалетов, я услышала, как в соседнем помещении гроыхнуло, будто кто-то ударил по стене чем-то тяжелым. Потом из щели под дверью на миг выкатились пухлые клубы Тьмы, чтобы через мгновение всосаться обратно, очевидно, унося с собой через портал хмурого ректора ЦИАНИДА.

Ни о чем важном в этот день мы с Нимаэль больше не говорили. Я не стала рассказывать ей о странном визите Люциана, а она, хоть и обратила внимание на мелькнувшую сумеречную магию, сделала вид, что ничего не заметила.

Мы обе морально готовились к балу, который был назначен на послезавтра. Наши наряды унесли на подшивку и подгонку по фигурам, и нам оставалось только ждать.

Кстати, денег Леонара вполне хватило, чтобы полностью нарядить, как принцессу, не только меня, но и Нимаэль. Она долго отказывалась вообще идти на бал, а уж о платье я вообще молчу. Но мне быстро пришло в голову, что, возможно, у друидки, как и у меня, нет денег для покупки таких дорогих вещей. И тогда упоминание о том, что прямо сейчас я безбожно трачу золото Леонара Альвиса, а Нимаэль в этом может мне только помочь, заставило девушку передумать.

В общем, к назначенному дню мы оказались полностью готовы. Семнадцатое число месяца Дождей началось с хмурого рассвета. Но мы не

унывали. Примерно к полудню снова встретившись в «Имперской нимфе», мы начали сборы, которые продлились не менее двух часов.

Оказывается, чтобы полностью одеться, сделать прическу и наложить косметику, нужна куча времени! В тот момент я порадовалась, что никогда не занималась подобной ерундой.

Впрочем, посмотрев на себя в зеркало до надевания карнавальной маски, я оказалась в диком восторге от трудов леди Роланы, которая работала здесь «мастером женских лиц». И пришлось мне прикупить себе на оставшиеся пару монет восковую подводку и тушь для ресниц.

Не удержалась!

Потом мы с Нимаэль надели плащи, до поры скрывающие наряды, и наняли карету, которая и отвезла нас во дворец.

К слову сказать, замок императорской семьи оказался невероятно красивым. По случаю бала то здесь, то там сновали пажи, лакеи, горничные, готовые услужить прибывающим гостям. И все гости были в масках.

Дело шло к вечеру, но солнце пока не спешило садиться. Я взяла за руку друидку, чувствуя, что без поддержки от волнения земля уйдет у меня из-под ног.

Вообще-то Леонар сам предлагал встретить меня еще у стен академии. Но я отказалась, поскольку не хотела испортить задуманный план.

Так мы и прошли вместе с Нимаэль до самого бального зала, который на поверку оказался просто огромен. Собственно, на это мы и рассчитывали.

Здесь умещалось не менее сотни гостей. А может быть, и гораздо больше. Янтарный свет лился прямо с потолка, и невозможно было найти его источник. Стены оказались обтянуты какой-то пушистой сливовой тканью и декорированы золотыми гвоздиками, будто это и не стены вовсе, а какое-нибудь кресло. Но выглядело все просто великолепно.

Со всех сторон по периметру помещения располагались фуршетные столы, на которых плескались фонтаны пунша, игристого и горячего вина. Количество закусок тоже приводило в полный восторг. Да, наверное, стоило бы уделить больше внимания чужим нарядам, маскам и великолепным статуям в человеческий рост, но мне гораздо сильнее хотелось попробовать каждое выставленное блюдо. Ведь я никогда не ела ничего подобного.

— Увы, принц, боюсь, ты будешь разочарован своей гостьей, — тихо усмехнулась я, незаметно прошмыгивая к угощениям.

Плащ я уже сняла, выставив на всеобщее обозрение свой наряд.

Шикарное голубое платье с разрезом до самого бедра, серебряные босоножки, алмазную каплю на шее и прическу, над которой колдовал цирюльник не менее часа. Мои черные волосы были тщательно уложены в мощные тугие спирали, спускающиеся по спине. В то же время каждая спираль перемежалась с еще одной — искусственно вплетенной, золотого цвета. Получилась интересная композиция, которую мастер с восторгом назвал «Свет и Тьма».

Я не спорила. Мне нравилось.

Нимаэль пока свой наряд не демонстрировала, так и оставшись в плаще с поднятым капюшоном. Более того, чтобы не привлекать внимания, она уже отошла совсем в другой конец зала и тихонько встала рядом с одной из колонн.

Я проводила взглядом друидку, и в то же мгновение кто-то уверенно схватил меня за локоть, резко разворачивая к себе и снимая мою маску.

— Лариана! — прошипел сквозь зубы высокий мужчина в дорогом костюме, вышитом модной строчкой цвета белого золота. В тон светлым сумеречным волосам...

— Магиана Ирис, — тихо поправила я, тут же ощутив одновременно и вспышку раздражения, и жар гораздо более сильных чувств. Передо мной стоял Дэйн. Красивый, злой и совершенно ничем не скрывающий своей персоны.

— Что... вы здесь делаете? — выдавил ректор императорской академии, нервно убирая руки за спину. — Я же говорил вам не приходить!

— А я, кажется, говорила, что приду все равно, — фыркнула в ответ. — Или вы меня не слушали?

Темные брови ректора сдвинулись, а серые глаза опасно сверкнули. Я же в этот момент никак не могла заставить себя безразлично отвернуться и не изучать с таким пристальным вниманием совсем другой образ, в котором сегодня предстал глава ЦИАНИДа. Таким я не видела его еще ни разу.

Волосы были аккуратно уложены в хвост, скрепленный заколкой из черненого серебра, в ухе блестело кольцо-серьга на манер всех аристократов. В таком облике Дэйн напоминал скорее молодого главу какого-нибудь древнего дворянского рода. А уж никак не мрачного высшего некроманта, отягощенного знаниями и зрелым опытом.

Таким он мне нравился. Нет, не так.

Он нравился мне любимым.

— Вам не кажется, что спорить с человеком, от которого зависит ваше обучение, как минимум неразумно? — проговорил он строго. Будто

пытался сохранять дистанцию.

Но безуспешно. Губы все равно сжимались, а глаза сверкали совсем нешуточным пламенем.

— А как максимум? — приподняла бровь я, получая почти физическое удовольствие от того, как он злится.

Да, уже не в первый раз я отчетливо видела, что Дэйну не все равно. Огонь разливался под кожей от каждого его напряженного взгляда, в котором сквозили гораздо более разрушительные эмоции, чем банальное безразличие. Каждый раз, замечая, как темнеют его дымчатые глаза, «случайно» скользнув по моей груди или обнаженным плечам, живот скручивало от тянущего жара. И в саму душу прокрадывалось нестерпимое желание коснуться Дэйна. Плюнуть на все, что было. На все, что есть или будет. Как игла под ноготь — больно и непереносимо: просто прижаться к его крепкому сильному телу, раствориться в морозном, пьянящем аромате.

Раствориться в этом мужчине.

Но это было неправильно. Какие бы ни были у него причины, чтобы порвать со мной, что помешает ему сделать это снова? Что помешает ему опять наговорить мне очередных гадостей? Оттолкнуть?

Я знала, что между нами все еще стоит тайна, которую некромант мне так и не рассказал. Проклятие, рецепт избавления от которого он вряд ли нашел. И возможно, уже потерял надежду найти. Но я-то надежду не теряла! И пусть он хочет быть взрослым, благородным и рассудительным мужчиной, стараясь не общаться с маленькой первокурсницей, для меня это ничего не меняет. Ему кажется, что я не способна справиться с грузом его проблем. А потому не стоит их со мной и делить.

Но для меня все совсем не так. Я уже глубоко похоронена под этим самым грузом. И Дэйну осталось лишь понять, что ничего уже не изменится. Как и его чувства ко мне, которые с каждым днем становятся все более очевидными.

Да, будет сложно сохранять дистанцию. Всегда было сложно. Но следующий ход должен быть не за мной.

— Как максимум вы ведете себя самоуверенно и дерзко, магиана Ирис, — проговорил ректор, стараясь сохранять спокойствие. Но краем глаза я заметила, как отчаянно пульсирует напряжением маленькая венка у него на шее. Прямо над темным воротником богатого камзола.

Сглотнула неожиданно образовавшийся комок в горле и глубоко вздохнула. А потом медленно привстала на цыпочки, приблизившись к мягким, немного бледным губам, и выдохнула:

— Так накажите меня, господин Люциан...

Дэйн замер, завороченно наблюдая за моими действиями. Не отводя мрачного взгляда от едва шевелящегося рта. Каждая его мышца ощутимо звенела сталью, на несколько мгновений он перестал дышать.

Я моргнула раз, потом другой. Отодвинуться от него оказалось слишком сложно. Дэйн снова был так близко, что по коже, казалось, скользили грозовые разряды.

Произнеся фамилию некроманта, я так и не смогла сомкнуть губ, которые разделяли всего несколько миллиметров от его. Кровь прилила к вискам и громко стучала в ушах. Во рту стало обжигающе сухо, так что пришлось высунуть язык и облизать...

Я почти коснулась его.

И, дернувшись, как от удара, пришла в себя. Игра еще не закончена.

Потом отошла на шаг и замерла. Взгляд Дэйна молчаливо сопровождал каждое мое движение. Мутно и заторможенно. Но через секунду и он взял себя в руки, резко сжав кулаки и помрачнев.

— Простите, господин Люциан, я хотела бы найти моего кавалера, — бросила я с легкомысленной улыбкой. — Леонар уже должен быть здесь. Ах, а вот и он!

Искать принца не пришлось. Даже среди такой толпы. Он стоял в самом конце зала на небольшом возвышении, где располагались два трона: императора и императрицы.

Правителей еще не было на месте, а потому, обворожительно улыбнувшись застывшему ректору, я надела обратно маску, подошла как можно ближе к принцу и помахала рукой. Леонар улыбнулся, заметив мою фигуру, и в его взгляде промелькнуло узнавание. Наверно, он и вправду меня ждал, раз понял, кто ему машет, несмотря на маску. А потому уже через пару мгновений он оказался рядом.

Я посмотрела через плечо, осознав, что Дэйн к этому моменту уже затерялся в толпе.

— Рад, что ты пришла, Лариана, — проговорил принц, церемонно кланяясь и целуя мою руку.

Я густо покраснела, не зная даже, что нужно делать в таком случае. Присесть? Задрать юбку? А высоко?

В общем, я незаметно покусала губы под плотной замшевой тканью, скрывающей лицо. И кивнула в ответ.

— Я тоже рада тебя видеть. А почему ты без маски?

Принц выпрямился, никак не прокомментировав мое неформальное поведение. Как будто я вовсе не выглядела глупо.

— Особам императорской крови не положено, — скривился он. —

Подданные должны видеть своих правителей. Знать, кому кланяться, делать реверансы и облизывать задни... прости, куколка. Впрочем, может, к концу бала я и надену другую личину. Но только если будет необходимо. Кстати, ты прекрасно выглядишь! Жаль, я не вижу твоего лица.

— Спасибо за комплимент, — улыбнулась я, немного смущаясь с непривычки. А потом приподняла маску и подмигнула, снова натягивая ее обратно.

— Ну хоть так, — ухмыльнулся Леонар.

— А когда начнется сам бал? Будет же какая-то церемония открытия... наверно, — проямлила я, не зная, как это все здесь происходит.

Наследник престола утвердительно кивнул.

— Подожди, пока появятся мои коронованные предки, и дальше все потечет своим чередом. А вот и они, кстати.

В этот момент противоположные от входа двери раскрылись, и в зал, держась за руки, вплыла августейшая чета.

— Приветствуйте их императорские величества! — громко воскликнул церемониймейстер, и весь зал мгновенно затих. Мужчины склоняли головы в поклоне, а женщины приседали в реверансах.

«Задирать юбку не надо», — про себя усмехнулась я, старательно хватаясь за подол платья, чтоб скопировать позу. Принц в это время бросил:

— Мне пора идти, куколка. Встретимся чуть позднее, будь готова к сюрпризу! — Он странно подмигнул мне и исчез среди гостей.

Этот намек мне совсем не понравился.

— Ее императорское величество Каролина Альвис, урожденная Каролина-Дария Ниалейн Кастро-Велерд, герцогиня Фланская и Тарская, принцесса Миласская... — продолжал церемониймейстер перечислять титулы.

В этот момент я обернулась чуть вправо и встретила взглядом с Нимаэль, затаившейся в плаще в другом конце зала. Она кивнула мне, и мы пошли друг другу навстречу. Пора было и ей посмотреть на праздник из самого центра, а не из дальнего угла.

Где-то на середине мы встретились, и под пристальным вниманием нескольких недоуменных пар глаз друидка отдала мне плащ, оказавшись в точно таком же наряде, как у меня. Более того, ее золотые волосы были заплетены в точно такие же спирали, только вместо светлых искусственных прядей ей вплели обсидианово-черные. Таким образом у нас получились абсолютно идентичные прически. И даже маски повторяли друг друга, являясь точными копиями.

Я ловко надела плащ Нимаэль, и девушка поспешила вперед занимать

мое место. Мне же полагалось скрыться в том самом углу, где она только что стояла.

Я тихонько хихикнула, представив, как удивится принц, когда окажется, что вместо меня в зале другая девушка! Надеюсь, Нимаэль не сразу раскроет тайну, а хотя бы сначала потанцует и сделает парочку хороших реверансов. Как будто я это умею!

Зачем я вообще решила на такой странный поступок? А за тем, что этот бал вызывал у меня странное, весьма смутное ощущение, будто Леонар что-то скрывает. Не то чтобы я подозревала его в чем-то плохом. Но и хорошим это что-то точно не являлось. Вот чувствовало мое сердце!

Мне не хотелось быть единственной, кого каким-то образом, да обманут. Если принц решил как-то пошутить, то почему бы не пошутить над ним и нам?

Я удобно устроилась за одной из резных колонн, предварительно ухватив с фуршетного стола целую тарелку с какими-то невероятными рулетиками. Из них торчали аппетитные розовые хвостики, напоминающие маленьких запеченных рыбок, от которых мне никак не удавалось оторвать глаз.

Когда закончилось представление правящей четы, император провозгласил начало праздника. Леонар оказался ужасно похож на отца, только у его батюшки черты лица были более жесткие и местами даже жестокие. Я молчаливо порадовалась, что наследник лишен подобных качеств. По крайней мере, пока.

Потом заиграла музыка, и все гости дружно начали танцевать. Я при этом с удовольствием дожевывала последний рулет, наслаждаясь спокойствием в своем углу.

В это время Леонар таки пригласил Нимаэль потанцевать. Я все размышляла, догадается он, что танцует с другой, или нет? Хотелось надеяться, что друидка постарается сохранить наше инкогнито, как мы и рассчитывали, и не будет разговаривать с принцем все это время.

Вроде бы пока все шло неплохо. Музыканты играли какую-то лирическую мелодию, а я пока взяла себе бокал превосходного вина. Никогда не пробовала ничего подобного! Впрочем, я и вина-то прежде никогда не пила, так что ценитель из меня тот еще.

В этот момент музыка закончилась, и со своего трона встала императрица. Тут же зал затих, ожидая слов повелительницы. Я сделала еще один глоток, приготовившись внимательно слушать.

— Дорогие гости, — раздался ее звонкий и молодой голос, — я рада приветствовать вас на празднике Нового года в Туманной империи!

Спасибо всем, что пришли...

Я тихо усмехнулась. Кто бы добровольно отказался от возможности попасть на императорский бал?

— ...Но сегодня мы будем отмечать еще одно важное событие, — продолжала она. — Наш возлюбленный сын, наследник престола и будущий император всех Туманных земель от Сизых равнин до западного побережья Дивного моря Леонар Альвис Кастро-Келеронд выбрал себе невесту!

Зал огласился шумными рукоплесканиями. Я улыбнулась, найдя в толпе Леонара, все еще стоящего возле Нимаэль.

Вот так сюрприз! И ведь ничего не рассказал никому, хитрец. Хотя его можно было понять, я обязательно добилась бы того, чтобы мне поведали страшную тайну: кто же та счастливая избранница?

Но вдруг императрица махнула рукой, приглашая сына встать рядом с собой, а Леонар уверенно взял за руку... Нимаэль! И повел упирающуюся девушку в маску вперед!

Зал послушно расступался, кланяясь будущему правителю.

У меня потемнело перед глазами. Это был полный кошмар. Друидка едва переставляла ноги, явно не зная, куда себя деть. Так они оба и дошли до тронов повелителей. Император тоже поднялся на ноги, беря за руку остоленевшую девушку.

— Ну же, представь нам свою красавицу, Леонар, — мягко попросил отец.

Принц широко улыбнулся. А потом, повернувшись к залу, громко проговорил, одновременно снимая маску с Нимаэль:

— Поприветствуйте мою невесту! Лари...

И в этот миг он повернул голову. Слова замерли у него на языке, когда ошарашенный некромант увидел бледное, как мел, лицо девушки. Но уже через секунду все же закончил хриплым рваным голосом:

— Нимаэль Моранен, наследница рода Мораненов...

Я подавилась вином. Отставила бокал и нервно попятилась назад, натягивая пониже капюшон плаща.

Толпа гостей разразилась рукоплесканиями. Моего испуганного отступления к выходу никто не заметил.

Скрипнула за спиной огромная дверь бального зала, и я почти побежала вперед. Не знаю, куда несли ноги, ну, да простит меня Нимаэль, мне просто хотелось оказаться немного подальше отсюда. От места, где принц сошел с ума, а наш с друидкой сюрприз вылился во что-то невообразимое.

Каблуки босоножек стучали по выстланному тонким ковром полу, разнося эхо по пустынному коридору. Конечно, здесь никого не было, ведь все самое важное сейчас происходит там, откуда я убегала.

Плащ начал запутываться, а капюшон мешать обзору. Я потрянула головой, освобождаясь от него, одновременно развязывая пояс накидки. И в этот момент столкнулась с кем-то в темном и жестком камзоле.

— Осторожнее, леди... Лариана?! — раздался низкий голос, отдающийся в самых глубоких уголках моей груди.

Не может быть...

Мороз и мята. Длинные крепкие пальцы на моих предплечьях. Подкашиваются ноги. И взгляд горячего пепла...

— Магиана Ирис, — едва набравшись сил, поправила я ректора. — Отпустите меня, мне надо...

— Что вам надо, магиана Ирис? — с ядом в голосе спросил Дэйн, еще сильнее сжимая кисти моих рук. — Или, может быть, мне теперь называть вас «будущее императорское величество»?

Я нахмурилась, вглядываясь в бледное лицо напротив, искаженное гримасой ярости и какой-то беспросветной печали.

— Что вы имеете в виду? — проговорила, не вполне понимая, что происходит.

Дэйн прищурился, не сводя с меня сверкающих, будто лезвия, глаз и вдруг, осмотревшись по сторонам, быстро открыл какую-то дверь, втолкнув меня в темное помещение.

— Что вы себе позволяете... господин Люциан? — слегка охрипшим голосом спросила я, пытаюсь осмотреться.

Но получалось с трудом. Казалось, что мы попали в какой-то сплошной беспросветный мрак. Когда глаза немного привыкли, я заметила, что вся комната отделана в темных тонах с легким бордовым оттенком. Но все цвета совершенно терялись из-за того, что шторы были почти задернуты, и лишь легкие, едва заметные лучи красноватого заката еще пробивались в помещение.

— Я позволяю себе все, что захочу, — резко бросил он, захлопывая дверь. — Подскажите, а вы давно планировали выйти за Леонара Альвиса или это спонтанное решение?

— Я вообще этого не планировала, — фыркнула в ответ, все еще плохо соображая, что происходит.

Потом отошла чуть в сторону и уперлась бедрами в тяжелый стол. Провела по нему пальцами, ощущая прохладную гладкость. Очевидно, мы находились в каком-то кабинете, сплошь отделанном камнем. Даже мебель

здесь была из этого странного черно-малинового минерала.

— Поэтому принц назвал вас своей невестой? — сквозь зубы процедил Дэйн, медленно приближаясь.

И, по мере того как расстояние между нами сокращалось, я все отчетливее чувствовала kloкочущую в Дэйне ярость. Огонь, сжигающий его изнутри.

Это заставляло каждую клеточку моего тела вздрагивать от странного сладкого страха, сдавливающего живот.

Мне хотелось, чтобы Дэйн злился. Потерял контроль хоть на миг и сказал наконец то, что думает на самом деле. Сделал то, что на самом деле хочет...

А еще я поняла один важный факт: кажется, ректор не видел продолжения праздничного торжества. Не понял, что Леонар представил двору вовсе не меня. Мог ли Дэйн выйти из зала до того, как принц снял маску с Нимаэль?

— В какой момент вы покинули бал? — поинтересовалась я немного сбивчиво, не сводя взгляда с темных глаз, сверкающих в последних лучах заката.

Дэйн медленно сделал еще шаг, заставив меня вжаться в стол позади. Он смотрел мрачно и жестко, и дымчатые радужки будто предупреждали, что мне стоит бояться.

Но по спине прокатились мурашки вовсе не от страха. Спустились вниз и обожгли поясницу, нервным импульсом ударили в позвоночник, расходясь крохотными молниями по всему телу. До кончиков пальцев.

Снова он был всего в нескольких сантиметрах. Его дыхание почти достигало моей кожи. Его напряжение раскаляло воздух.

— Я вышел сразу же, как Альвис потащил вас к императорским тронам. Для меня было достаточно.

Ректор зло выдохнул.

Я хотела улыбнуться, только губы отказались повиноваться.

— А какая вам разница, — тихо проговорила в ответ, теряя контроль и над голосом тоже, — за кого выйдет замуж одна из ваших магиан?

Нервно сглотнула, когда Дэйн вдруг опустил руки на стол по обеим сторонам от меня, опираясь на сжатые кулаки. Заставил отклониться назад, и теперь я отчетливо ощущала, как глубоко вздымается его грудь от тяжелого дыхания. Как воздух, вырывающийся из легких, достигает моих губ.

Словно он уже касается меня...

— До магиан мне нет никакого дела, Лариана Ирис, — низко

проговорил Дэйн, сжигая своим серым огнем. — Но лично вы не выйдите замуж за Леонара Альвиса.

— Это еще почему?

Светлые боги, слишком сложно...

Дэйн замер на мгновение, а затем низким грудным голосом ответил, склонив ко мне голову:

— Потому что вы его не любите...

— Но... — Я хотела было что-то возразить, как почувствовала на своем ухе мужское дыхание.

— Скажите, — тихо прошептал ректор, склоняясь все ниже, — если вы все же вышли бы за принца... Приятно было бы целовать своего мужа и представлять при этом другого?

Его голос начал неувовимо оглушать. Низкий, горячий, слегка мурлыкающий.

Я прерывисто вздохнула, и от этого неловкого движения губы Дэйна коснулись моей шеи.

Под кожей взорвался фонтан искр.

— С чего вы взяли, что я стала бы...

— Стали бы, — повторил Дэйн чуть хрипло. — Каждый раз рядом с Леонаром Альвисом вы представляли бы другого мужчину. Закрывали бы глаза и почти физически ощущали, как другой язык властно проникает в ваш рот...

Мягкий мужской голос погружал меня все глубже в жерло вулкана, воспламеняя сладостью каждую косточку.

— Как более сильные и уверенные руки ласкают ваше разгоряченное тело, — продолжал Дэйн. — Как совсем иные губы шепчут вам на ухо...

— Прекратите, — выдохнула я, нервно сглатывая.

— Горячая, желанная... принцесса.

Перед глазами вспыхнули разноцветные круги. Прохладные губы вновь коснулись распаленной шеи, теперь уже вполне сознательно соскальзывая вниз, разрезая кожу на горящие полосы.

В животе взорвалась шаровая молния.

Я попыталась вздохнуть, но получился сдавленный всхлип. Зажмурилась, стараясь вспомнить, почему не позволяю себе прикоснуться к этому мужчине, от которого помутился разум. Остановилось сердце. Почему терплю это безудержное желание, сжигающее изнутри, уничтожающее тем сильнее, чем дольше я нахожусь с ним рядом.

Но вспомнить не удавалось.

В ушах оглушительно стучала кровь, выбивая меня из окружающего

мира, отрезая от понимания, что вообще происходит.

Был только он, только Дэйн. Его пьянящий аромат. Его дыхание, которое было моим собственным. Его руки, внезапно сдвинувшиеся и обхватившие мои бедра...

— Я больше так не могу, Лариана, — прозвучал тягучий, слегка надтреснутый голос с нотками полынной горечи и дурманящей сладости.

В виски ударила молния, вышибая остатки мыслей, уничтожая дыхание. Я инстинктивно попыталась сжать ноги, чувствуя, как вдруг стало нестерпимо горячо. Но Дэйн сдавил пальцами мои бедра, резко приподнял и усадил на стол. А затем приблизился вплотную, раздвинув мои колени и встав между ними.

Разрез платья распахнулся, обнажая линию трусиков и ставшую беззащитной кожу.

Я приоткрыла губы, жадно хватая воздух, почти захлебываясь. И посмотрела в глубокие глаза напротив. В них темный хрусталь смешивался с сумеречным огнем, превращаясь в горячий пепел. И этот пепел — все, что от меня осталось.

— Что это значит? — выдавила я через силу, понимая: любой ответ не будет значить совершенно ничего. Потому что мне не удастся оттолкнуть Дэйна и уйти. Не получится наговорить ему гадостей или самоуверенно пошутить.

Ничего уже не получится...

Но то, что я услышала, заставило сердце подпрыгнуть к горлу, оглушая волной пламенного восторга.

— Я не могу без тебя, Лариана, — прозвучал тихий, немного вибрирующий голос, и Дэйн прижался ко мне лбом, закрыв глаза. — Каждый день без твоей улыбки — это год в самой бездне Сумерек. Каждая секунда без твоих губ — это ночь, после которой для меня не наступает рассвета. Я люблю тебя, Лариана. Как не любил еще никого и никогда.

В этот момент вокруг стремительно исчез воздух. Все эмоции, все затаенные желания обнажились до предела. Делая остро зудящей, чувствительной до боли не только кожу, но даже взгляд.

И тогда его губы впились в мои с такой силой и страстью, будто он пытался вымолить прощение за что-то. Но я уже не помнила за что. Я не понимала, где нахожусь: все еще в кабинете из черного камня или, может быть, лечу сквозь Тьму на первом уровне Сумерек. Снова чувствовала мягкие губы, язык, с жадностью погружающийся в меня, ласкающий, выпивающий до дна.

И это слишком сильно било по мозгам. Вышибало последние мысли.

Он был нужен мне ближе. Гораздо ближе...

Слишком давно был нужен. И теперь горло разрывало от огня, от едва сдерживаемых стонов, когда его губы опустились ниже, с неистовством хищника прикусывая, целуя, оставляя сладкие отметины на груди.

Мои руки сами дернулись вперед, распахивая дорогой камзол, неловко расстегивая золотые пуговицы рубашки, проникая к прохладному напряженному телу. Наслаждаясь каждым прикосновением, ощущением рельефного тела под кончиками пальцев. Бешеным стуком сердца.

Дэйн тяжело выдохнул, когда я заставила его слегка отклониться, чтобы мои губы смогли обрисовать ямки мышц под распахнутой рубашкой.

Мало. Слишком мало...

Мне хотелось его всего. С каждой секундой все больше и сильнее.

Я обвела языком маленький сосок, слегка прикусив, и услышала, как из мужской груди вырывается тихое рычание.

Подняла взгляд и тут же наткнулась на его губы, сминающие мои собственные с голодной жадностью, животной страстью. С огнем, который был моим собственным.

С каждым мгновением все сильнее казалось, что я вот-вот сгорю или сойду с ума.

А в следующий миг дыхание оборвалось, потому что я почувствовала, как чуть прохладные руки коснулись между ног линии моего белья. Опыняющая волна жара лизнула бедра, заставив дернуться навстречу и покраснеть от стыда.

Даже сквозь мрак кабинета я ощутила, как губы Дэйна растянулись в улыбке. Он едва сдвинул пальцы, коснувшись костяшками самой середины трусиков. Чуть надавив и скользнув вниз по ткани.

Я тихо застонала, прикусывая губу. Сердце грозило выскочить из груди. В глазах помутнело. Дыхание стало громким, почти всхлипывающим. И я ничего не могла с этим поделать.

— Моя... — прошептал низко Дэйн, снова сдвинув пальцы, отчего перед глазами заплескали искры. — Моя горячая принцесса...

На последних слогах голос перешел на хрип, когда Дэйн вдруг отодвинул мешающую ткань и дотронулся до меня по-настоящему.

Я выгнулась в спине, ничего не соображая, не управляя собственным телом. А через мгновение прижалась к нему, инстинктивно сжимая коленями, сцепляя ноги за спиной. Как кошка, ласкающаяся к хозяину, заставляя его не останавливаться ни на секунду.

И в один из моментов этого сумасшествия Дэйн вдруг спросил грудным, чуть подрагивающим голосом:

— Ты... хочешь?

Я прикусила губу, на короткое время приходя в себя. Стремительно краснея и бледнея одновременно.

— А ты? — сказала, сама не понимая, что говорю.

Дэйн чуть болезненно улыбнулся:

— Я хочу тебя с первой минуты, как ты вошла в мой кабинет в своем нелепом шерстяном платье. С первой секунды, как ты попыталась изгнать меня в сумеречный мир. Только это не имеет никакого значения, Лариана. Потому что я взрослый мужчина и готов подождать до того момента, когда...

— Я хочу... — резко выдохнула, сильнее прижимая его к себе. — Хочу сейчас...

Дернулась чуть вперед, ощутив его сквозь ткань между ног.

Пульсация... Сводящее с ума напряжение, сжигающее, как огонь, сухую листву.

И снова губы. Скользящие, кусающие. Одежда Дэйна, падающая на пол. Звон расстегиваемого ремня, от которого мурашки пробегают по спине. Трусики, которые он медленно стягивает с меня, одновременно поглаживая пальцами бедра.

Все разумное и человеческое растворилось. Остался только животный, дикий голод, смешанный с легким страхом неизвестности.

— Будет больно? — едва выдавила я, смущаясь, что приходится признаваться в собственной неопытности вот таким образом.

Дэйн на миг замер, не сводя с меня серебряных глаз. И неожиданно ответил:

— Нет.

Я не знала, почему нет. А он не стал объяснять. Только в какое-то мгновение я почувствовала, как одновременно заполнился его языком мой рот, а там, внизу, резкий толчок свел сладкой судорогой все тело.

Я застонала в приоткрытые губы, ощущая легкое, почти мгновенно проходящее покалывание, после которого был только огонь. И только пламя, уносящее за черту реальности. И только Дэйн, который был для меня больше, чем вселенная.

Когда я пришла в себя, вокруг все так же стоял непроглядный мрак, а где-то далеко за дверью кабинета раздавались звуки музыки. Бал продолжался.

Я полулежала на широкой мужской груди, слушая, как тихо и спокойно стучит его сердце. Сумеречно-белые волосы смешались с моими, сильные руки обнимали меня за талию, крепче прижимая к обнаженной светлой

коже, которая теперь уже не казалась прохладной. Словно температура Дэйна на этот раз сравнялась с моей собственной, словно он был частью меня.

Сам Дэйн сидел в глубоком кресле, обитом шелком, расслабившись и закрыв глаза.

Я подняла голову, незаметно рассматривая, каким безмятежным стало его лицо. Как разгладилась тонкая морщинка между бровей и слегка вытянулись губы, обычно сжатые до предела. С упоением вдыхала тонкий аромат, окружающий его со всех сторон, пропитавший меня насквозь. И чувствовала себя как никогда спокойно.

— Нам не следует вернуться на праздник? — тихо спросила, выводя пальцем на мужской груди незатейливые кружочки.

Дэйн, не открывая глаз, улыбнулся, прижав меня еще сильнее. Мне нравилась его улыбка. Именно такая, как сейчас: лишенная обычной жесткости и напряжения.

— Думаешь, уже пора?

Щеки снова начали немного гореть, когда я представила, на что он намекает.

— Мне кажется, я оставила Нимаэль Моранен не в самом хорошем положении, — ответила, подавляя приступ неловкости тактикой нападения. — Ты не досмотрел представление до самого конца, дорогой. Леонар перед всем двором провозгласил своей невестой именно ее, а не меня.

— Правда?! Значит, ты не должна становиться его женой? — резко поднял голову Дэйн, распахнув глаза. Его улыбка мгновенно стала гораздо шире, вот только совсем ненадолго. — Что у тебя на груди? — Вся радость тут же исчезла с красивого лица, челюсти сжались, а в сером взгляде мелькнул ужас.

— О чем ты гово... — начала было я, опустив взгляд, и тут же побледнела.

Прямо под ключицами снова вспыхнули знаки цвета самой Тьмы. Будто кто-то жидким обсидианом вывел на коже древние письмена, старательно вычертив полумесяц печати.

— Ах, это... — протянула я, чувствуя, как холодеет сердце.

Снова все повторилось. Снова...

— Я не знаю, — пришлось признаться.

— Давно это у тебя? — быстро спросил Дэйн, мягко заставив меня откинуть голову назад, чтобы разглядеть буквы.

— Первый раз символ появился после игр Превосходства. Потом он

почти сразу исчез, и вот сегодня...

— Почему ты не сказала мне? — строго спросил он, взяв меня за подбородок и заставив смотреть себе в глаза. — Ты понимаешь, что это не шутки?

— Понимаю, — вырвалось со вздохом. — Но ты же сам... Я не могла...

Попыталась отвернуться, отвести взгляд, но не смогла. Дэйн держал крепко. А потом и он глубоко вздохнул.

— Ясно. Прости, — раздался ответ, за которым последовал мягкий, как облако, поцелуй.

Я обратила внимание, что теперь мне даже понравилось, что он держит мое лицо, не давая пошевелиться. Но уже через мгновение сильные руки исчезли, принеся пугающую свободу.

— Одевайся, — бросил он. — Нам нужно возвращаться в академию.

— Прямо сейчас?

— Все очень серьезно, Лариана... — проговорил он, подавая мне платье, которое все еще лежало на том самом каменном столе. — Похоже, активировалось старое заклятие. Теперь я понял наконец. Тьма, три недели! Если бы ты сказала раньше. — Дэйн качал головой, разговаривая будто сам с собой и одновременно натягивая брюки.

— Я... не хотела... — протянула в ответ. — Да и с Нимаэль мы договорились не рассказывать об этом.

— Нимаэль Моранен? — выдохнул ректор, на миг замирая на месте. — На ней тоже есть печать? — И, не дожидаясь ответа, закончил: — Ну конечно. На ком же еще, если не на ней... И печать наверняка золотая?

Я недоуменно захлопала глазами.

— Не знаю, ее печать, как и моя, очень быстро исчезла. А как ты понял?

— Некогда, принцесса, некогда, — бросил Дэйн, помогая мне надеть и застегнуть на спине наряд. — На дворе уже почти ночь. Завтра утром начинаются новые игры Превосходства, нужно успеть до них...

— Что успеть?

— Найти того, кто все это затеял, — жестко ответил ректор, и я снова увидела в нем того самого высшего некроманта, которого боялась вся императорская академия.

Он помог мне поправить платье, волосы, слегка взбив черно-золотые спирали, и самостоятельно надел мне на ноги туфли, улетевшие неведомым образом на другой конец кабинета.

— Дэйн, а в играх кто будет участвовать? — несмело спросила я, когда

мы оба оказались совершенно готовы.

— Кто угодно, только не ты, — тут же последовал ответ.

И стоило взглянуть в глаза цвета серой стали, как спорить окончательно расхотелось.

— А как же я пойду по дворцу с этими знаками на груди? — ахнула, когда Дэйн уже потянул меня к выходу.

Но стоило опустить взгляд на глубокое декольте платья, как стало ясно то, что Дэйн откуда-то знал, что будет дальше.

— Печати не остаются на коже надолго. Видимо, вспыхивают только в момент выплеска энергии, эмоций. Пока точно не знаю...

И действительно, от символов остались лишь бледные полоски, которые исчезали на глазах.

— Удивительно, — бросила в ответ, когда после минутной паузы Дэйн распахнул дверь и вышел со мной в коридор.

Но далеко уйти не вышло, потому что навстречу нам шел сам император.

Я не успела опомниться, как его величество остановился возле Дэйна и немного лениво улыбнулся.

— О, вот ты где. А я тебя искал в зале.

— Прошу прощения, сир. — Некромант склонил голову в поклоне, приложив левую руку к груди, а правой сжав мои пальцы. — Я был немного занят.

Не скажу, что сразу, но я все же сообразила, на что намекает мой кавалер. И, поспешно подхватив подол платья, растянула его в стороны как можно менее смешно. Но, похоже, вышло не очень.

Император бросил на меня снисходительный взгляд и отвернулся.

— Да, я вижу, чем именно ты был занят. — Губы повелителя дрогнули и едва заметно растянулись. — А еще теперь мне становится ясно недоумение сына.

Он оглядел меня с головы до ног, явно обратив внимание на наряд, в точности повторяющий наряд Нимаэль.

— Я слышал, что Леонар назвал имя своей невесты, — ответил Дэйн, будто не замечая подколок. — Поздравляю, ваше величество.

— Да я, признаться, очень рад, — кивнул правитель, и во взгляде его блеснул свойственный его сыну задор. — Хотя и удивлен выбором. Его избранница Нимаэль Моранен оказалась не просто достаточно высокородной для брака с наследником, она еще и потомок императорской ветви «золотой крови». Правда, лишь по матери. По отцу девчонка всего-навсего полунищая виконтесса, — усмехнулся император. — Но ради

«золотой крови» я вернул ей родовой титул герцогини.

— Так Нимаэль — дочь... — начал Дэйи, многозначительно глядя в зеленые глаза повелителя. Словно намекал на что-то.

И оказалось, так и есть.

— Да-да, граф, вы схватываете на лету, — слегка скривился его величество. — Мой сын выбрал себе в невесты дочь женщины, которая много лет назад почти свела меня с ума. Но это в прошлом. Главное, что мы усилим этим браком «золотую кровь» правящего рода. А остальное — пустяк.

Дэйи слегка поклонился.

— Очень мудро, ваше императорское величество.

— Я смотрю, ты куда-то торопишься, — фыркнул в ответ правитель государства и снова взглянул на меня с легкой насмешкой. — Что ж, понимаю. Главное, завтра на играх не устрой мне повторения того позорного фиаско, что было в прошлый раз. Академия некромантии и демонологии должна безоговорочно победить. Чтобы ни у кого больше не было сомнений в силе сумеречной науки и мощи нашего государства, выбравшего именно эту стезю.

— Да, ваше императорское величество, — еще раз склонил голову Дэйи. — Новая команда уже собрана. Осталось лишь...

— Никакой новой команды, — оборвал резко император и нахмурился. Сверкнул цепкий взгляд ядовито-зеленых глаз. — ЦИАНИД победит тем же составом и никаким иным.

Бледное лицо Дэйи побелело еще сильнее, когда он бросил на меня быстрый мрачный взгляд.

— Но...

— Никаких «но». — Повелитель зло сжал зубы, и стало видно, насколько он недоволен. — Ни у кого не должно быть сомнений в том, что победить может любая команда некромантов и демонологов. Если ты сменишь игроков, станет ясно, что предыдущие не справились. И ни слова больше, граф. Я не настроен спорить.

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

Ректор поклонился, но я-то видела, насколько сильно были стиснуты его челюсти. Спина вдруг стала негнущейся, как стальной прут. Люциану явно было очень сложно ответить именно так.

Повелитель бросил на меня многозначительный взгляд. Краем глаза я заметила, что Дэйи так и не поднял головы, а значит, и мне надлежало поклониться.

Я торопливо растянула юбку и тихонько присела в уже гораздо более

ловком реверансе. Кажется, у меня получалось все лучше.

Правитель Туманной империи удалился прочь, а ректор наконец смог выпрямиться, вновь посмотрев на меня глазами цвета темного хрусталя.

— Сбылась твоя мечта снова поучаствовать в играх, дорогая. Только как бы нам всем теперь это не вышло боком.

Голос Дэйна в этот момент звучал настолько зловеще, что по моей спине прокатилась волна холодных мурашек. И как теперь объяснить ему, что я этого вовсе не хотела?

Впрочем, выхода все равно не было. Оставалось надеяться, что дурное предзнаменование, проскочившее в последней фразе Люциана, все же не сбудется.

Глава 26

ЦВЕТ СТАЛИ, ОТТЕНОК СТРАХА

Всю ночь Дэйн пролистывал собственные записи, включающие всю ту разрозненную информацию, что удалось собрать за последние дни. Теперь многое становилось на свои места. Проклятое наследие, Золотое наследие, Нимаэль и Лариана. Две девушки, которые когда-то чудом уцелели во время жертвоприношения Тиамант. Печати, активировавшиеся спустя девятнадцать лет. Смерти и трупы, отравленные Тьмой.

Ясно, как день, что на прошлых играх Превосходства кто-то призвал проклятую богиню вновь. Завершил ритуал, отсроченный его с Далларом усилиями. А еще усилиями двух десятков некромантов императорского корпуса, отдавших свои жизни ради победы.

И вот теперь все началось по новой. И на этот раз масштабов катастрофы не знает никто. Ведь богиня уже явилась в мир.

В первую очередь конечно же об этом должен быть извещен император. Но таинственные смерти, случившиеся в последние дни в городе, и то, что произошло с Эмилией Валенсиан, правитель Туманной империи никак не хотел воспринимать всерьез. Попытка отложить, а то и вовсе отменить игры приводила его в бешенство. И Дэйн догадывался, что на этот раз все дело в наследнике. И здесь вездесущий Леонар Альвис стал камнем преткновения. Пусть и невольно. Но его отец не мог допустить, чтобы принц проиграл или выбыл из состязания. Не мог допустить пятна на репутации правящей династии, которая должна быть безупречна.

И теперь Лариана, его принцесса, под ударом. Они все под ударом.

Всю ночь Дэйн держал девушку в своей спальне, наказав хорошенько выспаться перед боем. И как бы она ни сопротивлялась, все же оставил ее одну, незаметно закрыв дверь на замок. Он не боялся, что Лариана попробует сбежать. Он опасался, что кто-нибудь другой захочет найти ее.

В старых записях культистов было сказано, что необходимо уничтожить обеих девушек, участвовавших в ритуале, чтобы богиня навсегда осталась в верхнем мире. Именно поэтому на них горят те самые печати. По ним Тиамант должна опознать своих жертв.

С другой стороны, печати явно пытались защититься. Они появлялись лишь в моменты наивысшего страха или страсти, волнения или возбуждения. А потом бесследно исчезали, пытаясь скрыть свое

существование. А значит, все не так просто. Раз они привели Тиамант к воплощению, то они же должны обладать силой и вернуть ее обратно.

Вот только как?

Дэйн не знал. И самое ужасное в том, что он чувствовал: отведенное им время подходит к концу. Новые игры Превосходства — место, где обе печати вновь должны встретиться. Вокруг будет толпа магиан, полных сил и волшебства. Вряд ли таинственная «посвященная», что фигурировала в текстах культистов, пропустит такое событие.

Много лет назад «посвященной» приверженцы культа именовали высшую жрицу. Женщину, чье увлечение черными ритуалами изменило саму ее сущность. Чье служение Тиамант буквально наделило ее кровью Тьмой. Той самой Тьмой, что теперь так хорошо слушается Лариану, являясь ее проклятым наследием.

Но кто же мог повторить ритуал вызова богини спустя столько лет? Ведь согласно докладам внутренней разведки, в Ихордаррине уже давно нет ни одного темного культа. Могли ли они пропустить кого-то?

Дэйн не мог в это поверить, потому что сам когда-то был частью тайной канцелярии императора. И они прекрасно умели находить источники черной магии. Единственный возможный вариант — новая жрица или жрец появились совсем недавно и еще не успели пролить много крови.

Это сильно осложняло дело.

Но была и подсказка. Дэйн пока смутно представлял, как ей воспользоваться. Если «посвященная» была на прошлых играх, то будет и на этих. Если она сумела пройти на территорию Мертвой академии, значит, имеет отношение к одному из вузов.

И все же поиск это сужало незначительно. ХАМ и ЦИАНИД имели в своем штате огромное количество народу. А если предположить, что магичит кто-то из семей учащихся? Круг поиска становился просто необъятным.

И времени уже не было.

Через несколько часов за окном забрезжит рассвет. До подъема еще далеко, но в этот раз игры начнутся до восхода солнца. Очередной приказ императора, который крайне беспокоил высшего некроманта. Несколько часов, когда нежить становится слишком плохо управляемой. Несколько часов, когда Тьма изначальная может выйти из-под контроля, а кровавые ритуалы обретают особую силу.

И в это время он, Дэйн, должен выпустить на поле Лариану. Которая мало того, что ничего не знает о происходящем, но еще и является

желанной добычей для культистов и самого темного зла большинства уровней сумеречного мира. Для самой Тиамант.

Ректор устало потер виски. А потом пришла пора действовать. Он подошел к старому зеркалу в серебряной раме, через которое привык связываться со своим единственным близким другом. Товарищем, почти братом, что уже двадцать лет сохраняет его самого на грани между жизнью и смертью.

Сверкнула капля крови на грязновато-багровой поверхности, и тут же отражение в зеркале подернулось мраком.

Ждать пришлось недолго. Очень скоро безупречная гладкость поверхности очистилась, являя образ друида.

Хемиан Даллар выглядел сонно и немного отрешенно. Черные волосы, обычно тщательно причесанные, сейчас слегка топорщились. На лице застыла бледность.

В другое время Дэйн обязательно усмехнулся бы. Едва заметно, само собой. И на губах мелькнула бы призрачная улыбка: Даллару явно не по нраву было вставать в такую рань. Но приказ императора — не шутка. Игры должны начаться прямо перед рассветом. Уже совсем скоро.

Однако сейчас ректору Мертвой академии было совсем не до шуток.

— Даллар! — воскликнул он, резко подаваясь вперед.

— Что, Дэйн? Опять проклятие? Я не уверен...

— Забудь о проклятии, — сморщился некромант. — Случилось то, чего мы боялись все эти годы. Тиамант действительно возродилась!

В этот момент друид поднял на друга темный взгляд, в котором читалось удивление.

— Ты думаешь? — тихо спросил он, реагируя вовсе не так, как рассчитывал Дэйн. Но ректор ЦИАНИДа списал все на слишком раннее утро и дурное настроение товарища.

— Уверен, — жестко бросил он. — И на сегодняшних играх наверняка будет продолжение ритуала. Я думаю, приверженцы культа не упустят такого шанса. Мне удалось подготовить весь персонал к внештатной ситуации. Преподаватели будут тщательно следить за магическими выплесками. Никто лишний на поле допущен не будет. Перед входом организован тщательный досмотр на предмет магических ингредиентов и амулетов. Но я боюсь, что мог что-то упустить. Мне нужна твоя помощь.

Даллар задумчиво кивал, медленно потирая подбородок.

— Конечно, конечно, — проговорил он, бросив на Люциана озабоченный взгляд из-под нахмуренных бровей. — А какой конкретно ритуал, ты думаешь, будет сегодня проведен?

Дэйн еще сильнее наклонился к зеркалу, сжав кулаки.

— Я думаю, колдун попытается уничтожить печати, обладающие силой изгнать Тиамант. И не просто уничтожить, а, возможно, даже принести их носительниц в жертву своей богине. Это наши девочки, Даллар. Те самые, которым мы много лет назад сохранили жизни. Лариана Ирис и Нимаэль Моранен. Если их убьют, дочь отца Тьмы уже будет не победить.

Друид нахмурился еще сильнее, словно обдумывая услышанное.

— Хорошо, — кивнул он через мгновение. — Тогда жди меня на поле. Я постараюсь помочь. И... хорошо, что ты предупредил меня, Дэйн.

Высший некромант вздрогнул, испытывая неприятное чувство внутри, будто он не узнает своего друга. Но задумываться над такими мелочами было некогда. Что там, в голове у друида: сон, несъеденный завтрак или проблемы академии, Люциан не собирался вникать. Сейчас главным было совсем другое.

— Хорошо. Тогда увидимся, — бросил он, разрывая связь.

Солнце не ждет. Пора было готовить поле и выводить игроков.

Примерно через час Дэйн вывел Лариану к зеленому сектору для игр. Он крепко сжимал ее запястье, словно боялся, что может появиться невидимая сила и отнять у него девушку. На все ее вопросы приходилось отвечать сжато и осторожно. Впрочем, скрывать опасность он не собирался. Лариана имела право знать, какая угроза над ней нависла. Ей просто ни к чему было вникать в кровавые детали.

— Сегодня все может пойти совсем не так, как задумывалось, — подбирая слова, объяснял Дэйн свое странное поведение. — Ты должна быть крайне осторожна. Если почувствуешь чуждую турниру Тьму, беги как можно скорее в противоположную сторону. Не пытайся колдовать. Брось к демонам своего драугра, с ним разберутся потом. Главное, не приближайся к магии, которая будет пахнуть... смертью.

Лариана ощутимо сжалась.

— Ты думаешь, что снова может погибнуть кто-то из игроков?

Дэйн перевел на нее мрачный взгляд. Со щемящим чувством в груди всмотрелся в глубину фиалковых глаз, в которых читались страх и беззащитность.

— Да. — Но прибавить, что погибнуть может именно она, его принцесса, Дэйн не смог.

Лариана опустила голову и прикусила нижнюю губу.

Ему очень хотелось обнять ее, успокоить, сказать, что бояться нечего. Да вот только это была неправда.

Когда он привел ее на поле, вся команда была в сборе. Друиды тоже уже прибыли. На этот раз рядом с их хлипенькой палаткой стоял черный дракон и мантикора.

Люциан приподнял бровь, не ожидая такой подготовки от команды вуза, который вечно проигрывал и, казалось, не стремился к победе. Но сейчас это не имело совершенно никакого значения.

Красивый черно-золотой шатер распахнулся, впуская хмурого ректора и бледную магиану.

Беглым взглядом Дэйн оценил магические щиты, расставленные по его приказу по всему периметру поля, и в целом остался доволен. Даже в палатках игроков послушная Тьма колыхалась шелковым пологом, готовая в любой момент возвестить об опасности.

— Доброго дня, господин Люциан, — поздоровался Леонар, прожигая ректора пронзительным взглядом своих зеленых глаз. Люциан поднял на юношу мрачный взгляд, не обращая ни малейшего внимания на явную агрессию принца.

Детские обиды наследника престола волновали высшего некроманта в последнюю очередь.

Потом Дэйн перевел взгляд на Ивейна, у которого из-под расстегнутой куртки с золотым логотипом Мертвой академии снова предательски выглядывала фляжка. Покачал головой и посмотрел на нового игрока. Здоровенного пятикурсника, который должен был заменять погибшую Эмилию. Выбирая именно этого магиана, глава ЦИАНИДа очень надеялся на его опыт и силу. Нет, не ради игр. А ради выживания. Возможно, парень сможет в нужный момент почувствовать опасность и помочь избежать ее.

Остальных игроков заменить возможности не было, спасибо глупости императора. Так что если в этот раз «выпитым» окажется Леонар Альвис, останется только умыть руки со словами: «Я же предупреждал, ваше величество...»

Жаль, сохранить голову это уже вряд ли поможет.

Дэйн шумно выдохнул сквозь сжатые зубы.

— Помни, о чем я тебе говорил, — сказал он в следующий момент, повернувшись к Лариане.

Она крепче сжала его руку, словно не желая выпускать. Цветочно-сапфировые глаза стали слишком темными, зрачок заполнил всю радужку, заставляя холодное сердце ректора болезненно сжаться.

А потом их руки расцепились, и Дэйн неожиданно почувствовал неприятную пустоту и волнение. Словно лишь маленькие пальчики Ларианы Ирис дарили ему спокойствие.

«Все будет хорошо», — пообещал он себе, но в глубине души в это не верил. Несмотря на все защитные контуры, на всю кажущуюся безопасность, ему ужасно не хотелось покидать свою принцессу. Словно что-то внутри настойчиво твердило: «Стоит тебе сейчас уйти, и больше ты ее не увидишь...»

Ректор встряхнул головой, отбрасывая дурные мысли. Расправил плечи и, кивнув собственной команде, вышел из палатки.

Следовало срочно поговорить с друидом. Старый Хемиян отлично чувствовал ту, другую Тьму. Смертоносную. Голодную. Возможно, даже лучше, чем сам Дэйн. Друидам чужда сумеречная магия, а потому любой мрак поблизости для них как яд, разливающийся в воздухе. И сейчас высшему некроманту очень пригодилась бы помощь старого друга. Единственного, кому можно было полностью доверять. Единственного, кому он двадцать лет подряд доверял собственную жизнь.

Но в палатке друидов Даллара не оказалось. А между тем игрокам уже пора было выходить на поле.

Нимаэль Моранен бросила на Люциана странный задумчивый взгляд. Бывшая магиана его академии, к которой он никогда не питал особенной приязни. Но сейчас Дэйн, как никогда прежде, был рад видеть ее живой.

— Где ваш ректор? — бросил он, оглядывая столпившихся игроков.

— Мы еще не встречались сегодня, — ответил какой-то рыжий парень.

Некромант нахмурился:

— Понятно. Вам пора выходить. Скоро представление игроков.

И как только команда друидов послушно отодвинула матерчатый полог своей палатки, выходя в предрассветный полумрак, ректор Мертвой академии исчез, скрываясь в клубах сумеречного портала.

Тьма выбросила некроманта далеко от стен ЦИАНИДа. Напряженная тишина встретила его в комнате Даллара в Живой академии.

Дэйн прошелся сперва по кабинету, который так разительно отличался от его. Скользнул взглядом по полкам, уставленным дипломами, книгами в недорогих обложках из ткани и памятными картинами. Безразлично проскользнул вдоль большого шкафа с ингредиентами, где, как он знал, было так мало черномагических.

Потом заглянул в спальню, ванную и комнату для гостей. Но Даллара нигде не было.

Дэйн нахмурился, ничего не понимая. Куда мог пропасть ректор ХАМа перед самым началом игр? Тем более после того, как они оба договорились о встрече.

Мрачное предчувствие проползало под кожу, будто вгрызаясь острыми

зубами в грудную клетку. Дэйн вернулся в кабинет и с неприятным опустошением внутри сел в потрепанное кресло Даллара.

— Что-то здесь не так, — тихо проговорил некромант. Тонкие пальцы коснулись переносицы, нервно растирая кожу. Потом другая рука опустилась на край стола.

Почти не глядя перед собой, Дэйн нащупал ручку ящичка, в котором друид всегда держал небольшую бутылку с травяной настойкой. Исключительно для протирания висков или добавления в чай по вечерам. Некромант же собирался применить напиток немного иначе. Ему совсем не повредила бы пара глотков чего-нибудь, что привело бы мысли в порядок.

Но совершенно неожиданно рука наткнулась на сложенный вдвое листок.

Люциан развернул его, моментально узнавая быстрый четкий почерк друга.

Но первые же строки письма заставили лицо главы Мертвой академии покрыться испариной от ужаса:

«Дорогой Дэйн. Надеюсь, когда ты найдешь это письмо, все уже закончится. Я верю, что тебе удастся понять мои мотивы прежде, чем придет желание меня осудить. Друга ближе, чем ты, у меня никогда не было. И, несмотря на всю разницу между нами, я знаю, именно ты сможешь понять меня.

Много лет я вынашиваю мечты о том, как прекрасен был бы наш мир без Тьмы вокруг. И пусть ты — некромант, и сначала тебе будет сложно принять это, но темная магия должна быть уничтожена. Пусть это звучит слишком фантастически, может быть, даже бредово. Но я нашел способ. К счастью, нашел.

Осталось совсем немного, и я навсегда закрою ворота Сумерек. Наш мир и мир Тьмы окажутся навеки разделены. А темная магия канет в небытие.

Начальный этап ритуала я провел на первых играх Превосходства. Да, у моей магии оказались печальные последствия. Но во благо великой цели всем нам придется пойти на жертвы.

Последний этап колдовства должен произойти на вторых играх, которые так кстати велел организовать наш всемудрейший император. Печати Крови и Рока, Дэйн. Ты знаешь, что они уже здесь. Но ты еще не представляешь, что именно они послужат ключом ко всему. Когда они отдадут всю свою кровь, вместе с их смертью я получу могущество. Силу и мощь закрыть не только Сумерки, но и уничтожить Тиамант, которая, как

ты знаешь, уже здесь.

Поэтому не сердись, я знаю, что натворил много зла во имя великой цели. Поверь, это гнетет и меня самого. Но совсем скоро я все исправлю. И пусть смерть трех сотен твоих магиан на играх Превосходства не расстраивает твое доброе сердце. Ведь некроманты и демонологи гораздо менее полезны миру, чем друиды. Ты и сам знаешь это со своей-то мертвой половиной.

Скоро наш мир изменится, Дэйн. И мы будем первыми, кто сможет это ощутить...»

По спине высшего некроманта сползла ледяная змея ужаса. Он не мог поверить, что эти строки принадлежали руке его друга. Друида, который всю свою жизнь положил на то, чтобы помогать другим и оберегать ценность чужого существования.

И вот теперь он собирался сотворить нечто невообразимое. Более того, уже сотворил. Тиамант явилась в верхний мир благодаря ему! Смерть невинных магиан на совести ректора Живой академии, который даже не был некромантом!

А все потому, что он, Дэйн, не мог даже предположить подобного...

— Это моя вина, — прошептал, едва дыша, Люциан, в ту же секунду скрываясь в клубах мрака.

Единственное, на что он продолжал надеяться, — еще не все потеряно.

Лариана... Ведь он оставил ее одну. Совершенно одну. Какого демона он ушел с поля?!

Когда вихрь Тьмы явил посреди утреннего полумрака бледного, как сами Сумерки, ректора Мертвой академии, на полигоне для игр стояла напряженная, ватная тишина. Зрители, что уже успели заполнить ряды, повскакивали со своих мест и теперь в непонимании вглядывались в нескольких застывших посреди площадки игроков.

Игроков, которых оказалось ровно на два человека меньше, чем нужно.

В лице судьи соревнований не было ни кровинки. Ксавиан Зантарен жадно хватал воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

Огромный черный дракон стоял рядом с командой ХАМа, нервно роя лапой землю. Рыжий мальчишка-друид схватился за волосы, в глазах его застыл ужас.

Дэйн перевел взгляд потемневших от страшного осознания глаз на свою команду. Трое игроков переминались с ноги на ногу, словно вмиг лишились чего-то очень важного.

Внезапно Леонар сделал несколько шагов вперед и крикнул, сжимая кулаки, то, что Дэйн уже знал и так:

— Он увел их обеих! Хемиан Даллар! Проклятый друид открыл некромантский портал и исчез в облаке мрака! Где он, Люциан?! Куда он делся, сожри его отец Тьмы!

Глава Мертвой академии ничего не ответил. Внутри его словно умирало что-то. Каждую секунду, с которой приходило понимание: его бывший друг прямо сейчас убивает или уже убил его Лариану. И он, Дэйн, не успел.

В этот момент Леонар с ужасом увидел, как в стальном взгляде ректора, остром, словно лезвие, впервые мелькнул оттенок настоящего страха.

— Срочно уведите всех магиан с поля, — хрипло бросил высший некромант Ксавиану Зантарену, который так и не смог прийти в себя.

А потом прямо на глазах у всех присутствующих всколыхнулась самая черная Тьма, которой только возможно управлять. И среди ее густых обсидиановых крыльев Дэйн Люциан провалился прямо под землю.

Глава 27

ЦВЕТ КРОВИ, ОТТЕНОК СМЕРТИ

Когда я открыла глаза, вокруг была странная, необычная темнота. К ней долго пришлось привыкать.

Что произошло?

Память подсовывала неприятные обрывки воспоминаний, постепенно складывающиеся в ужасную картину.

Все игроки стояли на поле для игр, команда друидов уже успела выйти к приветствию. Мы с Нимаэль перекинулись многозначительными взглядами. После бала я так и не успела повидать ее и поговорить. К сожалению, до сих пор возможности так и не представилось.

Что там у нее с Леонаром? Чем дело закончилось? Я понятия не имела. Дэйн слишком быстро увел меня из дворца. И, глядя на его озабоченное, не в меру бледное лицо, мне не хотелось спорить.

А теперь последнее, что я помню, — как на поле вышел темноволосый ректор Живой академии. Им оказался тот самый мужчина из моих снов. Друг Дэйна. Друид.

Я моргнула раз, потом другой, отгоняя навязчивое желание потереть глаза. Веки немного зудели, кажется, с непривычки у меня получилось наложить слишком много туши на глаза. Игры Превосходства сегодня утром показались мне прекрасным поводом, чтобы еще раз накраситься. Вот только умелых рук работницы «Имперской нимфы» у меня не было. А потому результат, похоже, получился не самым лучшим.

Впрочем, совсем скоро это потеряло всякое значение, потому что я увидела нечто странное.

Глаза друида светились Тьмой. Не знаю, возможно ли это в принципе, но из черных радужек будто валил сумрак. Правда, кроме меня, этого, кажется, совсем никто не замечал.

По позвоночнику, казалось, вниз скользнула ядовитая змея, усеянная морозными шипами. Иглы льда впивались в кожу и нервные окончания, заставляя вздрагивать и покрываться липкими мурашками страха.

Друид, к которому обращались не иначе как «господин Даллар», выглядел нервно и озабоченно. Он не отвечал на вопросы судьи Зантарена, не участвовал в приветствии. А потом в какой-то момент посмотрел в небо, уловив мрачным взглядом первые лучи зарождающегося восхода, схватил

за руку нахмуренную Нимаэль и рванул ко мне.

Все. Дальше я провалилась во тьму. И только сейчас сознание медленно возвращалось, подсказывая, что все гораздо хуже, чем можно было представить.

В ушах звенели крики ужаса. Далекий скрежет, напоминающий звук отодвигаемых могильных плит, пробирал до костей. И эта отвратительная какофония была мне слишком знакома, чтобы я могла ее с чем-то перепутать.

Сумерки. Во все стороны раскинул свои лапы мир демонов и высшей нежити.

Но это было еще полбеды. Левое запястье тянуло подозрительной болью. С каждой секундой становилось все холоднее. И когда зрение окончательно вернулось, окружающая картина сковала страхом все тело.

Вокруг стелился белесый свет, падающий прямо с каменного потолка. Липкий туман будто отражал его, распространяя повсюду мрачную хмарь. Под ногами исходила едким паром мерзлая земля. А за спиной сквозь тонкую ткань формы я чувствовала влажную, пронизанную холодом стену.

Но первым, что бросилось в глаза, все же оказались кандалы, которыми были прикованы мои руки и ноги. Правая кисть прочно пристегнута к камню сзади, а левая — чуть впереди над огромной чашей, внутри которой алым зеркалом блестела влага. Это была кровь, моя и Нимаэль Моранен, что оказалась распластана чуть левее, зеркально повторяя мою позу. Кажется, она еще не успела до конца прийти в себя. Взгляд ошарашенно блуждал по помещению. Обычно светлые, немного золотистые глаза напоминали два черных озера из-за расширенных зрачков.

— Ты в порядке? — спросила я тихо, и голос вышел хриплым и дрожащим.

Нимаэль повернула голову и будто впервые заметила меня. Но затем на бледном лице появилась тень улыбки.

— Вполне. Если считать, что вот в той чаше — томатный сок, а наши руки просто в нем испачкались.

Я вяло улыбнулась в ответ.

И в этот миг из-за угла появился тот самый черноволосый друид, мгновенно лишив нас последних остатков самообладания.

— Что происходит, Даллар? — выкрикнула Нимаэль, повернувшись к мужчине. — И где мы находимся?

Прежней почтительности, которая должна присутствовать в обращении магианы к своему ректору, не было и в помине.

Друид поднял на девушку долгий тяжелый взгляд, сминая в руках

листы какой-то книги.

— Мне жаль, дорогая, — ответил он хриплым, слегка скрипящим голосом, от которого по спине прокатилась волна колючих мурашек. — Но сегодня твоя жизнь, как и жизнь этой бедной девочки, — он коротко кивнул в мою сторону, — оборвутся. Вам стоит лишь знать, что все это во имя благой цели.

Я поняла, что меня трясет. Осознание происходящего наконец полностью уложилось в голове, и паника начала сминать разум, как штормовые волны.

— Нимаэль, мы умираем... — тихо произнесла я, бросив взгляд в багряную чашу, на которую так долго не хотела смотреть.

Блестящая поверхность исходила рябью от каждой новой капли.

Левое запястье болело. Я не чувствовала пальцев, приобретших опасный синеватый оттенок. Пальцев, по которым вниз струились змейки крови.

Когда друид успел приковать нас? Когда разрезал вены? Я не видела и не помнила. Но, возможно, это было к лучшему.

— Держи себя в руках, — бросила мне друидка и нахмурилась, дернувшись в кандалах, будто проверяя их на прочность.

— Можете не стараться, — сказал мужчина, медленно подходя к нам. С одного стола, который выглядел, как полированный валун, он взял глубокий серебристый кубок, положив на его место свои мятые записки. — Все продумано. А ваша смерть будет максимально безболезненной.

— Вы с ума сошли? — проговорила я, едва шевеля языком. Голос отказывался повиноваться. Горло сжало сухим спазмом страха. — Зачем вам наша смерть?

— Затем, что вы обе — наследницы печатей Тиамант, — легко ответил друид, оказавшись прямо возле огромной алой чаши. Он осторожно зачерпнул оттуда нашей с Нимаэль крови, стараясь не запачкать пальцы.

А потом вдруг очутился настолько близко, что чувствовалось, как злая Тьма, сочащаяся из его глаз, облизывает мою кожу.

Я поморщилась, пытаясь отодвинуться от этого человека, но наручники держали крепко.

В следующее мгновение он запрокинул голову и заунывным голосом начал произносить слова какого-то заклятия. По ребрам скользнула ледяная волна ужаса. Не знаю, что помогло мне понять происходящее — недавний опыт или интуиция, но с каждым словом я все отчетливее ощущала в колдовстве ректора ХАМа ступени тринадцатого уровня. Невозвратное заклятие. Магию темных богов.

А потом Даллар вдруг резко открыл глаза и сделал несколько быстрых глотков из кубка. По тонким губам вниз стекла капля нашей крови.

Меня затошнило. Нимаэль отвернулась, стиснув зубы и бросив:

— Большой ублюдок...

Но уже через несколько секунд мы почувствовали на себе результаты его черной волшбы. Друид отбросил питье. Остатки багряной жидкости растеклись по полу отвратительным темным пятном.

Он подошел к нам и по очереди разорвал сначала ворот моей рубашки, а затем Нимаэль, почти обнажив нам обеим грудь.

И хоть в этот миг мне должно было быть вовсе не до стыда, но я все же покраснела. Мы с друидкой одновременно опустили головы и выдохнули: на коже загорелись печати. Теперь, когда оказались видны и мои символы, и символы Ним, стало ясно: это две части одного целого.

Ректор Живой академии подошел еще ближе, с придыханием касаясь пальцами черных и золотых полумесяцев на наших телах.

— Убери руки, — скривилась Нимаэль, а я еще сильнее вжалась в стену, чувствуя, как меня буквально захлестывает чужеродная Тьма.

Но Даллар, ни на что не обращая внимания, резко произнес:

— Shelliар!^[11]

И стены темной пещеры в тот же миг задрожали. Под горячими, почти лихорадочными руками друида мои символы загорелись черным пламенем. Стало горячо и больно, будто кто-то каленым железом повторяет каждый завиток таинственных знаков.

Нимаэль зашипела и дернулась так, словно пыталась укусить отвратительного друида за руку. Но ректор ХАМа практически сразу убрал пальцы, выдохнув:

— Ну, вот и все.

А затем распахнул собственный ворот, чтобы мы все увидели то, ради чего творилась эта опасная магия: безупречный черно-золотой круг на его груди. Круг, содержащий в себе буквы с наших тел.

— Единая печать Крови и Рока, — прошептал Даллар, любуясь знаками, которые становились на нем тем ярче, чем бледнее были на мне и Нимаэль.

— Теперь вы нас отпустите? — спросила я, удивляясь, насколько тихим оказался голос. Словно на разговоры оставалось все меньше и меньше сил.

И немудрено. Кровь продолжала вытекать из вен медленно, но это неотвратимо приближало конец.

Все холоднее с каждой секундой. В глазах плясали сиреневые звезды,

а голова предательски кружилась.

— Увы, нет, — ответил Даллар. — Печать полностью обретет силу только с вашей смертью, девочки. Так что придется немного подождать.

С этими словами он безразлично отвернулся и ушел куда-то в сторону, скрываясь за углом небольшой пещеры.

Вот так мы и остались в густой, опьяняющей страхом тишине. Только глухое постукивание капель крови по чаше нарушало предсмертное безмолвие.

— Мы должны как-то выбраться отсюда, — проговорила Нимаэль, опять дернув кандалы и пытаясь освободить запястья. Впрочем, ее лицо тоже было уже слишком бледно, чтобы сопротивляться. Мы теряли силы с пугающей скоростью.

— Может быть, Дэйн сможет найти нас, — опустив голову, проговорила я.

— Дэйн? — Ее бровь удивленно изогнулась. — Дэйн Люциан, ректор ЦИАНИДа?

И в другое время мне наверняка стало бы стыдно. Но сейчас я уже практически чувствовала дыхание смерти. И все прочие мелочи отошли на второй план.

— Да, Дэйн, — кивнула в ответ, даже не глядя на друидку. — Я знаю, что он сможет...

— Только вот где мы находимся? — задумалась она, не став развивать тему моих отношений с главой академии. — Это явно Сумерки, но где именно? Допустим, Люциан и вправду догадается поискать нас здесь, как только поймет, что натворил чокнутый Даллар. Но ведь этот мир просто огромен...

От этих слов на душе стало тоскливо и холодно. Потому что Нимаэль, как ни крути, была права. Искать нас в логове проклятых богов — это как пытаться скормить друугру овощной салат.

— Если нас не найдет он, то не найдет никто, — ответила я, чувствуя невероятную усталость. И на этот раз друидка не стала спорить. Очевидно, она была согласна.

Я снова уронила взгляд в огромную алую чашу. Потом перевела его на собственные пальцы, с которых струились рубиновые полосы, уже почти не щекоча похолодевшую кожу. И еле слышно прошептала:

— Найди нас, Дэйн... Пожалуйста, найди...

В последний момент глянцевая поверхность слегка колыхнулась, будто в темной жиже сожралось крохотное сердце.

Нимаэль подняла на меня свои удивленные золотистые озера, но не

успела задать вопрос, застывший на языке. Потому что чуть в стороне от нас на небольшом каменном возвышении вдруг материализовался блестящий от крови каменный трон.

В ту же секунду по пещере прокатился высокий звонкий смех. На пугающем пьедестале возникла фигура женщины, положившей ногу на ногу и подпирающей лицо тонкой ладонью.

— Привет, девочки, — с ядовитой ласковостью произнесла она. — Меня зовут Эделина. А вас?

Глава 28

ГОЛОС МАГИИ

Как ни странно, Дэйн сразу понял, что его теперь уже бывший друг скрылся с обеими девушками в Сумерках. Друидам, как правило, не по силам было спуститься в мир отца Тьмы, но с Далларом явно произошло нечто страшное. Нечто, изменившее его суть. Овладевшее его разумом. А значит, продолжать думать, будто он сам руководит своими действиями как минимум глупо.

Конечно, некромант ничуть не умалял вины самого Даллара. Именно он, друид, призванный охранять жизнь, должен был сопротивляться. Бороться с Тьмой в любом ее виде. И именно безумные идеи самого Хемиана, отравленные чувством гордыни и вседозволенности, позволили темному «нечто» поработить его разум.

А еще Дэйн почувствовал укол собственной вины. Возможно, та многолетняя помощь, которую Даллар оказывал старому другу, тоже сыграла свою роль. Друиду приходилось участвовать в черных ритуалах, пачкать свой анарель, идти против природы, преодолевая отвращение к некромантии. Могло ли это стать первым шагом к сумасшествию?

Возможно. Все возможно.

Но, даже признавая все эти смягчающие обстоятельства, высший некромант и не думал прощать друга.

Даллар сошел с ума. Мало того что он планировал самым жестоким образом принести в жертву двух девушек, так еще собирался уничтожить несколько сотен магиан его академии. Просто как расходный материал для ритуала. Как источник силы, крови и эманаций смерти.

Когда-то, много лет назад, похожую жертву добровольно принесли почти два десятка их боевых товарищей. Два десятка сильнейших некромантов империи, взрослых мужчин, у многих из которых были семьи. Их смерть помогла сковать возрождающуюся Тиамант. Так что же Даллар планировал сотворить, имея в своем распоряжении в десять раз больше жизней?

Закрывать врата сумеречного мира? Уничтожить проклятую богиню раз и навсегда?

Дэйн не планировал вникать в этот бред. Единственным его желанием сейчас было найти Лариану, а вместе с ней и бывшего друга. Первую —

освободить, моля все силы Тьмы, чтобы к этому моменту она была еще жива. Второго — убить. Без вариантов.

Сумерки встретили высшего некроманта мягкой тишиной с легким завыванием призраков. Знакомый мрак и Тьма, заменяющая воздух. Другая Тьма, не голодная и не злая, какая живет только на нижних уровнях. А послушная и верная руке опытного мага.

Вдали сквозь туман мелькнул черными шпильями замок Тиамант. Почему Дэйн решил, что Даллар именно здесь?

Не решил. Не знал. Но начинать с чего-то следовало.

Сердце в холодной груди билось непривычно быстро. Нервно. Испуганно.

Ректор императорской академии давно не чувствовал себя настолько беспомощно. Но длинные тонкие пальцы инстинктивно сжимались в кулаки, а челюсти напрягались почти до скрипа. Он был уверен, что найдет ее. Он не мог не найти.

Глаза цвета серой стали блуждали по округе, пытаясь выцепить из пространства хоть малейшее колебание чужеродного колдовства. Но бесполезно.

Дэйн помнил, что в ректорском кабинете его академии еще сохранился маленький кусочек платья Ларианы Ирис. Кусочек, который мог бы показать то, что видит сейчас девушка. Помочь найти ее. Но, к сожалению, эта магия не работала в мире Тиамант. А значит, стоило придумать что-то другое. И как можно скорее.

Время утекало со скоростью крови, струящейся из разорванной артерии. И с каждой минутой самообладание все больше покидало мужчину.

— Я должен найти тебя, Лари, — тихо прошептал он, в который раз поднимаясь в воздух, чтобы оглядеть окрестности замка богини. Какое-то затаенное чувство внутри его отравленного проклятием тела твердило, что девушка поблизости. Он почти улавливал ее тонкий сладковато-карамельный запах с привкусом диких яблок. Почти различал в клубках Тьмы черный водопад ее волос.

Но не мог увидеть ее саму.

И в какой-то момент, когда отчаяние стало накатывать бешеными, уничтожающими разум волнами, сердце на миг словно остановилось. Он услышал стук. Удар.

Как огонь, хлынувший в виски. Как стон из разорванного горла.

«Найди нас, Дэйн... Пожалуйста, найди...»

И вспышка света за закрытыми веками. Багряная чаша, в которой

отражаются полные боли фиалковые глаза.

Пещера. Это была замковая пещера под дворцом Тиамант. Хмурые влажные катакомбы, выводящие тайными путями к морю Мрака.

Лариана там. Теперь высший некромант был уверен, потому что каким-то неведомым образом слышал голос ее крови.

Возможно, это случилось, потому что в венах Ларианы Ирис текло проклятое наследие ее матери. Сама темная магия струилась по венам, наполняла артерии и позволяла сердцу биться. Она же могла послать сигнал...

Но, может, Дэйн услышал эти слова, потому что его самого с Ларианой теперь объединяло немного больше, чем просто чувства. Их объединяла кровь первой связи. Кровь первой любви. Зов которой и звучал теперь так громко.

А может, все дело в том, что со времени последнего извращенного Далларом ритуала по спасению его жизни высший некромант оказался способен чувствовать такие тонкие материи, о которых другие маги только мечтают.

В любом случае не прошло и нескольких секунд, а Дэйн был на месте. Вот только в пещерах он встретил отнюдь не только бывшего товарища и двух девушек, а кое-кого еще.

— Знакомые все лица, — прозвенел тонкий голосок ослепительно красивой брюнетки, восседающей на огромном алом кресле, с которого на землю лилась кровь.

Ее кожа была снежно-белой, губы — гранатово-красными. Но, несмотря на улыбку и совершенно расслабленную позу, на дне обсидиановых глаз плескалось такое неприкрытое зло, что все помещение словно вибрировало от напряжения.

Лари и Нимаэль были прикованы к стене. С их запястий капала кровь в огромный полукруглый чан. Высший некромант вздрогнул, мгновенно дернувшись в их сторону, но дорогу неожиданно перекрыл старый друг.

— Стой на месте, Дэйн, — властно бросил Хемиян Даллар, и ректор ЦИАНИДа в очередной раз обратил внимание, что друид выглядит странно. Глаза сверкают опасным блеском, лицо искажено нервной судорогой. Только теперь все эти изменения не казались чем-то из ряда вон. Они были логичным довершением его сумасшествия.

— Если ты думаешь, что сможешь остановить меня, значит, ты еще более ненормальный, чем я думал, — процедил сквозь зубы некромант. — Отойди или умрешь прямо сейчас.

Но друид не двинулся с места.

— Ты не понимаешь, — покачал головой Даллар. И печать на его груди сверкнула призрачным светом.

— Конечно, он не понимает! — засмеялась Тиамант с другого конца пещеры. Она демонстративно поменяла местами скрещенные ноги, внимательно наблюдая за развитием событий со своего места. — Вперед, мой светлый рыцарь! Уничтожь эту некромантскую скверну!

Друид не повел даже бровью, но в левой руке его сверкнуло совсем не друидское пламя. Ядовито-зеленое, с примесью голодной Тьмы.

— Неужели ты не видишь, что с тобой стало? — недоуменно бросил Дэйн, просто не веря своим глазам.

Он пока не знал, что будет делать с самой проклятой богиней, когда покончит с Далларом. Но то, что Тиамант не вмешивалась в бой, его вполне устраивало. Это было странно, но очень кстати.

Друид покачал головой, и печать еще сильнее вспыхнула.

Дэйн перевел болезненный взгляд на Лариану, чувствуя, словно вместе с ее утекающей кровью из него кто-то с мясом вытягивает все жилы. Девушка стремительно погибала. Она уже склонила голову вместе с Нимаэль, едва шевеля губами. И некромант вдруг пожалел, что не слышит, о чем она говорит.

— Ты не понимаешь, — проговорил Даллар.

А потом начался бой.

Пламя в руке друида превратилось в огромный сумеречный меч. Дэйн едва успел увернуться. Послушная Тьма затвердела вокруг его тела, превращаясь во вторую кожу. Один из самых совершенных щитов некромантии.

Бледные губы ректора Мертвой академии беззвучно шевельнулись, взметнув вокруг врага живое черное море. Подвижная жижга навалилась на него липкими червями, проникая сквозь поры прямо в мышцы.

Друид вскрикнул, ощутив страшную боль заклятия десятого уровня. Но уже через несколько мгновений зеленое пламя, светящееся из его собственных ладоней, окутало магию Дэйна, пожирая обсидиановую влагу.

Первый раунд закончился ничьей.

— Bravo, мой герой! — засмеялась богиня, даже захлопав в ладоши. — Еще немного, и ты станешь моим бесстрашным наследником! Владельцем обеих печатей! Нужно всего лишь потянуть время, и все закончится!

Дэйн дернулся, как от удара, преодолевая мгновенное желание рвануть к девушкам. Но остановило его только понимание того, что Даллар просто убьет его ударом в спину. И сам он не успеет никому помочь.

— Дэйн, когда я обрету силу печатей, не только сумеречный мир мне удастся закрыть навеки! Я смогу подарить Золотое наследие всем друидам империи! Только подумай!

Высший некромант даже не пытался вслушиваться в этот бред. Он сложил пальцы определенным образом, чтобы усилить следующее колдовство. И когда губы шевельнулись на последнем слове заклятия, из рта вырвался огромный черный дракон. Распахнув пасть, он с ревом помчался вперед, силясь сожрать незадачливого друида.

А сам Дэйн краем глаз заметил, что возле девушек мелькнули две белесые тени. Он повернул голову, на миг позволив себе отвлечься от боя. И тут же узнал в двух сумрачных фигурах знакомых призраков. Удивительно, но поле битвы, в которой они все могли очень скоро погибнуть, посетили погибшие несколько веков назад принц Адриан и его невеста. Бывший возлюбленный Эделины Штормарен со своей любовницей.

Некромант знал, что духи не могут навредить девушкам. Но он боялся, что мертвые явились, чтобы поприветствовать тех, кто вот-вот к ним присоединится.

Он перевел беспокойный взгляд на саму Тиамант. Как она отреагирует на появление таких гостей? Но, к удивлению ректора, оказалось, что богиня словно бы вовсе не видит новых действующих лиц.

Возможно ли это? Умеют ли духи скрывать свое присутствие от тех, кому не хотят показываться на глаза? Дэйн не знал. Но дал себе обещание обязательно спросить у госпожи Ром, комендантши общежития его академии. Само собой, если удастся сегодня остаться в живых, в чем некромант вовсе не был уверен.

И в следующий миг друид нанес новый удар.

Глава 29

ЦЕННОСТЬ ЖИЗНИ

Мне казалось, что я уже умерла. Руки и ноги потеряли чувствительность, губы едва шевелились, говорить совсем не хотелось. Как и дышать. Но когда это ощущение с каждой секундой лишь все сильнее растягивалось, принося новый дискомфорт и новую боль, становилось ясно, что, несмотря ни на что, я еще жива.

Дэйн. Он все-таки нашел нас. Улыбка мелькнула на моем лице, но вряд ли со стороны это было заметно.

Серые глаза некроманта посмотрели на меня с ужасом, который застыл в его красивых радужках. А потом появился Даллар.

Мерзкий друид не позволил мне последний раз коснуться моего Дэйна. Не позволил прижаться щекой к его груди, услышать биение сердца. А мне так не хватало его рук, сцепленных за моей спиной. Они всегда были немного прохладными, но никогда в их кольце мне не было так холодно, как сейчас.

— Как думаешь, долго им осталось? — вдруг раздался тихий женский голос.

— Вряд ли, — прозвучал едва уловимый ответ мужчины.

Я через силу повернула голову в сторону, встретившись с двумя внимательными полупрозрачными взглядами. Прямо рядом с кроватной чашей застыли два призрака.

Одним оказался юноша, на обнаженные плечи и грудь которого была беспечно накинута расстегнутая куртка. Волосы чуть ниже ушей казались слегка растрепанными. И ветер, которого здесь вовсе не было, тихонько трепал их из стороны в сторону.

Вторым призраком была молодая девушка. Хрупкая, как цветок. Кудрявые локоны падали на высокую грудь в свободном корсете. Когда она повернулась чуть боком, стало видно, что шнуровка платья на спине совершенно расслаблена и оно едва держится на плечах. Впрочем, привидению это совершенно не мешало. Подол тоже слегка развевался, как и полупрозрачные завитки волос.

— Кто вы? — прошептала я одними губами.

Белесые тени устремили на меня любопытные взгляды, но не торопились отвечать. Вместо них я услышала слабый голос Нимаэль:

— Принц Адриан и леди Кейра...

И меня тут же прошило насквозь яркое воспоминание.

«Вы хотите увидеть их, магиана Ирис?»

«Кого именно?»

«Принца и его любовницу конечно же...»

«Их трупы? Они что, на территории академии?»

Как давно мы об этом говорили. Как глупо было с моей стороны отказаться от предложения Дэйна. И пусть в тот момент во мне кипела обида, но, согласись я прогуляться с ним по Сумеркам, у нас было бы еще несколько часов вместе.

Несколько часов, которые теперь казались огромной потерей.

— Смотри, печати на них уже почти погасли, — бросила леди Кейра.

— Да, жаль, — кивнул принц Адриан. — Теперь у них нет сил справиться с этой бешеной тварью. Я бы хотел увидеть хоть раз, как Эделина проиграет.

Призрачные челюсти сжались, в мертвых глазах сверкнула старая боль.

— Значит, раньше мы могли? Могли победить богиню? — хрипло переспросила Нимаэль, напряженно вглядываясь в принца и его невесту.

— Конечно, — кивнула леди Кейра. — Вы — те, кто привел ее в верхний мир. Вы же обладали силой загнать ее обратно. Проклятое и Золотое наследие — это большая редкость. Но скоро вы умрете, и ваши печати объединятся на том странном и неприятном мужчине. — Она легко и изящно кивнула на друида. — И что-то мне подсказывает, что он не сможет препятствовать Тиамант. Не сможет и не захочет.

В этот момент чуть в стороне раздался взрыв. Зеленовато-черное пламя взметнулось до потолка, скрывая фигуру Дэйна. Лишь на короткое мгновение я успела испугаться, что он погиб. А затем из густых клубов дыма появилось его расчерченное яростью лицо. Снежно-белые волосы взметнулись вверх, когда он произнес очередное заклятие под истеричный смех Тиамант, по-прежнему наблюдающей с трона за представлением. И на этот раз Даллар крикнул:

— Дэйн, остановись! Ты должен примкнуть ко мне! — Очевидно, это была часть какого-то их разговора. Но Дэйн не отвечал.

Вместо этого раздался крик совсем другого человека:

— Нимаэль! Где Нимаэль?!

И из клубов дыма твердой поступью вышел Леонар Альвис. Наследник Туманной империи.

— Какого демона ты здесь делаешь? — бросили оба ректора.

В ту же секунду из-за спины принца появилась черная морда самого настоящего живого дракона. Он открыл пасть, и желтый, ослепительно-яркий огонь выплеснулся в сторону друида.

А я только и успела подумать, что, похоже, этот самый зверь был на полигоне для игр... кажется, целую вечность назад...

— Муж... — с тихой усмешкой проговорила Нимаэль. А потом шепотом прибавила: — Леонар...

Можно было бы предположить, что мужем друидка назвала принца, но только сегодня утром перед боем я узнала, что это имя ее дракона. Забавное чувство юмора оказалось у наследницы «золотой крови». Жаль, сейчас совсем не время им наслаждаться.

К сожалению, огонь не достал ректора Живой академии. А вот ядовито-изумрудные стебли, что внезапно вылезли прямо из земли по мановению его рук, с молниеносной скоростью обвили ступни Леонара.

Принц упал на колени, успев выбросить вперед какое-то сильное заклятие, вызывающее удушье. Даллар захрипел. Но в этот момент за его спиной прямо из тумана материализовалась тонкая фигурка Тиамант. Богиня с улыбкой положила руки на его плечи, и глаза ректора ХАМа полыхнули кровавым цветом. Всего на миг. Но он тут же резко выпрямился. А магические лианы, что держали принца, набухли с новой силой. По всей их длине выступили острые шипы-кинжалы, болезненно входя в тело жертвы.

Леонар застонал сквозь плотно сжатый рот, локтями упираясь в землю. На его форме под шипами выступили пугающие темные пятна.

Мне показалось, что на сухих глазах Нимаэль блеснули слезы.

— Но, может быть, они захотят отдать свои жизни, чтобы хотя бы загнать Эделину на нижние уровни Сумерек? Я был бы рад никогда больше не видеть ее здесь, — в то же время прозвучал задумчивый голос принца Адриана.

Я перевела взгляд на призраков. Леди Кейра взглянула в багряную чашу.

— Очень много крови они потеряли. Возможно, им удалось бы закрыть от Тиамант хотя бы пару уровней, пока печати еще пульсируют.

— Значит, мы еще сможем чем-то помочь? — обрадованно выдавила Нимаэль.

Одна-единственная мысль, что не все потеряно, мгновенно придала сил.

— Но, боюсь, за это вам придется отдать жизнь, — кивнула Кейра.

— Если это позволит освободить наш мир от проклятой богини, то

какая разница? Мы все равно уже почти мертвы, — проговорила я быстро, вновь переводя взгляд на битву поблизости.

Умирать, конечно, не хотелось. Но каковы были шансы на то, что в ближайшие минуты кто-то сможет освободить нас, победить друида и уничтожить Тиамант? Я прекрасно понимала, что никаких. А, судя по объему крови в чаше, нам с Нимаэль осталось немногим больше тех самых нескольких минут.

— Увы, — прозвучал голос принца Адриана. — Вы сможете лишь изгнать богиню оттуда, где находитесь сами. То есть с первого уровня Сумерек. Ваши печати почти погасли. Возможно, хватит сил защитить и второй уровень. Но в верхний мир ведьма все равно сможет вернуться.

С этими словами надежда на победу почти полностью растворилась.

— Ну и пусть, — вдруг ответила Нимаэль, переводя на меня болезненно сверкающий взгляд. — Зато мы поможем тем... кто останется здесь...

Я бросила быстрый взгляд на Дэйна и Леонара, которые внезапно оказались в меньшинстве, несмотря на присутствие дракона. Они дрались изо всех сил, и стоило заметить, что магии, подобной той, что творилась сейчас здесь, я не видела никогда в жизни. Но на стороне друида была Тиамант. Она не вступала в бой напрямую, но то и дело через улыбающиеся губы выдыхала облака Тьмы, а глаза ректора Живой академии вспыхивали кровавым цветом. Даллар стал марионеткой в ее руках, хотя сам будто бы не замечал этого, продолжая периодически упрашивать Дэйна перейти на свою сторону.

— Я согласна, — тут же кивнула в ответ.

Сердце болезненно сжалось. Я никогда больше не смогу обнять моего Дэйна. Что ж, может быть, удастся сделать его жизнь чуточку дольше.

Надеюсь, у нас еще осталось хоть немного времени...

Глава 30

ЛЮБОВЬ ИЛИ СМЕРТЬ?

НЕКРОМАНТЫ НЕ ВЫБИРАЮТ

Дэйн держался из последних сил. Казалось, что противником был всего один Даллар. Друид, носитель магии жизни. Жизнь — слабая материя в сумеречном мире. И, в теории, друид не мог стать опасным соперником.

Но за его спиной Дэйну улыбалась сама смерть. Тиамант вкладывала в ладони своего нового жреца заклятия, шептала ему на ухо настолько мощные заклинания, что об их существовании ректор Мертвой академии даже не догадывался.

А теперь еще рядом появился принц. Наследник империи каким-то неведомым образом проник на первый уровень Сумерек. Дэйн хотел бы разозлиться на глупость мальчишки, добровольно сунувшегося на верную погибель, но не мог. Всего один взгляд, брошенный Леонаром на Нимаэль Моранен, слишком многое дал ему понять.

И теперь они стояли рядом против непобедимого врага. Нет, не против Даллара, который все же был всего лишь человеком. А против дочери отца Тьмы, что улыбалась за его плечом.

Дэйн впервые видел проклятую богиню так близко. В первый раз, когда судьба свела его с культистами, вызывающими свою покровительницу, Тиамант не смогла полностью воплотиться в теле. Сгусток мрака, общие очертания рук и ног, запах смерти, забивающий ноздри.

Теперь все было иначе. Она стояла в каких-нибудь нескольких метрах от него и ничем не отличалась от человека. Вот только ярость и злоба, пылающие в черных глазах, способны были заставить отшатнуться самого смелого человека. От хрупкой и внешне весьма привлекательной девушки разило Тьмой. Настолько жестокой и хищной, бесчувственной и кровавой, что, казалось, одного взгляда Эделины Штормарен достаточно, чтобы в теле начали гореть кости.

Но Дэйн не собирался сдаваться. Потому что ему было ради чего драться. Вот только времени уже почти не осталось, и это резало сильнее взгляда проклятой богини.

Глава ЦИАНИДа в очередной раз беспокойно посмотрел на Лариану и нахмурился. Теперь он был абсолютно уверен, что Тиамант не видит

призраков возле девушек. Но то, что стало происходить возле чаши с кровью, начало волновать его.

Принц Адриан шептал что-то Нимаэль, а леди Кейра — Лариане. Обе магианы взяли за руки над ритуальной чашей и подняли головы. Их губы шевелились, а послушная Тьма сгущалась вокруг плотным кольцом.

Дэйн опасался отвлекаться от боя, но магия, которую творили девушки, ему сильно не нравилась. С каждым разом он все быстрее узнавал фиксирующие точки в заклинании, различая их по движениям Тьмы. И один из этапов, когда черные вихри медленно сложились в череп напротив бледных девичьих лиц, дал понять высшему некроманту, чем должно закончиться это колдовство.

— Альвис, — отрывисто бросил Дэйн, дергая парня в сторону, когда очередная смертоносная волна чуть не превратила его в грудку мяса, — быстро уходи назад к девушкам, я прикрою...

— Нет, мы вот-вот дождем его! А один вы... — Принц попытался сопротивляться, но Дэйн резко перебил:

— Судя по всему, примерно через минуту Лариана и Нимаэль закончат читать заклятие и погибнут.

Леонар быстро посмотрел на девушек и побледнел. Дэйн, не теряя времени, продолжал:

— Как только они произнесут слова «ferra'lie sier»,^[12] разведи в стороны их руки и опрокинь чашу с кровью. Если опоздаешь хоть на секунду... они обе умрут.

Дэйн стиснул зубы, холодея от мысли, что приходится доверять жизнь Ларианы другому человеку. Но, похоже, у него не было иных вариантов.

И в следующий момент он крикнул:

— Быстрее!

Альвис рванул назад, прикрытый драконом и спиной высшего некроманта. Но, к сожалению, исчезновение одной из фигур этой партии очень не понравилось Тиамант.

Богиня, расхаживающая за спиной друида, нахмурилась, провожая взглядом принца.

— Что там происходит? — прозвенел ее тонкий голосок.

А в следующий момент она подняла руку вверх, и с кончиков тонких пальцев в воздух с грохотом сорвались молнии цвета черненого серебра.

Дэйн едва успел повернуть голову в сторону девушек, обмирая с каждой долей секунды от того, что он не успевает их защитить. Но, как ни странно, острые кинжалы магии рассыпались, так и не долетев до своих целей. Лариану и Нимаэль окружал плотный кокон Тьмы их собственного

заклятия.

Тиамант нахмурилась еще сильнее.

Друид в это время взял передышку, тяжело дыша, и в очередной раз бросил:

— Дэйн, ты же всегда был моим другом! Почему ты не хочешь меня даже выслушать?

На этот раз его глаза уже не сверкали кровавым цветом, и он казался измученным. Изможденным.

— Я ведь пытаюсь объяснить тебе... — продолжал он, упершись руками в колени. — Эти магианы должны умереть. — Он кивнул в сторону Ларианы и Нимаэль. — Зачем ты защищаешь их? Пойми, как только я обрету силу печатей, я не только смогу закрыть Сумерки и подарить наследие «золотой крови» всем друидам империи, но и в конечном итоге сам окажусь способен убить Тиамант! Разве ради такой цели не стоит пожертвовать тремя сотнями никому не нужных некромантов и двумя несчастными девушками, что были приговорены к смерти сразу после рождения?

Дэйн приподнял бровь, удивляясь, куда завело бывшего друга безумие. И одновременно замечая, что богиня тоже внимательно слушала своего «протеже», все сильнее и сильнее мрачняя. Если бы друид сейчас видел всю ту ярость, что всколыхнулась в черном взгляде Тиамант, вряд ли он смог бы закончить свою фразу.

Но время утекало слишком стремительно. Все это происходило гораздо быстрее, чем летит самая быстрая мысль.

Девушки читали заклятие, которое подходило к концу. Тиамант начала понимать, что это колдовство сослужит ей плохую службу. Ее беспокоили одновременно и бывшие наследницы печатей, и новый слуга, который вдруг оказался совсем не столь занимательной игрушкой, как она, очевидно, думала. Кроме того, высший некромант, который однажды уже смог сковать ее плоть, упрятав на долгие годы в Сумерки, вдруг начал произносить слишком знакомые слова:

— *Ilirian daine untre shente llarde deint...* [\[13\]](#)

И тогда терпение темной богини неожиданно лопнуло.

— Ты мне надоел, — бросила она, сморщив маленький носик. Как вихрь, подлетела к Даллару и мгновенно свернула тому шею, словно вылупившемся цыпленку. Да с такой силой провернула голову, что послышался отвратительный треск, и изо рта мертвого уже друида хлынула кровь.

— ...kvarto libren far trolde саго...^[14] — шевелились губы Дэйна.

Высший некромант торопился, потому что знал: следующим на очереди будет либо он, либо Лариана. Как музыка, лились древние слова одного из немногих сильнейших заклятий тринадцатого уровня. Того самого, которое, по слухам, принадлежало отцу Тьмы и каким-то чудом было выужено из глубинных уровней Сумерек.

— ...sardre valdo ute shien magorv'ele bierk...^[15]

Двадцать лет назад эта магия, подкрепленная силой друида и смертями нескольких десятков мужчин, позволила Дэйну буквально высосать всю Тьму из проклятой богини. Тиамант лишилась сил и, в отсутствие тела, просто провалилась в бездну уровней. А сам некромант оказался отравлен черной мощью дочери мрака, заживо превращаясь в мертвеца.

— ...kera sontre ulten valen sibe ire nucht...^[16]

Сейчас у ректора Мертвой академии не было поддержки друида. Не было добровольных смертей. Но было таинственное заклинание Ларианы и Нимаэль, которое, как Дэйн надеялся, хоть и будет оборвано, но все же сработает под воздействием пролитой крови.

А еще была его собственная жизнь.

— ...sарpen zelde narter vien...^[17]

На этот раз высший некромант не питал иллюзий насчет своей участи. Не пытался действовать вполсилы, ища способ спастись. Он добровольно вплетал то, что от него осталось, в магические нити заклинания иссушения.

И надеялся только на одно: что Леонар сможет спасти девушек после его смерти.

А дальше произошло сразу несколько событий. Следующей жертвой Тиамант выбрала Дэйна, потому что почувствовала, как знакомая вибрация начала высасывать из нее силу. Она рванулась к нему, явно надеясь уничтожить некроманта так же, как и друида. Не вплетая магию, которая и так звенела вокруг.

В то же время девушки почти беззвучно прошептали те самые слова, в которые Леонар должен был напряженно вслушиваться. Этим он и занимался, все сильнее бледнея. Боясь пропустить слоги древнего языка, который был ему так мало знаком.

Но все же он успел.

— Ferra'lie sier...^[18] — одновременно шевельнулись обескровленные женские губы, и принц тут же толкнул чашу с кровью, разрывая связь двух девушек.

Вскрикнула Лариана. Алая кровь разливалась по полу медленно,

словно время остановилось. Раздался грохот падающего сосуда.

— Ferra'lie sier... Darren,^[19] — повторил за девушками Дэйн, заканчивая собственное заклинание словом-ключом, означающим жертвоприношение. Тем самым словом, которое благодаря принцу так и не произнесли Нимаэль и Лариана.

Раздался оглушительный взрыв.

Тиамант не успела добраться до некроманта, раскалываясь на острые осколки Тьмы, разлетающиеся во все стороны смертоносным вихрем.

Лишь за долю секунды до некромант заметил, как взметнулись черные крылья дракона, мчащегося к Нимаэль. Полыхнул огонь.

Дэйн бросился к Лариане, закрывая ее от острых лезвий мрака.

Дальше была только боль и кровь. Только ядовитая Тьма, знакомыми волнами разрывающая плоть, острыми зубами вспарывающая грудную клетку, вгрызающаяся в сердце.

А потом не было уже ничего.

Глава 31

ПОСЛЕДНИЙ ВОСХОД МЕРТВЕЦА

Когда оглушающий взрыв разнес пещеру на куски, я могла думать лишь об одном.

Дэйн. В последнюю секунду он невероятным образом пересек разделяющее нас пространство. За спиной сомкнулись его руки, но желанного спокойствия это не принесло. Потому что уже в следующий миг мир будто разорвало на части. С потолка сыпались камни, влажная пыль забивала ноздри, резала глаза. И во все стороны разлетались острые черные осколки чего-то невыразимо страшного.

Я сжалась в мужских руках, что есть силы зажмурившись. И каждое мгновение ждала, что вот-вот все закончится. Дэйн поднимет голову и улыбнется, взглянув на меня глазами цвета дымчатого хрусталя. Потом погладит по голове, едва коснувшись щеки костяшками пальцев. И скажет, что вот теперь наконец все хорошо.

Но, увы. С каждой секундой я все сильнее чувствовала, как крепкое кольцо его рук слабеет. И стоило лишь немного приоткрыть глаза, чтобы понять: никогда уже не будет хорошо.

Бледные губы некроманта совсем потеряли цвет. Веки закрылись. Под опущенными ресницами залегли глубокие, пугающие тени. Он дышал все реже, а сердце, которое было так близко и чьи удары отчетливо были слышны, билось все тише.

— Дэйн... — прошептала я с ужасом, не веря, что это может произойти. Не понимая и не принимая, что высший некромант, глава императорской академии может умереть. — Дэйн, ты меня слышишь?

Медленно и глубоко он вздохнул. Всего один раз. А затем я почувствовала, как к его телу тянутся послушные нити Тьмы. Он творил какое-то заклятие.

Воздух сгустился, магия облепила кожу, заслоняя окружающий мир. А потом схлопнулась сама в себя, разрезая пространство.

Сумеречный портал.

Я помню, прежде Дэйн пользовался для этого колдовства помощью какого-то кольца. Теперь ему не понадобилось даже произносить заклинания.

Всего несколько мгновений, и камни перестали сыпаться на голову.

Воздушная пыль катакомб сменилась свежим, немного прохладным воздухом. Мрак в логове Даллара превратился в утренние лучи рассвета.

Солнце наполовину вышло из-за горизонта, освещая чуть влажную траву в цвет малахита и изумрудов. Полигон для игр был почти пуст, хотя еще каких-нибудь полчаса назад все трибуны были забиты до отказа. Теперь лишь пара десятков магиан с изумлением уставились на нас, проходя мимо.

Раздались крики. Кажется, кто-то поспешил позвать на помощь.

Но я слышала только один звук. Звук исчезающего дыхания Дэйна.

— Лариана... — тихо проговорил он, склонив ко мне голову. Бледное лицо скрылось за водопадом спутанных льдисто-белых волос. — Прости меня, принцесса...

— За что? — кусая губы, переспросила я, бесполезно пытаюсь убрать сумеречные пряди за ухо, чтобы увидеть любимые серые глаза.

Кандалы с рук и ног неведомым образом исчезли. Вероятно, они не поддались действию портала и просто остались в темном мире Тиамант. Погребенные под грудой камней вместе с телом сумасшедшего друида.

— Я не могу помочь тебе, — хрипло ответил он, слегка касаясь моего запястья, на котором зияла рваная рана. — Моя магия больше не слушается.

— Это не имеет никакого значения, — проговорила я через силу, будто в горло кто-то воткнул кинжал. По щекам сами собой потекли слезы.

А потом Дэйн вдруг поднял голову, повернувшись лицом к восходу. Желтовато-оранжевые блики упали на белую кожу, и я увидела, как распахнулись его глаза.

Больше не серые. В них не плескалась дождливая ночь, не рассыпался горячий пепел, не блестел хрусталь. С каждой секундой они словно наливались багряной кровью. На таких знакомых и родных радужках вспыхивали алые точки, становясь все крупнее, норовя превратить ледяной взгляд ректора императорской академии во взгляд... мертвеца.

— Твои глаза, — сдавленно прошептала я, поднимая руку и касаясь кончиками пальцев маленьких морщинок в уголке века.

На этот раз холодная кожа почти обжигала.

Дэйн промолчал, переводя на меня многозначительный взгляд, в котором в одно мгновение проскользнуло так много.

— Все кончено, принцесса. У меня не хватит сил, чтобы сделать это самому... Время упущено, — прозвучали слова, разрезающие сердце на куски. — Леонар, а тем более Нимаэль, не смогут...

— О чем ты говоришь? — всхлипнув, перебила я. Хотя ответа мне

слышать вовсе не хотелось.

— «Черный огонь мертвецов».

Три слова, сжигающие саму душу.

— Я не стану тебя убивать, — проговорила я, сдерживая всхлипы.

Отрывистый хриплый вздох, от которого по спине прокатились пронизывающие мурашки ужаса.

— Лариана, — проговорил он тихо, не сводя с меня полного тоски взгляда, — мое тело изменяется. Прямо сейчас. Но знаешь, чего я теперь боюсь больше всего на свете?

Не дожидаясь моего ответа, он сказал:

— Не смерти, — покачал головой. — Я уже почти мертв. Но я боюсь, что во мне останется хоть малейший отголосок разума. И где-то в глубине души я буду смотреть в твои глаза и помнить. Вспоминать то, чего у меня больше никогда не будет. А что, если моя новая сущность захочет причинить тебе вред? Что, если причинит? Разве та крохотная часть меня, что останется нетронутой в разуме мертвеца, сможет выдержать мысль, что я убил ту, кого любил больше жизни?

Влажные дорожки на щеках превратились в холодные, размазанные лужи. Проклятая тушь щипала глаза, но я не могла остановиться.

А потом Дэйн внезапно улыбнулся, подняв руку и стирая мокрые следы, вглядываясь куда-то глубоко в меня.

— Чего ты улыбаешься? — спросила я, совсем теряясь от его взгляда, который на крохотное мгновение стал таким же теплым, как прежде.

— Выходит, там, в колодце много лет назад я все же видел твои глаза...

Я не успела ответить. В следующий миг он внезапно согнулся пополам, резко отталкивая меня, и из его широкой груди вырвался хриплый стон.

Облако Тьмы взметнулось, словно из-под земли, проникая в мужское тело сквозь кожу. Дэйн стиснул зубы, падая на колени, закрывая лицо ладонью. А потом поднял голову, взглянув на меня абсолютно незнакомым багряным взглядом, только и сумев бросить:

— Сделай это сейчас, потому что совсем скоро у тебя уже не будет времени, принцесса...

Я закрыла рот рукой, давясь в едва сдерживаемом крике. И в голове волнами отчаяния бились мысли:

«Я не смогу убить этого мужчину, будь он даже самым отцом Тьмы...»

«Я не смогу прожить без этого человека ни мгновения...»

«Мне не нужен мир, в котором будет серый дождь, но не будет его

серых глаз. В котором каждую ночь в темноте будет светить сумеречная луна, но никогда я не увижу его волос того же оттенка...»

Мне ничего уже не будет нужно.

А время и вправду утекало, точно сквозь пальцы. Я видела, как сгущается Тьма, чувствовала, как ветер приобретает оттенок пепла, незримо раскручиваясь по спирали вокруг Дэйна.

Никогда прежде мне не доводилось наблюдать, как живой человек превращается в умертвие. Да и вряд ли это видел хоть кто-нибудь из ныне живущих. Но прямо сейчас становилось очевидно: именно это происходило с ректором императорской академии.

С единственным мужчиной, которого я когда-либо любила.

И с каждой секундой, что он находился под властью черного колдовства, убивающего тело и извращающего разум, во мне тоже словно что-то умирало.

Я была уверена, что высший некромант не станет простым зомби. Слишком много Тьмы было вокруг. Слишком опасными материями он умел управлять. А значит, вот-вот в паре шагов впереди проснется высшая нежить.

Злая, жестокая, полная нечеловеческого голода и ярости.

Кто именно? Дух, призрак, драугр, упивец, гуль, упырь? Или какая-то более страшная тварь, о которой я даже не слышала?

Насколько сильно сохранится в Дэйне разум? Достаточно для того, чтобы ему можно было оставить мертвое подобие жизни в память о том, кем он был прежде?

Я в этом сильно сомневалась.

Кроме того, такой исход событий меня совершенно не устраивал, а значит, не стоило терять время.

В какой-то миг слезы просохли на моих щеках. Это оказалось так просто, когда решение уже принято. Чувства будто застывают, покрываясь коркой льда. Ровно до того момента, как ты не сделаешь то, что должен.

В голове сами собой всплыли слова. Из того старого дневника с красивой девичьей обложкой, который никогда не представишь сборником самых жестоких заклятий, выведенных рукой черной богини.

Я вспомнила заклинание Тиамант.

Губы беззвучно шевелились, быстро и четко произнося буквы древнего языка. Сил почти совсем не осталось, а в венах явно было недостаточно крови, чтобы поддерживать здравость рассудка. Да и вообще, по моим расчетам, я давно должна была потерять сознание, переходя за грань.

Но в этом мире было то, что держало крепче любого заклятия. И теперь, когда я произносила раз за разом ступени тринадцатого уровня, по опустевшим артериям будто заструилась магия. И на этот раз я использовала именно тот порядок, в каком этапы колдовства описала Эделина.

Создание разумной нежити.

Я не знала, что выйдет в итоге. Но знала лишь, что готова отдать последние капли собственной жизни, чтобы все вышло именно так, как нужно.

Шесть звеньев вспыхнули в памяти, словно я читала их вчера. Шесть шагов, которые разделили мою жизнь пополам.

«Лишение живого объекта воли».

Слова я произносила быстро, но четко. Время не играло мне на руку. Губы больше не дрожали, руки сами собой сложились в усиливающий магию символ.

Сбоку кто-то испуганно вскрикнул, но мне до этого не было дела.

Как только завершился первый этап, Тьма вокруг Дэйна всколыхнулась, словно дернулось огромное сумеречное покрывало. От напряжения послышался легкий звон в ушах, когда нити магии послушно вошли в кончики моих пальцев. Будто я читала не заклятие уровня проклятых богов, а детскую считалочку.

«Активация сумеречного плетения».

Дыхание перехватило, магия проникла в легкие, заставляя задыхаться, оставляя на языке привкус тлена. Серый ветер вокруг Дэйна превратился в маленький смерч.

Теперь мне отчетливо что-то кричали. Но я не отвлекалась. Казалось, если кто-то попробует мне помешать, я придушу его голыми руками.

«Связывание анарель объекта с конструкцией будущей нежити».

Нити Тьмы прошли в вены. Отчетливо, словно я видела, как это происходит, магия заструилась во мне, занимая место исчезнувшей крови. Будто теперь, когда Даллар почти лишил меня жизни, все стало гораздо проще. Колдовство потекло по артериям, проникая сквозь мышцы, кости, сердце. Изменяя что-то внутри, но беспрекословно исполняя волю.

Никогда еще заклинания не давались так легко.

Осталось три этапа. Совсем немного.

«Сохранение разума объекта после перерождения».

«Стабилизация внешности».

«Возвращение воли нежити».

В каждое из этих звеньев я вкладывала душу. И как только прозвучало

последнее слово, вихрь сумеречной магии взметнулся вокруг Дэйна, поднимая его в воздух.

Все.

Я упала на колени, бессмысленно глядя перед собой. Без страха и сожаления. Сил больше не осталось. Боль сковала каждую клетку тела.

Кажется, на последнем слове заклинания мое сердце остановилось. Я погибала или уже погибла, но мне не нужно было спасение. Нужно было только видеть его.

И глаза не закрывались. Тьма в венах удерживала меня на грани. Не об этом ли говорил Дэйн, упоминая, что некроманты способны жить дольше обычных людей?

Сердце снова медленно ударилось о клетку груди. Раз, потом другой.

В это время спина ректора выпрямилась, а позади всколыхнулся плащ, сотканный из самой Тьмы. Белые волосы сверкнули холодной сталью, терзаемые черным ветром. Кожа приобрела цвет светлого гранита.

Взошло солнце. Янтарные лучи осветили золотом все поле, прогоняя остатки заклятия. Ветер медленно затихал, оставляя вокруг полог напряженной тишины.

Дэйн распахнул руки в стороны, а потом внезапно открыл глаза, посмотрев прямо на меня. Радужки вспыхнули цветом рубиновой крови.

Но всего на миг, хвала богам, потому что уже через секунду цвет вновь потемнел. Впрочем, так и не став прежним...

А потом ректор императорской академии медленно опустился на землю, все так же не сводя с меня тяжелого горящего взгляда. Вокруг него медленно растеклось и исчезло облако морозного мрака.

— Зачем ты это сделала? — прошептал он тихим голосом, от которого по спине прокатилась волна мурашек, а трава вокруг покрылась легкой изморозью.

Нас разделяло каких-нибудь несколько метров, но даже сквозь это бесконечное расстояние его шепот стелился, точно могильный туман, проникая в самую душу.

А мне хотелось плакать от того, что я все же вижу его. Почти такого же, как прежде. Почти совсем не изменившегося. Но слез не было.

— Я не могла иначе, — шевельнулись губы. Говорить вслух я уже не могла.

Где-то сбоку раздался знакомый голос, вроде бы принадлежавший ошарашенному Леонару.

— Отец Тьмы, — хрипло произнес он, — это же высший лич...

Кто-то закричал.

Но мы с Дэйном не двигались, продолжая смотреть только друг на друга. Словно от этой ниточки, соединяющей наши взгляды, зависела жизнь.

— Я не могу больше ничего дать тебе, Лариана, — снова прозвучал его голос, больше похожий на звук осеннего ветра.

Я стиснула зубы, чувствуя, как подгибаются колени.

— Ты уже дал мне все что нужно. Кроме самого главного... — из последних сил прошептала я. — Кроме себя самого...

И потом я все же не выдержала и упала. Руки и ноги отказались повиноваться. Даже голову держать оказалось тяжело. И каждый новый вздох давался с трудом.

Но тело почему-то не коснулось влажной травы.

Снова раздались испуганные крики рядом, а мне вдруг стало невероятно уютно и спокойно.

Я моргнула, открывая глаза, и поняла, что он держит меня на руках.

Вокруг кто-то кричал и суетился. Но я видела лишь сумеречно белые волосы, касающиеся моего лица. Только глаза, в которых застыла не мертвая ярость нежити, а знакомая тоска.

Да, они изменили цвет, но то, что лежало в самой глубине, осталось прежним. И такие сумасшедше-сильные руки, прижимающие меня к каменному телу, были все так же нежны.

Мне могло бы быть даже больно в его объятиях, если бы я не была так ослепительно счастлива. Улыбка растянула растрескавшиеся губы. Я положила голову на широкую грудь, чувствуя знакомый аромат мяты и зимней ночи.

Не слыша больше лишь биения сердца.

И мне не было страшно. Даже на одно, самое короткое мгновение.

— Моя принцесса... — ласково проговорил Дэйн, легонько покачивая меня на руках, словно мы были здесь совсем одни.

И дышать стало еще тяжелее, потому что меня начали душить невыплаканные слезы.

— Я всегда буду рядом с тобой, — еле слышно прошептал он.

А потом осторожно поднял мое разорванное запястье и едва коснулся его большим пальцем, обхватывая кольцом.

Я почувствовала морозное жжение. Кровь мгновенно остановилась. И хоть рана и не зажила, но словно застыла. Как запечатанный конверт. И было уже совсем не больно.

Только в этот момент я обратила внимание, что вены на моих руках заметно потемнели, а кожа приобрела чуть синеватый цвет.

Заметив мой недоуменный взгляд, Дэйн тихо сказал:

— Ты произнесла одно из самых черных и злых заклятий, отрицающих саму жизнь. Искажаящее ее. И теперь твоя кровь изменилась. Стала такой же, как была у твоей матери.

— Я теперь тоже жрица Тиамант? — хотелось выкрикнуть, но снова получилось едва слышно.

— Только если тебе есть до нее дело...

Легкий белый туман срывался с его губ, когда он говорил. Но даже это казалось мне в порядке вещей. Будто так и должно быть у ректора императорской академии. У высшего некроманта, от которого всегда веяло властью и холодом. И разве не логично, что теперь это приобрело и физическое воплощение?

— Мне есть дело только до тебя одного, — ответила я, прикусив губу. Получилось по-детски капризно.

Дэйн улыбнулся.

— Вряд ли тебе нужен мертвец, принцесса, — грустно ответил он, одновременно поднимая мою кисть и едва касаясь ее губами.

Легкая дрожь прокатилась по позвоночнику.

Моя рука сама поднялась вверх, дотронувшись до бледной щеки с оттенком талого льда. Она оказалась вовсе не твердой, как я думала. Гладкая, точно шелк, кожа была мягкой, как и прежде. Только гораздо холоднее.

Дэйн на миг прикрыл глаза, слушая мой тихий ответ.

— Я уже говорила тебе когда-то, что живых от мертвых отличает вовсе не струящаяся по венам кровь. Не сердце, отмеряющее положенное количество ударов. А оптимизм, жизнелюбие, способность ощущать счастье. Еще умение радоваться. Испытывать восторг, волнение, страсть... — Я вдруг прервалась, чтобы тут же продолжить: — Но даже если чего-то из этого списка ты теперь не можешь, для меня будет достаточно, если ты просто будешь со мной. И будешь любить меня...

На бледных губах мелькнула тень улыбки. Он прижал мою голову к груди и знакомым движением зарылся пальцами в волосы, слегка поглаживая.

— Даже смерть не заставила бы меня перестать любить тебя, принцесса, — прошептал он, осторожно поцеловав меня в макушку. — Но неужели ты не хотела бы иметь нормальную семью? Нормальную жизнь? Тебе еще так мало лет. Ты могла бы многое успеть сделать. Многое из того, что для меня теперь недоступно... Я не смогу отнять это у тебя, Лариана. Даже если ты очень попросишь.

А я опять едва заметно улыбнулась, на этот раз с ноткой хитрости. Потому что, несмотря на всю невыразимо глубокую печаль, которую несли его слова, у меня было нечто, что я могла ему ответить.

Но в этот момент тишину снова нарушили крики. И теперь они не были вызваны страхом, а словно начало происходить что-то из ряда вон выходящее. И через секунду совсем недалеко от нас раздались глухие хлопки, очень напоминающие...

— Сумеречные порталы, — нахмурилась я, поворачивая голову в сторону.

Там, посреди полигона для игр всколыхнулась Тьма, выплевав из густых клубов больше десятка мужчин, облаченных в черные плащи с широкими поясами. На каждом из них была маска, закрывающая половину лица, а их груди пересекали серебряные ленты, за которыми торчали рукояти кинжалов.

Справа от них я заметила дракона, стоящего рядом с Нимаэль и Леонаром. Друидка испуганно посмотрела на меня, схватив за руку принца. И покачала головой.

«Это не мы...» — беззвучно произнесла она одними губами сквозь разделяющее нас расстояние.

А я ничего не могла понять, пока Дэйн не перевел взгляд на неожиданных гостей, и кривая улыбка не исказила его лицо, сделав внешность некроманта почти пугающей.

Правда, не для меня.

— Императорские темные охотники, — проговорил он, и от его голоса, в котором будто завывала вьюга смертная, трава пригнулась к земле, чернея. — Это за мной, принцесса... Боюсь, нам пора расставаться.

Он снова посмотрел на меня и грустно улыбнулся. Словно в последний раз.

— Но зачем они... — Я ничего не могла понять, пока сбоку не раздался крик Леонара:

— Они пришли уничтожить лича, Лариана!

Мое сердце, которое по всем правилам уже должно было остановиться, напротив, забилось быстрее.

Нет уж, так просто я не сдамся. Не тогда, когда все худшее позади!

Я схватила Дэйна за рубашку, что есть силы прижимая к себе. Не давая разомкнуть кольцо рук. Не позволяя покинуть меня, раз и навсегда исчезнуть из моей жизни, разорвав ее в клочья.

— Я люблю тебя, Дэйн, — проговорила быстро, коснувшись его лица и больше не чувствуя прохлады. Мои руки уже давно были ледяными,

чтобы ощущать что-то.

Сверкнули знакомым серебром темно-серые глаза с оттенком крови.

— Лариана... — прошептал он, грустно качая головой.

Охотники приближались, уже шепча какие-то заклятия, окружая нас опасной вибрацией. Вокруг начал подниматься свирепый ветер, хлеща по щекам пылью и нитями Тьмы.

И в этот момент я притянула Дэйна ближе, прошептав на ухо всего три слова.

Три слова, которые заставили моего некроманта сначала улыбнуться, а потом, запорокинув голову, громко засмеяться.

Он поднял меня на руки, в то время как смерч вокруг нас сжимался удушающим кольцом. И продолжал хохотать.

Со стороны это выглядело ужасно зловеще. Но я тоже не смогла сдержать улыбки, глядя, как тает напряжение на практически каменном лице моего некроманта.

Нет. Не так.

Моего высшего лича.

— Не дайте ему открыть портал! — рявкнул один из охотников, складывая пальцы в воздухе в какой-то символ. Остальные тут же повторили этот жест.

А в следующий миг Дэйн перестал смеяться. Но опасная улыбка не исчезла с его красивого лица.

— Я люблю тебя, моя принцесса, — прошептал он сквозь завывания ветра.

А потом воздух затрещал. Дэйн сжал зубы, на каменном лице застыло напряжение, темные глаза полыхнули алой яростью. Императорские охотники разом задрожали, словно магия стала вырываться из их рук.

Земля затряслась, будто готовясь вот-вот расколоться на части.

— Держите крепче! — крикнул кто-то из мужчин.

Дэйн улыбнулся шире. И в следующий миг обсидианово-черные волны колдовства всколыхнулись блестящими крыльями, вырываясь из-за спины бывшего некроманта. Накрыли нас мягким глянцевым плащом, скрывая от света утреннего солнца и искаженных в недоумении и одновременно от разочарования лиц охотников.

А потом Тьма взметнулась, схлопнувшись сама в себя, и унесла нас далеко-далеко от полигона для игр Превосходства. От сумеречного замка Тиамант и императорской академии некромантии. От мира, где черная магия для меня чуть не стала концом, но на долгие годы стала началом...

Глава 32

КАРАМЕЛЬ, МОРОЗ, КОНФЕТКА И ВЛЮБЛЕННАЯ БРЮНЕТКА

Закатное солнце бросало оранжевые блики на листья высокого вириса, под легкой сенью которого сидели мы с Дэйном. Приятный теплый ветерок играл его сумеречно-белыми волосами, а я прислонилась к его широкой груди, глядя на поляну перед домом.

Цветы в это время года казались особенно яркими, а диковинные растения, к которым я уже начала привыкать, разрастались особенно пышным цветом.

Вирисы, абалии, родовиалы, сонные глазки — все это росло лишь здесь. На границе Пятого королевства и Салоара — маленького государства элементарей. За много-много верст от Туманной империи, Ихордаррина и Козьих Шишечек.

Здесь не знали, что такое месяц Дождей, а о зиме слышали лишь от торговцев, изредка приезжающих из дальних краев. На рынке можно было встретить человека с огненными руками или птицу, превращающуюся в ветер. Можно было купить дивный снег со вкусом клубники или рыбу, которая превратится в воду, как только ее принесешь домой.

Само собой, последнее — чистой воды мошенничество и преследуется по закону. Но когда я впервые обнаружила такое чудо, не могла поверить своим глазам. И потом долго и взахлеб рассказывала Дэйну об этой удивительной магии.

А он хмурился, обещал найти наглеца и приставить к нему пару мертвых летучих мышей, чтоб пили его кровь с полуночи и до восхода.

Но сейчас был один из тех тихих вечеров, когда мы сидели рука об руку. Когда становилось хорошо просто от того, что на моей талии спокойно лежит его ладонь, а пальцы задумчиво поглаживают кожу. Под моей щекой — его обнаженная грудь, виднеющаяся из-под распахнутой рубашки. И даже не глядя на лицо, я знаю, что бледные губы едва заметно улыбаются.

— Дэйн, — произнесла я тихо, внезапно ощутив легкий налет ностальгии.

— Мм... — раздалось в ответ.

— Скажи, ты никогда не чувствовал себя несчастным от того, что не

можешь больше смотреть на восходы? Когда-то, я помню, ты их очень любил...

Некоторое время Дэйн молчал. Я подняла голову, чтобы посмотреть, что творится на его лице. Оказалось, что он улыбался.

— Я любил восходы только потому, что боялся больше никогда их не увидеть. Но именно в один из таких восходов ты подарила мне вечность.

На короткую секунду он замолчал, убирая пряди, упавшие на мои глаза.

— Что такое несколько минут утреннего солнца по сравнению с возможностью быть рядом с тобой? — прозвучало тут же. — Я ошибался. В восходе нет ничего красивого, если смотреть на него в одиночестве. И нет ничего прекраснее заката рядом с любимой женщиной.

Я улыбнулась, почти в точности копируя выражение его лица. А потом чуть впереди на поляне с малахитовой зеленью раздался звонкий смех.

Из высокой травы появилась детская головка, хитро прячущаяся за широким листом аверьянки. Следом за ней из кустов рядом вынырнула еще одна головка.

— Нашел!

И маленький мальчик радостно побежал вперед, догоняя девочку, так невероятно похожую на него.

В деревне, где я росла, не было близнецов. А потому, когда пять лет назад у меня появилась двойня, я долго не могла поверить своему счастью.

— Значит, ты не жалеешь? — спросила я еще тише.

Этот вопрос всегда мучил меня. Но я слишком редко по-настоящему набиралась смелости, чтобы спросить. Ведь я сделала своего возлюбленного нежитью. Да, пусть высшей, пусть настолько сильной, что со стороны мало кто мог почувствовать его природу. Если, конечно, Дэйн сам не хотел кого-нибудь напугать. Но все же он больше не был человеком.

— О чем мне жалеть, принцесса? — удивленно переспросил он. — О том, что мои руки и тело не чувствуют ничего, кроме твоих прикосновений? Кроме поцелуев наших детей? Это великая магия, Лариана. Ты смогла сотворить невозможное. По моим жилам не течет кровь, но рядом с тобой я жив.

— Когда-то ты считал иначе, — улыбнулась я. — Спорил, пытался образумить негодную первокурсницу...

Дэйн мягко взял меня за подбородок и уверенно заставил приподнять голову.

Я затаила дыхание, уловив сладкую угрозу в темном взгляде.

— Я впервые в жизни рад, что ошибся, Лариана. Ведь для меня

действительно не важно, бьется сердце или нет. Иногда я вспоминаю тот день, когда ты произнесла заклятие Тиамант. И с ужасом думаю о той бездне отчаяния, которое мгновенно окружило меня. Стоило представить, что я буду вынужден провести вечность без тебя, и хотелось умереть на месте. Или стать тем самым чудовищем, которым я и должен был стать.

Дэйн на секунду сжал руки в кулаки, но почти тут же расслабился вновь.

— Но ты и с этим смогла справиться. Причем так быстро, что я и не заметил, как все мое мировоззрение перевернулось с ног на голову.

Я закрыла глаза, вспоминая то утро, когда мы все чуть не погибли. И кроваво-серый взгляд ректора императорской академии, в котором плескался океан тоски.

Тогда я прошептала ему всего три слова: «Ты станешь отцом...»

И все изменилось в ту же секунду. Пропать между нами сократилась до этих трех слов. Чтобы совсем скоро исчезнуть совсем. Потому что теперь не нужно было расставаться, давая мне возможность жить своей жизнью, создавать нормальную семью. Потому что теперь у меня уже была семья.

Откуда я узнала? До сих пор плохо представляю. Но когда по моим венам лилась темная магия, я словно чувствовала мир иначе. Смерть была настолько близко, что на какое-то мгновение показалось, что мне доступно абсолютно все.

И тогда я увидела новую жизнь в собственном животе. Как крохотное алое солнце.

— И ты не хотел бы вернуть свою жизнь? — продолжала я тему, которая меня слишком сильно беспокоила.

Дэйн улыбнулся, с силой прижав меня к себе и поцеловав. Да, пожалуй, это было лучше любых слов.

А через мгновение вокруг разлилась Тьма, приглушая краски, скрывая нас от любопытных взглядов детей. Мелькнул первый уровень Сумерек, потом второй, третий, а мы целовались, не замечая ничего.

Я вздрогнула, чувствуя, как длинные аристократические пальцы медленно опускают мягкое декольте платья, очерчивают изучающе кружок на груди, в конце сдавливая твердую вершинку.

Выдохнула со стоном, ощущая, как теплеют мужские ладони. Снова, как и всегда, когда он касался меня. Когда желал...

Странная, невероятная магия.

В какой-то момент я открыла глаза, чтобы увидеть, как растеклась по изумрудной траве поляна мрака одного из низших уровней. На ней росли

серебряные розы, с которых капала искристая роса. Сумеречные цветы. Редкость и диковинка, которую не видела ни одна живая душа во всем мире, так глубоко и далеко они росли.

А через мгновение мы вновь оказались на земле. Только теперь на пустой прежде поляне с малахитовой травой росли те самые светящиеся магией розы.

Я улыбнулась, тихо ахнув. Подняла на Дэйна взгляд, встретившись с серыми глазами, в которых теперь всегда был заметен легкий красноватый оттенок. Где-то в глубине. Он делал серебристые радужки темнее, насыщеннее, окрашивая глаза в цвет заката. И мне уже давно нравилось так даже больше.

Я дотронулась до его груди, что казалась чуть прохладней, чем окружающий воздух. Внутри больше не чувствовалось биения сердца, но свежий, немного пряный аромат мяты, напоминающий о зимней ночи, все так же окружал его. Кожа на ребрах напоминала на ощупь камень, покрытый шелком. Гладкая, но невероятно твердая. И это давно уже не пугало, потому что мой Дэйн менее всего был похож на того, кем являлся.

На мертвеца.

Высшие личи — редкость. Настолько невероятная и опасная, что во все времена их уничтожали почти сразу после появления. Но Дэйн был исключением. Как всегда.

Хотя, конечно, для императорских охотников это ничего не меняло. Для них Дэйн больше не был человеком. Не был даже простым условно безопасным умертвием. Он стал тем, кем пугают непослушных детей. О ком рассказывают на лекциях только старшекурсникам академий.

Но, надо сказать, с того дня, как наш мир изменился, я тоже оказалась вне закона. И не только из-за нарушения запрета на черную магию, за которую полагалась смертная казнь. А из-за того, что теперь эта самая черная магия была и в моей крови. Проклятое наследие матушки воплотилось с новой силой, сделав меня темной жрицей. Теперь колдовство давалось мне гораздо легче. Иногда, стоило пройти мимо кладбища, рядом сами собой восставали давно умершие люди. А иногда кошки или крысы. Но, хвала богам, Дэйн быстро умел исправить ситуацию. Правда, и неподалеку от захоронений я старалась больше не ходить.

Чтобы нам не пришлось скрываться от закона, мы и поселились здесь. Очень далеко от границ Туманной империи. На побережье Дивного моря, в королевстве, где царило совсем другое волшебство и правила красивая молодая женщина — маг ветра.

А еще здесь никто знать не знал о мертвом ректоре какой-то там

академии и его маленькой магиане.

— Мама, мама, Иллинар не отдает мне полосатый камушек! — воскликнула маленькая девочка, выныривая прямо из соседних кустов и падая мне на колени.

Я погладила головку, покрытую бесконечными черными кудряшками. А потом достала из пакетика на траве лакричную конфетку.

— На, съешь и не расстраивайся...

— Ура! — воскликнула девочка, подняв трофей над головой и уносясь обратно в кусты. — Илли, смотри, что у меня есть!

— Сейчас и второй за конфетой прибежит, — проговорил Дэйн, не сводя мягкого взгляда с дочери.

Я молча растянула губы, потому что уже через несколько секунд светлая головка сына тоже лежала у меня на коленях.

А потом, когда дети снова убежали, задумчиво спросила, глядя в зеленую даль, теперь усыпанную сумеречными розами:

— Значит, ты счастлив со мной?

Дэйн улыбнулся той опасной, будоражащей кровь улыбкой, которая всегда заставляла меня немного нервничать.

— За все прожитые годы я чувствовал себя счастливым только рядом с тобой, принцесса. И теперь ничего не изменилось: только рядом с тобой я по-настоящему жив...

Я улыбнулась, положив голову на его широкую грудь, и неожиданно услышала редкий, но такой восхитительный звук.

Удар.

Его нечасто можно было поймать. Иногда я подолгу лежала, прижавшись к Дэйну, лишь бы его ощутить.

И тогда все внутри переворачивалось, загоралось и начинало жить с новой силой. Потому что я знала: на самом деле Дэйн не мертв. И однажды я найду способ вернуть его остановившееся дыхание.

Даже если он думает, что рядом со мной оно ему не очень-то и нужно...

Примечания

Смешиваю воду жизни и горечь смерти. Заклинаю мертвых, заклиная проклятых, заклиная тебя. Именем мрака: пусть отступит тень (*эшгенр.*).

Шайнэру-илу-Дерт — имя древнего бога (*эпигенр.*).

Глаза твои лгут, плоть заражена! (*эпигр.*)

Инферно (эпигр.).

Горите, ибо голодна бездна инферно (*эшгенр.*)

Проклинаю день восхода белой звезды. Проклинаю ночь восхода угольного солнца. Проклинаю черную кровь в своих венах... (*эпигр.*)

... силой древних заклинаю Тьму отступить... (эпигр.)

Черный огонь зажгу именем Савра. Великого дракона чертогов Отца...
(эпигр.)

Мое слово станет камнем... (*эпигр.*)

Черный огонь зажгу именем Савра... (*эпигр.*)

Зажгись! (*эшгенр.*)

Приношу себя (*эшгенр.*)

От рассвета к Тьме изначальной взывает сила... (эпигр.)

...голос бога услышишь и тут же подчинишься... (*эпигенр.*)

...вспыхнет мясо и превратится в жирный пепел... (*эпигенр.*)

...не уцелеют и сильнейшие, древние будут иссушены... (*эпигр.*)

...цену темную заплатят оба... (*эпигенр.*)

Приношу себя... (эпигр.)

Приношу себя... в жертву (*эшгенр.*)